

*225-летию со дня рождения А.С. Пушкина,
185-летию усадьбы Добролюбовых
и 215-летию автора проекта усадьбы Г.И. Кизеветтера
посвящается*

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ЛИРОЙ ПРОБУЖДАЛ...

При поддержке Компании «ЛУКОЙЛ»

*Сборник докладов
Международных научных конференций*

**«УСАДЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ
КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ
И ХРАНИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»**

и

«XLVIII ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

**г. Нижний Новгород
2024**

УДК 08
ББК 94.3
Ч-82

Ч-82 **Чувства добрые я лирой пробуждал...: сборник докладов Международных научных конференций «Усадебные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» и «XLVIII Добролюбовские чтения»/ Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгоцкого В.М. – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2024. – 318 с.
ISBN 978-5-93530-634-2**

Редактор-составитель Г.А. Дмитриевская

В книге публикуются доклады, прочитанные в 2023-2024 гг. на Международных научных конференциях «Усадебные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» и «XLVIII Добролюбовские чтения». В обеих конференциях приняли участие с докладами около 200 человек из Архангельска, Брянска, Владимира, Вологды, Иванова, Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Обнинска, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ярославля; Липецкой, Московской и Нижегородской обл.; а также коллеги из Республики Беларусь (Минск)

Сборник построен на принципах междисциплинарного диалога. Духовно-нравственный контрапункт отечественной культуры, литературы и действительности на протяжении веков показан на примерах неувядающего наследия Пушкина и Добролюбова. Их роль в духовной и культурной жизни России и других стран рассматривается на широком фоне персоналий, идей, концепций, движения истории в философском, историческом, культурологическом аспектах. Жизнь и творчество Добролюбова исследуются как пример преданности высоким нравственным идеалам и служения Отчизне. Поднимаются темы исследования и обсуждения актуальных вопросов деятельности музеев по продвижению духовно-нравственных традиционных ценностей, возрождению интереса к историко-культурному наследию, выявлению созидательной роли и значения усадеб как культурных гнезд для трансляции культурных традиций молодому поколению

Сборник способствует объединению информационно-методических ресурсов и практического опыта, представленных и обобщенных участниками конференции в докладах и статьях, направленных на укрепление традиционных культурных, нравственных, семейных ценностей.

Сборник в целом призван служить пропаганде лучших отечественных духовно-нравственных культурных традиций: патриотизма, гражданственности, служения высоким идеалам, работы на общественное благо, ответственности перед семьей и обществом, а также ценностному обмену, созданию общекультурного пространства. Сборник адресован не только специалистам, но и широкому кругу читателей, в том числе педагогам, студентам, школьникам, – словом, всем, кто интересуется добролюбоведением, вопросами воспитания и образования, педагогией, психологией, социологией, историей, философией, литературой, культурологией, сохранением культурного наследия, музеологией и краеведением.

ISBN 978-5-93530-634-2

© Авторский коллектив, 2024
© Оформление. ИП Гладкова О.В., 2024
© МБУК «Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова», 2024

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**XLVIII ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«”ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ЛИРОЙ ПРОБУЖДАЛ...”.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОНТРАПУНКТ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ,
ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА
ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ.
ВОКРУГ ПУШКИНА И ДОБРОЛЮБОВА»**

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И НАСЛЕДИЕ ДОБРОЛЮБОВА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ В РЕЦЕПЦИИ ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ И ПОТОМКОВ

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.01.09

ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА «УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ, УРОКИ ПАТРИОТИЗМА: НИКОЛАЙ ДОБРОЛЮБОВ – НАСТАВНИК И ПЕДАГОГ»

Дмитриевская Г.А.
Государственный литературно-мемориальный
музей Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru

*Проект реализован при поддержке
Компании «ЛУКОЙЛ»*

Аннотация. В статье рассказывается о форматах проекта МБУК «Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова» «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог» – победителя конкурса социальных и культурных проектов ПАО «ЛУКОЙЛ» в Нижегородской области 2023 года.

Ключевые слова: Добролюбов, патриотизм, служение Отчизне, гражданственность, общественная деятельность, педагог, наставник, отечественные педагогические традиции, традиционные духовно-нравственные и культурные ценности, ценностный обмен между поколениями.

THE PROJECT OF THE STATE LITERARY AND MEMORIAL MUSEUM OF N.A. DOBROLYUBOV “LESSONS OF MORALITY, LESSONS OF PATRIOTISM: NIKOLAY DOBROLYUBOV – MENTOR AND TEACHER”

G.A. Dmitrievskaya
State literary and memorial
Museum of N.A. Dobrolyubov
Nizhny Novgorod
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru

The project was implemented with the support of LUKOIL Companies

Abstract. *The article describes the formats of the project of the State Literary and Memorial Museum of N.A. Dobrolyubov “Lessons of morality, lessons of patriotism: Nikolai Dobrolyubov – mentor and teacher” – the winner of the competition of social and cultural projects of LUKOIL Companies in the Nizhny Novgorod region in 2023.*

Keywords. *Dobrolyubov, patriotism, service to the Motherland, citizenship, social activity, teacher, mentor, domestic pedagogical traditions, traditional spiritual, moral and cultural values, value exchange between generations.*

Проект МБУК «Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова» «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог» – победитель конкурса социальных и культурных проектов ПАО «ЛУКОЙЛ» в Нижегородской области 2023 года.

Проект нацелен на решение проблемы размывания ценностей и изменения ценностной ориентации вследствие прерывания цепочки ценностного обмена между поколениями в передаче традиционных отечественных смыслов. Проблема решается путем продвижения, укрепления и развития ценностного обмена между поколениями, традиционных духовно-нравственных и культурных ценностей, воспитания патриотизма, служения Отчизне, гражданской и личной ответственности, социальной активности, семейных традиций у нижегородской молодежи через участие в культурно-просветительной программе «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог» на основе примера жизни и творчества нашего юного выдающегося земляка как гражданина, патриота, социально активной и творческой личности, преданной высоким целям и идеалам.

Совокупность свидетельств и качеств, передающих особенности становления личности молодого, состоявшегося талантливого человека, практически ровесника участников целевых групп – Николая Добролюбова, создает привлекательный для молодежи образ, предложенный в просветительной программе проекта. Уместно и продуктивно привлечение особого внимания подрастающего поколения к личности Николая Александровича Добролюбова – человека, который к 25 годам стал одним из духовных лидеров и наставников своего времени и был настоящим патриотом. В 18 лет лишившись родителей, он также сумел поставить на ноги семерых младших братьев и сестер. На таком примере величайшей ответственности и трудоспособности есть о чем говорить с нынешним юношеством, обдумывающим житье.

Проект направлен на укрепление и развитие отечественных культурных, нравственных, воспитательных ценностей и традиций, идеалов служения Отчизне и гражданственности, активной жизненной позиции у подрастающего поколения Нижнего Новгорода и Нижегородской области через пример жизни и деятельности Николая Добролюбова как педагога и наставника, гражданина, патриота, социально активной и творческой личности и на ценностный межпоколенческий обмен.

Также цель проекта – на примере Добролюбова показать отечественные педагогические традиции, разноплановость и разновекторность

наставничества, основные качества, которые формируют личность наставника и которые необходимо воспитывать в себе, чтобы стать успешным наставником и лидером – в учебе, в работе, в быту и семье, по отношению к слабым и менее компетентным ровесникам и младшим. Дать представление о том, как участники проекта могут, как и Добролюбов, быть и субъектами и объектами наставничества, и сами уже в настоящее время могут стать акторами наставничества. Привить им чувство уважения и благодарности к наставникам и педагогам и их труду; а также оказать методическую помощь педагогам, опираясь на лучшие отечественные педагогические традиции и статьи, практику и личный опыт Добролюбова в этой сфере.

В итоге реализации проекта создана культурно-просветительная программа «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог». В ее рамках подготовлены подпрограммы «Николай Добролюбов: уроки нравственности, уроки патриотизма», «Николай Добролюбов – наставник и педагог», «Семейное наставничество: отцы и дети», по ним прошли занятия с целевыми группами учащихся из вузов, ссузов и школ города и области. Среди них наиболее активные: Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижегородская академия МВД, Кстовский нефтяной техникум, Нижегородский Губернский колледж, Школа №14. Мероприятия по проекту проводились как в музее, так и выездные, а также в формате социокультурного десанта. Участникам целевых групп показаны истинно человеческие черты Добролюбова: его честность и принципиальность, жертвенность, помощь широкому кругу людей не только словесно, но и материально, наставничество для семьи, коллег и товарищей. Во время посещения экспозиции, на экскурсиях, на выездных мероприятиях для целевых групп транслировались истинные ценности: патриотизм, самореализация для служения Отчизне, преданность нравственным идеалам, образец человека с чистой душой.

Нужно отметить ключевые, масштабные события проекта с насыщенной программой и разнообразными мероприятиями: День памяти Добролюбова 29 ноября 2023 г. и День рождения Добролюбова 5 февраля 2024 г., выездная программа в Кстовский нефтяной техникум «Стезю правды и добра» с участием сотрудников музея, Почетного гражданина Н.Новгорода Т.П. Виноградовой и певицы Светланы Дьяковой; выездной День музея в НГЛУ для студентов НГЛУ и НГК «От поколения к поколению» 14 марта 2024 г. с участием искусствоведа к.п.н. Н.В. Квач и певицы С.Дьяковой, Итоговый круглый стол 22 мая 2024 г.

Во время проведения двух Международных научных конференций «Усадебные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» и «XLVIII Добролюбовские чтения. Духовно-нравственный контрапункт отечественной культуры и литературы на протяжении веков. Вокруг Пушкина и Добролюбова», а также на Итоговом круглом столе прошла презентация проекта, состоялся обмен опытом, выработка общей позиции по воспитанию молодежи, объединение информационно-методических ресурсов и практического опыта по

деятельности по проекту, обсуждены методы и формы работы с целевыми группами по продвижению духовно-нравственных традиционных ценностей посредством проекта. В поддержку проекта проводились концерты, спектакли, выставки, выступления известных людей.

В результате реализации проекта найден способ и инструментарий решения проблемы размывания ценностей и изменения ценностной ориентации у подрастающего поколения нижегородцев путем продвижения, укрепления и развития ценностного обмена между поколениями, традиционных духовно-нравственных и культурных ценностей, воспитания патриотизма, служения Отчизне, гражданской и личной ответственности, социальной активности, семейных традиций у нижегородской молодежи с использованием исторических позитивных примеров их воплощения через участие в культурно-просветительной программе «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог». Важный итог и оценка социального эффекта проекта – произошли изменения в установках участников целевых групп, качественные изменения в понимании гражданского и человеческого долга, активной позиции: позитивный пример жизни Добролюбова дал им задуматься о целях и идеалах, мотивироваться на служение Отчизне, общественную деятельность. Члены целевых групп обрели нравственную поддержку, доступ к культурным благам: мероприятия по проекту, экспозиция, выставки, концерты.

На примере Добролюбова участники целевых групп выявили основные качества, которые формируют личность наставника и которые нужно воспитывать в себе, чтобы, как Добролюбов, быть акторами наставничества уже сейчас. Получили доступ к новой информации о Добролюбове. Учителя получили методическую помощь, мероприятия проекта укрепили авторитет и значение педагога среди целевых групп.

Участники целевых групп из НГК были подготовлены с выступлениями и эссе о Добролюбове в рамках проекта для ряда областных и российских конкурсов и получили призовые места.

Мероприятия проекта востребованы целевой группой и обществом, что подтверждается обратной связью, активностью участников, готовностью стать актором проекта, запросами на новые мероприятия, сопровождением проекта, отзывами участников целевых групп, гостей и VIP-посетителей мероприятий и намерением продолжать участие в проекте в дальнейшем, высокой оценкой культурно-духовной значимости проекта.

В результате реализации проекта представители молодежи Нижегородской области приобщились к миру традиционных гражданских и человеческих ценностей, ценностного обмена, укрепления межпоколенных связей с педагогами и наставниками, им будет что передать и следующим поколениям.

**К ВОПРОСУ О «КОСМОПОЛИТИЧНОМ» ПАТРИОТИЗМЕ
Н.А. ДОБРОЛЮБОВА**

А.Б. Конотоп
г. Москва
E-mail: akonotop@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье содержится попытка критического анализа концепции патриотизма в сочинениях Н.А. Добролюбова. В наиболее целостном виде она изложена в рецензии «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым», первая публикация которой состоялась в журнале «Современник» в 1858 г. Подвергнув обоснованной критике различные формы «искажённого» патриотизма, охарактеризованного им как псевдопатриотизм, Н.А. Добролюбов выдвигает и обосновывает свой ключевой тезис о том, что истинный патриотизм есть лишь частное проявление любви ко всему человечеству. Такой патриотизм формируется в человеке естественным путем в процессе развития его как личности. На первых порах он во многом носит чувственно-эмоциональный характер, но к зрелости становится более рациональным. Отсюда и нарастание в нем, с одной стороны, большей критичности в отношении окружающей действительности, а с другой – стремление своими практическими делами эту действительность изменить.

Ключевые слова. Патриотизм, псевдопатриотизм, страна, народ, отечество, гражданин, космополитизм.

**ON THE QUESTION OF “COSMOPOLITAN” PATRIOTISM
OF N.A. DOBROLUBOV**

Abstract. This article contains an attempt to critically analyze the concept of patriotism in the works of N.A. Dobrolyubov. In its most complete form, it is presented in the review “Russian Civilization, composed by Mr. Zherebtsov”, the first publication of which took place in the *Sovremennik* magazine in 1858. Having subjected to reasonable criticism various forms of “distorted” patriotism, which he characterized as pseudo-patriotism, N.A. Dobrolyubov puts forward and substantiates its key thesis that true patriotism is only a partial manifestation of love for all humanity. Such patriotism is formed in a person naturally in the process of his development as an personality. At first, he is largely of a sensual-emotional nature, but as he matures he becomes more rational. Hence the increase in him, on the one hand, of greater criticality in relation to the surrounding reality, and on the other, the desire to change this reality through his practical actions.

Keywords. Patriotism, pseudo-patriotism, country, people, fatherland, citizen, cosmopolitanism.

А.Б. Конотоп
Moscow
E-mail: akonotop@yandex.ru

*«Патриотизм – это одно из видовых проявлений любви
человека к человечеству»
Н.А. Добролюбов*

В последнее время тема патриотизма в нашей стране приобрела необычайно большое значение. Без упоминания о патриотизме не обходится ни одно политическое ток-шоу на центральном телевидении, ни один выпуск сколь-нибудь значимой газеты. В выступлениях политиков всех уровней тема патриотизма, формирования патриотизма, патриотического воспитания и т.п. становится одной из основных, а президент РФ В.В. Путин прямо заявил, что «у нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [1]. В развитие этой мысли правительство РФ в 2015 г. подготовило «Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», в которой целый раздел посвящен «патриотическому воспитанию и формированию российской идентичности» [2], а с начала 2023/24 учебного года во всех школах страны был введен обязательный для посещения урок «Разговоры о важном», на котором реализуются в практическом ключе положения этой «Стратегии».

Актуальностью данной темы обусловлен повышенный интерес к ней со стороны научного сообщества. Проблема патриотизма стала предметом исследования в работах социологов, историков, культурологов, психологов, политологов, философов, служителей церкви [3-17]. В большинстве из них затрагиваются современные проблемы патриотизма, но некоторые публикации посвящены анализу возникновения и эволюции этого феномена общественной мысли [3,7,10,13,15,17]. Говоря о последних, стоит отметить, что тема патриотизма в творчестве Н.А. Добролюбова затронута лишь в работе О.А. Найды [7], и настоящая статья продолжает данное направление в изучении творческого наследия нижегородского публициста и критика. В ней содержится попытка критического анализа его концепции патриотизма, которая, на мой взгляд, приобретает особую актуальность в современной российской действительности.

Тема патриотизма затрагивается Н.А. Добролюбовым во многих его произведениях, но в целостном виде его понимание данного явления изложено в рецензии «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» [19]. Первая публикация этой статьи со значительными цензурными правками состоялась в журнале «Современник» в 1858 г., а вторая, уже в авторском варианте, – во втором томе собрания сочинений Добролюбова, увидевшего свет вскоре после кончины автора в 1862 г. [20].

Свои размышления над проблемой патриотизма Н.А. Добролюбов совершенно обоснованно начинает с выяснения содержания этого уже довольно «избитого» к его времени понятия, злоупотребление которым приводило к размыванию, а то и к полному искажению его смысла. В качестве исходного посыла Н.А. Добролюбов выдвигает следующее утверждение: «Патриотизм в своем чистом смысле, как одно из видовых проявлений любви человека к человечеству, вполне естествен и законен» [19, с. 260]. В этом очень емком

суждении содержатся несколько важнейших для понимания его концепции положений:

- 1) признание существования истинного патриотизма, патриотизма «в чистом виде»;
- 2) определение истинного патриотизма в качестве варианта более широкого понятия – «любовь ко всему человечеству»;
- 3) признание его естественности;
- 4) признание его законности.

В первом же положении поднимается проблема множественности патриотизмов («разных родов патриотизма»), т.е. достаточно широкого спектра толкований этого явления. Для обозначения особенностей проявления патриотизма Н.А. Добролюбов в своих работах наделяет его следующими эпитетами: «квасной», «барабанный», «узкий», «псевдо», «деятельный», «живой». Так, под «квасным патриотизмом» он вслед за автором этого определения П.А. Вяземским понимает безмерную приверженность всему своему, доморощенному, обскурантизм и неприятие любых заимствований у других народов, даже если бы они шли на пользу отечеству [21, с. 15]. «Барабанным» у Н.А. Добролюбова становится тот вид патриотизма, при котором воспеваются «прелести убийств и пожаров, совершаемых на войне» [22, с. 70], а «узким» – когда он «все человеческие интересы подчиняет землячеству» [23, с. 221], т.е. интересам прежде всего своей этнической общности. Все эти разновидности патриотизма Н.А. Добролюбов считает искаженными его вариантами, для него это «псевдопатриотизм» [19, с. 266], при котором утрачивается сущностная характеристика подлинного патриотизма – проявление любви ко всему человечеству. Напротив, именно при «живом» [18, с. 94], «деятельном» [24, с. 116] патриотизме проявляются лучшие качества личности, чьи устремления направлены на принесение пользы своему отечеству, а через него и всему человечеству в целом.

Немаловажным является и признание Добролюбовым «естественности» патриотизма, выведение его из самой природы человека как существа социального. Именно с возрастными этапами формирования в нем личности Н.А. Добролюбов связывает зарождение и развитие в сознании человека патриотических чувств, взглядов и убеждений. Отсюда проистекает и «законность» истинного патриотизма, т.е. его право на существование. Такой патриотизм не разъединяет людей, не противопоставляет одни народы другим, не сталкивает их друг с другом в борьбе за собственные выгоды; напротив, его цель – достижение общего блага для всего человечества через деятельную заботу о своем народе и отечестве.

В самом процессе формирования патриотизма, который начинается с самых первых лет жизни ребенка, Н.А. Добролюбов выделяет пять самостоятельных этапов.

- 1) На начальном этапе «вместе с первым развитием понятий в ребенке, как только он начинает отличать самого себя от внешних предметов», патриотизм проявляется в виде *бессознательного и темного чувства* [19, с. 260]. В основе такого патриотизма лежит, с одной стороны, «неразумный»

эгоизм, нацеленный только на «удовлетворение личных, исключительно животных потребностей» [19, с. 260], а с другой – «темный инстинкт, подсказывающий, что лучшее-то отыскивается не в одиночестве, ...а в сообществе других» [19, 261]. Но очень скоро пробуждающийся рассудок вытесняет этот «темный инстинкт», и у ребенка начинает формироваться понимание связи его «собственного благосостояния с благосостоянием других», для чего необходимы «симпатические отношения» с окружающими [19, с. 260]. Так постепенно «неразумный» эгоизм уступает место эгоизму «разумному». В ответ на получаемую со стороны близких заботу ребенок дарует им свою любовь, чувство, которое, по словам Н.А. Добролюбова, «находится в натуре каждого человека и которое в дальнейшем своем развитии должно обнять собой все человечество» [19, с. 261]. Именно здесь таится начало общечеловеческой любви, полное проявление которой должно свершиться на последней стадии развития патриотизма. Пока же ребенок должен совершить еще одно важное интеллектуальное действие – любовь в отношении близких ему людей распространить и «на те предметы, те привычки, понятия и т. п., которые принадлежат любимым людям» [19, с. 261]. Именно такой перенос объясняет, почему ранний, «наивный» патриотизм только и возможен в форме «пристрастия к полям, холмам родным, златым играм первых лет и пр.» [19, с. 262].

2) С переходом на следующий уровень развития ребенка эмоциональное восприятие патриотизма постепенно сменяется его рационализацией с включением в него «исторических и гражданственных» *понятий*. Первые, очевидно, должны сформировать в его сознании представления о связи с историческим прошлым своей малой родины, а вторые – со всем обществом и государством. Однако это еще *наивный патриотизм*, отличительной чертой которого является «полная и безграничная преданность *всему своему*» [19, с. 262]. Н.А. Добролюбов подчеркивает, что такое некритическое восприятие окружающей действительности связано с узким кругозором не полностью сформировавшейся личности, которая «не понимает до конца разницы между дурным и хорошим, потому что мало имеет или не имеет вовсе предметов для сравнения» [19, с. 263]. Выходит, такой «слепой», некритичный патриотизм является следствием узкого кругозора, характерного для только формирующейся личности.

3) Третий этап характеризуется нарастанием критического восприятия, которое порождается «усвоением новых понятий». Что же это за понятия? Возможно предположить, что это понятия, связанные с представлением о хорошем и плохом, о правильном и неправильном, о действительном и должном. Возможность оперирования этими категориями проистекает из способности человека сопоставлять явления окружающей его реальности с тем, что происходит в других местах, его взгляд «расширяется с приобретением новых понятий, начинается работа различения хороших и дурных сторон в предмете, прежде казавшемся вполне совершенным» [19, с. 263]. Следовательно, разрушается представление о своем способе существования как исключительно правильном и единственно возможном,

человек «отрешается от безусловного пристрастия и приобретает верный взгляд... на свое родное семейство, на свое село, свой уезд, потом на губернию, на другую, третью губернию, на столицу и т.д.» [19, с. 263]. Происходит, как замечает Н.А. Добролюбов, «отрешение от предрассудков местности и увлечение только тем, что уже составляет общие народные или государственные черты» [19, с. 263].

Таким образом, процесс критического переосмысления развивается по возрастающей, начиная с оценки своего непосредственного окружения и достигая уровня всей страны в целом. Такое восхождение позволяет человеку преодолеть свою местечковую ограниченность и подняться до осознания причастности ко всему народу, родине и государству. Но и на этом, по мнению Н.А. Добролюбова, становление истинного патриотизма не заканчивается, потому что чувства к родине «не имеют еще той разумной ясности, которая дается только изучением дела в связи со всеми однородными явлениями» [19, с. 263].

4) Поэтому на четвертом этапе оценке подлежат уже сама страна и ее народ, что возможно лишь при сопоставлении их с другими социально-политическими общностями. Вот здесь и открывается возможность выхода на самый высокий уровень обобщения – к «идее народа и государства вообще» [19, с. 263], т.е. на уровень чистых абстракций. Для осуществления этого необходимо проводить сопоставление реально существующих народов и государств с их идеальными образами, что позволяет выявлять все несовершенства наличной общественной и политической жизни и намечать пути к их исправлению.

5) Отсюда открывается возможность перехода к высшей степени постижения патриотизма, по достижении которой человек «постигает отвлеченную идею человечества» и начинает воспринимать его как *единое целое*, не разделенное по этническим, политическим и др. основаниям. Такой всеохватывающий взгляд на мир позволяет, по Н.А. Добролюбову, в каждом человеке «видеть прежде всего человека, а не немца, поляка, жида, русского и пр.» [19, с. 263]. Он полагает, что именно на этом этапе развития «в человеке необходимо должно исчезнуть то, что было детского, мечтательного в его патриотизме, что возбуждало только ребяческие фантазии, несообразные с действительностью и здравым смыслом. Все исключительные предилекции, все утопические мечтания о высшем предназначении одной нации к тому-то, другой – к тому-то, все национальные перекоры о взаимных преимуществах – исчезают в мысли человека, правильно и вполне развившегося» [19, с. 263]. Исчезновение «детского» и «мечтательного» должно означать отказ прежде всего от эмоциональной привязанности к своему месту, народу, стране. Однако такое «теоретическое равнодушие и безразличие к землячеству», по словам Н.А. Добролюбова, не только не умаляет патриотических чувств высокообразованного человека, но, напротив, «оно только и может сделать человека настоящим, действительным патриотом» [19, с. 263].

В обоснование этой мысли Н.А. Добролюбов приводит следующие доводы:

1) постепенное расширение человеком своего мирозерцания до уровня общечеловеческих нужд, понимание им общих законов развития истории порождает у него «желание перенести свои теоретические взгляды и убеждения в сферу практической деятельности» [19, с. 264];

2) поскольку эта деятельность не может охватить весь мир целиком, он должен сосредоточиться на «частном, ограниченном круге», в котором смог бы «приложить свои общие убеждения» [19, с. 264].

Вот таким «ограниченным кругом» для него и становится отечество, с которым он больше всего сроднился, больше всего его знает и которому больше всего сочувствует. Причем подобный выбор обусловлен не какими-то особыми преимуществами своего народа перед другими этнокультурными общностями, он не производится «в ущерб любви и уважению к другим народностям», а является простым «следствием ближайшего знакомства с одним, чем с другим» [19, с. 264]. «...Мы более сочувствуем своему отечеству, – пишет Н.А. Добролюбов, – потому что более знаем его нужды, лучше можем судить о его положении, сильнее связаны с ним воспоминания общих интересов и стремлений и, наконец, чувствуем себя более способными быть полезными для него, нежели для другой страны» [19, с. 264]. В этом высказывании отчетливо проявляется утилитарное отношение автора к патриотизму, в основе которого лежит *польза*, приносимая деятельностью человека, а максимальная польза от такой деятельности в силу вышеперечисленных причин может быть принесена именно своему отечеству. «В человеке порядочном, – отмечает Н.А. Добролюбов, – патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, и происходит не от чего другого, как от желания делать добро, сколько возможно больше и сколько возможно лучше» [19, с. 264]. Но далее он замечает, что «никто не может упрекать замечательных деятелей, если они переносят свою деятельность из одной страны в другую, находя, что они могут быть там полезнее, нежели на своей родине» [19, с. 264]. Такой поворот мысли может показаться несколько неожиданным, т.к. он приводит к явному противоречию: если «патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны», т.е. это прежде всего забота о своем отечестве (народе, государстве), то перенесение «замечательными людьми» их деятельности, а значит, и всего их творческого потенциала в другую страну никак не может рассматриваться в качестве патриотического поступка. Напротив, здесь обнаруживается явная отсылка к *космополитизму*, который противостоит патриотизму [24, с. 136]. Каким же образом Н.А. Добролюбов предлагает разрешить это противоречие? Делает он это довольно любопытным способом: он предлагает рассматривать настоящий патриотизм в качестве «частного проявления любви к человечеству». «Живой патриотизм», «деятельный патриотизм», по Н.А. Добролюбову, – это «готовность трудиться для всего человечества» [19, с. 265]. Но опять же, как «все человечество» согласуется с понятием «патриотизм»? И Н.А. Добролюбов объясняет, что живой, деятельный патриотизм «исключает всякую международную вражду», а значит, преодолевает противопоставление «своей-чужой» через обращение к более широкому понятию «все человечество».

Выход на более высокий уровень обобщения вполне оправдан, т.к. именно на этом уровне понятие «человек» раскрывается в своем истинном смысле как обозначение любого представителя рода человеческого. Но у человечества есть только одно общее отечество – это планета Земля. А раз так, то и «патриотизм» следует понимать в максимально широком значении как стремление приносить пользу всему человечеству.

Далее поднимается вопрос о соотношении общего («мирового отечества») и частного («национальных отечеств»). Как уже было сказано, по Н.А. Добролюбову, ограничение деятельности границами своей страны обусловлено главным образом тем, что человек, «готовый трудиться для всего человечества», именно в ней может быть наиболее полезным. А если это так, то при настоящем патриотизме не может быть никаких «хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе», напротив, такой патриотизм противостоит тем, кто стремится «определить грани разъединения между племенами», и «как частное проявление любви к человечеству» он «не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [19, с. 265].

И вновь звучит парадоксальное утверждение о том, что «настоящий патриотизм» является «частным проявлением любви к человечеству». С одной стороны, здесь очевидно явное желание Н.А. Добролюбова противопоставить «настоящий патриотизм» «псевдопатриотизму», характеризуемому им как «квасной», «барабанный», «узкий». Именно такие «псевдопатриоты» и кичатся своим отечеством, проявляя при этом неприязнь ко всем остальным. С другой стороны, происходит соотнесение «настоящего патриотизма» с максимально широким определением «все человечество», в результате чего такой патриотизм оказывается лишь «частным проявлением» любви к этому человечеству. Отсюда следует, что патриотизм, соотнесенный с конкретной страной и ее народом, т.е. «национальный патриотизм», есть не что иное, как *вид* подлинного, всеохватывающего, глобального патриотизма. Выходит, все «частные» (национальные) патриотизмы должны восприниматься, прежде всего, как отдельные составляющие такого всеобъемлющего *общечеловеческого патриотизма*. Именно при таком подходе становится понятным утверждение Н.А. Добролюбова, что «настоящий патриот терпеть не может хвастливых и восторженных восклицаний о своем народе», что он «презрительно смотрит на тех, которые стараются определить грани разъединения между племенами» [19, с. 265]. Отсюда проистекает и его призыв к тому, чтобы удалить из патриотизма все «детское» и «мечтательное», возбуждающее «ребяческие фантазии» и «утопические мечтания о высшем предназначении одной нации к тому-то, другой – к тому-то» [19, с. 263]. В мысли правильно развитого человека, считает Н.А. Добролюбов, исчезают «все национальные перекоры о взаимных преимуществах», «когда уже не существуют вопросы вроде: кичливый лях или верный росс?», «германское или славянские племя будет выше в истории последующих веков?» [19, с. 263]. И как общий вывод из всего хода рассуждений Н.А. Добролюбова следует его утверждение: «Настоящий патриотизм выше всех личных отношений и интересов и находится в теснейшей связи с любовью к человечеству» [19, с. 266].

В противоположность этому все, что ограничивает эту всеохватывающую любовь к человеческому роду и заменяет ее «неразумной любовью к себе и своему», которая «часто граничит с человеконенавидением», есть не что иное, как *псевдопатриотизм* [19, с. 266]. Проявление такого «патриотизма», по словам Н.А. Добролюбова, есть свидетельство неразвитости личности, ее инфантильности, свойственной недорослям. Вот такие «недоросли», «не добившиеся до разумных определений», и пытаются компенсировать свою ущербность, приобщаясь к чему-то важному и значимому, а кичливый, заносчивый патриотизм оказывается самым подходящим средством для этого. «Не умеющие понять своего места в мире», эти недоросли не стремятся своим созидательным трудом приносить пользу всем людям, но, напротив, они «стараятся хоть как-нибудь и куда-нибудь пристроиться, чтобы носить, по возможности, почетное звание и тунеядствовать» [19, с. 266]. Они фактически прикрывают патриотизмом свои корыстные эгоистические интересы. Но такой ущербный «патриотизм» несет и более серьезную угрозу – он соединяется с ненавистью ко всем окружающим народам и «выражается... какою-то бестолковой воинственностью, желанием резать и бить неприятелей во славу своего отечества» [19, с. 266]. Н.А. Добролюбов тонко подмечает, что подобная агрессивность порождается двумя тесно взаимосвязанными между собой причинами: представлением о собственной исключительности, с одной стороны, и сознанием своего бессилия, с другой. Он считает, что первое часто вытекает из второго, и действие этого психологического механизма демонстрируется автором на примере поведения не до конца нравственно и умственно сформировавшихся подростков и старых лакеев. Осознание своей ничтожности и невозможности опереться на собственные силы вызывает у них потребность прикрыться авторитетом других, более значимых (учителей и школ у недорослей, своих господ у лакеев) с тем, «чтобы лучами их славы озарить себя самого» [19, с. 267]. Подобным образом, пишет Н.А. Добролюбов, поступают и псевдопатриоты, «расписывающие свою любовь к милому, славному, великому отечеству» [19, с. 267]. Но эти люди, которых автор характеризует как «нравственных недорослей», «рабски ленивых и рабски подлых натур», для того, чтобы наполнить собственную пустоту, «делаются паразитами какого-нибудь громкого имени», и часто таким именем бывает «отечество, родина, народность» [19, с. 268]. Они готовы без умолку произносить «цветистые фразы» и прибегать к «риторическим изображениям», но как доходит до дела, то от возвещаемого на словах патриотизма у них не остается и следа. Вот такие-то псевдопатриоты, по словам Н.А. Добролюбова, и «готовы эксплуатировать, сколько возможно, своего соотечественника, не меньше, если еще не больше, чем иностранца; готовы так же легко обмануть его, погубить ради своих личных видов, готовы сделать всякую гадость, вредную обществу, вредную, пожалуй, целой стране, но выгодную для них лично... Если им достанется возможность показать свою власть хоть на маленьком клочке земли в своем отечестве, они на этом клочке будут распоряжаться, как в завоеванной земле... А о славе и величии отечества все-

таки будут кричать...» [19, с. 268]. В этом емком и очень точном определении Н.А. Добролюбова выражена вся суть искаженного понимания патриотизма.

Описав все этапы формирования истинного патриотизма, Н.А. Добролюбов задается вопросом об условиях, необходимых для его реализации в практических делах. Он считает, что основной предпосылкой этого являются *сознательность* и *внутренняя потребность* человека «приносить пользу обществу и участвовать в его предприятиях» [19, с. 265], т.е. возможность проявлять свою гражданскую активность. Из этого следует, что истинным патриотом может стать только *гражданин*, т.е. человек, способный подняться над своими частными повседневными заботами и осознать важность и целесообразность участия в общем деле. Слабое развитие патриотизма в России, по мнению Н.А. Добролюбова, связано именно с тем, что «деятельность массы отдельных лиц у нас почти совершенно разъединена с общим течением дел и, следовательно, круг интересов каждого необходимо мельчает» [19, с. 265]. Оторванность человека от публичной жизни, от участия в решении общественно значимых задач приводит к социальной апатии, к осознанию своей незначительности и, как следствие, к погружению исключительно в свои мелкие личные интересы. В этом отношении очень показателен пример с извозчиком, приводимый Н.А. Добролюбовым: «Скажите вашему извозчику, что мы завоевали Амур: он сначала даже и не поймет вас. Растолкуйте ему, какое значение имеет это для страны: он согласится с вами, но все-таки ваш рассказ не произведет на него сильного впечатления. Что ему, в самом деле, за надобность до Амура? Какое отношение к нему может иметь приамурский край? Его гораздо более занимает соображение о том, прибавите ли вы ему, сделавши конец, пятак серебра или заплатите по таксе...» [19, с. 265].

Напротив, в качестве примера стран, в которых созданы благоприятные условия для развития патриотических качеств, Н.А. Добролюбов приводит Англию и США. Главное отличительное преимущество Англии, по его мнению, состоит в том, что там «каждый принимает участие в общественных интересах, понимая связь их со своими собственными» [19, с. 265]. Именно по причине осознания англичанами неразрывной связи между интересами всего социума и интересами отдельного человека все «приобретения и неудачи принимаются массою с таким участием, как будто дело идет о личных интересах каждого» [19, с. 265]. В целом позиция Н.А. Добролюбова сводится к тому, что общественные интересы («*интересы всего вообще*») суть не что иное, как совокупность интересов отдельных лиц («*интересов каждого из всех*»), а значит, и охранение их возможно лишь посредством защиты интересов отдельного человека. Н.А. Добролюбов прямо заявляет, что «фраза о славе нации, о величии государства не увлекает там людей, если она не согласна с действительными их интересами» [19, с. 265].

Из сказанного следует, что важнейшим условием стремления к общему благу должно стать четкое понимание каждым гражданином того, как это благо (будь то благо государства или общества) способно повлиять на его собственное благополучие, и что не может быть никакого «величия» у государства, политика которого никак не согласуется с интересами его

граждан. С другой стороны, понимание каждым индивидом значимости общего блага для достижения его собственных целей становится естественным ограничителем его эгоистичных устремлений. Так, пишет Н.А. Добролюбов, движимый чувством патриотизма «англичанин или американец, не крича о том, что его... служебная деятельность необходима для поддержания государства и для блага народа, никогда не продаст своего служебного долга ради личной выгоды» [19, с. 266]. А пример США, в которых «высшие сановники живут почти в бедности, не смея и подумать истратить для себя хотя один грош из огромных общественных сумм, находящихся у них в руках, и где даже *белый домик* президента ничем не отличается от жилища гражданина среднего состояния», его восхищает до такой степени, что, приведя этот пример, он восклицает: «Вот это патриотизм!» [19, с. 266].

Литература:

1. <https://ria.ru/20160203/1369184806.html?ysclid=lsnae0wzts784502465> (дата обращения 15.02.2024).
2. <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf> (дата обращения 15.02.2024).
3. Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // *Мировоззрение и самосознание русского общества (XI–XX вв.)*. М., 1994. С. 16–27.
4. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // *Социологический журнал*. 1999. 1/2. С. 28–60.
5. Сандомирская И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001. 303 с.
6. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных политических реалий // *Социологические исследования*. 2006. № 8. С. 67–76.
7. Найда О.А. Российский патриотизм. Прошлое и настоящее. Волгоград, 2012. 238 с.
8. Патриотизм как фактор эффективного развития российской государственности / Под ред. И.В. Бочарникова. М., 2015. 367 с.
9. Журавлёв А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
10. Магарил С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 142–151.
11. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 67–74.
12. Осянин А.Н., Рюмин А.М. Современные факторы формирования патриотического сознания: опыт анализа российских СМИ // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2017. № 3 (47). С. 94–103.
13. Палов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // *Философская антропология*. 2018. Т. 4. № 1. С. 175–191.
14. Мохов В.П. Патриотизм и политика памяти в условиях глобализации // *Технологос*. 2019. № 3. С. 115–128.
15. Прот. Кордочкин А. Кесарю кесарево? Должен ли христианин быть патриотом? М., 2019. 197 с.
16. Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М., 2021. 232 с.
17. Аксёнов В.Б. Война патриотизмов. Пропаганда и массовые настроения в России периода крушения империи. М., 2023. 488 с.
18. О русском историческом романе // Добролюбов Н.А. *Собрание сочинений в 9-ми тт.* Т. 1. М.-Л., 1962.

19. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 3. М.-Л., 1962.
20. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым (примечания) // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 3. М.-Л., 1962.
21. Тёмное царство (на сочинения А. Островского) // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 5. М.-Л., 1962.
22. А.В. Суворов. Сочинение В. Новаковского. Чтение для юношества. СПб., 1858; Чтение для юношества. А.В. Кольцов, его жизнь и сочинения. Издание книгопродавца И.А. Глазунова. М., 1859 // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 5. М.-Л., 1962.
23. Черты для характеристики русского простонародья (рассказы из народного русского быта Марка Вовчка в переводе И.С. Тургенева) // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 6. М.-Л., 1962.
24. Когда же придет настоящий день (по поводу повести И.С. Тургенева «Накануне») // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в 9-ми тт. Т. 6. М.-Л., 1962.
25. Вдовин А.В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М., 2017. 298 с.

УДК 82

ГРНТИ 17.07.29

ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТЕЙ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА ЗА РУБЕЖОМ

Моторная Л.И.

Государственный литературно-мемориальный
музей Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: monornaya.Li@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением уже рассматриваемой ранее темы переводов философских, критических, публицистических и иных статей Николая Александровича Добролюбова на иностранные языки. Сегодня большой интерес представляет история распространения и влияния русской литературы на литературу и жизнь Китая, где, по признанию ряда исследователей, русская классическая литература с начала XX века являлась нравственным примером и активным участником общественной жизни.

Ключевые слова. Литература, Китай, писатели, общество, перевод, народ, исследование, произведения.

TRANSLATIONS AND RESEARCH OF N.A. DOBROLYUBOV'S WORK ABROAD

L.I. Motornaya
State Literary and Memorial
Museum of N.A. Dobrolyubov
Nizhny Novgorod
E-mail: monornaya.Li@yandex.ru

Abstract. *The article is a continuation of the previously discussed topic of translations of philosophical, critical, journalistic and other articles of Nikolai Aleksandrovich Dobrolyubov into foreign languages. Today, the history of the spread and influence of Russian literature on the literature and life of China is of great interest, where, according to a number of researchers, Russian classical literature has been a moral example and an active participant in public life since the beginning of the 20th century.*

Keywords. *Literature, China, writers, society, translation, people, research, works.*

Изучая историю русской литературы XIX века, нельзя обойти вниманием историю распространения и исследования за рубежом творчества литературного критика, публициста, философа, педагога и переводчика Н.А. Добролюбова. Интерес представляет все: кто переводил сочинения Добролюбова, где и на какой язык, количество состоявшихся изданий. Но особенно интересно, почему тот или иной исследователь или переводчик обратился к творчеству Н.А. Добролюбова.

О некоторых исследователях мы можем говорить сегодня, так как ежегодно музей принимает желанных гостей – участников научной конференции «Добролюбовские чтения» из дальнего и ближнего зарубежья. Среди них Петросян Д.В. (Армения) – заведующий кафедрой теории и истории журналистики Ереванского госуниверситета, доктор филологических наук, профессор, автор работы «Творческое наследие Н.А. Добролюбова в оценке армянской демократической интеллигенции (1860-1870-ые годы)» (2010 г.).

Том Роллингс, к.ф.н. (Великобритания, Сент-Эндрюсский университет) – шотландский исследователь творчества Добролюбова и Чернышевского, познакомивший участников конференции с работой «Перспективы и ресурсы популяризации наследия Чернышевского и Добролюбова» (2017 г.).

Соня Бранко (Бразилия) (Branco Sonia), кандидат наук, доцент Федерального Университета Рио-де-Жанейро (UFRJ) (Бразилия, г. Рио-де-Жанейро) – переводчик и исследователь русской литературы; автор работы «Проблемы восприятия Добролюбова и Чернышевского в Бразилии» и др. В 2019 году, участвуя в «Чтениях» в очередной раз, Соня Бранко передала в музей сборник статей русских критиков добролюбовского времени, в том числе и статей Н.А. Добролюбова, в переводе на португальский язык. Продолжая, можно назвать и многих других зарубежных исследователей.

Основные философские, литературно-критические и педагогические работы Н.А. Добролюбова, по сведениям Российской книжной палаты, были изданы почти на двадцати иностранных языках. Отдельные издания хранятся в фондах Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова.

В 2013 г. при содействии Японского Центра в Н.Новгороде в фонды музея поступило 18 томов полного собрания сочинений Н.А. Добролюбова на японском языке в переводе Якоты Сабуро, профессора Муниципального

университета г. Осако. Полное собрание сочинений было издано в 2006 г., что свидетельствует об интересе японских читателей и исследователей к наследию русского критика в наше время. Рождению этого интереса способствовало творчество японского писателя, знатока русской литературы Футабатея Симея – первого в Японии переводчика статей Н.А. Добролюбова. «Идеалом для меня ...было слово “честность”, – писал Футабатея Симей. – Я хотел жить не испытывая стыда ни перед богом, ни перед людьми. Эта концепция честности была воспитана во мне русской литературой» [5, с. 15].

С этим признанием перекликается утверждение израильского ученого, профессора университета Тель-Авива Марка Гамзы, изучавшего процессы и значение переводов русской классической литературы в Китае. Он считал, что русская классическая литература в Китае являлась нравственным примером и практическим руководством.

Современные исследования распространения и влияния русской литературы на литературу и жизнь Китая показывают, что русская литература в Китае давно стала предметом научного интереса [4, с. 52-55]. К этому вопросу обращался и русский ученый В.Третьяков, но более обстоятельно он рассматривался китайскими исследователями, такими как Лу Синь, Чжэн Тиву и др.

По свидетельству известного китайского ученого-русиста Лю Вэньфэя, русская литература в Китае имеет более чем вековую историю. Уже за первые 60 лет XX в. русская литература значительно повлияла на китайских читателей, в том числе и на китайских писателей.

По исследованию В.Третьякова, если не считать переложений на китайский язык трех басен Крылова в 1900 г., первым произведением русской литературы, переведенным в Китае в 1903 г., стала повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». По статистике, после 1907 г. количество произведений русской литературы в Китае увеличилось, большинство из них – переводы произведений Л.Н. Толстого. Более 30 книг писателя вышло в свет на китайском языке. Помимо того, тогда в Китае появились и произведения М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.М. Горького, А.И. Куприна, Ф.К. Сологуба и др. Первыми переводчиками русской литературы были основоположники современной китайской литературы.

Писатель Лу Синь был первопроходцем перевода и изучения русской литературы. Именно Лу Синь представил китайскому читателю А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя. Оценки Лу Синя трем писателям явили собой высочайший уровень исследования русской литературы в Китае того времени. Увидев уникальные эстетические ценности русской литературы, он высоко ее оценил, но не только – он был и первым ее распространителем в Китае.

Лу Синь, или Чжоу Шурэн (Шужень) (25 сентября 1881 – 19 октября 1936), был ведущей фигурой современной китайской литературы. Он был писателем, автором коротких рассказов, эссеистом, поэтом, литературным критиком, лектором, редактором, переводчиком, а также дизайнером и государственным служащим. Многоплановость деятельности его вполне

сопоставима с разнообразием интересов Н.А. Добролюбова. Лу Синь писал на народном китайском и классическом китайском языке.

«Лу Синь родился в Шаосине, провинция Чжэцзян. Как было принято в досоветском Китае, у Лу Синя было много имен. Его имя при рождении было “Чжоу Чжаншоу”. Его вежливое имя было “Юшань”, но позже он изменил его на “Юкай”. В 1898 году, при поступлении в военно-морскую академию, он взял имя “Сюрэнъ”, что в переносном смысле означает “быть образованным человеком”. Имя, под которым он наиболее известен во всем мире, “Лу Синь”, было литературным псевдонимом, который он выбрал, когда рассказ “Дневник сумасшедшего” был впервые опубликован в 1918 году» [3].

Конечно, кроме Лу Синя, в самом начале XX в. русской классике дали высокие оценки и многие другие китайские интеллигенты. В течение более полувека русская литература в Китае получила широкое распространение и признание со стороны китайских читателей. Роль её в китайском литературном процессе уникальна. Только за 10 лет (1917-1927 гг.) среди переводной литературы число произведений русской литературы достигло 93 книг, что составило треть от общего количества зарубежной литературы и занимало первое место. С тех пор переводная литература, особенно русская переводная литература, стала активным участником культурной жизни в Китае.

Переводческий бум начала 1920-х гг. был связан с так называемым «Движением 4 мая» (1919), которое объявило о начале «новой культуры», частью идеологии которого было чтение зарубежной литературы.

Тогда в Китае наиболее ценились «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, Гоголевские «Мертвые души», «Ревизор», «Петербургские повести», «Басни» И.А. Крылова, «Обыкновенная история» И.А. Гончарова, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Русские женщины» Н.А. Некрасова и др. Кроме того, переиздавались рассказы А.П. Чехова, повести И.С. Тургенева, романы Ф.М. Достоевского. Даже сегодня в китайских библиотеках эти книги востребованы множеством читателей.

Как сообщал в интервью 1981 г. известный китайский писатель и переводчик Ба Цзинь (в конце жизни возглавлявший Союз китайских писателей), именно Толстой и Тургенев первыми научили его «тому, как быть хорошим, нравственным человеком, быть честным в жизни и говорить правду читателям» [1, с. 57].

В 1950-1960 г. в Китае приобрели известность и русские классические литературоведческие работы В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. Поочередно были изданы «Избранные сочинения В.Г. Белинского», «Н.Г. Чернышевский о литературе», «Жизнь и эстетика», «Сборник статей по эстетике», «Избранные сочинения Н.А. Добролюбова» и др.

Рассуждая о переводах и переводчиках русской литературы на китайский язык и опираясь на книгу Марка Гамы «Перевод русской литературы на китайский язык: Три исследования» (2008)», Владимир Третьяков писал, что в Китае хорошо известны русские критики XIX в.: Белинский, Чернышевский и Добролюбов, – от которых китайцы узнали, что литература, во-первых,

отражает жизнь как таковую; во-вторых, правдиво изображает жизнь; в-третьих, служит жизни, оправдывая тем самым свое существование. Белинский, Чернышевский и Добролюбов столь часто цитировались и упоминались вместе, что для них даже использовали специальную аббревиатуру: «Бечеду». В целом в Китае в первые 60 лет XX столетия русская литература имела более значительное влияние, чем какая-либо другая. Недаром Лу Синь говорил, что русская литература является научным руководителем и другом для китайского народа. То же утверждал и китайский литературовед Цянь Гужун: «Влияние русской литературы на меня заключается не только в литературе, но и в разных областях жизни, она не в моем мозгу, а в крови».

Одно из последних обращений зарубежных переводчиков к русской литературе – в 2015 г. в работе Ван Цзунху «О переводах и распространении русской литературы в Китае за последние 30 лет (с 80-х годов XX века)» [2, с. 66-69].

Литература:

1. Журнал «Новое литературное обозрение». № 110. – Издательский дом «Новое литературное обозрение», 2011, с. 57.
2. Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» № 2 (20) – Пекин, 2015, с. 66-69.
3. Цоктоева Т. Фуабатей – переводчик русской литературы. Байкал. 1983. № 1, с.115.
4. Ян Янь. Русская литература в Китае середины XX столетия в оценке китайских исследователей. – Ж. Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (65), в 3-х ч., Ч. 2, с. 52-55. – Тамбов: Грамота, 2016.
5. Там же.

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.01.09

Н.А. ДОБРОЛЮБОВ – ЛИДЕР И НАСТАВНИК

Дмитриевская Г.А.
Государственный литературно-мемориальный
музей Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru

***Аннотация.** На примере Добролюбова показаны лучшие отечественные педагогические традиции, разноплановость и разновекторность наставничества; основные качества, которые формируют личность наставника и которые молодежи необходимо воспитывать в себе, чтобы стать успешным наставником и лидером – в учебе, в работе, в быту и семье, по отношению к слабым и менее компетентным ровесникам и младшим. Также сделана попытка дать представление о том, как молодые люди могут, как и Добролюбов, быть и субъектами, и объектами наставничества, а также стать акторами наставничества, в чем им, в свою очередь, могут помочь старшие – педагоги и наставники.*

Ключевые слова. Н.А. Добролюбов, наставник, наставничество как традиция, качества наставника и лидера, отечественные педагогические традиции.

N.A. DOBROLYUBOV – LEADER AND MENTOR

G.A. Dmitrievskaya
State literary and memorial
Museum of N.A. Dobrolyubov
Nizhny Novgorod
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru

Abstract. Dobrolyubov's example shows the best domestic pedagogical traditions, the diversity of mentoring; the main qualities that form the personality of a mentor and that young people need to cultivate in themselves in order to become a successful mentor and leader – in studies, at work, at home and in the family, in relation to weak and less competent peers and younger ones. An attempt is also made to give an idea of how young people, like Dobrolyubov, can be both subjects and objects of mentoring, as well as become actors of mentoring, which, in turn, can be helped by older teachers and mentors.

Keywords. N.A. Dobrolyubov, mentor, mentoring as a tradition, qualities of mentor and leader, domestic pedagogical traditions.

«Вся наша надежда на будущие поколения», – писал Николай Александрович Добролюбов.

Наставничество сегодня нами воспринимается очень широко: в государственной жизни, в профессии, семье, в дружбе и повседневности как многовековая культурная и духовная традиция. И о Николае Александровиче Добролюбове сегодня мы говорим не только как о литературном критике, публицисте, журналисте, общественном деятеле, поэте, педагоге, философе, но и как о наставнике.

Классическое понимание наставничества – это отношения, в которых опытный или более сведущий человек помогает менее опытному или менее сведущему усвоить определенные компетенции. Опыт и знания наставника, относительно которых строятся отношения наставничества, могут касаться как особой профессиональной тематики, так и широкого круга вопросов личностного роста, ведь наставничество – это не только передача знаний и опыта, но и эффективный инструмент развития личности и общества, оно проявляется в воспитании и образовании, культурной деятельности, развитии гражданской активности. Через наставничество передаются такие человеческие идеалы, как бескорыстное служение общественному благу во имя торжества правды, справедливости и добродетели, забота не только о собственном благополучии, но и благосостоянии своего Отечества и каждого человека, живущего на родной земле. Именно в этом смысле мы прежде всего можем говорить о Добролюбове как о наставнике.

«Материала, заготовленного Добролюбовым, станет на много лет, и не одно поколение признает его своим учителем и наставником», писал П.А. Бибиков в работе «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова».

Из письма М.М. Дондуковой-Корсаковой к Н.А. Добролюбову: «В вашей судьбе кроется будущее направление многих людей, которые подчинятся вашему влиянию».

В 2023 г. на Рождественских Чтениях епископ Зеленоградский Савва отметил: «Даже в каких-то базовых технологиях наставничество необходимо. В Средние века на этом была построена система передачи знаний и умений во всех профессиях. Но ещё важнее наставничество в смыслах. Если мы в системе грантовых конкурсов будем передавать только технологии, показывать, как делать, например, проекты, то остановимся на том, что возникнет вопрос: как мы будем жить? Может быть, жить будем хорошо, но у нас не будет понимания, зачем. Ответ на вопрос "зачем мы будем жить?" передаётся через смыслы. А это неизбежно происходит только через наставничество, понимаемое как передачу именно смыслов, идей, идеалов».

Наставничество – уникальная технология неформальной передачи жизненного, человеческого опыта и знаний, социального капитала и психологической поддержки в неформальном общении.

Но как быть в случае с Добролюбовым, человеком, который прожил всего 25 лет, – это возраст, когда многие нуждаются сами в наставничестве? Думается, причина в том, что Добролюбов становится наставником для окружающих, причем зачастую для лиц старше его самого, является присущая ему гиперответственность, которая была свойственна Добролюбову с раннего детства, и особенно весомо проявилась начиная с 18 лет, когда силою обстоятельств Николай Александрович становится главой семьи из осиротевших семи братьев и сестер. О гиперответственности Добролюбова говорят воспоминания его двоюродного брата Михаила. Михаил Иванович Благообразов (1831–1862) – двоюродный брат Добролюбова. Забота об оставшихся сиротами двух братьях и пяти сестрах рано сделала Добролюбова взрослым. Так что такое наставник и Добролюбов как наставник?

НАСТАВНИК – АВТОРИТЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Когда через два года я кончил курс, в наших товарищеских, преимущественно семинарских квартирах, создавшаяся о нем легенда окружила его особым ореолом», – вспоминал соученик Добролюбова по Главному педагогическому институту Н.Н. Златовратский

«Его живой образ промелькнул передо мной поистине “как мимолетное виденье, как гений чистой красоты”. В то время я даже не мог и предчувствовать, что не пройдет и трех лет, как его духовный облик навсегда запечатлется в моей душе, как одно из дорогих воспоминаний моей юности», – писал в воспоминаниях о Добролюбове Н.Н. Златовратский

Кстати, Златовратский (ум. в 1863 г.) никогда не был в числе близких друзей Добролюбова: едва ли он являлся участником добролюбовского кружка

в Главном педагогическом институте. Тем не менее влияние Добролюбова оказалось настолько значительным, что определило мировоззрение Златовратского на всю жизнь.

В середине 1857 г. он писал Добролюбову: «...я тогда только был хорош и буду таким, когда был связан товариществом с тобой и твоей шайкой и когда не прервется эта связь и по выходе из института».

НАСТАВНИК НАСТРОЕН ПОЗИТИВНО И ОБЛАДАЕТ БОЛЬШИМ ВНУТРЕННИМ РЕСУРСОМ

Эти качества Добролюбова признавали члены его окружения – от семинарских и институтских товарищей до соратников и литераторов «Современника», и не только «Современника». Приведем в качестве примера целый ряд их высказываний. «Но что особенно возвышало его над обыкновенными выдающимися людьми, – это страшная сила, непреклонная энергия и неудержимая страсть его убеждений... Готов он был даже жизнь свою положить за их осуществление» (М.А. Антонович). «...Добролюбов поражал своей сосредоточенной, замкнутой силой, объективным спокойствием... Но за этим спокойным, неподвижным взглядом скрывалась затаенно-страстная, сильная и цельная натура, а внешняя спокойная бесстрастность и служила именно признаком громадной внутренней силы» (Н.В. Шелгунов).

Добролюбов как наставник среди своих товарищей проявил себя во время учебы и в Нижегородской духовной семинарии, и особенно в Главном педагогическом институте: «...эта, такая молодая, необычайно даровитая сила, едва только успевшая размахнуть свои могучие духовные крылья, была уже отмечена неумолимой судьбой...» (Н.Н. Златовратский).

Из воспоминаний товарищей Добролюбова по Главному педагогическому институту явствует, что ими всеми достаточно быстро были осознаны те особенности личности Добролюбова, которые сделали его центром дружеского кружка: чувство собственного достоинства, готовность прийти на помощь товарищам, доброта и безупречная порядочность. Отмечается мемуаристами цельность натуры Добролюбова, позволившая ему рано определить свой путь.

НАСТАВНИК – ЭТО ЛИДЕР

Добролюбов не только вынес трудную жизнь в Главном педагогическом институте, но и смог противостоять ей. Кружок объединился вокруг него, потому что в студенческой среде Николай проявил себя ярким лидером, товарищи почувствовали силу его характера, испытали силу его логики, убедились в его честности, отзывчивости, в том, сколь обширны его познания. В этот кружок входило человек десять-пятнадцать: Бордюгов, Шемановский, Сциборский, Михайловский, Щеглов, Радонежский, Турчанинов, Паржницкий, Сидоров, Янковский, Львов – первые четверо поддерживали связи с Добролюбовым и по окончании института.

Поразили их прежде всего сила горячего убеждения и ранняя самостоятельность молодого человека, столь присущие ему действенность, единство слова и дела.

Кстати, «если не все любили Добролюбова, – говорит, между прочим, А.А. Радонежский в своих воспоминаниях, – не все соглашались с ним, но положительно говорю, – все его уважали. Смело можно сказать: все мы, его товарищи, обязаны многим и многим Н. А-чу как студенту, откликавшемуся на все, за всем современным следившему».

ИМЕННО НАСТАВНИК ПОМОГАЕТ ОТДЕЛИТЬ ГЛАВНОЕ ОТ ВТОРОСТЕПЕННОГО

А вот как высказывался другой однокашник, А.А. Радонежский: «Немалую долю в вынесенных из студенческой жизни добрых началах товарищи Николая Александровича заняли из его прекрасной, даровитой, любимой нами всеми до страсти благородной души». Александр Анемподистович Радонежский (1834–1911) подружился с Добролюбовым после поступления в Главный педагогический институт; с 1854 г. входил в добролюбовский кружок и был вовлечен в общий водоворот институтской жизни. Именно Радонежскому потомки обязаны сохранением нескольких номеров подпольной рукописной институтской газеты «Слухи».

Друг Добролюбова М.И. Шемановский рассказывал: «В деле общем он никогда не задумывался насчет выбора дороги, а шел прямо, открыто, честно. Выжидать удобной минуты, действовать медленно и осторожно не было в его характере». Дружба с Добролюбовым способствовала развитию Шемановского, определила его жизненные взгляды. Это видно из воспоминаний Шемановского.

НАСТАВНИК – ЭТО ТОТ, КТО ЗАБОТИТСЯ ОБ УСПЕХЕ БЛИЖНЕГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ О СЕБЕ, ЗАЧАСТУЮ ДАЖЕ В УЩЕРБ СЕБЕ

«Как только являлся какой-нибудь случай, где требовалась материальная помощь, – все неимущие обращались к нему, после чего он сам делался таким же неимущим. Не было случая, чтобы он когда-либо отказал в чем-либо товарищу», писал Б.И. Сциборский. Борис Иванович Сциборский (1833? –1896) – один из ближайших друзей Добролюбова по Главному педагогическому институту. Дружба со Сциборским началась сразу же по поступлении Добролюбова в институт, то есть в 1853 г.

В воспоминаниях Сциборского ярко и точно охарактеризована атмосфера студенческого кружка 1853–1857 гг., во главе которого стоял Добролюбов.

М.И. Шемановский: «Мысль об опасностях, о возможности испортить свою карьеру не приходила, кажется, ему и в голову, когда он был еще студентом. Здесь он опасался больше за других, чем за себя, и в этих опасениях было что-то дружеское, родственное, братское».

Михаил Иванович Шемановский (1836–1865) – студент математического факультета Главного педагогического института, один из самых близких друзей Добролюбова. Ему читались секретнейшие стихи на политические темы, он знал о памфлетах, обличающих директора института И.И. Давыдова. Именно Шемановскому мы обязаны тем, что знаем статью Добролюбова «Партизан И.И. Давыдов во время Крымской войны», напечатанную в «Колоколе».

По окончании института Шемановский был назначен старшим учителем в Ковенскую гимназию (в марте 1859 г. ему удалось перевестись в Вятку), и друзья расстались. Он никак не может свыкнуться с гнетущей обстановкой провинциальной жизни, его письма к Добролюбову – крик отчаяния гибнущего человека. Шемановский обращается к Добролюбову за поддержкой, помощью и советом.

Добролюбов откликнулся на призыв друга и в ряде писем постарался оказать ему поддержку, сохранить в нем бодрость, стремление к честной деятельности. Он устраивает работы Шемановского в «Журнал для воспитания»: статьи «Об улучшении материального быта наших учителей в провинциальных училищах» (1858, № 11) и «Способ математика Кунце для решения неопределенных уравнений 1-й степени» (1859, № 9), в «Современник» (рецензия на книгу П.А. Ефремова «Наглядное изложение предварительных понятий о геометрии», 1860, № 4), зовет его перебраться в Петербург.

НАСТАВНИК ПОМОГАЕТ СОВЕРШИТЬ КАЧЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕХОД НА ИНОЙ УРОВЕНЬ ЗНАНИЙ, МЫШЛЕНИЯ, СОЗНАНИЯ

Еще один друг, на судьбу которого оказал влияние Добролюбов – Митрофан Ефимович Лебедев – один из ближайших друзей Добролюбова по Нижегородской семинарии.

Лебедев выделялся из общей массы семинаристов: он писал стихи, рисовал, занимался скульптурой, увлекался физикой, механикой и естествознанием. В первом и единственном номере семинарского рукописного журнала «Ахиenea» Добролюбов поместил обширную разносную рецензию на стихи Лебедева, написанные в духе Бенедиктова. «На Лебедеве сделал я первую пробу моего критического таланта», – писал впоследствии Добролюбов. В 1854 г., окончив семинарию, Лебедев стал преподавать в Нижегородском духовном училище. Тогда же Добролюбов характеризовал его: «...славный малый, но – семинарист и ужасный фантазер».

В 1856 г. Лебедев сделал изобретение, связанное с ускорением скорострельности ружей и предложил его военному ведомству. Он был вызван в Петербург и определен на службу секретарем правления Сестрорецкого оружейного завода.

И в Петербурге Лебедев поддерживал дружеские отношения с Добролюбовым. С большим удовольствием Добролюбов рекомендовал

почитать любимого им поэта Гейне не только друзьям по институту, но и, в частности, Митрофану Лебедеву.

В 1857 г. Добролюбов в своем дневнике отметил перемену, происшедшую в Лебедеве: «Митрофан мой не то, что был прежде. Два года тому назад читал я ему стихи „Русскому царю“ (П.Л. □Лаврова.), и он ужасался, теперь он готов и даже стремится читать все, что только может указать ему истину, и просил меня руководить его чтениями». Добролюбов давал ему читать «Полярную звезду» и «Тюрьму и ссылку» Герцена, стихи Гейне и ряд других книг.

Во время предсмертной болезни Добролюбова Лебедев ухаживал за ним, как свидетельствует Чернышевский, «с неутомимою заботливостью самого любящего родного брата».

НАСТАВНИК НЕ НАВЯЗЫВАЕТ СВОЕ МНЕНИЕ, А РАБОТАЕТ В ДИАЛОГЕ

Добролюбову многие приносили на отзыв свои сочинения, как в свое время Добролюбов принес их Чернышевскому. Казалось бы, литературный критик, прославившийся своей суровостью, должен был отпугивать молодых авторов своей репутацией, особенно при личном общении. Однако это предположение опровергают воспоминания соприкасавшихся с Добролюбовым при обсуждении их первых литературных опытов. Так, оказавшийся в такой ситуации Н.Н. Мазуренко отмечал тактичность и деликатность Добролюбова как литературного наставника: «Тихим голосом, не спеша, лаская взором, говорил Добролюбов и, не подбирая, объяснялся в выражениях, не уязвляющих авторского самолюбия.

– Прочел я вашу драму».

Вразрез со сложившимися стереотипами восприятия образа Добролюбова идут и воспоминания Н.Новицкого: «Самый искренний демократ по убеждениям и нравам, человек этот по душе и сердцу был аристократом, но не в вульгарном, а в настоящем значении этого слова...».

НАСТАВНИК ЗАБОТИТСЯ О РОСТЕ И РАЗВИТИИ, ПОМОГАЕТ ДРУГИМ РЕАЛИЗОВЫВАТЬ СВОЙ ВНУТРЕННИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Именно Добролюбову принадлежит идея организовать библиотеку в своем кружке путем приобретения и собирания книг, которые способствовали бы общему развитию. Б.И. Сциборский рассказывает об этой инициативе так: «Каких трудов, например, стоило достать хоть сколько-нибудь порядочную книжку. Теперь, может быть, каждый из нас имеет под руками то, что прежде доставалось с громадными трудностями, с страшным риском. И теперь мы не можем похвалиться свободой выбора книг, – но что прежде было, особенно в четырех стенах института, – это и представить себе трудно. Н. Ал., имевший в то время несколько порядочных знакомств, оказал нам в этом случае значительную услугу. Полученная книга с жадностью и с наперед заготовленным доверием к ней прочитывалась в кружке и была предметом

очень серьезных толков, пока наконец факты, заимствованные из нее, не проходили чрез критику читателей». После окончания института Добролюбов из Рыбинска на пути в Нижний отправляет письмо А.П. Златовратскому с разного рода поручениями. Суть в том, что общество студентов курса, к которому принадлежал Добролюбов, выписывало в складчину два журнала и среди них – «Русский вестник». Сам Добролюбов и организовал эту совместную подписку, а также заведовал порядком раздачи книг для чтения и хранил журналы. Была договоренность, что по окончании подписки журналы будут разделены между участниками согласно их интересам. Несмотря на то, что идея и организация этих подписок принадлежала Добролюбову, он отказывается от комплекта или же от значительного числа номеров в пользу других, за одним исключением. Так как в «Русском вестнике» за 1856 год были напечатаны переводы «Песен Гейне» М.Михайлова и П.Вейнберга, Добролюбов просит: «Для меня попроси у них только переводы из Гейне, какие тут найдутся: мне они нужны, а им совершенно излишни».

Добролюбова ценили не только как педагога, но и как наставника и те, кому он давал уроки: «...природная мягкость и доброта сердца часто вредили ему в житейских делах. Так, например, по чрезвычайной совестливости в отношении к своим знакомым, по боязни оскорбить их малейшим образом он до самого своего отъезда за границу не мог отделаться от некоторых частных уроков, прямо ему невыгодных, – не мог этого сделать только потому, что папеньки и маменьки усердно просили его о продолжении занятий; а он считал обидным для них – отказаться» (А.П. Пятковский)

НАСТАВНИК ОКАЗЫВАЕТ ПОДДЕРЖКУ, ПОМОГАЕТ С УЧЕБОЙ, УСТРОЙСТВОМ НА РАБОТУ

Так, соратник Добролюбова В.А. Обручев вспоминал, какую конструктивную роль сыграл Николай Александрович в переломный момент его жизни: «...я ему рассказал все, как оно было, про его доброту и внимание ко мне, когда я оставил службу; причем он старался удержать меня от этого шага, говоря, что хорошие люди везде нужны; как старался найти для меня работу, сам привозил мне деньги».

НАСТАВНИК СПОСОБСТВУЕТ СОЗДАНИЮ УСЛОВИЙ, ПРИ КОТОРЫХ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ ОСОЗНАТЬ СЕБЯ, ПОНЯТЬ СВОИ ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ, ВЗРАСТИТЬ ЛУЧШЕЕ В СЕБЕ

Наставники работают под конкретные запросы ведомого короткий период времени – не нянчатся с ним постоянно, но далее помогают встать на ноги, освоить какое-то направление и научиться действовать самостоятельно, тем самым переформируя его мышление.

Так проявлял себя Н.А. Добролюбов по отношению к осиротевшим младшим братьям и сестрам. И сестры оценивали это в полной мере в письмах к старшему брату: «И еще я вам скажу, милый мой Братец, вы пишете мне,

чтобы я вам писала Ты, а не Вы. Как же это можно, Вы у нас старший Брат, старше нас всех и остались у нас вместо папаши и мамыши, и будем вам писать Ты...».

А ведь Добролюбову как очень юному человеку не так легко давалось это наставничество: «А для меня так вот письмо труднее всего. Мне приходится писать большей частью к своим. Общего между нами мало, интересы слишком различны. Так иной раз придумываешь, придумываешь, что бы им сказать».

Он писал сестрам длинные письма, размышляя о жизни, ненавязчиво направляя, как это следует из письма Антонине Костровой (Добролюбовой) в 1861 году: «Что делать, нам судьба не дала особенных радостей в жизни. И родители наши были всю жизнь тружениками и мучениками, да и нас жизнь встретила очень неприветливо. Невесело прошла и твоя юность, бедная моя Ниночка; но поверь, что до сих пор ты, может быть, еще счастливей нас всех. Ты имеешь доброго, достойного мужа, который всегда принадлежал почти к нашему семейству и с которым ты можешь делить все родные воспоминания; ты устроена окончательно, у тебя есть сын, которого ты любишь и которым занимаешься. Другого ничего и не нужно для счастья, и если нужда не особенно тяготит, так, право, при этом и желать больше нечего... А вот я, например, шатаюсь себе по белому свету один-одинехонек: всем я чужой, никто меня не знает, не любит... Если бы я заговорил о своих родителях, о своем детстве, о своей матери – никто бы меня не понял, никто бы не откликнулся сердцем на мои слова. И принужден я жить день за день, молчать, заглушать свои чувства, и только в работе и нахожу успокоение. Говоря по правде, со времени маменькиной смерти до сих пор я и не видывал радостных дней. Но роптать и жаловаться – к чему послужит? И я покорился своей участи.

О других наших сестрах и братьях тоже еще нельзя сказать, будут ли они счастливы. Каково выйдут замуж сестры? Каково будут учиться братья? Может быть, еще столько им горя впереди готово, что лучше и не думать об этом. Насчет замужества сестер ... нет им никакой крайности выходить за первого встречного из преувеличенной боязни, как бы не остаться в старых девках».

Итак, на примере Добролюбова как наставника мы видим, что наставничество является процессом неформальной передачи знаний, которые воспринимаются как значимые для учебы, труда, карьеры или профессионального и личностного роста и развития, для семейной жизни. Оно предполагает длительную неформальную коммуникацию между лицом, которое приобрело большой опыт и знания, и лицом, которое в них нуждается.

В данной статье на примере Добролюбова показаны лучшие отечественные педагогические традиции, разноплановость и разновекторность наставничества; основные качества, которые формируют личность наставника и которые молодежи необходимо воспитывать в себе, чтобы стать успешным наставником и лидером – в учебе, в работе, в быту и семье, по отношению к слабым и менее компетентным ровесникам и младшим. Также сделана попытка дать представление о том, как молодые люди могут, следуя примеру Добролюбова, быть и субъектами и объектами наставничества, а также сами

уже в настоящее время могут стать акторами наставничества, в чем им, в свою очередь, могут помочь старшие – педагоги и наставники.

УДК 821.161.1

ГРНТИ 17.82.70

**«МЫ НЕ ЗНАЕМ ЛИЧНО...»:
СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРОДИЙ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА**

Трофимова М.В.

Литературный институт им. А. М. Горького,

г. Москва

E-mail: mvt200937@rambler.ru

***Аннотация.** Статья посвящена изучению стилизованных особенностей пародий Н.А. Добролюбова в «Свистке». Основное внимание уделено прозаическим текстам и вариантам работы с цитатами для создания сатирического эффекта. Особенности прозаического текста позволяют более разнообразно работать с цитатой, чем это возможно в поэзии, давать ей более разноплановую сатирическую оценку и, вводя в новые контексты несколько раз, раскрывать афористический потенциал языковой единицы.*

***Ключевые слова.** Добролюбов, «Свисток», публицистическая пародия, сатира, цитата.*

**“WE DON’T KNOW HIM IN PERSON...”:
STYLISTIC FEATURES OF DOBROLYUBOV’S PARODIES**

Trofimova M.V.

Literature Institute A.M. Gorky,

Moscow

E-mail: mvt200937@rambler.ru

***Abstract.** The article is devoted to the study of stylistic features of Dobrolyubov’s parodies in “Svistok”. The main attention is given to prose texts and different options when working with citation for creating a satirical effect. The features of a prose text make it possible to work with citation in a more diverse way than it is possible in poetry, to give it a more varied satirical assessment and, by introducing it into new contexts several times, to reveal the aphoristic potential of a linguistic unit.*

***Keywords.** Dobrolyubov, “Svistok”, publicistic parody, satire, citation.*

С 1859 по 1863 годы журнал «Современник» выпускал сатирическое приложение «Свисток». За четыре года вышло всего девять номеров, они были редки, но каждый становился событием, о котором, как пишут составители полного собрания «Свистка» А.А. Жук и Е.И. Покусаев, говорили еще очень долго. Основная четверка, стоявшая за приложением, – это известные по

«Современнику» люди: Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, И.И. Панаев. На этом список причастных не заканчивается, среди них были и такие сатирические величины, как Козьма Прутков, а последний выпуск составлен М.Е. Салтыковым-Щедриним. Однако «душой» приложения, главным его идейным вдохновителем был Н.А. Добролюбов. Большинство текстов написано им, направление мысли, специфика стиля тоже заданы им. Успех «Свистка» – во многом его заслуга. Особенности сатирического стиля приложения уже не раз становились предметом исследования, однако детально описаны еще не были. Публицистические пародии Добролюбова выходят на рассмотрение намного реже, чем поэтические, хотя они не менее любопытны. Более того, прозаический формат предполагает использование другого набора сатирических приемов, чем в поэзии, хотя они могут пересекаться или даже дополнять друг друга. Так, в прозе возможна более вариативная игра с пунктуацией, оформлением и различными вариантами цитирования и аллюзий. Целью доклада было выявление и некоторая систематизация подобных примеров.

Стоит начать с того, что Добролюбов был невероятно эрудирован и осведомлен о событиях современности. Можно предположить, что он не пропускал ни одной газеты, ни одного журнала и знал все, что происходит в России и за ее рубежами. В этом контексте впечатляет количество упомянутых им имен и фамилий. Конечно, были и «любимцы», причем не только «Свистка», но сатирической публицистики в целом (например, М.П. Погодин, придумавший термин «рыцари свистопляски», редакторы консервативных изданий, такие как М.Н. Катков, многие популярные поэты того времени и проч.), однако на страницах «Свистка» постоянно появлялись и другие люди, вне зависимости от их политических и общественных позиций – например, порицанию подвергались все, так или иначе критикующие «Свисток».

Это был период накануне крестьянской реформы 1861 г., когда уже ощущались грядущие перемены. В обществе носились идеи изменения и улучшения жизни в стране, к чему требовалось приспособиться и публицистике. В частности, формировалась тенденция на «гласность» в противовес умолчанию, на широкое распространение информации о внутренних проблемах страны. Однако Добролюбов довольно быстро замечает противоречие между энергичными призывами в статьях и пассивностью на деле, поэтому так называемые «прогрессивные» идеи подвергаются в «Свистке» не меньшей критике, чем консервативные.

Неудивительно, что «Свисток» нередко оказывался на грани дозволенного, многие статьи так и не прошли цензуру, но даже в усеченном виде сам факт существования подобного приложения удивлял общество. С этих позиций стратегия ссылок на большое количество самых разных авторов оказывается выигрышной, так как при дословном цитировании бдительность цензора снижается. «Свисток» вырабатывал свой «эзопов» язык, пользовался известными в определенных кругах формулами и, как отметил А.Н. Кочетков, за внешней пародийностью поэзии «Свистка» скрывал ее сатирическое ядро. То же самое можно сказать и о прозаических текстах, в которых не так просто

понять, где заканчивается публицистическая критика и начинается сатира и пародия.

Один из наиболее популярных приемов такого формата – литературные маски, каждая из которых отвечает за свое направление современной поэзии. Конрад Лилиеншвагер – пародия на пафосно-патриотического поэта М.Розенгейма, на Хомякова – Яков Хам и, скорее всего, на Майкова – Аполлон Капелькин, который везде, как и подобает творцу чистой поэзии, находит одну любовь и дружбу. В прозе у Добролюбова не было столь четко очерченных масок. Такие фамилии, как Д.Свиристелов в двух «Письмах из провинции» или Кондратий Шелухин в «Двух графах», используются слишком редко, чтобы создать самостоятельный образ. Это, скорее, псевдонимы, не связанные с использованием конкретных формул. Другое дело, что для пародирования публицистов и публицистических штампов Добролюбову и не нужны были маски. Само использование тех или иных формул уже объясняло его позицию по отношению к ним. Например, пародируя штампы типичных газетных заметок, Добролюбов создает формулу «В настоящее время, когда...» – «бессмертная фраза», по словам Некрасова, направленная против гласности и бессмысленных рассуждений о необходимости изменений («В настоящее время, когда все стремится к свету и гласности...» [3, с. 48], «В настоящее время, когда все внимание публики обращено на политические события...» [3, с. 51], «В настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов...» [3, с. 110]. Она достаточно быстро разошлась по сатирической публицистике.

Этот случай более схож со стилизацией в поэтической пародии. В прозе Добролюбов работает чаще всего несколько иначе: вначале представляет оригинал, иногда с более широким контекстом, иногда только пародируемой фразой, после чего либо использует ее в схожих контекстах, как в кавычках, так и без, либо выворачивает наизнанку, вытаскивая из слова дополнительные значения, не предусмотренные ее автором, или же вставляет в совсем далекий от оригинального контекст.

Например, в первый выпуск «Свистка» помещено «Письмо из провинции» (№1, 1859 г.) под псевдонимом Д.Свиристелова, поводом для которого стало событие в литературном мире, получившее общее название «Протест». Этот протест был направлен против журнала «Иллюстрация», в котором некий «Знакомый человек» опубликовал явно антисемитскую статью. В ответ на нее вышли заметки-возражения, в том числе от литераторов Чацкого и Горвица, на которые тот же самый «Знакомый человек» ответил, «что они, конечно, агенты жида N...» [3, с. 20]. Вместе с перепалкой начался «протест», одной из первых статей в котором стала статья за авторством редакции «Санктпетербургских ведомостей». Среди прочего там фигурировал такой текст: «Мы незнакомы лично с гг. Чацким и Горвицем и не имеем с ними никаких отношений. <...> На литературе везде и всегда *лежит обязанность* обличать бездоказательные посягательства на честь и доброе имя. <...> В лице гг. Чацкого и Горвица оскорблено все общество, вся русская литература. *Никакой честный человек не может* оставаться равнодушным при таком

позорном поступке, и *вся русская литература должна, как один человек, с негодованием протестовать против него*» [3, с. 20, 22] (прим. – здесь и далее курсив Добролюбова). Естественно, добролюбовскому высмеиванию подверглось все, включая и другие протестные статьи, и самих протестующих, которых он упорно называл «протестантами». Публицист выделяет нелепость самой идеи «Протеста» и его формулировки. Так, в статьях Добролюбова фраза «мы не знаем лично...» уже теряет свой первоначальный смысл, становясь не более чем универсальной формулой для начала протеста. Например, после описания того, как в подкупе обвинили не упомянутого по имени французского фельетониста, Свиристелов язвительно замечает: «Вот тут бы уместнее было воскликнуть: «мы не знаем французского фельетониста, но на литературе всегда лежит обязанность», и пр.» [3, с. 26]. В следующей статье, показательной названной «Проект протеста против “Московских ведомостей”», уже от своего имени Добролюбов комментирует возмущение Шевырева, которого отказались печатать в «Московских ведомостях»: «Из всех этих соображений очевидно, что поступок редакции “Московских ведомостей” против г. Шевырева подлежит протесту. Мы не знаем г. Шевырева и не имеем с ним никаких отношений...» [3, с. 30]. Степан Петрович Шевырев был в то время популярным поэтом и одним из любимых сатирических объектов Добролюбова, поэтому, естественно, Добролюбов его знал. Таким образом, Добролюбов пародирует протестную ситуацию и уже сложившиеся внутри нее языковые формулы, лишая при этом их смысла и какого-либо общественного значения, но не нарушая логику появления самого протеста.

В статье «Два графа» (№6, 1860 г.) Добролюбов сравнивает жизнь и идеи двух политических деятелей, графа Кавура и графа Монталамбера, нападающих друг на друга, но, по словам автора статьи, не столь уж различных. Добролюбов начинает статью с описания конфликта, возникшего после речи графа Кавура, в которой Монталамбер был косвенно упомянут: «...мы видели, как один знаменитый писатель, в одну из светлых минут своих, доказывал Европе в книге, наделавшей большого шума, что свобода была весьма полезна для возвышения религиозного духа» [3, с. 163]. Добролюбов особенно выделил фразы «знаменитый писатель» и «светлые минуты» и упомянул их в статье еще целых три раза в том же значении, по-разному формулируя лишь вторую часть оригинального высказывания: «”знаменитый писатель” только в “светлые минуты” может видеть вещи как следует» [3, с. 164], «”знаменитый писатель” нуждается в “светлых минутах” для здравого понимания вещей» [3, с. 172], «...смотрит на “знаменитого писателя”, в *светлые минуты* не говорящего глупостей...» [3, с. 173]. Любопытно и то, что «светлые минуты» Добролюбов всегда выделяет различным способом и переходит от кавычек к курсиву, однако сложно сказать, сделано это для разнообразия («знаменитый писатель» остается неизменным) или для иного смыслового выделения.

Стоит отметить, что курсив Добролюбов использует практически везде и часто даже не сопровождает его комментарием внутри цитаты или после – курсив говорит сам за себя. В том числе с его помощью критик, не отвлекаясь от пародируемого текста, ставит под сомнение его тезисы, акцентирует

логические несостыковки или стилистические погрешности, в которых иногда можно обнаружить и второе, комичное, значение. Тот же эффект Добролюбов получает, вставляя свои комментарии в скобках внутрь самого текста. Так построена статья «Почитатель дворянок» (№1, 1859 г.), которая по большей части состоит из текста В.Половцева с небольшим предисловием Добролюбова и его комментариями, часть из которых публицист помещает в скобки. Например, когда Половцев, автор многотомной русской грамматики, ошибается в одном слове: «Супружество возвело ее на степень княгини... но *немерцающее* (каков русский язык у почтенного грамматика? *немерцающее* вместо *немеркнувшее!*)... величие добыла она сама себе» [3, с. 17].

В некоторых случаях Добролюбов использует как сатирический прием языковую игру, в том числе каламбур. В небольшой заметке «О допотопном значении Лажечникова» (№2, 1859 г.) Добролюбов отмечает, что «Г. Григорьев возвестил, что он занимается исследованиями о допотопном значении Лажечникова» [3, с. 39], после чего использует слово «допотопный» еще несколько раз, в том числе вне цитат Григорьева («совершеннейший допотопный тип»), а завершает заметку, превратив слово «допотопный» в «до потопа». Частое повторение подчеркивает неверность употребления в оригинальном случае. В этом контексте такие слова и выражения, как «исследования», «подробностей своих изысканий», «рассуждений критика», «необычайность открытия», звучат иронично. Григорьеву в дальнейшем даже пришлось объясняться, почему он использовал именно это слово.

Как мы видим, отдельные слова тоже могут стать поводом для сатиры. Особый статус приобретает слово «гласность», которое подвергается высмеиванию во многих выпусках «Свистка». В статье «Опыт отучения людей от пищи» (№5, 1860 г.) Добролюбов особенно обращает на него внимание, добавляя олицетворения («гласность умаялась... и молчит» [3, с. 134]), эпитеты («спасительной гласности», «благодетельной гласности», «полная и безусловная гласность!!!»), а также называя главного героя статьи, В.А. Кокорева, теми или иными перифразами, производными от «гласности» («гуманный гласнолюбец», «поборник гласности»), эпитетами «гласнолюбивый и гуманноречивый». В итоге «гласность», о которой многие газеты писали в позитивном ключе, приобретает негативные коннотации.

Не меньше высмеивает Добролюбов и идею «созревания» российского общества, возникшую после того, как на диспуте по поводу «Русского общества пароходства и торговли», перешедшем в потасовку, экономист Ламанский объявил, что общество еще «не созрело» для таких споров. Эта фраза привлекла к себе внимание публицистов, и сам Добролюбов написал о ней отдельную статью в «Современнике». В «Свистке» же он лишь напоминает об этой ситуации, перед тем как перейти к основной теме раздела «Наука и свистопляска...» (№4, 1860 г.). Ее материалом стал диспут между историками Н.И. Костомаровым и М.П. Погодиным о происхождении российского государства, предысторию, развитие и кульминацию которого Добролюбов подробно описывает. Погодин, естественно, знавший о фразе Ламанского, пишет: «мы созрели для решения нужных и важных для нас вопросов» [3,

с. 467]. Ни цитата Ламанского, ни цитата Погодина в тексте напрямую не звучат, а лишь упоминаются, однако «зрелость» и «созрели» используются чуть ли не в каждом предложении, особенно начиная с части «Награда малым детям», в которой как раз описывается развитие вопроса «созревания». Само название показывает использование не только цитируемого слова, но и целого семантического поля: «созреть», «зрелость» напрямую связывается с превращением из ребенка во взрослого, что и обыгрывается в статье. Добролюбов подчеркивает не только абсурдность применения этого слова к целому обществу, но и нелепость его эксплуатации. Так, фраза Погодина становится будто бы разрешением вырасти, за которое дети должны быть благодарны. Это подчеркивает и эпиграф из Жуковского, используемый также внутри статьи: «Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!» [3, с. 90]. Развивая тему детства, Добролюбов вспоминает выпуски «Чтения для взрослых детей» Солдатенкова и Щепкина и следующую часть называет «Педагогические обращения с взрослыми детьми». Поднимается и тема роста как такового в дополнение к восторгу от разрешения вырасти: «Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего действительно показалась выше ростом)» [там же], сравнение «созревшего Росса» с «колоссом» в «Благодарной песни созревшего Росса» Конрада Лилиеншвагера. Завершается раздел «Романом Михаилу Петровичу Погодину», где «созрел» вводится в значении «появился» («во мне романс ему созрел» [3, с. 97]). Так, одно слово «созрели» дает почву не только для игр со значением, но и для использования целого его семантического поля: физического роста, детства и детской благодарности за признание себя взрослым – что, на самом деле, принижает человека («Скинь-ка шапку да пониже, / Да пониже поклонись!..» [3, с. 91]).

Добролюбов использует множество разных приемов, чтобы создать нужный сатирический эффект и провести свою мысль. Сатирик-публицист прибегает к каламбурам, тропам, пунктуации и курсиву, семантическим полям и многому другому. По-разному он обращается с цитатами: просто помещает в кавычки или выделяет курсивом, несколько видоизменяет, вставляет в новый контекст, а иногда только упоминает авторов («...может, как говорит г. Григорьев о г. Случевском, или распасться прахом, или оказаться силою, новой, великою силою» [3, с. 136]). Немало сатирических приемов помогало защититься от цензуры, однако это не снижало оригинальность статей Добролюбова. Он формировал определенный язык «Свистка» и учил читателя понимать то, что сказано между строк как в прозе, так и в поэзии. Вместе с многочисленностью и особенностями прочих используемых приемов в «Свистке» его пародии становятся новым этапом в развитии этого жанра в русской литературе и требуют более подробного изучения.

Литература:

1. Жук А.А., Покусаев Е.И. «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов // Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859-1863 гг. М., 1982.
2. Кочетков А.Н. «Речевая маска» в сатирических произведениях Н.А. Добролюбова // Язык. Культура. Коммуникация. Н. Новгород, 2015. № 2(18). С. 261-268.

3. Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859 – 1863 гг. М., 1982. 592 с.

УДК 82-31
ГРНТИ 17.82.31

ВЕРА, НАДЕЖДА И ЛЮБОВЬ: ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

Мазикова Н.Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург
E-mail: newnat46@yandex.ru

Аннотация. Роман Гончарова «Обрыв» рассматривается с культурологической точки зрения. В статье указаны параллели художественного текста писателя с текстами Евангелия. Проводится анализ приемов, с помощью которых И.А. Гончаров создает в своем романе духовно-нравственную драму, противоречащую христианскому поведению, и ищет решение данного конфликта в способах глубоко христианских: любви к ближнему, состраданию, прощению. Резюмируется, что уникальная идея, лежащая в основе художественного произведения, обладает потенциалом психологической помощи и духовно-нравственной поддержки определенной аудитории в специфических обстоятельствах жизни. Для получения указанного результата использованы методы прагматического, контекстуального и сравнительного анализа, лингвостилистической интерпретации текста, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения.

Ключевые слова. Роман «Обрыв», Иван Гончаров, евангельские мотивы, русская литература.

FAITH, HOPE AND LOVE: CHRISTIAN MORALITY IN THE I.A. GONCHAROV'S NOVEL "THE PRECIPICE"

N.Yu. Mazikova
St. Petersburg State University
Saint Petersburg
E-mail: newnat46@yandex.ru

Abstract. Goncharov's novel "The Precipice" is examined from a cultural point of view. The article indicates parallels between the writer's literary text and the texts of the Gospel. An analysis is made of the techniques by which I.A. Goncharov creates in his novel a spiritual and moral drama that contradicts Christian behavior, and seeks a solution to this conflict in deeply Christian ways: love for one's neighbor, compassion, forgiveness. It is summarized that the unique idea underlying the work

of art has the potential for psychological assistance and spiritual and moral support for a certain audience in specific life circumstances. To obtain this result, methods of pragmatic, contextual and comparative analysis, linguostylistic interpretation of the text, as well as general scientific methods of observation and generalization were used.

Keywords. *Novel “The Precipice”, Ivan Goncharov, evangelical motifs, Russian literature.*

Делом всей своей жизни называл И.А. Гончаров свой третий роман, который логично завершает трилогию писателя: «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв». Возникает вопрос: почему именно эту книгу, не принятую на «ура» критикой, умный, тонкий, глубокий писатель считает главным своим делом? Литературоведческий анализ данного романа показывает вполне реальный положительный эффект этого текста. Уникальная идея, лежащая в основе художественного произведения, обладает потенциалом психологической помощи и духовно-нравственной поддержки определенной аудитории в специфических обстоятельствах жизни. Другими словами, книга Ивана Гончарова могла вернуть обратно в семьи сбежавших ветреных жен. Во второй половине XIX века в Российской империи начались такие «бега», что уже грозило стать социальной катастрофой. Ветер перемен – свободы нравов и поведения – задул в том числе после бестселлера Н.Г. Чернышевского «Что делать?», что повлекло за собой разрушение традиционной русской семьи.

Автор «Обрыва» писал: *«Разве многие изящные красавицы не пошли с ними на их чердаки, в их подвалы, бросив – одни родителей, другие мужей и – еще хуже – детей? Какие это женщины? – скажут мне. – Всякие! – отвечу я»* [1]. Впечатленный этой общественной правдой, И.Гончаров решает показать ее антиромантическое лицо, ее изнанку. Резюмируя основную мысль произведения, можно сказать, что это роман о падении женщин, что для XIX века – ужас и скандал. Под натиском общественного мнения литературные героини этого века топят в пруду, в реке или бросаются под поезд. Гончаров же, как морализатор и христианин, впервые дает альтернативу.

Прежде всего стоит отметить, что роман «Обрыв» пропитан евангельской символикой: нередко встречаются образы и цитаты из Священного Писания, проводятся параллели:

1. Новозаветные «земная» Марфа и духовная Мария / гончаровские сестры земная Марфинька и думающая Вера.

2. Притчевые образы Волков и овец / гончаровские герои Волохов (концептуально связанный с понятиями «собака», «волк») и Козлов, «*живущий барашком*», девушка-«*ягненок*» Наташа, образ «*яслей искусства*» [2].

3. Новозаветные строки, перефразированные писателем так: *«будьте мудры и вместе просты, как змеи и голуби»* – это совет художнику; дополненная фраза: *«Отдайте ваше именование нищим и идите вслед за спасительным светом творчества»* [2].

4. Прямые цитаты из Нового Завета: *«Имя вам легион»* (о бесах) / у Гончарова это аналогия с «новыми» людьми, подобными Марку Волохову.

Писатель создает в своем тексте духовно-нравственную драму, которая противоречит христианскому поведению, однако ищет решение данного конфликта в способах глубоко христианских – любви к ближнему, сострадании, прощении. Рассмотрим, как отражается эта драма и предлагается такое решение.

Центральное событие в романе – падение Веры. Гончаров ставит читателя перед вопросом: как же так вышло, что умная, чувствительная девушка заинтересовалась странной личностью Марка Волохова? Он, как змей-искуситель, в прямом и переносном смысле (ветхозаветный образ) подносит ей ворованное яблоко из ее же сада и «яблоко познания зла». Герои долго общаются, спорят. В Марке Веру привлекает новый свежий взгляд на жизнь, на дело, на пробуждение общества, но молодой человек предлагает девушке перспективу «птичьей жизни»: все свободны и летят в своей страсти без обязательств, уз брака, а когда наскучит, – так же легко разлетаются. Вера не согласна, она мечтает исправить Марка, много молится о нем, верит в его исцеление. Но все эти обрывные встречи заканчиваются тем, что девушка уступает возлюбленному в физической страсти.

Грозу, падение предрекают Вере и Райский («*Вера, ты гибнешь*»), и бабушка, заставившая читать поучительную историю Кунигунды, и даже Тушин, когда привозит Веру домой во время бушевавшей реальной грозы: *«когда у вас загремит гроза, Вера Васильевна, – спасайтесь за Волгу, в лес: там живет медведь, который вам послужит»* [2].

Болезнь Веры страстью к Марку провоцируют мучительные разговоры и яростное желание Волохова обладать ею, похищать ее тело, ум, душу: *«Он готов был изломать Веру, как ломают чужую драгоценность, с проклятием»; «Он одолел воображение, пожалуй – так называемое сердце Веры, но не одолел ее ума и воли»* [2].

Правдоподобно и напряженно нарисовал И.Гончаров эпизод самого падения. Влюбленные расходятся, кажется, навсегда, но потом оба оборачиваются назад и бросаются навстречу друг другу: *«Он поднял ее на грудь себе и опять, как зверь, помчался в беседку, унося добычу...**Боже, прости ее, что она обернулась!**..»* [2]. Это единственные слова автора, его эмоции, выраженные в романе. Потом, в своей критической статье о романе писатель напишет: *«Вера пала! как можно, какая жалость!» – говорили мне в глаза. Пала не Вера, не личность, пала русская девушка, русская женищина, – жертвой в борьбе старой жизни с новой: она не хотела жить слепо, по указке старших. Она хотела не разрушения, а обновления. Но она «не знала», где и как искать»* [1].

Страдает Вера, страдает все понимающий Райский, страдает бабушка. Все эти страдания детально описывает Гончаров: *«Она поплатилась своей гордостью и вдруг почувствовала себя, в минуту бури, бессильною, а когда буря ушла – жалкой, беспомощной сиротой и протянула, как младенец, руки к людям». «Только великие души перемогают с такой силой тяжелые скорби, – думал он. – Им, как орлицам, даны крылья летать под облаками и глаза – смотреть в пропасти. И только верующая душа несет горе так, как несла его*

эта женщина, – и одни женщины так выносят его! В женской половине человеческого рода, – думалось ему, – заключены великие силы, ворочающие миром» [2].

Поворотным моментом в романе является проникновенная 10-я глава последней части. Гончаров сумел так накалить роман, так подготовить читателя, что эта глава – словно прыжок в обрыв, словно гроза, – ошарашивает, оглушает. Рваный ритм, короткие реплики, простые предложения, повторы, антитезы, контраст – весь этот комплекс языковых средств, отражающий черты актуализирующей прозы, призван решить прагматическую задачу автора: эмоциональным накалом вызвать учащенное сердцебиение у читателя, а после «выдохнуть» вместе с облегченной грешницей Верой и успокоиться:

«– Нельзя жить! – с унылой уверенностью повторила Вера.

– Можно! – с глубоким вздохом сказала Татьяна Марковна.

– После... того?.. – обернувшись к ней, спросила Вера.

– После того...

Теперь Вера вздохнула безнадежно.

– Вы не знаете, бабушка... вы не такая!..

– Такая!.. – чуть слышно, наклоняясь к ней, прошептала Татьяна Марковна.

Вера быстро взглянула на нее с жадностью раза два-три, потом печально опустила на подушки.

– Вы святая! Вы никогда не были в моем положении... – говорила она, как будто про себя. – Вы праведница!

– Грешница! – чуть слышно прошептала Татьяна Марковна.

– Все грешны... но не такая грешная, как я...

– Такая же...» [2].

Приведенный отрывок представляет собой текст с достаточно простой лексикой, часто повторяющимися словами, однако свою воздействующую на читателя силу он получает благодаря уникальному ритмическому рисунку «Высокие волны»: эмоционально высокая часть чередуется с резким обрывом, паузой. Этому способствуют риторические фигуры: синтаксический параллелизм, анадиплосис (повтор с подхватом), апосиопезис (фигура умолчания, обрыв фразы), антитеза.

Бабушка рассказывает внучке и своем грехе, во многом похожем на Верин обрыв, Верино падение. И эта исповедь, это покаяние подарили Вере главное – **надежду**. *«Вере становилось тепло в груди, легче на сердце. Она внутренне вставала на ноги, будто пробуждалась от сна, чувствуя, что в нее льется волнами опять жизнь, что тихо, как друг, стучится мир в душу, что душу эту, как темный, запущенный храм, осветили огнями и наполнили опять молитвами и надеждами. Могила обращалась в цветник. Завтра она встанет бодрая, живая, покойная.*

*Стало быть, ей, Вере, надо быть бабушкой в свою очередь, отдать всю жизнь другим и, путем долга, нескончаемых жертв и труда, начать «новую» жизнь, не похожую на ту, которая стащила ее на дно обрыва... **любить** людей, правду, добро...» [2].*

Таким образом, очевидно, что И.Гончаров делает великое христианское дело: спасает героиню от самоубийства, указывает, что всегда есть путь искупить свой грех, очистить сердце. Иван Александрович идет дальше Н.Карамзина, Л.Толстого, Н.Островского (самоубийства в «Бедной Лизе», «Анне Карениной», «Грозе»): он дает возможность падшей заблудившейся женщине выговориться и найти сочувствие.

Инструментом для выхода из сложной психологической, нравственной и духовной ситуации писатель делает **веру**, ту, которая всегда даст силы, надежду и любовь. Человек, один раз испытавший такое сильное чувство, понимает и силу возрождения. Гончаров, как истинно верующий человек, показывает новый путь всем оступившимся: встань, возьми крест свой и иди. Согласно евангельской цитате: *«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»* [3]. На веру и надежду опирается мудрость бабушки Татьяны Марковны, она есть традиционная русская основа, которая и вытаскивает героиню из «обрыва». Здесь прослеживается еще одна типичная национальная черта – преемственность пути, судьбы кровных родственников. Сначала верой спаслась сама бабушка, потом – ее внучка. Логично предположить, что именно поэтому главная героиня в романе Гончарова и названа именем «Вера».

Иван Гончаров ставит перед читателем важную задачу: понять причины падения человека – нравственного, духовного, – чтобы предотвратить его. Решение данной задачи ищет главный герой Райский, который в ходе серии наблюдений и умозаключений доходит до страшной правды о **«двух нравственностях»**: мужской и женской: *«Любви! встречи без любви! – терзался он внутренно, – какое заклятие лежит над людскими нравами и понятиями! Мы, сильный пол, отцы, мужья, братья и дети этих женщин, мы важно осуждаем их за то, что соряют собой и валяются в грязи, бегают по кровлям... Клянем – и развращаем в то же время! Мы не оглянемся на самих себя, снисходительно прощаем себе... собачьи встречи!.. открыто, всенародно носим свой позор, свою нетрезвость, казня их в женщине! Вот где оба пола должны довоспитаться друг до друга, идти параллельно, не походя, одни – на собак, другие – на кошек, и оба вместе – на обезьян! Тогда и кончится этот нравственный разлад между двумя полами, эта путаница понятий, эти взаимные обманы, нарекания, измены! А то выдумали две нравственности: одну для себя, другую для женщин!»* [2].

Сам автор «Обрыва» пишет, что смысл ошибки обеих женщин **в гордости и неведении**. *«Бабушка знала только старую правду и старую ложь, но новой правды боялась, и, боясь, не узнала и новой лжи, и не приготовила к тому и другому и Веру»* [1]. Это наблюдение писателя имеет воспитательную ценность, давая урок всем родителям: не избегать с детьми разговоров о зле, а подготовить их ко всему.

Таким образом, анализ романа «Обрыв», подробно представленный в нашей научно-популярной книге «Скандальная классика» [4], показал, что автор выступает в нем менее всего как искатель сенсаций и шокирующих художественных приемов, а более всего как гуманист, морализатор и

христианин. Вопреки набравшему в литературе XIX века популярность сценарию отрицательной развязки сложной ситуации, с которыми сталкиваются героини (смерть через самоубийство), И.А. Гончаров предлагает путь, опирающийся на традиционные для русского народа православные ценности. Спасение всегда есть, считает автор, важно раскаться и не оборачиваться назад, а **идти вперед**. Эту точку зрения писатель заключил в воодушевляющую речь героя Ивана Тушина: «*Дайте мне Веру, – говорит он в слезах отчаяния – я перенесу ее через обрыв. Она укроется под моей защитой от всяких гроз и забудет обрывы. Ведь если лес мешает идти вперед, его вырубают, моря переплывают и прорывают горы, и всё идут смелые люди вперед!*» [2].

Литература:

1. Гончаров И.А. Обрыв. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. 639 с.
2. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. 1955. С. 64–113. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gso/gso8/gso8-064-.htm> (дата обращения: 13.07.2023).
3. Евангелие от Марка 8:34.
4. Ключева Н.Ю. Скандальная классика: Об этом не рассказывают в школах, это о вашей жизни. Издательские решения, 2022. – 274 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://ridero.ru/books/skandalnaya_klassika_chast_1/ (дата обращения: 12.02.2024).

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.82.94

ПРИРОДА И РЕЛИГИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ГЕРОЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ С.Т. АКСАКОВА

Скиба Ю.А.
ЛГУ им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург
E-mail: cool_11@mail.ru

Аннотация. *Рассматривается воспитательная значимость природы и религии в формировании характера ребенка в автобиографической прозе С.Т. Аксакова. Потенциально степень влияния религии и природы на человека различна. Воздействие на человека со стороны окружающей природы безусловно. Религия же воспитательна уже в своей содержательности, и ее воздействие носит целенаправленно этический характер. Определено, что в автобиографической прозе С.Т. Аксакова отражено соперничество природы и религии как источников формирования характера не в пользу последней. Влияние на героя посредством природы осуществлялось через отца, влияние религии на воспитание – через посредство матери. Устанавливается, что*

приоритетную важность для юного героя трилогии имели природные открытия и впечатления. К тому же природа имела в глазах ребенка не только эстетическую ценность – она являлась источником для понимания социальных отношений между людьми: герой с раннего детства неоднократно был свидетелем того, как крестьяне осваивают дары природы, участвуют в круговороте ее самовоспроизводства и органично в него вливаются. Религиозное воспитание матери сыграло меньшую роль в формировании характера героя, но и влияние природы имеет двойственный характер, так как в природе отсутствует такой регулятор, как человеческая этика.

Ключевые слова. С.Т. Аксаков, впечатление, природа, религия, семья, открытие, процесс, влияние.

NATURE AND RELIGION IN EDUCATIONAL INFLUENCES ON THE HERO OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE BY S.T. AKSAKOV

Yu.A. Skiba
Pushkin State University,
St. Petersburg
E-mail: cool_11@mail.ru

Abstract. *The educational significance of nature and religion in the formation of a child's character in the autobiographical prose of S.T. Aksakov is considered. Potentially, the degree of influence of religion and nature on humans is different. The impact on humans from the surrounding nature is unconditional. Religion is educational in its content, and its impact is purposefully ethical in nature. It has been determined that in the autobiographical prose of S.T. Aksakov reflects the rivalry between nature and religion as sources of character formation, not in favor of the latter. The influence on the hero through nature was carried out through the father, the influence of religion on upbringing was through the mother. It is established that natural discoveries and impressions had priority importance for the young hero of the trilogy. In addition, nature in the eyes of the child had not only aesthetic value – it was a source for understanding social relations between people: the hero, from early childhood, repeatedly witnessed how peasants master the gifts of nature, participate in the cycle of its self-reproduction and organically join it. The mother's religious upbringing played a lesser role in the formation of the hero's character, but the influence of nature is also dual, since nature lacks such a regulator as human ethics.*

Keywords. *S.T. Aksakov, impression, nature, religion, family, opening, process, influence.*

Среди воспитательных средств природа и религия потенциально имеют разную значимость. Религия воспитательна уже в своей содержательности. Ее воздействие носит целенаправленно этический характер. Воздействие на человека со стороны окружающей природы безусловно, но не конкретно. Соревновательность этих средств воспитания наблюдается в классической литературе, где религия является неотъемлемой частью жизни.

Когда речь заходит о прозе Аксакова, соответствующий приоритет может измениться. Аксаков и начинал свой творческий путь с «Записок» о природных впечатлениях (об ужении рыбы и об охоте). Центральной для его творчества явилась автобиографическая трилогия («Семейная хроника» – «Детские годы Багрова-внука» – «Воспоминания»), в текстах которой часты прямые упоминания о живительном влиянии природы даже на здоровье героев, а также на становление их личностей. Представителей второго и третьего поколения Багровых, Алексея и Сергея, именно жизнь среди природы поставила на ноги после тяжелых недугов. Но если первый из них в «Семейной хронике» предстает человеком уже сложившимся, то его сыну (в «Детских годах...» – Сергею Багрову, а затем в «Воспоминаниях» – уже Сергею Аксакову) предстоит пройти путь породнения с природой поэтапно, в показательной динамике. Автор и сам эту динамику воспроизводит. Например, в таком виде: «Сергеевка занимает одно из самых светлых мест в самых ранних воспоминаниях моего детства. Я чувствовал тогда природу уже сильнее, чем во время поездки в Багрово, но далеко еще не так сильно, как почувствовал ее через несколько лет» [1, с. 378].

В этом фрагменте налицо признаки становления человека. Становление характера героя можно проследить по описанию дорожных впечатлений. Аксаков во второй и в третьей частях трилогии неоднократно передает дорожные впечатления от смены пейзажей и других природных явлений. Это накладывается и на смену возрастов героя: пейзажи почти не меняются, тогда как взрослеет сам человек и, значит, меняется его восприятие: «Ровно через три года представлялся мне случай снова испытать впечатление дальней летней дороги. Три года для восьмилетнего возраста значат очень много, и можно было бы ожидать, что я гораздо живее, сознательнее, разумнее почувствую красоты разнообразной, живописной природы тех местностей, по которым нам должно было проезжать. Но вышло не совсем так. Три года тому назад, уезжая из Уфы в Багрово, из города в деревню, я точно вырывался из тюрьмы на волю. На каждом шагу ожидали меня новые, невиданные мною, предметы и явления в природе <...>. В настоящую же минуту я оставлял Багрово, которое уже *успел страстно полюбить*, оставлял все мои охоты – и ехал в неприятное мне Чурасово» (курсив здесь и далее в цитатах и тексте наш. – Ю.С.) [1, с. 531].

Во-первых, для незрелого мальчика первостепенную важность имели природные *открытия*; он же, но уже повзрослевший (пусть всего на три года) открывает для себя переживания *утраты* природных ценностей.

Во-вторых, самостоятельное значение имеют дорожные впечатления. О философском значении образа дороги в мемуарной трилогии С.Т. Аксакова пишет Т.В. Медведева [4, с. 118], о путешествии как духовном пути Э.Б. Подгурская [5]. У Аксакова смена пейзажей сопровождается динамикой воспоминаний. Естественно, особо значимым это оказывается при сопоставлении разновозрастных впечатлений: «Во всё течение моей жизни я продолжал испытывать, приближаясь к Аксакову, подобные ощущения; но *несколько лет тому назад, после двенадцатилетнего отсутствия*, также довольно рано подъезжал я к тому же Аксакову: сильно билось мое сердце от

ожидания, я надеялся прежних радостных волнений! Я вызвал милое прошедшее, и рой воспоминаний окружил меня... но не весело, а болезненно, мучительно подействовали они на мою душу, и мне стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который, вызвав духов, не умеет с ними сладить и не знает, куда от них деваться, – не знал я, как мне прогнать мои воспоминания, как успокоить нерадостное волнение. Старые меха не выдерживают молодого вина, и старое сердце не выносит молодых чувств... но тогда, боже мой, что было тогда!» [2, с. 56].

Наконец, в-третьих, возвращение к дорожным природным впечатлениям позволяет восстановить душевные приоритеты: «Мы ехали по той же самой дороге, по которой два года тому назад везла меня мать, вырвав из казенных воспитанников гимназии, и останавливались даже на тех же кормежках и ночевках. Скородыханье природы проникло в мое существо и выгнало из головы моей гимназию, товарищей, учителей, книги и уроки. После временного как будто забвения или охлаждения *еще горячее и уже сознательнее полюбил я красоты божьего мира...*» [2, с. 84].

Обратим внимание на социальную содержательность мира природы в автобиографической трилогии Аксакова. Благодаря инициативам отца (и вопреки пожеланиям матери) Сережа Багров с раннего детства неоднократно бывал свидетелем того, как крестьяне осваивают дары природы, участвуют в круговороте ее самовоспроизводства и органично в него вливаются. Сцены косьбы, молотьбы и прочих крестьянских работ восхищают мальчика и даже эстетически впечатляют его. Он по-детски завидует сельским труженикам и однажды пробует, подобно крестьянскому мальчишке, управлять лошадью на пашне. Но ничего у него не получается, и это лишь добавляет ему уважения к тем, у кого такое выходит легко и органично.

Сережа по привычке пытается поделиться впечатлениями с сестренкой, и вот из этого вышло: «Когда я стал пенять сестре, что она невнимательно слушает и не восхищается моими описаниями, Параша вдруг вмешалась и сказала: “Нечего и слушать. Вот нашли какую невидаль! Очень нужно сестрице вашей знать, как крестьяне молотят да клади кладут... □ – и захохотала. Я так рассердился, что назвал Парашу дурой. <...> Когда воротился отец, мы с ним досыта наговорились о крестьянских работах. *Отец уважал труды крестьян, с любовью говорил о них*, и мне было очень приятно его слушать, а также высказывать мои собственные чувства и детские мысли» [1, с. 454]. В этом примере видна искаженная психология дворовых людей, которым чужд инстинкт уважения к тяжелому труду, во многом потому, что они – *не хозяева* даже сами себе, а тем более – на земле и вообще в природном мире. Между тем Алексей Багров как подлинный хозяин – и формально, и психологически – знает цену крестьянскому труду, испытывает сам уважение к нему и *воспитывает* в том же духе своего сына Сережу – как будущего полноправного и разумного *хозяина*.

Психологически усложняется такое воспитание совсем иной – *городской* – позицией матери: «*Веселая картина сенокоса не выходила из моей головы во всю дорогу; но, воротясь домой, я уже не бросился к матери, чтоб рассказать ей*

о новых моих впечатлениях. Опыты научили меня, что *мать не любит рассказов о полевых крестьянских работах, о которых она знала только понаслышке; а если и видела, то как-нибудь мельком или издали*. Я поспешил рассказать все милой моей сестрице, потом Параше, а потом и тетушке с бабушкой. Тетушка и бабушка много раз видали косьбу и всю уборку сена и, разумеется, знали это дело гораздо короче и лучше меня. *Они не могли надивиться только, чему я так рад»* [1, с. 520]. И было чему дивиться, потому что женщинам – как дворянкам, так и крестьянкам – было чуждо эстетическое восприятие природы в целом и сельского труда в частности. А именно эту, эстетическую составляющую впечатлений Сережи, конечно, подразумевает Аксаков, ведь он помнит и *знает это по себе*.

В «Семейной хронике» можно обратить внимание на конкуренцию между инстинктами родителей мальчика – Алексея и Софьи Багровых. Жена зачастую ревнует мужа к одержимости природой, но в соперничестве с натуральной природой у нее мало шансов. В переводе влияний на сына подобное же соперничество явно продолжено (или пролонгировано), и шансы матери растут – хотя и не решающим образом.

С одной стороны, эмоциональная близость ребенка с матерью заметно сильнее, чем она была у жениха с невестой, а затем у молодых супругов. Нет и искажающего мотива неравенства (социального и культурного). Время от времени в тексте возобновляются признания героя-повествователя, вроде следующего: «...каким высшим существом являлась мне моя мать! Я начинал смотреть на нее с благоговением, гордился ею и любил с каждым днем более» [1, с. 572]. С другой же стороны, в борьбе за увлечения сына матери приходится то и дело применять почти «запрещенные приемы». Один из них заключается в том, что она апеллирует к возрасту, играет на детском самолюбии и стыдит мальчика: «Оставшись наедине с матерью, я спросил ее: “Отчего отец не ходит удить, хотя очень любит ужение? Отчего он ни разу не брал ружья в руки, а стрелять он также был охотник, о чем сам рассказывал мне?” Матери моей были неприятны мои вопросы. Она отвечала, что никто не запрещает ему ни стрелять, ни удить, но в то же время *презрительно отозвалась об этих охотах, особенно об ужении, называя его забавою людей праздных и пустых, не имеющих лучшего дела, забавою, приличною только детскому возрасту, и мне немножко стало стыдно, что я так люблю удить»* [1, с. 509].

Однако мальчик генетически унаследовал от отца близость к природе и живую связь с нею, и соответствующие инстинкты успешно соперничали в душе ребенка с влияниями матери. При этом интересно, что он готов даже пойти на поводу у аргументов матери и сослаться на свою детскую «незрелость»: «Впрочем, недолго стыдился я моей страстной охоты к ужению. На третий день мне так уже захотелось удить, что я, *прикрываясь своим детским возрастом*, от которого, однако, в иных случаях отказывался, выпросился у матери на пруд поудить с отцом» [1, с. 509].

Сережа подрастает, и его восприятие природы расширяется уже за счет охоты. Развитие этого нового увлечения идет у него по естественной парадигме. На первом этапе он любил наблюдать за охотой взрослых, за ее процедурой и

поведением всех участников – людей, собак, охотничьих ястребов (как наблюдают за игрой артистов на сцене). Как и в случае с рыбалкой, мать Сережи изначально пытается его расхолаживать своим субъективным отношением к охоте: «В этой-то любви обнаруживался будущий охотник. Но, увы, как я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрице, – обе говорили, что *это жалко и противно*» [1, с. 449]. Однако увлечение растет, и на следующем этапе мальчик закономерным образом становится полноправным участником охоты: вначале это ловля птиц силками и сетями, а затем Сережа «дорвался и до ружья».

Этот процесс приобщения к жизни природы и душевного освоения ее сопровождается у героя-повествователя примечательными комментариями. Он, например, научился воспринимать ее ритмы и согласовывать с ними ритмы человеческой, собственной душевной жизни. Например, весной в природе всё на подъеме; она предельно волнует человека и надолго наполняет его своими живительными силами: «Вообще я не умею сказать: было ли мне тогда весело? Знаю только, что воспоминание об этом времени во всю мою жизнь *разливалось тихую радость в душе моей*». Затем волны природных воздействий спадают, и это позволяет герою «опомниться», то есть вернуться в сферу своих, человеческих отношений и привязанностей: «Наконец, я стал спокойнее, присмотрелся, попривык к окружающим меня явлениям, или, вернее сказать, чудесам *природы, которая, достигнув полного своего великолепия, сама как будто успокоилась*. Я стал заниматься иногда играми и книгами, стал больше сидеть и говорить с матерью и с радостью увидел, что она была тем довольна. “Ну, теперь ты, кажется, очнулся, – сказала она мне, лаская и целуя меня в голову, – а ведь ты был точно помешанный. Ты ни в чем не принимал участия, ты забыл, что у тебя есть мать”» [1, с. 505].

Как видим, мать героя старается по максимуму воспользоваться паузой в одержимости ребенка природной жизнью и использует еще один «запрещенный прием»: она пытается уязвить мальчика ослаблением привязанности к самой себе. Как мы помним, намного раньше, еще до рождения детей, сходную тактику она использовала по отношению к молодому супругу. Но волны природных воздействий (оживление – затухание – новое оживление) погасить невозможно: они подчинены естественному ритму. А человеческие взаимоотношения демонстрируют свою, субъективную, логику: «Разумеется, через несколько дней совсем утихло мое волнение, успокоилась совесть, исчезло убеждение, что я дурной мальчик и дурной сын. Сердце мое *опять раскрылось впечатлениям природы*; но я долго предавался им *с некоторым опасением*; горячность же к матери *росла уже постоянно*» [1, с. 506].

В научных трудах об Аксакове в последнее время проявилось акцентирование внимания на религиозных мотивах и придание им преувеличенного, на наш взгляд, значения (см., напр.: [3, с. 116]). В первой части трилогии, «Семейной хронике», автором обозначена духовная рассогласованность увлечений Алексея Багрова и Софьи Зубиной: его вдохновляла и питала природа, а ее – молитва. Иначе говоря, они молились слишком разному. В «Детских годах Багрова-внука» этот мотив еще заметен, но

в основном ушел в подтекст. В «Воспоминаниях» он вновь вполне ощутим, однако в своеобразном выражении.

Начнем с того, что иступленная молитва матери упоминается здесь, в последней части трилогии, лишь дважды. В первом случае мать готовится отдать любимого сына в казанскую гимназию и тем самым лишиться привычного непрерывного душевного контакта с ним: «Она худела и желтела с каждым днем, никогда не плакала и только *более обыкновенного молилась богу, запершись в своей комнате*» [2, с. 14]. Во втором случае она рвется в Казань к больному сыну, и ей мешает непогода: «До самой зари *молилась мать моя, стоя в углу на коленях перед образом той избы, где провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: ветер разогнал облака, и к утру мороз высушил дорогу и тонким ледочком затянул лужи*» [2, с. 36]. Можно понимать и так, что мать молилась богу, – и именно природа вняла ее молитвам. Одно с другим, конечно, согласовано.

У юного Аксакова во время обучения в гимназии наблюдаются явные недоразумения в отношениях с религией. Связанный с ней учебный предмет был единственным, в котором юноша не преуспел: «...слушал я, как сказывали мои товарищи свои уроки из катехизиса и священной истории, как священник задавал новый урок и *что-то много толковал и объяснял; но я не только в этот раз, но и во все время пребывания моего в гимназии не понимал его толкований*» [2, с. 21]. С неприязнью герой-повествователь упоминает, что в гимназии практиковалась «*ходьба фрунтом на молитву*» [2, с. 24].

пост прохо

шая находилась в девяти верстах <...>. Священник был *как-то не расположен к нам*, и мы езжали туда только по самым большим праздникам. Вообще должно сказать, что

службы» [2, с. 72]. Упомянутое здесь отношение к семье со стороны священника (нерасположенность) почти буквально совпадает с тем, как относится учитель-священник к юному Аксакову: «Священник постоянно сохранял ко мне какое-то *неблагорасположение*, несмотря на то, что я знал свои уроки всегда очень твердо. Замечательно, что впоследствии, когда Упадышевский спрашивал его, отчего Аксаков, самый прилежный ученик везде, не находится у него в числе лучших учеников и что, верно, он нехорошо знает свои уроки, священник отвечал: “Нет, уроки он знает твердо; но *он не охотник до катехизиса и священной истории*□» [2, с. 81].

Вместе с тем герой большой *охотник до природы*. И вот при смене ракурса внимания можно в его отношении к природе выявить особые, как бы молитвенные состояния. Естественно, что подобные состояния откликаются на состояние природы и актуализируются они в душевном мире весной:

«Приближение весны в деревне производило на меня необыкновенное *раздражающее впечатление. Я чувствовал никогда не испытанное мною, особого рода волнение.* Много содействовали тому разговоры с отцом и Евсеичем <...>. Простые, но горячие слова западали мне глубоко в душу, потрясали какие-то неведомые струны и пробуждали какие-то неизвестные *томительные и сладкие чувства*» [1, с. 491]. Имея в виду упоминавшуюся уже многосоставность душевной жизни (эмоции – впечатления – воображение – понимание), можно заметить, что «весенние» эмоциональные состояния питаются прежде всего впечатлениями. Воображению за ними не угнаться, а пониманию они вообще не подлежат. То есть всё – как в религии.

Религиозно-молитвенным состояниям в полной мере соответствует, например, такое описание: «Я уже не бегал по двору, <...> а ходил и чаще *стоял на одном месте, будто невеселый и беспокойный,* ходил, глядел и молчал против своего обыкновения. <...> Евсеич не мог надивиться, что я не гуляю как следует, не играю, не прошусь на мельницу, а все *хожу и стою на одних и тех же местах.* “Ну, чего, соколик, ты не видал тут? □ – говорил он. *Мать также не понимала моего состояния и с досадою на меня смотрела; отец сочувствовал мне больше*» [1, с. 504]. Можно интерпретировать это так: мальчик с отцом – единоверцы, а мать – человек другой конфессии. В родство Аксакова-младшего с природой привносится чуждый христианству символ веры, и в душе образуется своего рода *катехизис природы.*

Вместе с тем нельзя обольщаться по поводу этического содержания того, что мы назвали здесь «катехизисом природы». По большому счету, оно отсутствует. Природная жизнь – явление очень многообразное и сложное; ей как бы хватает самой себя, и она не нуждается в таком регуляторе, как человеческая этика. Иначе говоря, в природе нет места добру и злу: ею можно как восхищаться, так и ужасаться. Соответственно, и оказываемое природой воспитательное воздействие может быть с этической точки зрения как позитивным, так и негативным. Так что мать Сережи Аксакова по-своему права в своей этичной реакции, когда сын рассказывает о деталях охоты с ястребом (охотник «начнет бережно отнимать у него перепелку; <...> потом полакомит ястреба оторванной головкой и снова пойдет за новой добычей»), – ей было «*жалко и противно*» [1, с. 449].

Здесь мы вышли к важной теме, которая в науке не разрабатывается, и мы также на нее лишь укажем: разнообразные панегирики охоте в текстах Аксакова – это ведь воспевание узаконенного убийства. В природе жизнь и смерть зачастую идут «рука об руку». И коль скоро человек вписывается в природную жизнь, то она приучает его принимать это как должное. Более того, природные воздействия могут *приохочивать* человека к убийству природных тварей...

Помимо доступности и даже азарта к убийству представителей животного мира (будь то рыбалка или охота), чуткому к природе человеку открывается и другая темная ее сторона, стимулирующая страх собственной смерти [6, с. 87]. Например, смертью грозит разгул природных стихий. Аксаков вспоминает и описывает переправу через реку в непогоду: «Мутные и огромные волны хлестали через нас и качивали с головой; <...> тут-то я *почувствовал такой*

страх близкой смерти, которого я не забыл до сих пор; каждую минуту я готов был лишиться чувств и едва не захлебнулся» [2, с. 97]. И далее следует примечательное признание: «...напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не мог и не могу смотреть равнодушно на большую реку даже в тихое время, а во время бури чувствую невольный ужас, которого не в силах преодолеть» [2, с. 98].

Таким образом, у Аксакова художественная трактовка влияний природы (в том числе воспитательных), пожалуй, почти однозначна: природа всемогуща и преодолевает любые иные влияния. Но заметим, что влияния природы если и значительны, то их нельзя признать исключительно позитивными в плане воспитания человека. Ведь, во-первых, тот же весенний прилет птиц, например, герой-повествователь ожидает отчасти *на прицел своего ружья*. А во-вторых, эти ожидания вытесняют из головы героя многое такое («война с Наполеоном и университет с товарищами»), что нельзя считать малозначимым в жизни человека той эпохи.

Литература:

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 640 с.
2. Аксаков С.Т. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. 508 с.
3. Анненкова Е.И. Мирозерцание Аксаковых: вера – нравственность – идеология // Начало. 1996. № 3/4. С. 105–121.
4. Медведева Т.В. Философия дороги в мемуарной трилогии С.Т. Аксакова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Самара, 2018. С. 116–120.
путь: (по кн. С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука») // Аксаковские чтения-2001. Уфа, 2001. Ч. 1. С. 81–84.
6. Савина Л.Н. повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре. Волгоград, 2001. С. 83–89.

УДК 39

ГРНТИ 18

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН ИЗ НЕИЗДАННОЙ ТЕТРАДИ А.А. НЕСТЕРОВА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА-ФОЛЬКЛОРИСТА

Т. Л. Татарина
ННГК им. М. И. Глинки,
г. Нижний Новгород
E-mail: demestvo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история фольклорных экспедиций нижегородского композитора А.А. Нестерова, основателя нижегородской композиторской школы, и одной из его неизданных тетрадей, куда вошли песни двух регионов – Верхневолжского и Западного. Анализируется

жанровый состав тетради, сопоставляется с опубликованным изданием составителя. Выясняется, что для волжского фольклора из записей характерно преобладание поздних лирических песен, а для западного – старинных обрядовых образцов. Говорится о перспективах реконструкции отсутствующих строф текстов.

Ключевые слова. Русская народная песня, Нестеров, жанры, региональная традиция.

RECORDINGS OF FOLK SONGS FROM THE UNPUBLISHED NOTEBOOK BY A. A. NESTEROV: CONTINUATION OF THE TRADITIONS OF N. A. DOBROLUBOV-FOLKLORIST

Tatyana Tatarinova
Nizhny Novgorod State Conservatory
Nizhny Novgorod
E-mail: demestvo@mail.ru

Abstract. *The article examines the history of folklore expeditions of the Nizhny Novgorod composer A.A. Nesterov, the founder of the Nizhny Novgorod school of composition, and one of his unpublished notebooks, which included songs from two regions – Upper Volga and Western. The genre composition of the notebook is analyzed and compared with the published edition of the compiler. It turns out that the Volga folklore from the recordings is characterized by a predominance of late lyrical songs, while the Western folklore is characterized by a predominance of ancient ritual samples. The prospects for reconstructing missing stanzas of texts are discussed.*

Keywords. *Russian folk song, Nesterov, genres, regional tradition.*

Н.А. Добролюбов заложил очень важную традицию по собиранию нижегородского песенного фольклора. Его последователи, собиратели народных песен – лингвисты и музыканты – распространили свои интересы не только на территорию нашей губернии (области), но и на другие отдаленные регионы. Это подтверждают архивные документы.

В настоящее время, когда во многих случаях состав песенного фольклора в среде деревенских исполнителей меняется и исчезают старинные произведения, составлявшие некогда основу местной традиции, особое значение приобретают эти неизданные ранее записи, хранящиеся в архивах, музеях, семейных коллекциях. При знакомстве с ними складывается мнение о том, что обнаруживали и записывали в соответствующий исторический период в полевых условиях наши предшественники-собиратели, появляется представление об утраченных жанрах, возникает возможность привлечь материалы к исследованиям, к исполнению в аутентичных и молодежных певческих коллективах.

В 2018 году, в период празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Аркадия Александровича Нестерова – композитора, автора симфонических

поэм, тетрады концертов для медных духовых инструментов с симфоническим оркестром, опер, балетов, хоровых и камерных сочинений, народного артиста Российской Федерации, ректора Нижегородской консерватории, почетного гражданина Нижнего Новгорода, основателя горьковской/нижегородской композиторской школы (им воспитано более 50 учеников, в числе которых и автор этого сообщения), основателя кафедры композиции Нижегородской консерватории, Верхне-Волжского (ныне Нижегородского) отделения Союза композиторов России, собирателя нижегородского песенного фольклора, автора собрания «Народные песни Горьковской области», – его дочь, Ксения Аркадьевна, подарила Нижегородской консерватории блокнот с записями народных песен. Он был выставлен в витринах наряду с другими экспонатами – рукописями сочинений, фотографиями, предметами, нотными изданиями – в фойе рядом с Большим залом консерватории, где проводились концертные вечера.

Сам по себе блокнот – карманная нотная тетрадь, выпущенная Музфондом Союза композиторов СССР специально для находящихся в дороге музыкантов. Судя по всему, с подобными тетрадями Аркадий Александрович ездил не раз в командировки и экспедиции, записывал в них мелодии песен и темы своих произведений, что обнаружено было и в рассматриваемой тетради.

Следует отметить, что Нестерову довелось побывать в нескольких поездках, во время которых он зафиксировал более 160 песен. Судя по записям, изданным в сборнике, и по неизданным наброскам-черновикам из подаренной его дочерью тетради, собиратель смог осуществить фиксацию одной или двух строф песен по слуху и смог представить варианты напевов. Состав певцов по отметкам на полях блокнота чаще всего не превышал трио.

В предисловии к своему сборнику народных песен Горьковской области (как, впрочем, и в личной беседе с автором сообщения в годы занятий композицией и подготовки дипломного реферата) Нестеров отметил, что начать собирание фольклора его вдохновил один случай. В 1948 году, оканчивая консерваторию, он искал нижегородские песни для монументальной массовой хоровой сцены к опере «Козьма Минин» на нижегородский исторический сюжет. Обратившись к А.В. Рудневой, он выяснил, что в Кабинете народной музыки Московской консерватории нет новых записей, а подходящие мелодии из ранее опубликованных уже разобраны и использовались в операх композиторов XIX века. Анна Васильевна дала ему воронежские песни из своих довоенных записей. Сочинение было сделано, а неудовлетворенность в связи с подменой песен осталась. В 1950-м году Нестеров оказывается на одном из первых послевоенных праздников народной песни в городе Семёнове. Там он знакомится с хором Александра Петровича Коптева, исполнявшим разную музыку, но более всего удивившим композитора пением старинных семёновских песен. Было принято решение приехать в Семёнов летом того же года с целью поиска и записи песен. С этой поездки начался период активного собирания Нестеровым нижегородского песенного материала. В период с 1950-го по 1954 год композитор записывает песни в нескольких районах Горьковской

области – Семёновском, Лысковском, Пильнинском, Курмышском, Княгининском, в Сормово и Дзержинске.

В вышедшем в 1972 году к 750-летнему юбилею Нижнего Новгорода собрании оказалась опубликованной лишь половина найденных песен. Остальные записи хранились в личном архиве. Однако после смерти композитора семья была вынуждена переехать, и многое при отъезде было утрачено. К примеру, не ясна судьба записей текстов песен, сделанных супругой композитора – Таисией Ивановной Нестеровой. Подробности оказались невыясненными.

Полученный от семьи блокнот вселял надежду на знакомство с оставшимися записями. Но представленный в нем материал и указанные топонимические данные внесли некоторые сомнения в суждение о том, что это полностью нижегородские песни. При выяснении районной принадлежности некоторых сел, указанных в тетради, пришлось столкнуться с отсутствием таковых в числе населенных пунктов Нижегородской области. Сокращенные указания Нестерова были весьма невнятными, что не способствовало мгновенной графологической расшифровке. Подписанные под отдельными примерами названия деревень помогли начать поиск. Одна из деревень – Будаево – была вначале найдена на севере Мордовии, примыкающей к Нижегородской области с ее южной стороны (в Починковском районе). Но было странно, что Нестеров вдруг мог оказаться в Мордовии, а не в Починках. Это не вписывалось в логику собирания им песен только Горьковской области. Поэтому поиск продолжился.

Было найдено село с таким названием в Смоленской области. Тогда это не совпадало с рассказом композитора о неизданной половине горьковских песен. Посчитав образцы из блокнота, автор сообщения пришла к выводу, что их слишком мало (в тетради их было около 20, а должно быть не менее 70-ти) и что это другие записи. На помощь пришли упоминания Аркадия Александровича о его родине – Смоленской области. Оставшиеся деревни тоже были найдены там.

В процессе исследования пометок на полях выяснилось, что экспедиции проводились в 1954-м и 1956-м годах, а интересы собирателя затронули два региона – Верхневолжский, который соотносится по стилю и бытованию песенного фольклора с Центральной региональной традицией, и Западный, образующий собственный стиль. Области соответственно – Горьковская (ныне Нижегородская), Смоленская. Обе они оказались важными в судьбе композитора. В Смоленской области он родился, а Горьковской отдал зрелые годы.

Из записей Горьковской области фигурирует один район – Лысковский, исследованию которого собиратель посвятил немало времени. В юбилейном сборнике из этого района опубликовано более 40 песен, записанных с 1950-го по 1954 годы, что составляет половину всего содержания. В том числе оказались и 9 песен из с. Берендеевка, черновики которых присутствуют в тетради. Всего в блокноте песен из Берендеевки было обнаружено 15, а издано

из них в юбилейном собрании было только 6 (3, очевидно, вошли в сборник из другой тетради):

«Как по лугу, лугу», «Пойдемте-ка, девушки» – хороводные;

«Головушка бедная», «Брови черные» – лирические;

«Воля» и «Ветер дует» – тюремные.

Не изданными оказались 9 песен:

«В гору реки не текут», «Сидела же Катенька», «Скрылось солнышко» – лирические,

«Что печальна сидишь», «Над серебряной волной» (свой вариант мелодии) – городские романсы,

«При широкой долине» – городская ямщицкая,

«Заброшен судьбою», «В саду при долине» – сиротские,

«Огуречки» («Гирочки») – лирическая украинская (русифицированный вариант).

Заметно, что собиратель отдал предпочтение более старинным песням, включая их в юбилейный сборник. Вероятно, могло сказаться общение с А.В. Рудневой, ее советы помогли разобраться в ценности материала. Становится ясно, что часть песен из этого села Нестеров фиксировал прежде в другой тетради.

Смоленские песни не были изданы совсем. Да их оказалось и не столь много. В их числе самые старинные образцы из всего состава блокнота. Нестеров отказался записывать подобные в Горьковской области, ссылаясь на «малоинтересную» мелодику. На вопрос автора сообщения, почему в его сборнике нет древних обрядовых календарных песен, которые, несомненно, в то время можно было записать в области, Аркадий Александрович ответил, что малозвучные напевы не привлекали его как композитора, интерес для него представляли развитые мелодии широкого диапазона с выразительными интонациями и ритмом, пригодные для симфонического тематизма (здесь проявился его индивидуальный композиторский подход к фольклору при осмыслении песенной мелодии как целостной развернутой темы для дальнейшего преобразования и развития).

Возвращаясь к песням из блокнота, можно отметить, что Смолен

—

, где находится д. Княжое, в Кармановский район, а затем в Гжатский, где и был записан композитором). В Гжатском районе было обследовано несколько деревень – Будаево, Мальцево, Кузнечики:

В деревне Будаево записаны:

«В островах охотник» – российская песня (в содержании есть сравнение красавицы с богиней Венерой, характерное для многих образцов этого жанра),

«Посеяли девки лен» – хороводная, текстовый вариант песен «Пахал Захар огород» и «Пахал Филипп огород», записанных в Нижегородской области А.А. Нестеровым и Н.Д. Бордюг в разное время,

«У голубя» – свадебная величальная жениху,
«Дело было летом» – жанровая принадлежность собирателем не указана, но по музыкальной характеристике это протяжная песня.

Из деревни Мальцево:

«Следок» – хороводная песня;

В деревне Кузнечики Будаевского сельсовета записаны:

«Вдоль по улице» – свадебная,

«Широкая улица», «Полно, полно вам, ребята» – хороводные (по отметке на полях – «выбирают девушки»),

«Зимушка-зима» значит как протяжная, но по вариантам текстов из записей других собирателей становится ясно, что это баллада (жена мужа убивает, вешает на березе, а потом сожалеет о содеянном).

«Эх, гуленька», «Хорошо было детинушке» – протяжные.

«Выйду за ворота» – обозначена как плясовая, игровая. Возможно, что кадрильная. Вариант песни, записанной Всеволодом Александровичем Колларом в Ковернинском районе Горьковской области в 1958 г., именно таков.

Кармановский, Починковский район, д. Княжое представил один образец:

«Снежки белые» – свадебная песня, вариант песен из Нижегородской области, опубликованных в юбилейном сборнике Нестерова (близок им по мелодии).

Можно заметить, что в обоих регионах бытовали старинные песни и обрядовой (хороводные, свадебные) и необрядовой принадлежности (протяжные и новые – городского происхождения). При том в Горьковской области преобладала «досюльная» лирика, а в Смоленской – приуроченная.

О певцах можно сказать следующее: они очень различались по возрасту – от 22-х до 70 лет, как очень молодые, так и преклонного возраста, что в настоящее время практически невозможно встретить. В первой своей поездке Нестерову посчастливилось опрашивать певцов и более глубокого возраста. В частности, Пупырёв Степан Федотович, спевший былинку «Трое удалых», вошедшую в его сборник, а позднее – в хрестоматию «Русское народное музыкальное творчество» Елены Михайловны Фраёновой, был 1868 г.р. В 1950-м ему было 82 года. Однако заметно, что большинство певцов на момент записи были еще весьма молоды. К примеру, берендеевской исполнительнице – Веденеевой Александре Ивановне – было в 1954 году 43 года. То есть рождена она была до революции и могла слышать старые песни в соответствующих времени условиях, на момент опроса сохраняла активную память, пела протяжные песни. Городские песни спели 43-летняя Горюнова Мария Андреевна и 42-летняя Вахаева Клавдия Васильевна. Самые молодые певицы – Стулова Нина Федоровна, Вахаева Лидия Николаевна, Низовцева Нина Васильевна 22-х и 24-х лет спели романс «Над серебряной волной». Они рождены были в 30-е годы. По записям видно, что пели родственницы – мать и дочь Вахаевы, и традиция пения еще передавалась от старших к молодым. Серовой Марии Андреевне, спевшей старинную хороводную «Пойдемте-ка, девушки», было 70 лет. Было зафиксировано мужское пение – однофамилец либо родственник композитора – И.П. Нестеров спел «Снежки белые». Тот

факт, что русские свадебные песни исполнялись мужчинами сольно, весьма примечателен (подобное чаще связано с восточной культурой – среднеазиатской, китайской и другими свадебными традициями). Интересно, что и в Горьковской области один из двух вариантов «Снежков белых» исполнил Нестерову тоже певец – Червячков Николай Андреевич 1896 г. р.

Следует отметить, что варианты двух песен исполнялись в семье автора сообщения в Калужской области – «Полно, полно вам, ребята» и «Широкая улица». Это послужило еще одной причиной сомнений в том, что песенные образцы из блокнота соотносятся с Горьковской областью («Широкая улица» не встречается здесь совсем и не отмечена в публикациях). Интонационно и ритмически эти варианты очень близки калужским медленным хороводным песням, исполнявшимся бабушкой автора, Черновой Татьяной Васильевной 1911 г. р. Песня «Полно, полно вам, ребята» звучала в ладу минорного наклонения. У Нестерова же в его собрании опубликован иной вариант песни «Не пора ли вам, ребята». Он свадебный – на разгон гостей во второй день под вынос сладкого пирога. Ладовое наклонение мажорное, темп быстрый. Родство сюжетов и мелодий, сходство функционирования упомянутых песен в условиях быта и обрядах обособляет юго-западную традицию, роднит культуру соседних Калужской и Смоленской областей, выделяет сюжеты, имеющие локальное значение или более широкое распространение.

В настоящее время над материалами тетради ведется работа по реконструкции текстов. Учитывая, что в большинстве песен зафиксировано по две строфы, найти близкие сюжеты довольно сложно. Есть песни, к которым пока вообще не найдены варианты. Их следует продолжить искать. Будет ли положительным результат – сказать пока сложно.

Блокнот с записями песен Аркадия Александровича Нестерова представляет песенную культуру двух регионов, показывает интересы и жанровый выбор певцов с преобладанием лирики позднего происхождения в Горьковской области и обрядовых песен в Смоленской, факт передачи молодому поколению поздних романсов, сохранность наиболее архаичных жанров и образцов в среде певцов глубокого возраста. Выявлены сюжеты, свойственные региону, а также общие для межрегиональной и, в целом, для русской фольклорной традиции.

Работа по исследованию архивных материалов – направление все еще перспективное и интересное, связанное с историей фольклористики. Ждут публикации многие архивы, собранные в предшествующие столетия. Их выход в печатном виде важен для знакомства с ними широкого круга заинтересованных лиц, как важно и дело собирания нижегородского песенного и словесного фольклора, начатое Н.А. Добролюбовым.

Литература:

1. Балакирев, М. Сборник русских народных песен / М. А. Балакирев. – Москва: Музыка, 1936. – 80 с.
2. Нестеров, А. Народные песни Горьковской области / А.А. Нестеров. – Москва: Советский композитор, 1972. – 86 с.

3. Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 3. Сезонно приуроченные лирические песни / отв. ред. М.А. Енговатова, И.А. Никитина. – Москва: Музыка, 2005. – 672 с.
4. Татаринова Т.Л. Творческая семья Нестеровых – собирателей Нижегородского песенного фольклора» // ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ и СЕМЬЯ И ТВОРЧЕСТВО: сборник докладов Международной научной конференции «XLIV Добролюбовские чтения» и Всероссийской научной конференции «Семейное сотворчество – любимому городу» / Под ред. Дмитриевской Г.А., Строгоцкого В.М. – Нижний Новгород : Гладкова О.В., 2020. – 322 с., СС. 205–210.
5. Фраёнова, Е.М. Русское народное музыкальное творчество [Ноты]: хрестоматия / Е.М. Фраёнова; Акад. Муз. Колледж при Моск. гос. Консерватории им. П. И. Чайковского. – Москва: Композитор, 2010. – 250 с.
6. Архивные материалы: тетрадь с записями песен А.А. Нестерова.

А.С. ПУШКИН И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ДЕЙТЕВИТЕЛЬНОСТИ

УДК 8
ГРНТИ 17

МУЗЕЙ ДОБРОЛЮБОВА – А.С. ПУШКИНУ: ПРИНОШЕНИЕ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

*Горева В.В.
Дмитриевская Г.А.
Цыганова Н.М.*

Государственный литературно-мемориальный
музей Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru
E-mail: goreva-v@mail.ru
E-mail: museumnad@rambler.ru

Аннотация. В статье рассказывается об истории создания Музея Пушкина в Нижнем Новгороде в 1999 г. к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина силами Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова.

Ключевые слова: Пушкин, Музей А.С. Пушкина в Нижнем Новгороде, 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина, Пушкин в Нижнем Новгороде, XIX век.

MUSEUM OF N.A. DOBROLYUBOV – TO A.S. PUSHKIN: AN OFFERING FOR DECADES

*V.V. Goreva
G.A. Dmitrievskaya
N.M. Tsyganova*

State literary and memorial
Museum of N.A. Dobrolyubov
Nizhny Novgorod
E-mail: dmitrievskaya.galia@yandex.ru
E-mail: goreva-v@mail.ru
E-mail: museumnad@rambler.ru

Abstract. The article tells about the history of the creation of the Pushkin Museum in Nizhny Novgorod in 1999 on the 200th anniversary of the birth of Alexander Pushkin by the forces of the State Literary and Memorial Museum of N.A. Dobrolyubov.

Keywords: Pushkin, A.S. Pushkin Museum in Nizhny Novgorod, 200th anniversary of the birth of A.S. Pushkin, Pushkin in Nizhny Novgorod, XIX century.

В год празднования 225-летия А.С. Пушкина хочется перенестись на 25 лет назад и вспомнить, что 6 июня 1999 года Музей Н.А. Добролюбова торжественно открыл свой новый филиал – музей пребывания А.С. Пушкина в Нижнем Новгороде. Этому дню предшествовали напряженные дни и годы подготовки. Это важная дата, важное событие для нашего музея, о чем хочется поговорить сегодня.

С первого дня работы литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова (1986 год) пушкинская тема стала для музея одним из важных направлений. Это было обусловлено и тем, что Музей Н.А. Добролюбова – единственный в городе музей, посвященный истории литературы XIX века.

Это было связано и с личностью нашего главного героя – Николая Добролюбова. Все творчество Добролюбова пронизано отсылками, прямыми или косвенными, к Пушкину. Исходя из этих оснований, строилась деятельность музея Добролюбова в отношении пушкинской тематики.

В Музее Добролюбова был создан пушкинский клуб, затем выросший в Пушкинское общество (нижегородское отделение). В течение ряда лет им руководил известный пушкинист профессор Всеволод Грехнев.

Научная общественность города ратовала за увековечивание памяти Пушкина в Нижнем Новгороде, хотя в самом городе А.С. Пушкин лишь однажды бывал проездом в течение 2 дней. Первый директор будущего пушкинского музея в Нижнем Новгороде Геннадий Бедняев писал: «Два дня, но каких!». Основания создать музей были, было и подходящее мемориальное место.

На площади Минина и Пожарского Нижнего Новгорода (тогда еще города Горького) сохранилось в перестроенном виде здание гостиницы купца Дмитрия Деулина, в которой останавливался Пушкин 2-3 сентября 1833 г. В советское время нем находилась школа. Сейчас это гимназия №1 с углубленным изучением немецкого языка.

Решение о создании здесь музея А.С. Пушкина было принято городскими властями за десять лет до 200-летия поэта в 1989 г. Под музей было освобождено помещение общежития сотрудников школы, сделан пристрой.

В 1991 г. на здании была установлена мемориальная доска – бронзовая литая с барельефным портретом А.С. Пушкина на фоне Нижегородского кремля. Скульптор Иван Иванович Лукин, архитектор Георгий Пантелеевич Малков.

На доске надпись: «Здесь в бывшей гостинице 2-3 сентября 1833 года останавливался А.С. Пушкин».

Создать музей было поручено коллективу музея Н.А. Добролюбова.

Добролюбовский музей взялся за осуществление подготовки к открытию в нашем городе музея А.С. Пушкина, занимаясь собирательской и выставочной работой, формируя коллекции, собирая вокруг себя пушкинский актив. Были установлены связи с теми, кто в той или иной форме хранит, собирает, исследует, популяризирует пушкинское наследие: это коллеги-музейщики из

пушкинских музеев страны, ученые-пушкинисты, краеведы, художники, писатели, артисты, коллекционеры.

Параллельно шла работа по организации выставок пушкинской тематики в музее Добролюбова. Все прошедшие за эти годы пушкинские выставки не поддаются перечислению.

В октябре 1996 г. на расширенном заседании Ученого совета музея Добролюбова был утвержден окончательный вариант концепции музейной экспозиции «Пушкин и Нижний Новгород пушкинской поры».

Далее прошла «репетиция» будущей пушкинской экспозиции – в пространстве музея Добролюбова на 2 этаже была показана собранная за этот период экспонататура.

В экспозиции нашли отражение 2 главных сюжетных линии: пребывание А.С. Пушкина в Нижнем Новгороде, его родственная связь с Нижним и сам город пушкинской поры, его история, архитектура, жители. Была отражена «женская» и «мужская» линия дворянской культуры той поры.

Так, среди портретов была представлена работа неизвестного художника 30-х годов XIX века. Нижегородскими исследователями было сделано предположение, что на нем изображена жена попечителя Горбатовского уездного училища, коллежского асессора Аполлона Николаевича Саламыкова – Александра Васильевна.

В экспозиции этот провинциальный портрет символизировал образы тех нижегородцев, которых встретил на приеме у губернатора А.С. Пушкин. Воспоминания одной из них, Лидии Никольской, были о встрече с Пушкиным: «А какой он веселый, любезный, прелесть! Этот дурняшка мог нравиться!».

Выставка вызвала горячий интерес нижегородцев.

А 6 июня 1999 года, в день 200-летия поэта, музей Н.А. Добролюбова открыл свой новый филиал – музей А.С. Пушкина. В праздничный день открытых дверей нижегородцы и гости города смогли посмотреть пушкинскую экспозицию и выставку работ нижегородского художника Дмитрия Арсенина.

Для экспозиции были специально сделаны заказы копий: живописные копии портретов Сары Юрьевны Пушкиной и Алексея Федоровича Пушкина во Всероссийском музее А.С.Пушкина (Санкт-Петербург), выполненные художником-копиистом Е. Беловой. Это прадед и прабабушка А.С. Пушкина по материнской линии (родители Марии Алексеевны Ганнибал). Сара Юрьевна, урожденная Ржевская, была дочерью одного из первых нижегородских губернаторов Юрия Алексеевича Ржевского.

Также для экспозиции были заказаны копии рукописей. Их выполнил в Петербурге Юрий Васильевич Клопов. Это два письма Александра Сергеевича жене Наталье Николаевне из Нижнего и 1 лист рукописи «Отрывки из путешествия Онегина» и др. Тему путешествия Пушкина иллюстрировали виды Петербурга, Москвы, Казани, живописный портрет нижегородского губернатора Михаила Бутурлина

Жизнь Нижнего Новгорода была представлена подлинными литографиями с видами города, рядом портретов нижегородцев. Специально для новой экспозиции художнику Виктору Соколову были заказаны акварели из

серии «Нижний Новгород пушкинской поры», в которых автор реконструировал облик нижегородских улиц.

Несмотря на небольшую площадь музея А.С. Пушкина, а новый музей стал центром притяжения для всех, кто интересуется жизнью и творчеством поэта, здесь происходило много событий: встреч, концертов, лекций и, конечно, экскурсий.

В 2007 г. было принято решение о передаче помещений музея Пушкина в Нижнем Новгороде музею-заповеднику «Болдино».

Новую экспозицию музей «Болдино» создавал уже на своих материалах.

А музей Добролюбова продолжает хранить в своих фондах и популяризировать предметы, связанные с жизнью и творчеством Александра Сергеевича Пушкина. Среди них прижизненные издания поэм «Братья-разбойники», «Руслан и Людмила». Есть обширная коллекция предметов художественного творчества, созданных под влиянием наследия А.С. Пушкина: работы художников, памятные сувениры. Так, нижегородский коллекционер Алексей Сергеев передал музею собрание экслибрисов, пригласительных билетов на пушкинские праздники и события, значков.

Так же, как в начале деятельности, музей Н.А. Добролюбова поддерживает интерес к биографии и творчеству Александра Сергеевича Пушкина.

Нельзя не рассказать о последнем перед началом ремонта в нашем музее ярком и масштабном «пушкинском» событии.

6 июня 2019 года в Музее Добролюбова прошел праздник «Мы – наследники Пушкина: "В его стихах впервые сказала нам живая русская речь..."» посвященный 220-летию со Дня рождения А.С. Пушкина и Дню русского языка. Праздник начался с детской программы для воспитанников Областного центра социальной помощи семье и детям «Журавушка». Для них были проведены мастер-классы, словесные игры, интерактивные мероприятия по сказкам А.С. Пушкина с использованием театральных кукол, головных уборов героев сказки «Золотой петушок» в технике оригами, тематические экскурсии «Мы советуем вам почитать Пушкина». На протяжении всего дня звучало пушкинское слово, проходил осмотр выставок «Театр уж полон...» (эскизы декораций и костюмов к пушкинским спектаклям) и «Пушкин – наше все» из фондов Музея Добролюбова. В яркой, живой форме участники получили представление о Пушкине как о реформаторе русского литературного языка – сокровищницы нации, о необходимости беречь нашу родную речь и о способах борьбы с речевыми ошибками.

Перед участниками выступили артисты Академического театра оперы и балета им. А.С. Пушкина с ариями и романсами на стихи А.С. Пушкина. Анна Ермакова, заслуженный работник культуры РФ, рассказала о сценографии Анатолия Мазанова к пушкинским спектаклям на фоне одноименной выставки Музея Добролюбова. Пушкинское слово звучало в музее весь день, который закончился для гостей музея литературно-музыкальной композицией «Уездной барышни альбом». Мероприятие способствовало формированию бережного отношения к русскому языку, воспитанию культуры письменной и устной речи в яркой, образной, живой форме, популяризации пушкинского наследия – всему, чему старается следовать в продолжение пушкинских традиций Музей Добролюбова.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сенюткина О.Н.,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород
E-mail: senutkina@mail.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «№ 24-28-00188, <https://rscf.ru/project/24-28-00188/>»

Аннотация. Интерес к истории формирования поликонфессиональной культуры в современных условиях не иссякает, хотя бы в силу того, что мы продолжаем жить в многоконфессиональном обществе. Исторические традиции и национальные особенности российского поликонфессионализма невозможно исследовать без внимания к выдающимся деятелям культуры. Среди них, безусловно, мы называем А.С. Пушкина, поскольку на основе творчества отдельных людей закладываются и укрепляются основы духовно-нравственной специфики той или иной локальной цивилизации. На роль личности в формировании поликонфессиональности общества влияет объективная историческая ситуация общественной жизни и талант деятеля культуры, его способность уловить нюансы происходящих перемен. Автор, опираясь на произведения поэта и исторические источники, изучил те особенности жизни и творчества А.С. Пушкина, которые были связаны с поликонфессиональностью российского общества, и те черты объективной реальности, что были присущи первой половине XIX века.

Ключевые слова. Пушкин, поликонфессиональность, культура России, XIX век.

ALEXANDER SERGEEVICH PUSHKIN AND THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN MULTI-CONFESSIONAL CULTURE

O.N. Senyutkina
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
Nizhny Novgorod
E-mail: senutkina@mail.ru

Abstract. Interest in the history of the formation of multi-confessional culture in modern conditions does not dry up, if only due to the fact that we continue to live in a multi-confessional society. It is impossible to study the historical traditions and national characteristics of Russian multi-confessionalism without paying attention to

outstanding cultural figures. Among them, of course, we call A.S. Pushkin, since on the basis of the creativity of individual people the foundations of the spiritual and moral specificity of a particular local civilization are laid and strengthened. The role of the individual in the formation of multi-confessional society is influenced by the objective historical situation of public life and the talent of the cultural figure, his ability to grasp the nuances of the changes taking place. The author, relying on the works of the poet and historical sources, studied the features of the life and work of A.S. Pushkin, which were associated with the multi-confessional nature of Russian society and those features of objective reality that were inherent in the first half of the 19th century.

Keywords. *Pushkin, multi-confessionalism, culture of Russia, XIX century.*

Отношение А.С. Пушкина к разным конфессиям может быть объяснено только с учетом понимания особенностей российского общества в период, предшествующий первой половине XIX века. Общество российское и его культура изначально формировались как полиэтничные и поликонфессиональные. Истоки российской государственности и появление первой династии было связано с призванием Рюрика на Русь, а позвали его на управление представители и славян, и финно-угров («Сказали руси (то есть варягам – авт.) чудь, славяне, кривичи и весь...») [4]. Языческие верования долгое время веками сохранялись на параллелях с православными на территории Восточно-Европейской равнины даже после официального крещения Руси. Известно глубокое знание А.С. Пушкиным русского фольклора, народной культуры.

Постепенно в российскую культуру входили исламская, буддистская, еврейская и многие другие конфессии: общество становилось поликонфессиональным.

В формате статьи принципиально важно понимать позицию государства в вопросах конфессиональной политики. Политическая элита далеко не сразу пришла к признанию терпимости всех конфессий: духовно-нравственные основы российской цивилизации закладывались в условиях принятия византийской модели отношений государства и религии и представляли собой доминирование православного христианства. Однако пополнение населения страны по мере расширения её территории заставило «верхи» общества выбирать модуль взаимосвязи государства и конфессий. Попытка середины XVIII века христианизировать многобожников и мусульман Среднего Поволжья усилиями Новокрещенской конторы оказалась двойственной по результатам. Для мусульман действия по «надеванию крестов» не увенчались успехом: мусульмане остались «крепки в вере».

Процесс узнавания вероучений и религиозных практик, сохранявшихся, устоявших в процессе христианизации конфессий, тоже происходил не сразу. Как А.С. Пушкин мог узнать, например, об исламе и ознакомиться с содержанием мусульманского вероучения? К этому сложились определенные исторические предпосылки, в частности, отход от жесткости «Соборного Уложения царя Алексея Михайловича», по которому в главе XXII «Указ за

какие вины кому чинить смертную казнь, и за какие вины смертие не казнить, а чините наказание» за перевод из православия в ислам устанавливалась смертная казнь: «А будет кого бусурман (т.е. мусульманин – авт.) какими-нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а същется про то допряма, и того бусурманина по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия...» [6].

Некоторое смягчение по отношению к исламу произошло в «просвещенную эпоху Екатерины Великой», и это отразилось на правовом поле страны. Ко времени жизни поэта в конце XVIII века был принят Указ «О веротерпимости», что говорило об определенном движении России по пути просвещения: был юридически оформлен новый этап в государственно-исламских отношениях. Но только ближе к концу жизни А.С. Пушкина, в 1832 году, Соборное Уложение было заменено в правовом российском поле «Полным собранием законов Российской империи», в котором статус терпимой религии был подтвержден.

Итак, сама российская действительность позволяла людям первой половины XIX века знакомиться с содержанием мусульманского вероучения и с текстом Корана. Ещё в 1716 году по указу Петра I Петербурге в Синодальной типографии был издан перевод Корана на русский язык «Алкоран о Магомте, или Закон турецкий» – название объясняется тем, что в то время халифом всех правоверных мусульман был именно турецкий султан. Перевод был сделан с текста Корана на французском языке (перевод Андре дю Рие), кем именно – точно не известно.

Но, по мнению специалистов, Пушкин познакомился с Кораном в русском переводе драматурга М.И. Веревкина, который сделал его в конце XVIII века с английского издания [3, с. 9]. Отношение православного общества к исламу, а именно неверие в Божественное Откровение пророку Мухаммаду, отразилось в названии перевода: ««Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих». Талант переводчика М.И. Веревкина косвенно подтверждается свидетельством историка М.И. Пыляева Он писал: «известный переводчик “Корана“ и автор комедий: “Так и должно“ и “Точь-в-точь“ и многих других сочинений за подписью “Михалево“ (название его деревни), сделался известен еще императрице Елисавете следующим образом: однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву, которая ей очень понравилась, императрица пожелала перевести ее по-русски. Шувалов сказал императрице: „Есть у меня человек, который изготовит вам перевод к концу обеда“, и тотчас отослал молитву к Веревкину. За обедом еще принесли перевод. Он так понравился императрице, что она наградила переводчика 20 000 рублями. Веревкин был другом Фонвизина и Державина» [5, с. 480].

Можно предположить, что знакомство с текстом Корана именно в переводе М.И. Веревкина произошло не только у А.С. Пушкина. Возможности

знакомства великих деятелей русской культуры с достижениями иных культур все более включались в российское общество.

«Ход русской жизни на протяжении веков определялся православным календарем, и словесность российская вдохновлялась идеалами Христианства, но из ряда влияний Исламское – пожалуй, сильнейшее по мощи и убедительности» [3, с. 8], – писал наш современник М.И. Синельников, поэт и переводчик.

Принятие иной культуры во многом определяется личным общением. Гавриил Державин (1743-1816) провел детство в Казани и наверняка среди его друзей были мусульмане по вероисповеданию. Державин гордился своим происхождением от золотоордынского мурзы Багрима, отразив эти корни в «Послании Мурзы Багрима к царевне Доброславе», в тексте которого угадываются Екатерина II и сам поэт, именующий себя мурза Багрим. Державину принадлежит фраза: «Мурзой именовал себя автор (Державин – авт.) потому, как выше явствует, что произошел он от татарскаго племени» [2].

Видимо, эти обстоятельства не позволяли знаменитому поэту неуважительно отзываться об исламе как религии, якобы исказившей христианство.

«Мурза, Багримов сын, царевне Доброславе
Желает здравия, всех благ её державе:
Чтоб розами уста, в лилеях грудь цвела,
Чтоб райскою росой кропил тебя Алла
И, вознеся престол как солнце твой высоко,
Хранил тебя на нём яко зеницу ока».

Обворожен Востоком был и А.Пушкин, шедший по стопам Г. Державина. Его произведения полны восточными мотивами. Назовем «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Путешествие в Арзрум», «Подражания Корану» (цикл из девяти стихотворений) и др.

«В пещере тайной, в день гонения
Читал я сладостный Коран...» [3, с. 10], –
писал А. Пушкин во время ссылки в Михайловском.

«Многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» [3, с. 9], – замечал А.С. Пушкин.

Продолжать намеченный сюжет можно было бы бесконечно. Но в качестве заключения к небольшой статье отметим, что в последнее время всё большее внимание россияне, особенно российские мусульмане, уделяют наличию исламских мотивов в российской культуре. Примерами могут служить издания последних лет: «Взгляд на Восток в российском изобразительном искусстве» М., 2023 [1], «Незримое благословение. Исламские мотивы в русской поэзии» (2008, 2011) [3] и другие.

Литература:

1. Взгляд на Восток в российском изобразительном искусстве» М., 2023.

2. Державин Г. Объяснения // <http://derzhavin.lit-info.ru/derzhavin/proza/obyasneniya-1.htm#7>

3. Незримое благословенье. Исламские мотивы в русской поэзии. Москва-Нижний Новгород. 2011.
4. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. XI-XII века.
5. Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. М., 2007.
6. Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство. В 9 т. Т. 3. М., 1985. Гл. XXII. Статья 24.

УДК 8
ГРНТИ 17

**«СТРАННЫЕ СБЛИЖЕНИЯ». А.С. ПУШКИН И А.Н. ТОЛСТОЙ
(БИОГРАФИЧЕСКИЕ, ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ
ПАРАЛЛЕЛИ)**

Андреева И.Г.
ГМИРЛИ им. В.И. Даля
г. Москва
E-mail: salagar-inna@mail.ru

***Аннотация:** В 1937 году в России широко праздновалось 100-летие со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина. Одним из самых деятельных членов Правительственной Комиссии был Алексей Николаевич Толстой. Эта деятельность и, впоследствии, активная работа в Пушкинской комиссии, выдвинувшей писателя в действительные члены Академии наук, воодушевила Толстого позиционировать себя последователем А.С. Пушкина как в творчестве, так и в работе над совершенствованием современного русского языка. В статье рассматриваются биографические, поведенческие и творческие параллельные нити, связывающие творчество А.С. Пушкина и А.Н. Толстого. Исследуются приемы и методы двух классиков, позволяющие установить истоки позиционирования, о котором говорилось выше.*

***Ключевые слова.** Александр Пушкин, Алексей Толстой, История Петра, Роман «Петр Первый», Любовь к Отечеству, Различные жанры творчества, Дуэльная история.*

**“STRANGE APPROACHES”. A.S. PUSHKIN AND A.N. TOLSTOY
(BIOGRAPHICAL, BEHAVIORAL AND CREATIVE PARALLELS)**

I.G. Andreeva
State museum of the history of Russian literature named by V.I. Dal
Moscow
E-mail: salagar-inna@mail.ru

***Abstract.** In 1937, Russia widely celebrated the 100th anniversary of the Alexander Sergeevich Pushkin death. One of the most active members of the Government Commission was Alexey Nikolaevich Tolstoy. This activity and active work in Pushkin commission, which nominated the writer to full members of the*

Academy of sciences inspired Tolstoy to position himself as a follower of Pushkin, both in his work and in work on improving the modern Russian language. In article discusses biographical, behavioral and creative parallel threads, which connect creativity works by Pushkin and Tolstoy. The techniques and methods of two classics are investigated, which make it possible to establish the origins of positioning, which were mentioned above.

Keyword. *Alexander Pushkin, Alexey Tolstoy, Peter's story, roman "Peter the Great", love for the fatherland, the various genres of creativity, the duel story.*

Рассматривая многотомный труд И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России», поневоле задумываешься о том, скольким исследователям петровской эпохи помогли в работе собранные историком народные предания о Петре I, устные рассказы сподвижников первого российского императора, собранные Голиковым личные письма Петра I, огромный корпус книг по истории России конца XVII – середины XVIII веков. У просвещённых людей того времени писания И.Голикова пользовались огромной известностью, многие зачитывали их до дыр. И далее, в XIX веке, когда появились исследования других историографов, «Деяния...» И.Голикова продолжали пользоваться прежней популярностью. Император Николай I считал их своими настольными книгами, более того, многие отрывки «Деяний...» он читал наизусть.

Мы ещё вернёмся к многотомному сочинению И.И. Голикова, анализируя работу с ним А.С. Пушкина и Алексея Толстого. Сейчас же коротко остановимся на родственных, биографических связях двух родов – Толстых и Пушкиных.

Пётр Андреевич Толстой – сподвижник Петра I, дипломат, вывезший из Италии царевича Алексея, основатель рода Толстых и первый получивший титул графа, поручил С.Рагузинскому (Владиславичу) привезти в дар Петру I из османской столицы в Россию двух мальчиков-арапов, одному из которых – Ибрагим Петрову суждено было стать прадедом А.С. Пушкина. Граф, адмирал Иван Михайлович Головин – общий предок Пушкина и Толстого. Его средняя дочь Евдокия вышла замуж за Александра Петровича Пушкина и стала прабабушкой поэта, а младшая дочь Ольга вышла за князя Трубецкого и стала прапрабабушкой Льва Николаевича Толстого. Таким образом, великий русский писатель, как и Лермонтов, приходится детям Пушкина пятиюродным дядей, а самому Пушкину четвероюродным племянником. Сам он об этом знал и был особенно дружен со старшей дочерью поэта Марией Александровной Пушкиной. Впервые увидев ее на одном из приемов, граф был поражен необычной внешностью девушки. В свою очередь, Алексей Николаевич Толстой являлся Льву Николаевичу внучатым племянником.

Немало общего у двух этих славных родов нашего Отечества. Например, председатель и активный участник литературно-поэтического общества «Зелёная лампа» Я.Н. Толстой был дружен с Пушкиным, который также был членом «...лампы».

Говоря о связях родов Толстых и Пушкиных, также нельзя не вспомнить чудесную пушкинскую строчку «Толстого кистью чудотворной...» из «Евгения Онегина», где речь идёт о Ф.П. Толстом, известном акварелисте, медальере и силуэтисте.

Собственно, именно благодаря Фёдору Петровичу у ещё одного известного представителя Толстых появилось прозвище «Американец», когда один заменил другого в экспедиции Крузенштерна. Речь пойдёт о Фёдоре Ивановиче Толстом.

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.

Во втором послании «Чаадаеву» Толстой-Американец уже назван «философом», который «...просветил себя, загладил свой позор:/ Отвыкнул от вина и стал картежный вор...».

В данном случае «картежный вор» означает шулер. Стихи Пушкина здесь звучат сознательным оскорблением Американца (многие, в том числе и П.Вяземский, не одобрили их резкость), но вместе с тем – это и насмешка над обществом, которое узаконило снисходительность по отношению к «благородному» шулерству. Взять, например, повесть «Два гусара» Л.Н. Толстого: герой повести – старший гусар, прототипом которого является Толстой-Американец, благородно обыгрывает другого шулера для того, чтобы отдать деньги и тем самым спасти молоденького офицера. Тут же можно вспомнить и сцену карточной игры между Долоховым и Николаем Ростовым. В то время такое поведение составляло одну из черт маски, стереотипа, романтического демона – фаталист, дуэлянт (бретер), шулер, развратник и т.п. Толстой-Американец сознательно создавал вокруг себя, во всех своих проявлениях, ореол романтического демонизма.

Отношения по типу «друг-недруг» характеризовали схему общения Пушкина и Толстого-Американца. 1 мая 1829 г. Фёдор Иванович Толстой от имени Пушкина просил руки Натальи Гончаровой (сват поэта) у её матери Натальи Ивановны Гончаровой. Тот самый Толстой-Американец, с которым Пушкин собирался стреляться, да потом помирился. В тот период Пушкин и Фёдор Толстой часто совместно кутили в салонах Петербурга, в частности, в доме Вяземских. Говоря об исторических связующих оба рода нитях, интересно также отметить побочную линию, идущую со стороны Гончаровых.

Если внимательно и вдумчиво изучать биографии Александра Сергеевича Пушкина и Алексея Николаевича Толстого, то нельзя не заметить множества сходных черт. Пушкинская эпоха – это эпоха русской жизни, в которой устная речь: разговоры, дружеские речи, беседы, проповеди – играют огромную роль. Характерной чертой эпохи вообще и, в частности, самого Пушкина, является стремление к словесному закреплению своих чувств и мыслей. Пушкинское определение этого оригинального общественного движения – «...дружеские споры» «между Лафитом и Клико». Пушкин в совершенстве обладал этим умением. Алексей Толстой также прекрасно владел устной речью, искромётным

юмором, умно полемизировал. В связи с этим вспоминается разговор одного из современников А.Толстого с дворником знаменитой Собачьей площадки (Арбат):

«– Вон пошёл Толстой – большой писатель.

– А откуда Вы знаете, что он такой хороший писатель? Что Вы его читали?

– Да нет, не читал. Но думаю, если он пишет так же, как говорит – ну это что-то особенное!» [8, с. 146].

Также в глаза бросается схожесть А.С. Пушкина с А.Н. Толстым, выражающаяся в поведении в обществе, в воздействии слов на поведение, знаков, суеверий, влияющих на быт. Все подобные случаи строго задокументированы ближайшим окружением обоих писателей. Как Пушкин, так и Толстой не мыслили себя без свободолобия, культа праздника, радости и чувственной любви.

В празднике, пире, разрушении консервативных норм поведения и официальной морали – виделись протест, реализация вольности, свободы. Пушкину были присущи щегольство, щедрость, литературность и театральность поведения в обществе, а также употребление ненормативной лексики, что, как известно, выражено даже и в стихах – все вышеперечисленные признаки в той же мере присущи и Алексею Николаевичу, что в полной мере отражено в воспоминаниях В.Берестова, К.Пугачёвой, Ф.Раневской, М.Горького, В.Ходасевич, К.Чуковского и пр. Также как и у Пушкина, у Толстого был дар превращать будни в праздники.

Говоря о явном поведенческом сходстве двух великих писателей, нельзя не остановиться подробно на одном из ценнейших качеств человека, а именно – умении дружить. И начнём мы, конечно же, с Александра Сергеевича. Прежде всего, это общеизвестное лицейское братство. Последней просьбой раненого поэта было одно – чтобы не наказывали секунданта трагической дуэли, лицейского друга, Константина Данзаса: «ведь он мне брат».

Вспоминается также письмо из ссылки ещё одного лицеиста-декабриста Ивана Пущина «...Если бы не дружба старых товарищей, я был бы совершенно отчуждён от мира.»[15, с. 232].

Друзья мои, прекрасен наш союз,
Он, как душа, неразделим и вечен...

19 октября 1827 г., в день десятилетия окончания Лицея, на квартире у лицеиста Яковлева Пушкиным будут написаны следующие строки:

Бог в помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!..

Не секрет для исследователей биографии поэта существование дружественного триумvirата: Пушкин – Баратынский – Дельвиг. В 1831 году, после смерти Дельвига, одного из самых близких друзей поэта, Пушкин пишет П.А. Плетнёву: «...Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее – был

свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души – и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости, С ним читал я Державина и Жуковского – с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами...» [12, с. 267].

И мнится, очередь за мной,
Зовёт меня мой Дельви́г милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой...

При ближайшем рассмотрении биографии Алексея Николаевича Толстого бросается в глаза его отношение к дружбе, столь сходное с отношением к ней Александра Сергеевича. Вот свидетельство И.Эренбурга: «Он меня не учил, но радовал... своей верностью друзьям...» [8, с. 391].

Отметим многолетнюю настоящую дружбу с Вяч. Я. Шишковым. Для Толстого всегда важна была действенность дружбы, что доказывает история с Д.Д. Шостаковичем: в ответ на хулительные статьи в газетах, обвинявшие Шостаковича в «тлетворном влиянии Запада», в «какофонии вместо звуков», Толстой опубликовал статью, доброжелательно и внимательно рассматривающую творчество Шостаковича как великого русского композитора, наследника прошлых русских музыкальных гениев.

Крепкая и прочная дружба связывала Алексея Николаевича с академиком Петром Леонидовичем Капицей. Не надо много слов, достаточно лишь воспоминаний вдовы Анны Алексеевны Капицы о том, как часто после смерти Алексея Николаевича учёный вспоминал о нём и не позволял окружающим негативных высказываний о писателе. Тем же, кто допускал хулительные речи в адрес Толстого, он просто отказывал от дома.

Можно было бы много говорить о дружественных связях А.Н. Толстого, среди которых были и Фаина Раневская, и Соломон Михоэлс, и Рина Зелёная, и Галина Уланова, и акад. П.П. Лазарев и др. Ещё долго многие друзья Толстого уже после его смерти приходили в день рождения писателя в дом на Спиридоновке почтить его память.

Внимательному исследователю биографии и творчества обоих писателей невозможно не заметить сходных черт в, собственно, творчестве А.С. Пушкина и А.Н. Толстого. И первое, что бросается в глаза, это, естественно, их многожанровость. Тут тебе и сказки, и лирика, и повести, и рассказы, и романы («Евгений Онегин» – роман в стихах), и историческая проза, и фантастика (у Пушкина сюда свободно можно отнести «сон Татьяны» из «Евгения Онегина» и поэму «Медный всадник»), и увлечение историей Отечества: у Пушкина это и «Песнь о вещем Олеге», и «Полтава», и «История Пугачёва», а у Толстого это «Пётр Первый», трилогия «Хождение по мукам» и др., и, наконец, драматургия. У Пушкина это прежде всего «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии», а у

Толстого это «Касатка», «Любовь – книга золотая», «Иван Грозный» – драматическая диалогия и др.

Говоря о драматургии, нельзя не отметить особого отношения Пушкина и Толстого к театру как главнейшему виду искусств. Как Александра Сергеевича, так и Алексея Николаевича волновала судьба русского театра.

Пушкин был дружен с великим русским актёром М.С. Щепкиным и долго уговаривал его взяться за написание мемуаров. Толстой же был более всеяден и дружил со многими выдающимися актёрами и режиссёрами своего времени. И эти «театральные» дружбы также сближают наших героев. Толстой вообще был одержим театром, его всю жизнь манила сцена, более того, он был готов играть на любой сцене, в любом театре, всякий раз он так и рвался на сцену. Ему таки удалось пару раз сыграть на театральных подмостках.

И прежде всего, прежде всех своих достижений на поприще литературы, Алексей Николаевич считал и называл себя драматургом, чем немало изумлял окружающих его слушателей и даже приводил в недоумение.

Помимо многожанровости, у писателей есть и другие общие творческие черты. Например, если проводить сравнительный анализ двух повестей, пушкинской «Пиковой дамы» и толстовского «Ибикуса», то можно найти немало общего.

В «Пиковой даме» в образе инженера Германна Пушкин показал самовлюблённость, честолюбие, готовность героя ради собственного возвеличивания и обогащения «перешагивать через трупы». Герой повести А.Толстого «Ибикус» – Невзоров испытывает любовь исключительно к богатству, готов идти на преступление ради собственной наживы, он законченный индивидуалист и стремится к царствованию над всем миром. В этой повести мы можем ярко наблюдать пушкинские тенденции раскрытия психологии образа.

Одной из важнейших и ярчайших черт у обоих писателей, несомненно, является любовь к Отечеству. За подтверждением этого суждения долго ходить не надо. Достаточно вспомнить строки Пушкина о России из «Бородинской годовщины»:

Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: всё стоит она!

.....
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..

Можно ещё много вспомнить стихотворений, где каждая пушкинская строка дышит любовью к Отечеству. Упомянем ещё только его знаменитое «Клеветникам России».

А что же Алексей Николаевич? Бесспорно, этой отеческой любовью пропитаны многие сочинения писателя. Ярче всего это чувство проявилось, конечно же, во время Великой Отечественной войны. Это и сборник «Рассказы Ивана Сударева», в особенности рассказ «Русский характер», и многочисленная публицистика военного времени – «Что мы защищаем», «Родина», «Русские

воины»: «Держава русская велика, и не годится русскому человеку, если послали его оборонять честь державы, пятиться ради своего живота» [6, с. 433].

Более всего сходство двух великих писателей выражается в их отношении к русскому языку. Гоголь в статье о Пушкине пишет, что «в нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Слова Гоголя о Пушкине, приведённые выше, можно было бы отнести и к А.Толстому. От Ивана Грозного и Петра Великого до героев «Чудаков» и «Заволжья», до майора Дрёмова в рассказе «Русский характер» – целая галерея русских характеров, обладающих яркой палитрой русской речи. Из доклада А.Н. Толстого на первом съезде писателей: «Грохот пушек и скорострельных митральез Пугачёва, отлитых уральскими рабочими, слышен повсюду... Молодой Пушкин черпает золотым ковшом народную речь, ещё не остывшую от пугачёвского пожара» [7, с. 456]. Каждое слово у Пушкина, как и у Толстого, живописно и вызывает зримые картины.

Далее мы проследим за тем, как оба писателя, каждый по-своему, осваивал неподъёмную, обширную и невероятно трудную для себя тему – тему Петра Великого, его деяний, его правления, его следа в русской истории. Рассмотрим также, как трансформировался образ первого императора в творчестве обоих писателей.

В 1827 году Пушкин пишет «Арап Петра Великого». В нём поэт показывает человеческие качества Петра, его отзывчивость, доброту, юмор, терпение в обучении и наставлении юного Ганнибала. А в 1917 году Толстой впервые обращается к этой теме в своём рассказе «День Петра», где Пётр представлен сатрапом, своенравным самодуром, который из чувства зависти к соседям пытается оевропить Россию.

В 1828 году в свет выходит поэма А.С. Пушкина «Полтава», где описан великий момент русской истории – полтавский бой, героем которого был Пётр I. Победа в Полтавской битве открыла России возможность перехода от феодальной отсталости к всеобщему европейскому существованию. Ровно через сто лет, в 1928 году Толстой пишет «На дыбе», что закладывает основы началу работы над его фундаментальным романом «Пётр I». Начинается сбор материалов, документов, писем. Сам рассказ посвящён казни стрельцов, убийству сына, тирании и деспотизму Петра. Для решения важных политических и экономических задач Пётр I взваливает на плечи народа непосильный труд.

В 1833 году Пушкин пишет свою поэму «Медный всадник». Уже в этом произведении Пушкин показывает, что Пётр был не только великим преобразователем России, но и жестоким властелином, в действиях которого проступали дикость, «закорючки своевольтва и варварства».

И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжёлым топотом скакал.

С конца 20-х годов А.С. Пушкин начал собирать и изучать материалы к Истории Петра Великого, своеобразной летописи первого российского императора. Эта работа открыла Пушкину подлинную сложность и противоречивость политики этого монарха. Петровские материалы собирались поэтом до конца его дней. «История Петра I» – в статьях, заметках, отдельных отрывках – была издана через несколько лет после смерти Пушкина.

А.Н. Толстой приступил к написанию романа в 1929 году, писал его до конца своих дней и так и не успел завершить, так же, как и Пушкин. В его романе чётко видны ломка старых форм Московского государства, ликвидация отсталости, война за выход к Балтийскому морю, перестройка экономики. Происходит осмысление роли личности в истории, чётко виден собирательный портрет русского человека. Несмотря на то, что при написании романа «Пётр I» Алексей Николаевич изучал те же архивы, что и Пушкин, в этом произведении документы растворились в художественном тексте.

Здесь нам кажется, что следует остановиться на так называемой дуэльной истории, приведшей поэта к трагическому финалу.

Еще в 1826 году в своих «Стансах» Пушкин пишет:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Осенью 1827 года в селе Михайловское на дружеском обеде, гостем которого был приятель А.С. Пушкина – Алексей Николаевич Вульф, между друзьями происходит беседа. Пушкин вспоминает покойного историографа Н.Карамзина, сетуя на то, что тот, дескать, довольно сухо описал первые вехи русской истории.

Далее поэт довольно запальчиво заявляет Вульфу, что намерен написать историю государства Российского, начиная с XVIII века – от Петра Первого до царствования Александра I, а возможно, и до Николая I. «Я непременно напишу историю Петра» [10, с. 207], – говорит Пушкин другу.

Слухи о том, что Пушкин взялся за историю Петра I, расползались по всем просвещённым кругам того времени, о чём свидетельствуют многочисленные письма друзей и недругов Пушкина. Поэт Языков – историку Погодину (в Москву): «У нас был... Пушкин. Собирал сказания о Пугачёве. Заметно, что он вторгается в область истории. Для стихов ещё бы туда и сюда. Собирается собирать плоды с поля, на котором не посеял ни зерна...» [5, с. 85].

Не только Языков был удивлён этой новостью. Вот письмо бывшего директора Лицея Энгельгардта выпускнику Ф.Ф. Матюшкину: «Говорят, Пушкин занимается историей Петра Великого; не знаю, по нём ли дело, – жизнь Петра величественна, удивительна, но жестокая проза...» [12, с. 379].

Бенкендоф – Николаю I: «Пушкин всё-таки порядочный шалопай, но если направить его перо – это будет выгодно...» [9, с. 391]. Тогда Пушкин ещё полон энтузиазма: «Я непременно напишу историю Петра! Вольный замысел – вольного поэта!» [9, с. 407].

Указ Николая I: «Определить в Коллегию Иностранных дел нашего поэта Пушкина с дозволением отыскивать в архивных материалах для истории императора Петра I. Назначить господину Пушкину жалованье» [9, с. 398]. Почтмейстер Булгаков – брату: «...Лестно для Пушкина получить место Карамзина. Пусть употребляет свой талант на дела полезные, а не вздорные стишки...» [9, с. 400].

Чиновник Философов – родителям: «Говорят, император назначил Пушкина историографом. Пустили козла в огород...» [9, с. 404].

Помещик Языков – брату-поэту: «Сомневаюсь, справится ли Пушкин с историей Петра. Главное, хватит ли у него терпения читать и думать» [9, с. 409]. И так сомневаются многие, а посему для Пушкина стало делом чести написать историю Петра I. Благодаря указу Николая I, Пушкину стали доступны архивы империи, в том числе следственное дело царевича Алексея, библиотека Вольтера с мемуарами послов времени Петра Великого и их перепиской.

М.А. Корф, приславший Пушкину список книг о Петре, ответ получил весьма примечательный: «Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать. Какое поле – эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! – Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (русская природа в особенности)» [12, с. 498].

Пушкин – князю Долгорукову: «...Я предпочёл бы быть запертым на всю жизнь, чем работать над делом, о котором надо отчитываться...» [12, с. 503]. На смену вольному замыслу пришло официальное задание. От Пушкина ждут лучезарного Петра I, а в лице Николая I – продолжателя Петра Великого.

Пушкин – историку М.П. Погодину: «Наконец на масленице царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно и что помощь просвещенного, умного и деятельного ученого мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени было нахмурился...» [9, с. 420]. Из дневника Михаила Погодина: «Письмо Пушкина о Петре. Пошли удачи! Пушкину хочется свалить с себя это дело...» [9, с. 422].

Через какое-то время Пушкин просит управляющего делами Мордвинова отпустить его на время со службы, чтобы отвлечься и немного отдохнуть, утверждая, что ему нужно месяца два провести в совершенном уединении. Пушкин уехал по Волге на Урал, затем в Болдино.

Вспоминает В.И. Даль: «Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деписания об нем, создаст и художественное в память его произведение: “Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, – надо отодвинуться на два века, – но постигаю это чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно

им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь»» [12, с. 541].

В 1834 году в дневнике Пушкина мы обнаруживаем такую запись: «1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры, (что довольно неприлично моим летам)» [12, с. 560]. И действительно, можно представить состояние поэта, который мечтал стать равным собеседником императору, здесь же уже Пушкин мог задать себе резонный вопрос и ответить на него: «Царю – наперсник?! – Шут!» [12, с. 564].

Из дневника А.Н. Вульфа: «19 февраля. Понедельник. <1834 г.> ...Самого же поэта я нашёл мало изменившимся от супружества, но сильно негодующим на то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачёва и несколько новых русских сказок. Он говорит, что возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно; к тому же её у нас нет, разве только в молодёжи...» [17, с. 293].

Дадим же слово и самому Александру Сергеевичу: 8 июня 1834 г. Пушкин пишет жене: «... я не должен был вступать в службу... Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога...» [12, с. 570].

Пора, мой друг, пора
Покоя сердце просит.

...

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля.

И что же? После трёх лет от начала работы – ни одной страницы истории Петра! А что если упростить задачу? Взять 30-томник Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» и стать конспектировать, периодически давая краткие комментарии. Задумано – сделано. Пушкин начинает методично и аккуратно конспектировать тома голиковских изданий, нанося на полях собственные суждения.

Пушкин – жене: «...Ты спрашиваешь меня о “Петре”? идёт помаленьку; скопляю матерьялы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулоч...» [12, с. 572]. «... А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к <--->, и вонь его тебе не будет противна, даром, что gentleman» [12, с. 574]. Эти письма были вскрыты жандармами и показаны государю. После чего Александр Сергеевич подаёт прошение об отставке, чем ещё больше гневает Николая I. 2 июля 1834 г. Записка В.А. Жуковского – Пушкину: «Государь опять говорил со мною о тебе. ...Я только спросил: нельзя ли как этого поправить? – Почему ж нельзя? отвечал он. Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае всё между нами кончено... Он может однако ещё возвратить письмо своё» [11, с. 611].

После нескольких писем графу Бенкендорфу с просьбой не давать хода прошению и бурной переписки с Жуковским Николай I всё же соглашается

оставить Александра Сергеевича на службе подле себя. Также продолжают балы, рауты, царские выходы и пр., и пр. Император оставляет Пушкина в Петербурге, не давая тому работать вольно и так, как хотелось бы поэту.

Пушкин продолжает работать над «Историей Петра», всё глубже погружаясь в исследовательский материал. И постепенно в сознании поэта цельный образ Первого российского императора деформируется и искажается по мере глубокого изучения любимой темы. Чтобы не быть голословными, обратим внимание на заметки на полях конспектов Голикова: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые – нередко жестокие – своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, – вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»; «Сам он был странный монарх!» [11, с. 587], – замечает Пушкин.

В декабре 1835-го года – всё отставлено, работа над Петром I застопорилась. В 1836 году Пушкин вовлечён в дуэльные истории как минимум трижды – с Н.Г. Репниным-Волконским, С. Хлюстиным и гр. В.А. Соллогубом – счастливо, не без помощи друзей, разрешившиеся к обоюдному согласию сторон. Но что стояло за таким настойчивым поиском именно поединка – дуэль как будто развязывала все узлы. Не менее удручающе подействовали на поэта и похороны матери, заставившие купить землю для семейного склепа – для родных, близких, для себя. Пушкин, говорил друзьям, что ему будет покойно лежать здесь.

«Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которых я никак не могу согласить с личным моим к нему уважением» [11, с. 614]. Вскоре после его смерти француз Леве-Веймар, встречавшийся с Пушкиным, напишет: «Он не скрывал между тем серьезного смущения, которое он испытывал при мысли, что ему встретятся большие затруднения показать русскому народу Петра Великого, каким он был в первые годы царствования, когда он с яростью приносил все в жертву своей цели. Но как великолепно проследил Пушкин эволюцию этого великого характера, и с какой радостью, и с каким удовлетворением правдивого историка он показывал нам государя, который когда-то разбивал зубы не желавшим отвечать на его допросах и который смягчился настолько к своей старости, что советовал не оскорблять даже словами мятежников, приходивших просить у него милости». Из беседы со Щепкиным мы узнаём, что Пушкин впадает в «отчаяние», говоря об «изнанке славных дней» [11, с. 648]. Великий князь Михаил Павлович считал, что Пушкин недостаточно воздаёт должное Петру – его точка зрения ошибочна.

Осенью 1836 года Пушкин по почте получает оскорбительный документ, после которого следует первый вызов Дантеса на дуэль. Он гласил, что Пушкина единогласно избрали «заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом Ордена» [9, с. 417]. Оно и понятно, поэт-рогоносец куда занимательнее историографа Пушкина.

Из воспоминаний М.С. Щепкина: «В начале января я был у Пушкина... “Я до сих пор ничего не писал... Эта работа убийственна. Если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее”» [12, с. 569].

Из письма Александра Тургенева: «...первые слова, кои поразили меня при слушании Псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: “Правду твою не скрыть в сердце твоём”. – Эти слова заключают в себе загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он не скрыл в себе, не укротил в себе, – а высказал, в ужасных и грозных выражениях своему противнику – и погиб» [9, с. 429].

Если бы дуэль закончилась по-иному, так, как надеялся Пушкин, он был бы выслан, отлучен от столицы и двора. Там, на воле, в Михайловском, он написал бы свою историю Петра, но это была бы уже совсем другая история – «вольный замысел вольного поэта».

Завершая наши параллели, стоит отметить трансформацию образа Петра в процессе работы над историей его жизни и деяний. Если у Алексея Толстого образ Петра осмыслялся в его прогрессии, то у Пушкина – ровным счётом наоборот. Здесь интересно отметить, что лишь первые два петровских произведения А. Толстого «День Петра» и «На дыбе» очень близки к тому видению образа, к которому пришёл Пушкин в процессе работы над «Историей Петра I».

Литература:

1. Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 1 / отв. ред. Г.Н. Воронцова. – М.: ИМЛИ РАН, 2014.
2. Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 2 / отв. ред. Г.Н. Воронцова. – М.: ИМЛИ РАН, 2017.
3. Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 3 / отв. ред. Г.Н. Воронцова. – М.: ИМЛИ РАН, 2019.
4. Анекдоты из сочинения И.И. Голикова «Деяния Петра Великого...», отмеченные историографом А.С. Пушкиным. М., «Планета», 2015, 176 с.
5. Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году (предыстория последней дуэли). Л., «Наука», 1984, 210 с.
6. Варламов А.Н. Алексей Толстой. М., «Молодая гвардия», 2006, 591 с.
7. Варламов А.Н. Играть самого себя. М., «АСТ», «Редакция Елены Шубиной», 2023, 688 с.
8. Воспоминания об А.Н. Толстом [Текст]: Сборник / [Предисл. В.Баранова]. – Москва: Сов. писатель, 1973. 497 с.
9. Листов В.С. Клио против Эвтерпы. // Листов В.С. Новое о Пушкине. История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М., Стройиздат, 2000. С. 391-432.
10. Листов В.С. Пушкин: судьба коренного поэта. Монография. Большое Болдино – Арзамас, АГПИ, 2012, 398 с.
11. Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. Сост., вступ. очерки и примеч. В.В. Кунина. М., «Правда», 1988, 704 с.
12. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х тт. Вступ. статья В.Э. Вацура. Т.2. М., «Художественная литература», 1985. 583 с.
13. Пушкин А.С. История Петра. М., «Языки русской культуры», 2000 (Studiophilologia).
14. Сурат И.З. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах. М., РГГУ, 2009.
15. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-ое. Л., «Наука», 1988, 544 с.
16. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. 4-е изд. М., «Книга», 1987.
17. Дневник 1827-1842 годов А.Н. Вульф, Корпус, 2016, 464 с.

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВЫЕ КЛЮЧИ В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ К СКАЗКАМ А.С. ПУШКИНА

Квач Н.В.
НОО ВТОО Союз художников России
Нижний Новгород,
E-mail: artnatavik@yandex.ru

***Аннотация.** Сказки А.С. Пушкина – это особый мир, созданный гением. При кажущихся простоте и ясности, обусловленных совершенством пушкинского стиха, сказки поэта полны загадок, тайн и немыслимой глубины. Многие авторы, начиная с Анны Ахматовой, бились над раскрытием смыслов их содержания, и здесь, несомненно, есть успехи. И всё же не всё удаётся правильно понять в сказках великого поэта. Иногда это помогают сделать иллюстрации тех или иных художников. Проанализировав подходы к иллюстрированию пушкинских сказок, можно составить классификационный иллюстративный ряд, то есть определить их как иллюстративно-фактологические, иллюстративно-аналитические и иллюстративно-эвристические. Определить для каждого метода иллюстрирования контекстное соответствие иллюстраций смыслам текстов пушкинских сказок и стало целью исследования, которое носит общий характер, что определило временные рамки от собственных рисунков А.С. Пушкина к некоторым его сказкам до современных иллюстраций. Анализ иллюстративного материала позволил уточнить некоторые смысловые положения пушкинских сказок, более полно раскрыв их содержание.*

***Ключевые слова.** Сказки, смысловые ключи, иллюстрации, графические методы, художественные образы, визуализация вербальных образов.*

MEANINGFUL AND SEMANTIC KEYS IN THE ILLUSTRATIONS TO THE TALES OF A.S. PUSHKIN

N.V. Kvatch
Nizhny Novgorod
E-mail: artnatavik@yandex.ru

***Abstract.** The tales of A.S. Pushkin are a special world created by a genius based on his life experience and talent, traditions of folklore, Russian and world literature. Despite the apparent simplicity and clarity due to the perfection of Pushkin's verse, the poet's fairy tales are full of riddles, mysteries and unimaginable depth. Many authors, starting with Anna Akhmatova, have struggled to reveal the meanings of their content, and there are undoubtedly successes here. And yet, not everything can be correctly understood in the tales of the great poet. Sometimes illustrations by various artists help to do this. Having analyzed the approaches to*

illustrating Pushkin's fairy tales, it is possible to make a classification illustrative series, that is, to define them as illustrative-factual, illustrative-analytical and illustrative-heuristic. To determine for each illustration method the contextual correspondence of illustrations to the meanings of the texts of Pushkin's fairy tales became the purpose of the study, which is general in nature, which determined the time frame from A.S. Pushkin's own drawings to some of his fairy tales, to modern illustrations. The analysis of the illustrative material made it possible to clarify some semantic provisions of Pushkin's fairy tales, revealing their key content more fully.

Keywords. Fairy tales, semantic keys, illustrations, graphic methods, artistic images, visualization and verballity.

Сказки А.С. Пушкина – неотъемлемая часть его многогранного творчества. Они одновременно просты и в то же время глубоки и совершенны. В них много загадок и тайн, иносказаний, метафор и аллегорий, символических образов, которые не так просто считываются и понимаются. Собственные наблюдения за жизнью, обширные знания в области русской и мировой литературы, фольклора, следование традиции и авторское её развитие позволили Пушкину, с одной стороны, создать произведения, пронизанные русским духом, а с другой – наполнить их значимым общечеловеческим содержанием [4, 7]. Сказки Пушкина, как и его другие произведения, настолько совершенны и своеобразны, что ни буквы нельзя в них изменить, чтобы не исказить понимание их смысла. Так, волны у него прихлынут не «на заре», а «о заре», и это не случайно. Форма «о заре» не вольность поэта: теперь устаревшая, в XIX в. она употреблялась для обозначения времени, в которое совершается действие. Почему Пушкин выбрал именно ее? Устаревшие формы могут звучать и восприниматься в новом смысловом ключе, ибо заря и озарение не одно и то же. Пушкин одновременно говорит нам и о заре как начале утра, и о заре как о времени, когда земля озаряется светом небесным. И одно не исключает другое. Многозначность русского языка удивительна, а у Пушкина тем более. Его архаизмы всегда к месту и чудо как хороши.

Завораживающая магия музыки пушкинского стиха, в совокупности с точностью обрисовки характера героев, событий, пространства и времени, рождает ощущение убедительного мира, полного мудрости вымысла и богатой реальности, сакральности быта и бытия. Сказки А.С. Пушкина – это сказки для взрослых и детей. Детей они забавляют и учат добру, взрослых наводят на серьёзные мысли об основных жизненных законах и принципах.

Интерес к фольклору и народной сказке в Европе шёл параллельно с формированием национального самосознания народов. В Италии эпохи Возрождения были известны сказки гениального во всех сферах его деятельности Леонардо да Винчи. Во второй половине XVII века прославилась французская сказочница Мари Катрин д'Онуа, которую превзошли Шарль и его сын Пьер Перро, затем появились в Германии братья Я. и В. Гримм и Э.Т.А. Гофман, а в Дании Г.Х. Андерсен и др. В России внимание на сказку обратили В.А. Лёвшин, М.И. Попов, М.Д. Чулков, И.И. Дмитриев. Затем инициативу подхватили В.Л. Пушкин, Н.М. Карамзин, П.А. Катенин и другие

писатели. Но превзошёл всех русских авторов-сказочников, несомненно, А.С. Пушкин. Ибо его чувство языка, стиля, эстетические достоинства стиха, его понимание смыслов народных сказок и умение творчески синтезировать знания о предмете на основе традиционности, в сочетании с собственными устремлениями, уникальны и удивительны [4]. Найти смысловой ключ к сказкам Пушкина – это значит не просто их прочитать, но и понять, что отнюдь не просто. И в этом во многом могут помочь иллюстрации самых разных художников, которые обращались к сказочному наследию поэта. Иллюстрируя сказки А.С. Пушкина, художник соприкасается со своеобразием их содержания, и, обращаясь к той или иной графической стилистике иллюстрации, выбирая те или иные графические средства, стремится как можно полнее раскрыть суть содержания и смысла сказок [1, 2].

Первым иллюстратором многих пушкинских сказок был часто сам А.С. Пушкин, это касается и некоторых его сказок, созданных в 1830, 1833 и 1834 годах в Болдине. Персонажи «Сказки о попе и его работнике Балде»: поп, Балда и черти – обрисованы поэтом в схематически-линейной манере, что не умаляет их реалистической убедительности в разнообразных сюжетных связях. Здесь обращает на себя внимание рисунок попа и направленной на него руки в конфигурации щелчка, с подписью Пушкина: «поп толоконный лоб». Как известно, толоконный лоб – это народное изречение о недалёком, глуповатом человеке. Слово «толоконный» образовано от понятия «толокно» – «мука, чаще всего овсяная», для получения которой зёрна толкли деревянной толкушкой в ступе. Таким образом, Пушкин в рисунке и его подписи как бы удваивает значение смысла расплаты попа щелчками, толканием в лоб попа пальцами Балды. Пёс Соколка из «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях», пожертвовавшей своей жизнью, и образы «Сказки о золотом петушке» по-пушкински ёмки и многозначны. Пушкин, блестящий рисовальщик, точно и выразительно передал образы героев своих сказок: и хитроватого Балды, и глуповатого чертёнка, старого чёрта, пытающегося разгадать замысел Балды, и жадного попа – толоконного лба, пса Соколки – символа отваги и преданности, а также образы с мистическим значением «Сказки о золотом петушке». Изображения самого поэта, противостоящего искусителю, хочется также отнести к рисункам его сказок. Кот и какой-то общипанный орёл – это загадочные персонажи рисунков Пушкина на рукописи «Сказки о золотом петушке», которые исследователям ещё предстоит разгадать. Пушкин считал, что иллюстрации должны не просто сопровождать текст, а визуально подчёркивать его содержательно смысловые ключевые моменты, что проявилось в его рисунках к «Евгению Онегину» и негативной оценке иллюстраций профессионального художника к роману в стихах.

В последующие годы и века обращение многих художников к иллюстрированию произведений А.С. Пушкина и, в частности, его сказок, позволило образоваться обширнейшей иллюстративной сказочной пушкиниане, которая вобрала в себя графику самых разных авторов, с самобытными стилистическими почерками и своеобразным художественно-образным мышлением. Так, несомненно, представляет интерес фронтиспис первого

издания «Руслана и Людмилы» 1820 года, СПб., художника И.Иванова, гравера М.Иванова [1, с. 7; 2, с. 19-1]. Используя коллажный принцип объединения разных мотивов поэмы в одной композиции, реального и фантазийного, художник представляет изобразительно-образный концепт поэмы, ключом к пониманию смысла которой является тот графический синтез, который адекватен сложности жанра самой сказочной поэмы Пушкина [5]. Композиция выполнена в манере классицизма и напоминает скульптурный рельеф, где реальные и фантастические образы одинаково убедительны в своей объемной достоверности. Этот иллюстративный приём, варьируясь, будет использован многими художниками в дальнейшем. Иллюстрация художника Н.А. Рамазанова «Лукоморье» 1843 года (тушь, перо) к прологу сказочно-былинной поэмы «Руслан и Людмила» представляется наиболее полным воспроизведением всех персонажей этого произведения. Она визуально близка к пушкинскому тексту. А.С. Пушкин предварил этим стихотворением второе издание сказочной поэмы «Руслан и Людмила» 1829 года. Оно часто воспроизводится как самостоятельное произведение, являющееся своеобразным кодом всех русских волшебных сказок: тут и леший, и Баба-Яга, и Кощей бессмертный, и следы невиданных зверей, и царевна с бурым волком, и многие другие герои и чудеса, и, конечно, сам поэт с мудрым сказителем и песенником – учёным котом. Иллюстративно-фактологический принцип, положенный в основу данной иллюстрации, позволяет художнику визуализировать пушкинский текст буквально построчно, воссоздавая объёмность сказочного мира.

В изданиях к. XIX – первой половины XX века, выделяется «Руслан и Людмила» с иллюстрациями Ивана Яковлевича Билибина (1876 – 1942). Его графические композиции, выполненные в стиле русского модерна, обладают той мерой фантастической условности, декоративности и исторической убедительности, которая позволяет воспринимать сказки А.С. Пушкина как некую магическую действительность, полную тайн и волшебства. Изысканный мир фантастики и добротной реальности в них удивительно целостен и гармоничен, хотя не всегда адекватен образам пушкинского стиха. Так, в ранних композициях к «Лукоморью» Билибин традиционно изобразил русалку с рыбьим хвостом, в поздних изданиях он, очевидно, более подробно изучил материал и рисовал русалку, сидящую на ветвях, – обнажённую деву деревьев, не уподобляя её речным нимфам или морским сиренам, которые Пушкин, несомненно, различал. Более внимательным художник становится и к другим персонажам пушкинских сказок, в частности, к звездочёту и скопцу из «Сказки о золотом петушке». Сюжетно-смысловая витиеватость и богатый декор впоследствии у Билибина уступили место более структурной подаче изобразительного материала, что приблизило его иллюстрации к пушкинской простоте не в ущерб волшебной магии сказки. Художник Николай Кочергин продолжает развивать билибинское узорочье в иллюстративной графике на новом уровне понимания возможностей традиций русской орнаментики. Художник, подчёркивая изобразительной пластикой причудливое многообразие фантастической реальности в сказках Пушкина, показывает дуб как магическое

священное древо жизни, что и является ключом к пониманию мира пушкинского Лукоморья и его сказок в целом, традиционных и новационных по своей смысловой сути (издание сказок А.С. Пушкина 2016 года.)

В творчестве мастеров Палеха, которые одними из первых в народном искусстве освоили пушкинскую сказку как в ДПИ, так и в книжных иллюстрациях, сказки Пушкина занимают особое место. Причудливая стилистика палехской росписи, идущая от иконописи, гармонично совпадает с образным миром пушкинских сказок. Палешане предельно точны в визуализации текста, ведь каждый образ у Пушкина – это архетип. Если принять за ключ к пониманию «Лукоморья» слово «Там...», бесконечно повторяющееся в стихотворном тексте, – то есть в необычном мире не Яви, а Нави, Прави и Слави, то необычность сказочного мира и его герои воспринимаются убедительно и реально, а присутствие «Там» самого поэта и кота как участников и свидетелей волшебного действия сказок естественно и необходимо.

3 сентября 1830 года А.С. Пушкин впервые приехал в родовое имение своего деда – в Болдино. Одноэтажный деревянный дом за частоколом, рядом вотчинная контора, пруд, далее каменная церковь Успения Божий Матери, попов порядок из двух домов и длинная деревня с избами, крытыми соломой и тёсом. 9 сентября Пушкин писал своему приятелю П.А. Плетнёву: «... Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей не души; ездите верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не мешает... Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов». В первый приезд поэтом были написаны две сказки: «Сказка о медведихе» и, о чём уже говорилось, «Сказка о попе и его работнике Балде». «Сказка о медведихе» послужила поводом для создания картины «Утро в сосновом лесу» 1889 года (ГТГ) И.И. Шишкина и К.А. Савицкого. «Сказка о медведихе» считается подражательной народным сказкам по стилистике стиха и незаконченной, очевидно, поэтому она не часто воспроизводится в пушкинских изданиях. Надо сказать, что сказки о животных считаются самыми древними, возможно, идущими от индийских сказок «Панчатантры» – «Пяти книг житейской мудрости», от них пошли, как считают учёные, европейские басни и последующие сказочные повествования о животных в ролевых ипостасях людей [6]. В иллюстрации художника В.А. Комарова к «Сказке о медведихе» 1960 г. оригинально соединено человеческое и звериное. Так, изобразив вполне реальную архитектуру человеческого жилья, иллюстратор показал в своём естественном облике не очеловеченных зверей, что по смыслу соответствует первой и второй частям пушкинской сказки. Аналитика в подходе к иллюстрированию «Сказке о медведихе» у Комарова приобретает символический оттенок, что также было свойственно синтетическому художественному методу творчества А.С. Пушкина. Опробовав этот жанр, с характерным для Пушкина приёмом незаконченной законченности произведения, поэт вплотную подошёл к народному пониманию сказки как вековой мудрости вымысла, сопряжённого с фантазией и реальностью быта и бытия, в бесконечности вечности.

Болдинская «Сказка о попе и его работнике Балде» 1830 года удостоилась не только рисунков самого Пушкина, о чём уже говорилось, но и внимания многочисленной армии графиков. Иллюстрации к «Сказке о попе и его работнике Балде» Рейндорфа Г.Ф. 1947 г., Серова Б.А. 1948 г., Серова В.А. 1953, 1954 гг., Каневского А., Милашевского В., как и многих других советских и постсоветских художников, даёт представление об особенностях прочтения этой сказки графиками разных лет с разными идеологическими установками. Так, авангардное графическое оформление эскизов театральных костюмов Любови Сергеевны Поповой к «Сказке о попе и работнике его Балде» 1919 года осовременило пушкинскую сказку и, при этом, создало образ некой отвлечённой фантазийности вне времени и пространства. Неизвестный художник 1920-х годов в плакатной манере выразил саму суть сказки Пушкина: расплата попа за грехи стяжательства и его нарушение служебного долга. Почему черти платят попу оброк – ренту за пользование чем? – это ключ к пониманию смысла сказки и той жестокой расплаты, которую понес поп от Балды, восстановителя справедливости. Не против православия и церкви направлена эта сказка Пушкина и даже, по большому счёту, не против алчности попа, как воспринимается некоторыми читателями и исследователями (кому же своя выгода не выгодна?). Нет, поэт выступает против сговора попа с нечистой силой, против несоответствия священнослужителя своему сану, своему предназначению, воли Божией о нём. Именно за это служебное преступление так жёстко наказывает Балда попа, отняв у него речь и ум – то, что отличает человека от животного, о чём говорит в своём исследовании пушкинист Е.М. Неёлов.

Народная сказка во многом идёт от мифа, древних сказаний, пронизанных пантеистическими чувствами. Настроения и переживания природных стихий, чудесное оборотничество, борьба света и тьмы – это всё из очень далёкого далёка, которое дано почувствовать и выразить не каждому художнику так, как это чувствовал и понимал А.С. Пушкин. «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди» не относится к болдинским сказкам, она написана в 1831 году в Царском Селе, куда вскоре после женитьбы Пушкин переехал с молодой женой Натальей Николаевной, в девичестве Гончаровой – московской красавицей и скромницей. Это одна из самых светлых сказок, пронизанных волшебством чарующего звукоряда пушкинского стиха и чувством бесконечной любви. Сюжет народной сказки, конспективно записанной Пушкиным от Арины Родионовны в Михайловском, поистине фантастичен, ибо младшая сестра заявляет, что с первого года родит царю 33 сына. Множество и других противоестественных чудес происходит в народной сказке. Но пушкинская фантастика всегда убедительна и реальна: царица подарила царю, как и обещала, одного сына – богатыря – будущего наследника престола. Вот тут-то и начинаются злключения царевича и царицы. По народной сказке мачеха царя, а у Пушкина – это сватья Баба Бабариха – прямая родственница Салтана, опасаясь влияния невестки на царя, да и будущего престолонаследника побаиваясь, в сговоре со старшими сестрицами царицы стремится известить мать

и сына. Благодаря чуду они остаются живыми. Далее чего только нет в этой сказке: и чудный город благоденствия – сказочная утопия, и белка, грызущая золотые орехи с изумрудными ядрами, – залог благоденствия царства Гвидона, и 33 богатыря с дядькой Черномором, и многое-многие другое. Ключ к сказке, несомненно, царевна Лебедь – волшебница, жрица, Дева – Мать мира, владычица: именно она, спасённая от коршуна царевичем, исполняя его просьбы, спровоцированные злоумышленниками, всё приводит к счастливому концу. Образ Царевны-Лебеди почти у всех иллюстраторов является ключевым. Сказка полна предчувствием и наличием счастья: не случайно даже мошенниц простили и отправили домой. Главный смысл этой сказки в силе всепобеждающей любви, благодарности и целеустремлённости, ибо дорога к счастью даётся трудами, и никакие козни не смогут помешать тем, кто счастья достоин. В 1899 г. к 100-летию А.С. Пушкина издательством А.Мамонтова и др. было предпринято несколько выпусков сказок поэта с иллюстрациями известных художников. Живописец, архитектор, художник театра, мастер ДПИ Сергей Малютин оставил яркий след в книжной графике; кстати, именно он спроектировал и расписал первую русскую матрёшку, загадочная улыбка которой аналогична улыбке Джоконды Леонардо да Винчи. Живописно-графическая условность его иллюстраций делает иллюстрированную сказку живой и динамичной. Малютину, как и Билибину, и некоторым другим художникам было дано понимание сути сказок и пушкинских, и народных, поэтому книги с их иллюстрациями до сих пор интересны и любимы поклонниками сказок А.С. Пушкина.

Ключом к постижению содержания болдинской «Сказке о рыбаке и рыбке» 1833 года является понимание свойств беззаветной любви старика к своей жадной и глупой, с непомерными амбициями, непутёвой старухе, символом корысти которой стало разбитое корыто. Сказка о волшебной рыбке, исполняющей желания в благодарность за избавление от неминуемой смерти, была популярна в мировом фольклоре. Мотивы из сказки братьев Гримм с принцем-камбалой, русских народных сказок о щуке-волшебнице Пушкин превращает в притчу с золотой рыбкой. В сказке поэт повествует не столько о пороках старухи, сколько о любви к ней старика, готового исполнять все прихоти жены, лишь бы душенька её была довольна. Старик словно проходит тест на любовь по «Первому посланию к коринфянам Св. апостола Павла»: он долго терпит и не ищет своего, не мыслит зла и не бесчинствует, в отличие от своей супруги. Но та, в силу своей недалёкости, не сумела оценить ни мужа, ни благоденствий рыбки и осталась с разбитым корытом, которое многими иллюстраторами обыгрывается как символ невежества. А вот выразить бесконечную любовь старика к старухе удаётся не многим.

Болдинская «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» 1833 года, как и всё сказки Пушкина, традиционна и своеобразна, игрива и грустна. Почему сказка названа так, а не иначе, как, например, её аналоги у Жуковского, Шарля и Пьера Перро и братьев Гримм? Наверное, потому, что эта сказка, прежде всего, об истинных красоте, благородстве и верности – это ключ к сказке, а царевна и богатыри – её главные герои. Сутью содержания пушкинской болдинской

«Сказки о мёртвой царевне и семи богатырях» 1833 года является противостояние истинной красоты добра, трудолюбия, благожелательности и скромности красоте ложной, горделивой, завистливой, мстительной и коварной. Но это ещё и сказка о любви до смерти: матушка царевны «восхищенья не снесла/ и к обедне умерла», а пёс Соколко своей жизнью пожертвовал ради того, чтобы богатыри поняли, в чём дело. Сами богатыри – образец мужества и благородства. Царевич Елисей – сама верность и преданность невесте, которую даже ещё и видом не видывал, и слухом не слыхивал. Волшебное зеркальце вновь ответило гордячке, что она не милее, не румяней и не белее царевны. В конце все счастливы, а злая мачеха от тоски лицемерия счастья других умерла. В отличие от В.А. Жуковского, который в стихах просто перевёл немецкую сказку «Цвет шиповника», А.С. Пушкин сотворяет некий синтез фольклорных и авторских мотивов, создавая сказку, где не просто добро побеждает зло, а где царят и торжествуют любовь и верность. Сказки у Жуковского носили ярко выраженный романтический характер, и относился он к ним с лёгкой иронией. Для Пушкина сказка была делом не менее серьёзным, чем всё его остальное творчество, поэтому его сказки волшебны гениальны. Иллюстрации А.М. Конашевича к «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» обращают нас и к мифу, и к реальности, поэтому он так же, как Билибин, серьёзно подходит к олицетворению стихий и показу их связи с человеком, – это ещё один ключ к сказке. Древний персидский рельеф с богами – луно-месяцем, небо-воздухом и солнцем – архетипами астрально-природных владык во многом помогает нам понять роль стихий в сказках Пушкина. Иллюстрации к «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина раскрывают три аспекта повествования: бытовой, социально-исторический и сакральный – религиозно-нравственный, который трагически прозвучит и в «Сказке о золотом петушке». А.С. Пушкин написал эту сказку в 1834 году в Болдине [3, 8]. Она считается одной из самых загадочных его сказок, с печальным концом как для положительного героя – звездочёта-мудреца и скопца, старца, старого друга, так и для отрицательного – царя. А кроме того. погибло войско и царевичи. Что ждёт царство в таком случае??? Сам поэт в рисунке, о котором уже говорилось, обозначил ключевую фигуру сказки – золотого петушка, как носителя справедливого возмездия. Тайну истоков сказки в своё время немного приоткрыла Анна Ахматова, сопоставив сюжет пушкинской сказки с «Легендой об арабском звездочёте» американского писателя Вашингтона Ирвинга, отметив и отличие этих произведений. Как всегда, оттолкнувшись от конкретного сюжета, Пушкин создаёт своё оригинальное произведение, насыщая каждый мотив своим содержанием и смыслом, пропитывая сказку чисто русским духом. При констатации трёх уровней понимания произведений А.С. Пушкина: событийно-бытовом, социально-историческом и сакрально-символическом, – обращает на себя внимание гармонический смысловой синтез всех трёх уровней мировосприятия, когда один дополняет и разъясняет другие. Ни одной детали, ни одной буквы у Пушкина нельзя оставить без внимания, чтобы не упустить чего-то существенного в содержании той или иной сказки. Образ царя Дадона появляется у Пушкина ещё в отрывке из юношеской поэмы 1814 года

«Бова», которая так и не была закончена и являла собой пример подражания западным образцам рыцарских романов. Но здесь интересен сам образ Дадона, через убийство короля Бендокира Слабоумного, занявшего престол и задумавшего извести законного престолонаследника королевича Бову. Сравнивал Пушкин Дадона не больше, не меньше как с кровавым императором Наполеоном, низверженным Александром, грозным ангелом. Это была как бы предыстория Дадона из «Сказки о золотом петушке» – воителя поначалу, а затем царя, мечтающего о покое и сне. Помог царю осуществить заветную мечту старый друг его, как царь его называл, «мой отец», – он же мудрец, звездочёт, скопец, старец и старик: «...В сарацинской шапке белый, / весь как лебедь поседелый», подаривший правителю чудесного золотого петушка. Царь обещал отблагодарить дарителя исполнением любой его просьбы. Просьба мудреца заключалась в том, чтобы ему отдали девицу – Шамаханскую царицу – «беду незваную», из-за которой погибли царское войско и царевичи, но, не вняв спасительной для него просьбе мудреца, царь вверг себя, дарителя-скопца да, очевидно, и царство своё в смертельную беду. Перед нами снова мудрая притча, а не просто «детская» сказка, и её однозначное понимание в контексте конкретных исторических персонажей или просто роковой женской красоты явно обедняет её содержание и профанирует её смыслы, сводя их до уровня обыкновенных «разборок». Между тем у Пушкина всё гораздо сложнее и глубже, и художники часто помогают это понять. Билибин, и Конашевич, и другие графики через образы своих иллюстраций передают именно притчевый характер сказки А.С. Пушкина. Но в иллюстрациях В.М. Конашевича к «Сказке о золотом петушке» не всё соответствует пушкинскому образу звездочёта: это мудрец, образ которого, как и у многих других графиков, традиционно отрицателен, как и образ царя. Между тем у Пушкина это образ сугубо положительный. Он не только дарит царю золотого петушка, предупреждающего об опасности, но он и обозначает грозящую царству беду – Шамаханскую царицу, прося царя отдать ему её. Но ослеплённой девичьей красотой и своим вожделением царь не внемлет, убивает скопца-мудреца, как лебедя белого, и погибает сам от петушка, наказывающего царя вполне справедливо как не соответствующего своему статусу и должным человеческим качествам. У Пушкина таинственный золотой петушок как восстановитель справедливости и гармонии – ключ к пониманию смысла; как и Балда в сказке 1830 года, он восстанавливает справедливость, а также является мстителем за благодетеля царя – старца. Иллюстрации Олега Зотова в занимательной форме отражают всё трагические коллизии этой сказки. Особенно в данном случае необходимо также отметить иллюстрации Е.И. Пашкова к «Сказке золотой петушок». Именно у него звездочёт, мудрец, скопец, старый друг, старик, старец – несомненно положительный персонаж сказки, с благостным обликом. «Сказка о золотом петушке» считается самой трудной по толкованию её содержания и смысла, но если её прочитать внимательно и вдумчиво, то она охотно раскрывает все свои секреты. Ключом к сказке является понимание значения своего предназначения и соответствия человека промыслу Божьему, а не следование своему своеволию, хотению и произволу. Графическая сказочная

пушкиниана необозрима и на удивление разнообразна, о каждом из иллюстраторов можно провести отдельное исследование. Например, несомненно, достойно монографии творчество Бориса Зворыкина и Евгения Пашкова, не говоря уже о Билибине и многих других художниках-графиках, в визуальных образах раскрывающих секреты пушкинских сказок. Изучение же их наследия свидетельствует: чтобы иллюстрировать сказки А.С. Пушкина, необходимо их внимательно читать, размышляя над каждым героем, словом, мотивом, даже буквой, сопоставляя в них реальное и фантастическое в контексте быта и бытия, сиюминутного и вечного, национального, личного и всечеловеческого. Как и любая волшебная сказка, произведения А.С. Пушкина наполнены простыми и чудесными вещами, обладающими волшебными свойствами, на которые обращают внимание многие художники, обогащая иллюстрации выразительными деталями. Как уже говорилось, сказки Пушкина дают возможность трёхуровневого их познания и понимания: событийно-биографического, социально-исторического и ментально-сакрального – вечного. В этой триаде невозможно отделить одно от другого и свести к чему-то одному или двум понятиям. Только с точки зрения целостности триады можно прийти к пониманию смысла пушкинских сказок, соответственно создав и адекватные тексту иллюстрации. В сказках А.С. Пушкина много таинственного, загадочного и мистического. К ним будут обращаться всё новые и новые поколения читателей и художников, вслед за поэтом приобщаясь к русскому духу, национальным ценностям, к всемирности человечности. «Сказка ложь, – да в ней намёк...», а художнику – урок: будь внимателен к содержанию и смыслам сказок, ищи к ним ключи, отворяющие двери в волшебный мир вечности пушкинского творчества, такого простого и такого сложного, как сама жизнь.

Литература:

1. А.С. Пушкин в русской иллюстрации. Каталог-справочник. Том первый. /Сост: И.Н. Врубель, В.Ф. Муленкова/ М., 1987. 200 с.
2. А.С. Пушкин в русской иллюстрации. Альбом. Том второй. /Сост: И.Н. Врубель, В.Ф. Муленкова. Вступительная статья Е.В. Павловой/ М., 1987. 360 с.
3. Ахматова А.А. О Пушкине: статьи и заметки. Горький, 1984. 351 с.
4. Зуева Т.В. Пушкин. Кн. Для учителя. М., 1989. 159 с.
5. Москвичева Г.В. Жанровое своеобразие поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Болдинские чтения. Горький, 1988. 191 с., стр. 53 – 68.
6. Панчатантра или Пять книг китайской мудрости. /Пер. с санскрита, предисл. и коммент. И. Серебрякова/ М., 1989. 479 с.
7. Пушкин А.С. Собр. соч. В 10-ти томах. Т.3. Поэмы. Сказки. М., 1975. 488 с.
8. Сазонова З.Н. Поле боя как один из сквозных пушкинских образов («Руслан и Людмила», «Сказка о золотом петушке»). Болдинские чтения. Нижний Новгород, 2008. 512 с., стр.38–46.

УДК: 82
ГРНТИ: 17.09

А.С. ПУШКИН В ФОЛЬКЛОРЕ РОССИЙСКИХ ЦЫГАН: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ЦЫГАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Мальшев Алексей Владимирович
Общество «Нижегородский краевед»
E-mail: ma2502@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается, как образ великого русского поэта А.С. Пушкина отразился в фольклоре российских цыган и как на это повлияло творчество поэта.*

***Ключевые слова.** А.С. Пушкин, российские цыгане, фольклор.*

A.S. PUSHKIN IN FOLKLORE OF RUSSIAN GYPSIES: TO THE HISTORY OF ONE GYPSY LEGEND

Alexey Malyshev
Society "Nizhny Novgorod local historian"
E-mail: ma2502@mail.ru

***Abstract.** The article considers as the image of the great Russian poet A.S. Pushkin reflected in the folklore of Russian gypsies, and how this influenced the poet's work*

***Keywords.** A.S. Pushkin, Russian gypsies, folklore*

Имя и творчество Александра Сергеевича Пушкина давно стало достоянием всех народов многонациональной России. Стало неотъемлемой частью российской литературы и культуры, стало частью культурного кода. В этой связи любопытно, как личность и творчество великого русского поэта отразились в фольклоре народов России, и в частности цыган.

Надо сказать, что сам Пушкин был «цыганоманом», и ещё в юности затевал написание поэмы «Цыган», текст которой, к сожалению, не сохранился. Кроме поэмы «Цыганы», речь о которой будет идти в этой статье, у Пушкина есть ещё стихотворение «Цыганы» (1830 г.), «цыганская тема» была затронута в «Евгении Онегине», в главе VIII.

Поэту и самому довелось достаточно долгое время общаться с цыганами во время его пребывания в Молдавии. Этот период жизни и творчества Пушкина подробно изучен пушкинистом Б.Трубецким. В частности, им достоверно установлено, что с 28 июля по 20 августа 1821 года А.С. Пушкин пребывал у цыган в районе молдавского цыганского села Бурсук. Исследователь после анализа переписки поэта определил, что Александр Сергеевич если и не провёл в таборе все эти дни, то часто находился с цыганами [4, с. 295-297].

Это приключение поэта дало толчок к возникновению «светской сплетни», принявшей характер легенды о том, что А.С. Пушкин, находясь в цыганском обществе, влюбился в цыганку Земфиру и даже преследовал её [4, с. 294].

Вероятно, впечатления о пребывании в таборе дали толчок к написанию Пушкиным в 1824 г. поэмы «Цыганы». В поэме описана трагическая судьба цыганки Земфиры, погибшей от рук своего ревнивого возлюбленного Алеко. Сюжет поэмы имеет параллели с упомянутой выше легендой. Вдобавок героиня поэмы носит такое же имя, как и легендарная Земфира, а имя Алеко – есть цыганская трансформация имени Александр. Но характерно, что легенда с похожим драматичным сюжетом была зафиксирована и в цыганском фольклоре, только главным героем её уже сделался сам великий русский поэт.

В фундаментальном труде «Сказки и песни, рождённые в дороге», вышедшем в 1985 г., опубликована «Легенда о жизни Пушкина у цыган» [3, с. 336-338]. В комментариях указано, что записана она в Ленинградской области от цыгана И.Федорова и является «своеобразной трансформацией сюжета поэмы А.С. Пушкина» [3, с. 473].

В «Легенде» говорится о том, что Пушкин, скрывавшийся от царского гнева, долго скитался и прибился к цыганскому табору. Здесь он женился на цыганке Земфире, вскоре родившей ему сына. Однако после этого Земфира влюбилась в другого цыгана, которого Пушкин убил в приступе ревности, застав возлюбленных сидевшими ночью у берега реки. Суровый цыганский суд за убийство цыгана приговорил Пушкина к страшному наказанию: его «посадили на камень», на котором, по цыганскому поверью, сердце наказуемого должно было «окаменеть для цыганского рода». На этом легенда заканчивается.

Теперь вряд ли уже возможно установить, что послужило толчком к возникновению фольклорного произведения – прижизненная легенда, опубликованная затем пушкинистами, или литературное творение А.С. Пушкина.

Маловероятно, чтобы это коротенькое молдавское приключение поэта сделалось поводом к возникновению цыганского предания. Тем более что записано оно было в среде так называемых, «северорусских» цыган, обитающих в северо-восточных и центральных районах Европейской России и проникших сюда в своё время из Польши и Германии. Их отличают от цыган «южнорусских» – выходцев из придунайских областей, среди потомков которых и находился некоторое время великий русский поэт.

Мысль о том, что малограмотные кочевники-цыгане могли где-то ознакомиться с поэмой «Цыганы», не может быть отвергнута как невозможная. Пути создания цыганских фольклорных сюжетов и композиций таят много неожиданностей. Исследователи неслучайно отмечали, что цыганский фольклор даёт богатейшую пищу для размышлений, приводя в качестве примера явное сходство некоторых сюжетов с романтическими балладами Жуковского, которые, в свою очередь, имеют свои первоисточники [2, с. 17].

В этой связи известный исследователь фольклора В.Пропп указывал, что «в орбиту... фольклорного обращения могут быть втянуты и литературные

произведения. Рассказывается как сказка “Принц и нищий” Марка Твена, поётся “Парус” Лермонтова, “Соловей” Дельвига и т. д. и т. п.»

Учёный предлагал смотреть на это довольно просто: «если, например, наизусть рассказывается без всяких изменений лубочная книга, или житие и т. д., или точно по Пушкину поётся “Чёрная шаль” или из “Коробейников” Некрасова, то этот случай принципиально мало чем отличается от исполнения на эстраде или где бы то ни было. Но как только подобные песни начинают изменяться, петься по-разному, создавать варианты, они уже становятся фольклором, и процесс их изменения подлежит изучению фольклориста» [1, с. 24].

Таким образом, нет принципиальной разницы в истоках возникновения предания о жизни Пушкина в фольклоре русских цыган. Сложилось ли оно на основе прижизненных легенд о похождениях поэта, сохранившихся в цыганской среде, или возникло как результат переосмысления литературного произведения, оно стало неотъемлемой частью цыганского фольклора, свидетельствующей о по-настоящему всенародной любви к великому поэту и его творчеству представителей всех народов многонациональной России.

Литература:

1. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. 330 с.
2. Сказки и песни цыган России. Сост., вступ. ст. и ком. Е. Друца и А. Гесслера. М., 1987. 368 с.
3. Сказки и песни, рождённые в дороге: Цыганский фольклор. Сост., запись, пер. с цыганск., предисл. и коммент. Е. Друца и А. Гесслера. М., 1985. 520 с.
4. Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии. Кишинёв, 1976. 346 с.

УДК 82.091

ГРНТИ 17.01.45

«ПУШКИНСКАЯ БОЛЕЗНЬ» НИЖЕГОРОДСКОГО ПОЭТА ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА АДРИАНОВА

Кузнецова С.В.

МБОУ «Лицей №8 имени академика Е.К. Федорова»

г. Нижний Новгород

E-mail: baufal.svetlana@rambler.ru

Аннотация. Изучение творчества Ю.А. Адрианова (нижегородского поэта, писателя, краеведа) актуально в наше время, поскольку представляет образец служения делу и Родине. Его творчество помогает осмыслить влияние произведений А.С. Пушкина на русскую поэзию, постичь истоки «пушкинской болезни» (так Адрианов называл приобщение к наследию великого поэта и писателя). Адрианов на протяжении всей жизни искал ключ к пониманию наследия великого русского поэта и писателя. В статье рассматривается влияние произведений А.С. Пушкина на душу русского человека на примере Юрия Адрианова; анализируются пушкинские образы и мотивы в творчестве

Адрианова. В статье приводятся примеры из жизни Адрианова, свидетельствующие о способности творчества Пушкина пробуждать талант в человеке; о значимости высоких нравственных идеалов в произведениях великого русского поэта; о формировании сознания гражданина и патриота посредством пушкинского наследия. Особое внимание отводится размышлениям о неразгаданной тайне болдинского вдохновения. В работе делается вывод о том, что на становление Ю.А. Адрианова как поэта и писателя оказало влияние творчество А.С. Пушкина.

Ключевые слова. А.С. Пушкин. Ю.А. Адрианов, наследие, нравственные идеалы, вдохновение, мотивы и образы, преемственность поколений.

«THE OBSESSION WITH PUSHKIN» OF YU. A. ADRIANOV, A POET FROM NIZHNY NOVGOROD

S.V. Kuznetsova

Lyceum №8 named after the academician E.K. Fyodorov

Nizhny Novgorod

E-mail: baufal.svetlana@rambler.ru

Abstract. Studying the oeuvre of Yu.A. Adrianov (a poet, a writer, a local historian of Nizhny Novgorod) is relevant in our time due to its being a great example of dedication to the country and the duty. His work helps to understand the influence of the works of A.S. Pushkin on Russian poetry, to comprehend the origins of the «obsession with Pushkin» (as the introduction to the heritage of the great poet and writer was called by Adrianov), Adrianov searched for the key to understanding the legacy of the great Russian poet and writer throughout his life.

The article examines the influence of the works of A.S. Pushkin on every Russian person's soul using the example of Yuri Adrianov. The images and motifs of Pushkin's works are analyzed in Adrianov's works. The article provides the examples from the life of Adrianov, testifying to the ability of Pushkin's creativity to awaken a talent in a person, the significance of high moral values in the works of the great Russian poet; the formation of the consciousness of both a citizen and a patriot through Pushkin's heritage. The closest attention of the article is paid to the reflections on the unsolved mystery of Boldino's inspiration. The article concludes that the formation of Yu.A. Adrianov as a poet and writer was influenced by the work of A.S. Pushkin

Keywords. A.S. Pushkin. Yu. A. Adrianov, heritage, moral values, inspiration. images and motifs. continuity of generations.

В 2024 году исполняется 225 лет со дня рождения А.С. Пушкина и 85 лет со дня рождения нижегородского поэта и писателя Ю.А. Адрианова. Если имя Пушкина известно всем, то имя Юрия Адрианова знают прежде всего в Нижегородской области. Юрий Адрианов – поэт, прозаик, публицист, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей, Почетный гражданин Нижегородской области. Будучи творческим человеком, Адрианов искал ключ к пониманию наследия великого русского поэта и писателя. По словам Юрия Адрианова, эти вопросы рождались почти у

каждого в России: «"Пушкинская болезнь"» – ею в русском обществе в разной мере "болеет" каждый думающий и любящий книги человек!» [1, с. 119]. А строки из стихотворения А.С. Пушкина «19 октября 1827» «служенье муз не терпит суеты...» навсегда оставили след в душе Юрия Адрианова и стали его жизненным девизом.

Творчество Пушкина стало откровением для юного таланта. Познакомившись с произведениями Александра Сергеевича в детстве, Юрий Адрианов всю жизнь искал ответы на вопросы: в чем же притягательность и очарование пушкинских строк, где Пушкин находил вдохновение?

О знакомстве с произведениями Пушкина Юрий Адрианов продолжал рассуждать не раз: «"Когда я узнал Пушкина?" – вопрос, наверное, не праздный для русского человека. Радостно, что основные черты всего окружающего мира отразились в детской памяти одновременно со строками и образом поэта. Его лицо на известных портретах так же памятно, как фотографии родных и близких. Он вошел с воздухом российской земли» [1, с. 114].

Из краеведческой повести Адрианова «...Эта тихая-тихая улица»: «Когда я впервые услышал о Пушкине? «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том! – кажется, знал эти строки всегда, сколько помню себя, помню глаза матери, стены родного дома» [1, с. 113].

О том, какое впечатление производят бессмертные пушкинские строки на душу ребенка, Юрий Андреевич писал там же: «...Руслан, царь Гвидон, вещей Олег – все они прошествовали пестрою чередой, подарив красоту родной речи, память начальных лет моих, озаренных далекими всполохами громыхающих фронтов. Герои Пушкина стояли с нашим детством в хлебных очередях...» [1, с. 114]. Пушкинские строки, по словам Адрианова, поражают воображение ребенка и пробуждают зерна таланта: «В десять лет я стал обладателем толстенной книги "Сочинения Пушкина". "И грянул бой! Полтавский бой!" – это будоражило мальчишеское сердце» [1, с. 114].

«Я уходил к островам, шуршала под ногами плотная мать-и-мачеха... Детство подспудно, не теряя своего изумления миром, накапливает силы для творчества. Нужен теплый благодатный рассвет, нужен солнечный луч, чтобы весенняя почка стала листом. Нужен внешний толчок. И строки Пушкина, однажды поразив воображение, становилось этим лучом. Хотелось подражать ему, в сущности неподражаемому! Я, маленький человек, начал писать стихи о зимней дороге, которую никогда не видел. А на полях листа, вторя Пушкину, рисовал коней и какие-то профили...» [1, с. 114]. По утверждению Юрия Андреевича, единожды затронув сердце, пленительные строки Пушкина не отпускают человека.

А.С. Пушкин приезжал в Болдинское имение в 1830, 1833 и 1834 годах. Именно в Болдине Пушкин написал практически половину своих лучших произведений – более 60. В их числе «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Медный всадник», «Пиковая дама», последние главы «Евгения Онегина» и практически все сказки...

Более 30-ти лет Адрианов был участником пушкинских праздников в Болдине. «Если вы любите русскую поэзию, любите Пушкина, то вам

непрерывно надо посетить нижегородское Болдино, побродить под сенью аллей старого парка. Надо хоть однажды в жизни прикоснуться к просторной, неяркой тишине лесостепных далей...и пусть на робкий шаг, приблизиться к неразгаданной тайне болдинского вдохновения», – так писал он в книге «Болдинские этюды» [1, с. 74]. Эту книгу Адрианов посвятил векам и людям пушкинской эпохи, русской природе и современникам, влюбленным в творчество Пушкина.

На пушкинской земле Адрианов сделал несколько телевизионных передач, писал живописные этюды в болдинском ополье. Многие его очерки посвящены изучению жизни и творчества Пушкина. Для Адрианова Болдино – особое место, здесь он, как и Пушкин, находил вдохновение. Не каждому дано по-настоящему ощутить особую, творческую атмосферу болдинской усадьбы. Юрию Андреевичу удалось понять красоту пушкинского вдохновения и рассказать об этом в стихах. Многие строки посвятил и сам Адрианов этому пленительному месту: «И снова Болдино...», «На этюдах», «Ветряная мельница», «Мерцают Болдина пруды...», «Память болдинской свечи...», «Опали листья и сошли грибы», «Сентябрь, как рябчик, скрытен и пуглив...», «Старой иве усадебного парка», «Едва слышны сентябрьские крыла», «Листы рябины – тонкие персты», «Деревня – наш кабинет»:

Здесь прикасаемся к святыне,
К истоку русских родников!
Так было.
Так пребудет ныне.
И присно,
И во глубь веков!

Юрий Адрианов напутствует своего читателя и дает дружеский совет: «Прежде чем ехать в Болдино, не поленитесь перечитать или хотя бы перелистать то, что было создано Пушкиным на этой земле. Ведь, уезжая в чужую страну или незнакомый край Отечества, равнодушный человек всегда стремится заранее узнать подробности его истории, судьбы» [1, с. 74].

И вот пушкинские герои уже оживают в нашем воображении благодаря стихотворениям Юрия Адрианова: царь Салтан, Балда, Дон Гуан, Моцарт, гробовщик... Стихотворения Адрианова наполнены не только пушкинскими образами, но и мотивами. Каждое из них передает очарование Болдина: «И молод парк, и дом другой...», «В ту осень», «Осенние яблоки», «Пушкинский колодец», «По серым долам и лесам...», «Болдинские рисунки Пушкина»:

...На дворе столетие иное.
И с поклоном от своих годов
«Племя незнакомое, младое»
Бродит возле болдинских прудов.

Ю.А. Адрианов не раз поднимал вопрос о значимости уникального Болдинского музея-заповедника («Помогите болдинской земле»):

Помогите великой песне,
Славе пушкинского стиха.
Если нынче не встанем вместе –

Нам вовеки не смыть греха!

«...Пушкин сказок, Пушкин лирики, Пушкин, создавший “Клеветникам России”, Пушкин исторической прозы, постигающий вехи свершений Отечества, в разное время должен посетить душу человека», – так считал Юрий Адрианов [1, с. 115].

Юрий Адрианов продолжал разгадывать пушкинские загадки в другом имении – Михайловском. Здесь его каждый раз встречал верный хранитель пушкинского музея Семен Степанович Гейченко:

И медный бас взмывается,
Разносит миру весть:
Россия не кончается,
Пока в ней Пушкин есть!

Стихотворения Юрия Андреевича позволяют нам окунуться в удивительную атмосферу Михайловского: «Парча дубов...», «Приют поэта стал музеем», «Где Сороть вьется ленточкой...»:

Приют поэта стал музеем...
О, вечный поскрип половиц!
То входят лики ротозеев,
То мудрость озаренных лиц...

Юрий Адрианов утверждал: «Пушкин – это зеленые ветки и вечные трудолюбивые корни. Ныне без пушкинского слова не может быть гражданина и патриота» [1, с. 115]. По мнению Адрианова, Пушкин оставил нам загадку светлой печали – камертон человеческой души, ее нравственной значимости. Адрианов пишет стихи о непреходящем значении творчества Пушкина для нас, настоящих и будущих поколений: «Без дружеских общений – путь немислим», «Далекий отзвук», «Здесь бил копытом иноходец», «Срок их жизни чувствами умножен».

Предостережением звучат строки стихотворения Юрия Адрианова «В конце столетия...»:

Стихли громкие имена!
Строй имен поэтических тает.
И усопших летят имена
С журавлиной последней стаей.
Был великий поэзии взлет!
А сегодня под сводом заката
Стих юродствует, бьется, орет,
Словно шут, в услуженье эстрады.
Не смогли мы, как мать, уберечь
Под защитой святого покрова
Нашу совесть – российскую речь,
Неистертое мудрое слово...
Все ж когда-то, средь вешней земли,
Верю: вновь в недалекие сроки
Кто-то вскликнет:
«Летят журавли!»

Возвращаются добрые строки!»
С древней песней в родные края,
Шумом крыл разбудив поднебесье,
Возвратятся на круги своя!

А иначе?

Иначе – бесчестье...

Абсолютно прав Юрий Адрианов, утверждая, что, «...Пушкин – единственное имя из всей национальной литературы, о любви к которому не спорят, а каждый человек лишь по-своему утверждает ее для себя...» [1, с. 117].

Смело шагая в XXI век, следуя завету Юрия Адрианова, человек должен взять с собой в дорогу богатое наследство – творчество русских писателей и поэтов. Великая русская литература – верный помощник в преемственности поколений. Только при условии сохранения связи между культурным наследием века XIX и века XXI сердца наших потоков будут способны отзываться на «чувства добрые». Одно из стихотворений Юрия Адрианова посвящается «Поэтам пушкинской поры»:

...Столетье наше вышло к рубежу,
Еще пять раз сойдут покровы снега.
А я от старых строк не уйду
Поэтов девятнадцатого века.

Юрий Адрианов помогает разгадать загадку Пушкина: главное в творчестве каждого писателя, художника, музыканта – утверждать высокие нравственные идеалы, идеи добра и справедливости. А «добрые строки» Юрия Адрианова, выпускника лицея №8, Почетного гражданина Нижегородской области, станут для нас завещанием – бережно хранить «неистертое русское слово».

Литература:

1. Адрианов Ю.А. Болдинские этюды. Стихи и проза. Нижний Новгород.: Деком, 1997, 141 с.

УДК 14.23.09

ГРНТИ 37

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ТВОРЧЕСТВОМ А.С. ПУШКИНА КАК ОСНОВА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ломтева Е.А.

Муниципальное бюджетное дошкольное
образовательное учреждение «Детский сад №23»
г. Заволжье Нижегородской области
E-mail: elenaalekseevna23@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается о формировании у дошкольников отношения к стране и государству. Одним из значимых и перспективных

направлений воспитания в соответствии с требованиями ФОП ДО является духовно-нравственное воспитание детей дошкольного возраста. Ознакомление детей дошкольного возраста с творчеством А.С. Пушкина способствует воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания.

Ключевые слова: Духовно-нравственное воспитание, детский сад. ДОУ, сказки А.С.Пушкина, родной край, традиционные ценности.

FAMILIARIZATION WITH THE WORK OF A.S. PUSHKIN AS THE BASIS FOR THE SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF PRESCHOOL CHILDREN

E.A. Lomteva

Head of “Kindergarten No. 23”

The Trans-Volga Region of the Nizhny Novgorod Region

E-mail: elenaalekseevna23@yandex.ru

Abstract. *The article describes the formation of attitudes towards the country and the state. One of the significant and promising areas of education in accordance with the requirements of the FOP is the spiritual and moral education of preschool children. Familiarization of preschool children with the works of A.S. Pushkin contributes to the education of patriotism, love for their native land, and the formation of public consciousness.*

Keywords. *Spiritual and moral education, kindergarten, pre-school, fairy tales of A.S. Pushkin, native land, traditional values.*

У каждого возраста свой Пушкин. Для маленьких читателей – это сказки. Для десятилетних – «Руслан». В двенадцать – тринадцать лет нам открываются пушкинская проза, «Полтава», «Медный всадник».

В юношеские годы – «Онегин» и лирика. А потом – и стихи, и проза, и лирика, и поэмы, и драматические произведения, и эпиграммы, и статьи, и дневники, и письма...

И это уже навсегда!

С. Маршак.

В настоящее время основной задачей государственной политики Российской Федерации является обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности и гражданина России. Социально-экономические и политические изменения в нашей стране повлекли за собой изменения и в сфере духовно-нравственных ценностей и норм поведения в обществе. В нравственном воспитании современных детей появились негативные тенденции: книги ушли на второй план, их место занял экран телевизора и компьютера. Поэтому огромное значение мы в своей работе уделяем вопросам духовно-нравственного воспитания детей дошкольного возраста.

2024 год посвящен 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Александр Сергеевич Пушкин – гений русской и мировой литературы. Его перу

принадлежит множество произведений, которые сделали его знаменитым и любимым многими поколениями почитателей его таланта.

Можно с точностью сказать, что современный русский литературный язык начался с Пушкина. Именно Александр Сергеевич сумел объединить в своих произведениях все самое лучшее из национальной и мировой литературы того периода. Именно благодаря таланту Пушкина русский язык поднялся до уровня великого национального и мирового языка. Каждый человек находит в произведениях великого поэта что-то близкое сердцу, но самые родные, знакомые всем ещё с детства творения Пушкина – это его сказки. Можно сказать, что поэт и его сказки являются одними из самых ярких первых детских поэтических впечатлений для многих людей.

Список его сказочных произведений невелик, но в каждом из них сокрыта кладезь народной мудрости. Образы, оживающие в его сказках, – богатыри и прекрасные царевны, хитрые представители нечистой силы, смекалистые крестьяне, мудрецы и глупые цари, пришедшие к нам с чтением в детстве, населяют наше воображение и по сей день.

С 2021 года наше ДОО осуществляет инновационную деятельность по разработке и апробации модели личностно-развивающей образовательной среды, способствующей развитию духовно-нравственной культуры участников образовательных отношений (научный руководитель – Р.Ю. Белоусова, доцент кафедры дошкольного образования ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования»). В 2024 году в число мероприятий вошел цикл, посвященный творчеству А.С. Пушкина, выстроенный на сказках гениального поэта.

В.А. Сухомлинский считал, что «сказка неотделима от красоты, способствует развитию эстетических чувств, без которых немислимо благородство души, сердечная чуткость к человеческому несчастью, горю, страданию. Благодаря сказке ребёнок познает мир не только умом, но и сердцем».

Сказки А.С. Пушкина обладают огромным потенциалом в духовно-нравственном воспитании детей дошкольного возраста. Они знакомят их с народным творчеством, историей и традициями народа, способствуют формированию нравственных эталонов – трудолюбия, доброты, смелости, формируют негативное отношение к жестокому отношению и жадности. Имея положительный нравственный посыл, учат различать зло и добро.

Во-первых, по мнению детских психологов, сказки способны сформировать в детях понятие добра и зла, осознавать ответственность за свои поступки, учат детей искать различные способы решения той или иной проблемы. Во-вторых, сказки Пушкина привлекают детей динамичным сюжетом, необычными ситуациями и событиями, сценами, полными чудес и превращений.

Было проведено анкетирование родителей (законных представителей) по вопросам (Есть ли у вас дома сказки А.С. Пушкина? Часто ли вы читаете их своим детям, беседуете ли вы с детьми после прочтения или рассказывания сказки?), мы получили результат, который был, с одной стороны, ожидаем, с

другой стороны – это было разочарование в том, что столь значимые сказочные произведения недостаточно востребованы родителями воспитанников ДООУ.

Дальнейшая работа включала определение целей и задач: приобщение детей к сокровищам отечественной литературы через работу с произведениями А.С. Пушкина:

- познакомить детей с творчеством А.С. Пушкина, его сказками;
- ввести детей в мир произведений А.С. Пушкина;
- воспитывать нравственные чувства детей, учить сочувствию, умению отличать хорошие поступки от плохих, развивать умение рассуждать и описывать нравственную проблему;
- создать развивающую среду по данной тематике; развивать творческие способности, фантазию детей.

Выстраивание системы работы осуществлялось в формате профессионального педагогического сообщества. В систему работы с детьми были включены следующие мероприятия:

- знакомство с поэтом, его портретом;
- выставка детских работ «Что за прелесть эти сказки»; выставка рисунков «Золотая рыбка»;
- создание книги «Ученый Кот»;
- игра-фантазия «Если б я поймал золотую рыбку...»;
- игра-драматизация «Свет мой, зеркальце»;
- коллаж «Любимые герои сказок»;
- слушание аудиозаписи музыки Римского-Корсакова «Ария Царевны-Лебедь»;
- конструирование: «Чудесный город царя Гвидона»; лепка снежного городка «Сказки Пушкина».

С родителями тоже была проведена большая работа:

- акция «Подари книгу детскому саду»;
- консультация «Роль сказок Пушкина в духовно-нравственном воспитании детей».

Опыт транслировался на муниципальном уровне дошкольного образования в процессе сетевого взаимодействия педагогов по духовно-нравственному воспитанию детей в рамках реализации ФГОС ДО в выступлении педагогов по теме «Сказки Пушкина – основа формирования духовно-нравственного воспитания детей дошкольного возраста» и показе открытого мероприятия по «Сказке о рыбаке и рыбке» с детьми подготовительной группы.

Познакомив детей со сказками Пушкина, мы обнаружили, что литературный мир детей обогащается, в их поступках отражаются взаимоотношения, присущие миру людей; педагоги больше говорят о духовно-нравственном воспитании с детьми и родителями, в домашних библиотеках появились книги А.С. Пушкина. Ведь знакомство с А.С. Пушкиным проводилось в форме яркого общения. Педагоги уже не просто читали эмоционально сказку, а добавляли действие, например, дули на воду и «сделали ветер», отмечая, что кораблик качается на волнах. Игровые приемы привносили настроение затейливости и шаловливости. В дошкольном возрасте дети уже

выделяют отрицательных и положительных героев, безоговорочно принимают сторону положительного героя, сопереживают любимым героям, проявляют интерес к их судьбе.

Чему же научил бесценный опыт знакомства с великими произведениями А.С. Пушкина? Прежде всего, добру и пониманию того, что любое зло будет наказано. В каждой сказке обличаются человеческие пороки, наглядно показывается, к чему приводит зависть, жадность, гордыня. Ещё они учат любить и ценить прекрасный родной русский язык, каждая строчка просится, чтобы её запомнили. И пусть этот мир, созданный Пушкиным, сказочный, но всё в нём полно жизни и правды. Пусть не бывает на свете царя Гвидона или говорящих золотых рыбок, но неподдельна красота этого мира, правдивы человеческие чувства, мудры мысли – и радостные и горькие, которые Пушкин воплотил в лёгких и прекрасных стихах.

Педагогическое значение текстов сказок А.С. Пушкина связано с их своеобразной магической силой. Они легко проникают в самую глубь души в её бессознательные слои; прежде всего это связано с тем, что они написаны языком, который понятен ребенку.

Главными отличительными чертами сказок Пушкина является то, что добро всегда побеждает зло, они оптимистичны. Кроме того, каждая его сказка несёт в себе какой-либо нравственный урок: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок!»

Чему же учат наших детей сказки Пушкина? Воспитывать в себе силу духа, не сдаваться и не уступать злу, быть смелым и находчивым, поступать по совести, быть мудрым, не желать слишком много, знать меру, держать данное слово.

Это самые важные практические уроки духовно-нравственного воспитания, которые должен усвоить ребенок в дошкольном возрасте. Интересная и увлекательная сказка способна научить ребенка сочувствию и позволит понять отличие хороших поступков от плохих намного быстрее, чем нотации и замечания взрослых.

Литература:

1. Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. М., 2004. 68 с.
2. Белоусова Р.Ю. Парциальная программа патриотического воспитания детей 5-7 лет «Этих дней не смолкнет слава» / Р.Ю. Белоусова, В.М. Перевезенцева, О.В. Сикачева. – М: издательство «Сфера», 2022 год. Серия: Библиотека воспитателя
3. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1984. 153 с.
4. Виноградов В.В. Язык Пушкина. М. 2009. С. 45.
5. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Проектная деятельность дошкольников. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. М. 2016, 247 с.

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ
КОНСТРУКЦИЙ С РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ
В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА**

Починяева О.А.

Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара
E-mail: olyaananieva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о структурно-семантических типах конструкций с разделительными союзами, используемых в языке первой трети XIX века, на материале произведений великого русского поэта А.С. Пушкина. Описание значений разделительных конструкций основывается и на прагматический, и на семантический компоненте значения синтаксических единиц. Вопреки существующему мнению о смысловой «дефектности» сочинительных союзов, показано, что именно разделительные союзы, «скрепляющие» отдельные компоненты – однородные члены простого предложения, части сложносочиненного или однородные придаточные сложноподчиненного предложения, самостоятельные предложения, – и придают высказыванию тот оттенок альтернативности, который необходим автору речи. Систематизация языкового материала осуществляется по семантическим типам разделительных конструкций. В качестве результатов исследования определяются особенности функционирования дизъюнктивных структур в поэтических и прозаических текстах А.С. Пушкина.

Ключевые слова. Разделительные союзы, разделительные конструкции, грамматическое значение, альтернатива.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE USE OF CONSTRUCTIONS WITH
DISJUNCTIVE CONJUNCTIONS
IN THE POETRY AND PROSE OF A.S. PUSHKIN**

O.A. Pochinyaeva

Samara State University of Social Sciences and Education
Samara
E-mail: olyaananieva@mail.ru

Abstract. The article considers the question of structural and semantic types of constructions with disjunctive conjunctions used in the language of the first third of the XIX century, based on the works of the great Russian poet A.S. Pushkin. The description of the meanings of disjunctive constructions is based on both the pragmatic and semantic components of the meaning of syntactic units. Contrary to the existing opinion about the semantic “defectiveness” of coordinating conjunctions,

it is shown that it is the disjunctive conjunctions that “hold together” individual components – homogeneous members of a simple sentence, parts of a compound sentence or homogeneous subordinate clauses of a complex sentence, independent sentences – that give the utterance the shade of alternativeness that the author of speech needs. The systematization of linguistic material is carried out according to the semantic types of disjunctive structures. As the results of the study, the features of the functioning of disjunctive structures in the poetic and prose texts of A.S. Pushkin are determined.

Keywords. *Disjunctive conjunctions, disjunctive sentences, categorical meaning, the alternative.*

Изучение языка поэзии и прозы имеет давнюю традицию. И риторы, и лингвисты, посвятившие этому вопросу немало трактатов и научных работ (Аристотель, А.Н. Веселовский, В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Ю.А. Лотман), сходятся в том, что поэтический язык – язык «торжественный, возбуждающий удивление, обладающий особым лексиконом, чуждым прозе, богатый эпитетами, метафорами, сложными словами, производящими впечатление чего-то не своего, чуждого, поднятого над жизнью, “старинного”» [2, с. 271]. И поэтические, и прозаические тексты А.С. Пушкина, в которых гармонично сочетаются элементы русского литературного языка и живой разговорной речи, близки каждому русскому человеку и представляют интересный материал для сопоставительного исследования.

Разделительные конструкции относятся к числу малоупотребительных конструкций в языке (по сравнению с соединительными и противительными). Несмотря на относительно редкую частотность в речи, они выполняют определенные, только им «подвластные» семантические и прагматические функции, которые нельзя не учитывать в продуцировании любого текста. Состав разделительных союзов в языке постепенно пополняется. В разных лингвистических источниках указывается от восьми [6, с. 626] до тридцати союзов [7, с. 186]. Все это свидетельствует о том, что дизъюнктивные отношения, представляющие собой достаточно богатую «палитру» значений, эволюционируют, находят разные, более конкретные способы их реализации в речи. Чтобы зафиксировать происходящие изменения, найти им объяснения, безусловно, требуется изучение специфики в употреблении синтаксических единиц предыдущих эпох.

Целью нашего исследования стало определение структурно-семантических типов разделительных конструкций, используемых в языке первой трети XIX века, на материале произведений А.С. Пушкина и установление особенностей функционирования дизъюнктивных структур в его поэтических и прозаических текстах. Поиск языковых иллюстраций осуществлялся на основе материалов текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Сплошная выборка материала показала, что в текстах А.С. Пушкина встречаются конструкции с разделительными союзами *или* (его народно-

поэтическим вариантом *иль*, областным – *али*), *ли... или, либо, то...то, не то, а то, не то... не то.*

Категориальным грамматическим значением разделительных конструкций, конституирующим своеобразие их смысловых отношений, является значение альтернативы. Важным в дефиниции этого понятия, на наш взгляд, является сема ‘один из двух / нескольких’, детерминирующая реальность только одного из перечисляемых фактов или явлений. Это достаточно широкое понятие отражает специфику разделительных структур, компоненты которых представляют собой альтернативные ряды равновероятных ситуаций [5, с. 101]. Автор высказывания, использующий в своей речи разделительные структуры, не может однозначно охарактеризовать то или иное явление или интересующий объект или объяснить происходящее, или же ставит перед собой цель представить описываемое во всем его многообразии, поэтому и вводит в текст альтернативные способы видения ситуации, реализуемые посредством конструкций с разделительными союзами.

Типологическое значение альтернативы, проявляющееся во всех семантических вариантах, предполагает разную степень категоричности в исключении одного репрезентируемого явления другим – от взаимоисключения («строгой» дизъюнкции) до потенциального объединения («нестрогой» дизъюнкции).

В текстах А.С. Пушкина собственно-альтернативное значение (если реальна первая альтернатива, то нереальна вторая, и наоборот; при этом на момент речи неизвестно, какая реальна) представлено в альтернативно-определенных, альтернативно-предположительных, альтернативно-временных, -локальных, -мотивировочных и альтернативно-перечислительных конструкциях с разделительными союзами.

Альтернативно-определенные конструкции, акцентирующие уверенность говорящего в том, что одна из вербализованных альтернатив обязательно имеет место (есть определенность в их обозначении) встречаются преимущественно в текстах эпистолярного жанра: <...> *во-вторых письма твои слишком коротки — ты **или** не хочешь **или** не можешь мне говорить открыто обо всем* [Письмо Л.С. Пушкину, 1822]; *Кстати о талии: на днях я мерился поясом с Евпр. и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: **или** я имею талью 15 летней девушки, **или** она талью 25 летн. мужчины* [Письмо Л.С. Пушкину, 1824]; в статьях: *Хочу копьё преломити а любо испити... Г. Сенковский с удивл. видит тут выражение рыцарское — нет; это значит просто неудачу: **Или** сломится копьё мое, **или** напьюсь из Дона. Тот же смысл, как и в пословице: **либо** пан, **либо** пропал* [Песнь о полку Игореве], в романе: *Всё было уже тихо, **или** казалось таковым* <...> [Капитанская дочка].

В стихотворных текстах данный тип конструкций встречается редко. Значение взаимоисключения, как правило, поддерживается лексико-семантическим наполнением компонентов (антонимией) и двухчастной структурой: <...> *Ты в каждом ратнике узришь Богатыря, Их цель **иль** победить, **иль** пасть в пылу сраженья За веру, за царя* [Воспоминания в Царском Селе: «Навис покров урюмой нощи...»].

В альтернативно-предположительных конструкциях, усиливающих незнание, неопределенность, неуверенность реципиента в правильности обозначаемых альтернатив, подчеркивается, что релевантной действительности может быть любая из них, а может быть, и существует нечто другое.

Предположительный характер перечисляемых альтернативных вариантов может быть вызван: сложностью идентификации предмета: *Кони стали... «Что там в поле?» – «Кто их знает? пень **иль** волк?»* [Бесы: «Мчатся тучи, выются тучи...»] или звука: *То был **ли** сон воображенья, **Иль** плач совы, **иль** зверя вой, **Иль** пытки стон, **иль** звук иной — Но только своего волненья Преодолеть не мог старик И на протяжный слабый крик Другим отвечивал — тем криком <...> [Полтава];* невозможностью точного описания переживаний, мыслей героя: ***Быть может**, в думу погруженный, Он время то воспоминал, Когда, друзьями окруженный, Он с ними шумно пировал... Жалел **ли** он о днях минувших, О днях, надежду обманувших, **Иль**, любопытный, созерцал Суровой простоты забавы И дикого народа нравы В сем верном зеркале читал — Таил в молчаньи он глубоко Движенья сердца своего, И на челе его высоко Не изменялось ничего [Кавказский пленник];* трудностью определения причин произошедшего: *Мгновенно сирота почил. Она давно-желанный свет, Как новый ангел, озарила. Но что же в гроб ее свело? Тоска **ль** неволи безнадежной, Болезнь, **или** другое зло?..... Кто знает?* [Бахчисарайский фонтан]. И в поэзии, и в прозе А.С. Пушкина этот тип предположительных конструкций одинаково реализуется с помощью союзов *или (иль), ли... или* (сравните с первой иллюстрацией этого абзаца: «смотри: что там такое чернеется? Ямицик стал всматриваться. — А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, **или** волк **или** человек [Капитанская дочка].

Однако именно в стихотворениях поэт, нередко противопоставляя реальность и сон, эксплицируя трудность их разграничения, вводит в текст вопросительные разделительные структуры: *Ты **ль** передо мною, Делия моя! Разлучен с тобою — Сколько плакал я! Ты **ль** передо мною, **Или** сон мечтою Обольстил меня?* [Делия: «Ты **ль** передо мною...»]; *Тебя **ль** я видел, милый друг? **Или** неверное то было сновиденье, Мечтанье смутное, и пламенный недуг Обманом волновал мое воображенье?* [Выздоровление: «Тебя **ль** я видел, милый друг?...»].

Нередко в письмах А.С. Пушкин прибегал к собственно-вопросительным альтернативным предложениям, предполагающим быстрый ответ, как в этой шутке: <...> *вот тебе мои бон-мо (Ради соли, вообрази что это было сказано чувствительной девушке, лет 26): Qu'est ce que le sentiment? — Un supplément du tempérament. Что более вам нравится? запах розы **или** резеды? — Запах селедки [Письмо П.А. Вяземскому, 1825], или же ответ «с отсрочкой»: Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море **или** Телега? [Письмо П.А. Вяземскому, 1825]; Важный вопрос*

*, что живет **или** жила против какого — монастыря (Страстного, что ли), жива **ли** она, где она; если умерла, чего боже упаси, то где ее дочери, замужем **ли** и за кем, девствуют **ли**, **или***

вдовствуют и проч. — мне до них дела нет, но я обещался обо всем узнать подробно. Кстати не знаешь ли, минуло ли 15 лет генералу Ор? или нет еще? [Письмо П.А. Вяземскому, 1823]. Если в первой иллюстрации гипотетичность снимается в последующем контексте, то во второй и третьей ее снятие лишь предполагается.

Особенность употребления альтернативно-предположительных конструкций в поэзии А.С. Пушкина состоит в том, что они, следуя после вопросительного предложения, индуцируют за счет полисиндетона экспрессивные потенциальные варианты ответов на поставленный вопрос, но не снимают его. Оформленные в виде вопросительного предложения, такие разделительные цепочки выражают, с одной стороны, гипотетичность и неуверенность говорящего в правильности вербализуемых альтернатив, а с другой – рисуют целостную картину возможных занятий адресантов: *Чем занят ты, мой друг? <...> Ты спишь под страшным ревом Актеров и смычков? Или, мудрец придворный, С улыбкою притворной Пред лентою цветной Поникнув головой, С вертушкою слепой Знакомиться желаешь? Иль Креза за столом В куплете заказном Трусливо величаешь?..* [Послание к Галичу: «Где ты, ленивец мой?..»]; *Тайком взошел в диванну, Хоть помощью пера, О, как тебя застаю, Любезная сестра? Чем сердце занимаешь Вечернею порой? Жан-Жака ли читаешь, Жанлиса ль пред тобой? Иль с резвым Гамильтоном Смеешься всей душой? Иль с Греем и Томсоном Ты пренеслась мечтой В поля, где от дубравы В дол веет ветерок, И шепчет лес кудрявый, И мчится величавый С вершины гор поток? Иль моську престарелу, В подушках поседу, Окутав в длинну шаль И с нежностью лелея, Ты к ней зовешь Морфея? Иль смотришь в темну даль Задумчивой Светланой Над шумною Невой? Иль звучным фортепьяно Под беглою рукой Моцарта оживляешь? Иль тоны повторяешь? Пиччини и Рамо?* [К сестре: «Ты хочешь, друг бесценный...»]; *Что же ты, моя старушка, Приумолкла у окна? Или бури завываньем Ты, мой друг, утомлена, Или дремлешь под жужжаньем Своего веретена?* [Зимний вечер: «Буря мглою небо кроет...»]. Интересным представляется тот факт, что союз *не то...не то*, индуцирующий значение предположительности в современном русском языке, в текстах А.С. Пушкина встречается лишь один раз в сказке: «Родила царица в ночь **Не то** сына, **не то** дочь; **Не мышонка, не лягушку, А неведому зверюшку**» [Сказка о царе Салтане], а союз *то ли... то ли* в выборке отсутствует.

Альтернативно-временное значение конструкций (исключение из общего временного плана реализации) вербализуется как союзом *или (иль)*, так и более конкретным повторяющимся союзом *то...то*: *Здесь грома вовсе нет; Лишь изредка телега Скрыпит по мостовой, Иль путник, в домик мой Пришед искать ночлега, Дорожною клюкой В калитку постучится...* [Городок: «Прости мне, милый друг...»]; *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя; То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя, То по кровле обветшалой Вдруг соломой зашумит, То, как путник запоздалый, К нам в окошко застучит.* [Зимний вечер: «Буря мглою небо кроет...»].

Данный тип конструкций представлен преимущественно в поэзии, в прозе были зафиксированы единичные примеры с союзами *или, либо*, которые в

отличие от поэтических иллюстраций, как правило, двухкомпонентны: <...> *и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным нежели простое любопытство, но предубежденный Ибрагим или ничего не замечал или видел одно кокетство* [Арап Петра Великого].

Альтернативно-локальные конструкции (исключение из единого локального плана реализации) встречаются крайне редко: *В подлиннике Аллах везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице* [Подражания Корану: Посвящено П.А. Осиповой].

Альтернативно-мотивировочные конструкции (исключение из общего модального плана реализации), употребляясь одинаково и в поэзии, и в прозе, реализуют значение исключения явлений посредством союза *или*, а также союзов *а то, не то*: *Меня отец и брат суровый Немилому продать хотят В чужой аул ценою злата; Но умолю отца и брата, Не то — найду кинжал иль яд* [Кавказский пленник]; « — Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, **или** я тебя в зашеи прогоню [Капитанская дочка]; *Уходи Поскорей и без оглядки, Не то — бойся лихорадки...* [Царь Никита и сорок его дочерей: «Царь Никита жил когда-то...»].

В альтернативно-перечислительных конструкциях значение взаимоисключения нейтрализуется, поскольку коммуникативные интенции говорящего заключаются в многоплановой характеристике того или иного явления, в обозначении целого ряда потенциальных альтернатив, не соприкасающихся друг с другом, поэтому вопрос об их сосуществовании здесь просто неуместен. Свидетельством этого является то, что элементы перечислительного ряда могут соединяться и без поддержки союза: <...> *Наш бедный юноша лежит... Напрасно блещет луч денницы, Иль ходит месяц средь небес, И вокруг бесчувственной гробницы Ручей журчит и шепчет лес; Напрасно утром за малиной К ручью красавица с корзиной Идет и в холод ключевой Пугливо ногу опускает: Ничто его не вызывает Из мирной сени гробовой...* [Гроб юноши: «... Сокрылся он...»]. Однако вербализованные ситуации мыслятся все же альтернативными в силу того, что в конкретном случае реализуется только одна из них: *Так, если лебеди, на лоне тихих вод Плещаясь вечером, окличут твой приход, Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи, Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий, Иль бьющий в окны град* [Приметы: «Старайся наблюдать различные приметы...»]; *Мораль на нас наводит сон, Порок любезен — и в романе, И там уж торжествует он. Британской музы небылицы Тревожат сон отроковицы, И стал теперь ее кумир Или задумчивый Вампир, Или Мельмот, бродяга мрачный, Иль вечный жид, или Корсар, Или таинственный Сбогар* [Евгений Онегин].

Несобственно-альтернативные конструкции с союзом *или* характерны только для прозы А.С. Пушкина. Их особенность определяется отсутствием основных признаков разделительности – гипотетичности и реальности только одной из ситуаций. Однако отношения между ними следует все же считать альтернативными в связи с тем, что репрезентируемые события исключаются из плана их равноценного обозначения 1) с точки зрения точности – альтернативно-градационное значение: *Обед в поле под палаткою также не*

удался, **или** по крайней был не по вкусу Кирилла Петровича, который прибил повара, разбрал гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского [Дубровский]; Кибитка ехала по узкой дороге, **или** точнее по следу, проложенному крестьянскими санями [Капитанская дочка]; 2) с точки зрения доступности изложения – альтернативно-пояснительное значение: *Постоялый двор, **или**, по тамошнему, умет, находился в стороне, в степи, далече от всякого* [Капитанская дочка].

Однако альтернативно-распределительные конструкции, в которых обозначаются явления / ситуации, исключаящие друг друга из плана совместного выполнения того или иного действия, наоборот, используются в основном в поэтических текстах: <...> *И быстрым понеслись потоком Враги на русские поля. Идут — их силе нет препоны, Всё рушат, всё свергают в прах,* <...> *В могилу мрачную нисходят непрестанно, **Иль** бродят по лесам в безмолвии ночи....* [Воспоминания в Царском Селе: «Навис покров угрюмой нощи...»]; *Но там, среди уединенья Долин, таящихся в горах, Гнездятся и балкар, и бах, И абазех, и камуцинец, И корбулак, и албазинец, И чечереец, и шапсук. Пищаль, кольчуга, сабля, лук И конь, соратник быстроногий — Их и сокровища и боги; Как серны скачут по горам, Бросают смерть из-за утеса; **Или** по топким берегам, В траве высокой в чаще леса Рассыпавшись, добычи ждут; Скалы свободы их приют.* <...> *И в братский с табаком горшок Вонзивши чубуки, как тени, В дыму клубящемся сидят И об убийствах говорят; **Иль** хвалят меткие пищали, Из коих деды их стреляли; **Иль** сабли на кремнях острят, Готовясь на убийства новы* [Кавказский пленник].

Сравнительно-сопоставительный анализ конструкций с разделительными союзами в поэтических и прозаических текстах позволил сделать следующие выводы:

1) количество конструкций в поэзии значительно превышает их количество в прозе (проза – 62 ед.; поэзия – 1639 ед.), поэтому к прозаическим текстам нами были условно отнесены статьи А.С. Пушкина и его письма друзьям, родным (437 ед.);

2) состав разделительных союзов различается как качественно, так и количественно. Безусловно, во всех текстах в качестве основного средства связи выступают стилистически нейтральные союзы *ли... или, или*, в редких случаях используется *не то*. Специфичными для поэзии стали союзы *иль* (народно-поэтический вариант *или*), *али* (областной / устно-поэтический вариант союза *или*), *то... то, а то*, а для прозы – союз *либо*, зафиксированный в текстах всего шесть раз;

3) в отличие от прозы с «традиционным» строением простых предложений с однородными членами или предикативных частей сложных предложений, в поэзии представлены цепочки самостоятельных предложений с разделительным многосоюзием (полисиндетоном), создающим своеобразную ритмическую организацию, что придает особую музыкальность, мелодичность, выразительность тексту;

4) прагматическая составляющая поэтических фрагментов с разделительными союзами заключается не столько в соединении

равновероятных, исключая друг друга признаков, сколько в создании нечто целого – единого разделительного блока, отображающего ту или иную ситуацию или характеризующего то или иное лицо или предмет во всем многообразии их проявлений;

5) в прозе А.С. Пушкина, несмотря на сравнительно небольшое количество дизъюнктивных структур, представлены все семантические типы разделительных конструкций (9), наиболее частотными из которых являются альтернативно-предположительные и альтернативно-перечислительные; в поэзии – семь семантических вариантов разделительных конструкций с явным преобладанием альтернативно-временных, -перечислительных и -предположительных структур.

Специфика употребления разделительных конструкций в текстах разных жанров объясняется во многом тем, что если язык поэзии, базирующийся на рифме, ритмической организации текста, его динамике, отличается образностью, высокой эмоциональной насыщенностью, приподнятостью, то язык прозы А.С. Пушкина демонстрирует отстранение от пространных описаний, авторских оценок, раздумий. Преследуя разные цели воздействия, и поэтические, и прозаические тексты А.С. Пушкина дают возможность насладиться красотой и гармонией слога мастера слова.

Литература:

1. Аристотель. Поэтика. СПб.: Амфора, 2008. 320 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Художественная литература, 1959. 656 с.
4. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 846 с.
5. Починяева О.А. Разделительные конструкции в славянских языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т.45, № 5. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. С.99-106.
6. Русская грамматика. Синтаксис. М.: Наука, 1980. Т. II. 709 с.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
8. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М.: РИПОЛ-классик, 2022. 190 с.

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ И ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

УДК 5527
ГРНТИ 18.31

СКУЛЬПТУРНЫЙ ЦИКЛ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА. КОНТРАПУНКТ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИЙ

Морозова С.С.
РГГУ
г. Москва
E-mail: morozova.ss@rggu.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются основные смысловые и композиционные принципы формирования скульптурных циклов в пространстве русской архитектуры эпохи классицизма конца XVIII – первой трети XIX века на примере сооружений Москвы и Петербурга. Античные сюжеты этих циклов оказываются в фокусе поисков художественной выразительности и отечественных скульпторов. Поэтому выбор древнегреческой или древнеримской традиции в качестве образца, взаимодействие оригинальных произведений мастеров классицизма и копий знаменитых статуй античности на фасадах зданий русских городов и загородных резиденций оказываются весьма показательными для понимания эволюции отечественной монументальной пластики этого периода.*

***Ключевые слова.** Скульптурный цикл, статуя, рельеф, архитектура, античность, классицизм, традиция, мифология, античные боги, герои, мыслители, поэты.*

THE SCULPTURAL CYCLE OF RUSSIAN CLASSICISM. THE COUNTERPOINT OF THE GREEK AND ROMAN ANCIENT TRADITIONS

S.S. Morozova
RSUH
Moscow
E-mail: morozova.ss@rggu.ru

***Abstract.** The article examines the basic semantic and compositional principles of the formation of sculptural cycles in the space of Russian architecture of the classical era of the late XVIII – first third of the XIX century on the example of buildings in Moscow and St. Petersburg. The ancient subjects of these cycles are in the focus of the search for artistic expression and domestic sculptors. Therefore, the choice of the ancient Greek or Roman tradition as a model, the interaction of the original works of the masters of classicism and copies of famous statues of antiquity on the facades of buildings of Russian cities and country residences turn out to be*

very indicative for understanding the evolution of Russian monumental sculpture of this period.

Keywords. *Series of statues, statue, relief, architecture, antiquity, classicism, tradition. mythology, ancient gods, heroes, thinkers. poets.*

Скульптура в пространстве классицистического города была призвана выступать в качестве комментария архитектуры. Античная история и мифология оказывались в данном случае удобным языком, внятным образованному горожанину. К концу XVIII – началу XIX столетия в России знакомство не только с античными сюжетами, но и с пластическими памятниками античности оказалось столь велико, что позволило разыгрывать целые «спектакли» в рамках одного здания. Наибольшую роль здесь играли рельефы, изображавшие сцены из античной мифологии и истории, что вполне логично, учитывая их нарративные возможности. Что же касается статуарной пластики, то она в силу своей специфики оказывалась в данном контексте, с одной стороны, своеобразным концентрированным сгустком смысла, а с другой, требовала от автора проекта и от зрителя гораздо более высокого уровня образованности и способности к выстраиванию логического и ассоциативного ряда. Возможно, именно поэтому скульптурный, а точнее статуарный, цикл в рамках архитектурного произведения встречается довольно редко.

Чаще всего мы можем наблюдать композицию с двумя или тремя статуями, установленными в наиболее важных, согласно архитектурной логике развития постройки или даже целого ансамбля, местах. Классическим примером этого может служить установка копий знаменитых статуй античности «Геракла» и «Флоры» Фарнезе работы Ивана Прокофьевича Прокофьева (1758-1828) на главном фасаде здания Академия художеств в Санкт-Петербурге или статуй «Помоны» и «Флоры» неизвестного мастера перед фасадом, обращенным к Кремлю, дома Пашкова в Москве. В данном случае, обращение к пластическим образцам античности напрямую должно было выполнять две функции – аллегорически обозначать пространство, где античная скульптура, а значит, и сама античность, как «золотой век» человечества, выступает в качестве образца и примера, а также свидетельствовать о процветании и просвещенности владельца, в буквальном смысле проживающего в окружении античных «богов и героев» и, следовательно, включенного в их ряд. На этом этапе классицистическая монументальная пластика не акцентирует и не противопоставляет древнегреческую и древнеримскую традиции. Важен сам факт обращения к наследию древних.

С течением времени статуарные циклы античной тематики начинают усложняться как с точки зрения развития оттенков смысла в разрабатываемых архитекторами программах убранства сооружений, что естественно влечет за собой необходимость создания большего числа оригинальных произведений современных мастеров вместо копий ограниченного набора известных в то время памятников античности, так и с точки зрения поиска наиболее выразительных композиционных приемов их размещения в пространстве фасада здания. Это обстоятельство делает статуарные циклы классицизма, на

наш взгляд, наиболее репрезентативными с точки зрения рецепции античности в сфере русской визуальной культуры конца XVIII – начала XIX века. Кроме того, взаимодействие греческой и римской античной традиции в таких произведениях может быть довольно интересным для изучения особенностей интерпретации образа античности в отечественной скульптуре этой эпохи.

Так, прием развитого статуарного цикла был использован в 1783 – 1787 годах Джакомо Кваренги для декорации Эрмитажного театра в Санкт-Петербурге. Общеизвестно, что прототипом для Кваренги послужил театр «Олимпико», возведённый по проекту Андреа Палладио в итальянском городе Виченце. Таким образом, древнеримская античность выступает здесь в качестве образца, увиденного сквозь призму восприятия архитектора эпохи Возрождения. И все же для Кваренги и его русских современников было вполне очевидным и необходимым появление в этом сооружении статуй как в интерьере, так и на фасадах, поскольку это соответствовало постулату классицизма о простоте и спокойном величии как неотъемлемых качествах античного искусства. Сам архитектор писал по этому поводу: «Я старался придать архитектуре театра характер благородства и простоты; и я не использовал ничего, кроме украшений наиболее сообразных и наиболее подходящих по теме. Колонны и стены облицованы фальшивым мрамором. Вместо розеток я поместил на коринфских капителях сценические маски, следуя образцам различных античных капителей, которые я заметил в Риме; особенно тех, которые я обнаружил в развалинах театра в Помпеях. Я поместил в десяти нишах зала и просцениума фигуры Аполлона и девяти муз; я велел поставить в квадратных клеймах над нишами бюсты и медальоны современных великих людей, которые отличались по театральной части... ..Фасад на Неву украшен статуями самых знаменитых греческих поэтов» [Цит. по: 1, с. 481, 482]. Статуи и бюсты древнегреческих поэтов расположены в нишах второго и третьего этажей, они хорошо читаются на фоне глади стены.

И все же заметим здесь, что Кваренги не считает нужным перечислить этих «знаменитых поэтов». С большой долей вероятности можно предположить, что среди них были не только греки. Наибольшей известностью среди русской просвещенной публики пользовались Анакреонт и Гораций, что непосредственно отразилось и на развитии русской словесности от Сумарокова до Пушкина. Как статуи, так и бюсты в данном цикле носят столь обобщенный характер, что это позволяет воспринимать их как образы античных поэтов вообще, их античное происхождение маркировано традиционными атрибутами – хитонами, тогами, «греческими» и «римскими» профилями, что задает некое общее направление ассоциациям зрителя при его движении вдоль фасада. Это вполне соответствует и отношению к греческой и римской пластической традициям, которые вполне мирно сосуществуют в рамках одного архитектурно-скульптурного высказывания: греческий Аполлон и музы соседствуют с римскими капителями и маскаронами. Несмотря на возникшее уже в XVIII столетии стремление к достоверности и изучению подлинных памятников древнеримского искусства, античность пока еще воспринимается как некий «золотой век человечества» вообще.

В начале XIX века стилистика и тематика скульптуры в оформлении театральных зданий значительно меняются. Главной становится тема триумфа. В контексте рассматриваемой проблемы сравнение статуарного цикла Эрмитажного театра Джакомо Кваренги с пластическим декором Александринского театра (1828-1832 годы) архитектора Карла Росси кажется весьма красноречивым.

На смену частному, хотя и предназначенному для императрицы Екатерины II театру, приходит театр как общественное место, и масштаб архитектурно-скульптурного высказывания становится гораздо более грандиозным. Закономерно, что Росси обращается к пирамидальной схеме расположения статуарной пластики с четко выделенным центром. Скульптурная композиция, завершающая аттик, представляет квадригу Аполлона работы скульптора Степана Степановича Пименова (1784-1833), запряженную четверкой мчащихся коней. Черты лица Аполлона, стоящего с венком и кифарой в руках, напоминают эллинистическую статую «Аполлона Бельведерского». Однако жест, которым он протягивает венок победителю, аналогичен жесту богини Славы на арке Главного штаба в Санкт-Петербурге и восходит, в свою очередь, к жестам Слав на древнеримских триумфальных сооружениях. Их функция абсолютно идентична – увенчать героев военных сражений и победителей в художественном соревновании. Мотив триумфа, победоносного шествия и награждения получает дополнительный акцент. Скульптурное убранство главного, северного фасада театра также составляют гипсовые статуи муз Терпсихоры и Мельпомены в нишах по сторонам лоджии. В нишах южного фасада, замыкающего перспективу улицы Росси, находятся статуи еще двух муз – Клио и Талии. Они словно призваны славить гражданские добродетели и подвиги на ниве искусств. Для архитектора и скульптора эпохи ампира также более важным оказывается собственно обращение к арсеналу античных мотивов, чем точное соответствие той или иной исторической эпохе или воспроизведение конкретных пластических образцов древности.

Интересно, что в здании Публичной библиотеки (1828-1832) К.И. Росси вновь проектирует триумфальную композицию статуарного цикла, призванного служить «комментарием» функционального назначения здания, хотя и с большей протяженностью по фасаду. На аттике располагалась статуя богини мудрости Афины-Минервы работы Василия Ивановича Демута-Малиновского, долженствующая покровительствовать наукам и искусствам, а также фигуры летящих гениев и герб. В центральной части здания между колоннами ионического ордера, по мысли архитектора, должны были быть установлены статуи муз, которые, таким образом, корреспондировали бы со статуями муз на здании Александринского театра. Следовательно, если бы проект был реализован, здание библиотеки прочитывалось бы как продолжение театра, как храм искусства. Однако по заданию директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина (1763-1843) проект был изменен. Между колонн лоджии были установлены статуи ученых, философов, ораторов и поэтов древности, изваянные из гипса скульпторами С.С. Пименовым, В.И. Демутом-

Малиновским, С.И. Гальбергом, Н.А. Токаревым, М.Г. Крыловым. Цикл ученых мужей древности включает Геродота, Цицерона, Тацита, Вергилия, Демосфена, Гиппократ, Еврипида, Евклида, Платона, Гомера и др. Это – развитие и продолжение традиции, пришедшей в русскую скульптуру еще в петровское время. Так, И.В. Рязанцев приводит текст составленной еще в 1716-1717 годах С. Рагузинским «Росписи каковы статуи употребляют в наилучших садах царских, королевских и протчих господ вельможных». «Тематически «Роспись» в основном охватывает ареопаг античных божеств и мифологических персонажей, соотнесенных в первом разделе с зодиакальным циклом, а во втором – с кругом образов овидиевских «Метаморфоз». Третий раздел посвящен аллегорическим изображениям ряда важнейших (для той поры) понятий и явлений и позитивного, и негативного характера. Завершает «Роспись» раздел «правителей» [2, с. 35]. Во второй половине XVIII века эта тенденция найдет продолжение в циклах Царского села, Гатчины и Павловска.

Осознавая факт существования традиции развернутых программ в скульптурном убранстве зданий, здесь более важно подчеркнуть, что традиционный «цикл правителей» с развитием идей классицизма превратился в русской статуарной пластике в цикл «ученых мужей древности», утратив вместе с «римской» идеей имперский характер утверждения государственной власти и приобретя черты «греческой» учености, продемонстрировав еще раз метаморфозы смысла. При всем римском духе самой российской постройки ее скульптурное убранство вносит совсем иной акцент в образный смысл сооружения. В архиве уже упомянутого нами выше директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств А.Н. Оленина имеется два варианта «Программы для людских статуй императорской публичной библиотеки» [подробнее об этом см.: 3, с. 9-12]. Более того, А.Н. Оленин предполагал уже, что статуи должны быть «портретны», то есть легко узнаваемы, поскольку в качестве образцов должны были послужить слепки с известных антиков из собрания Императорской Академии художеств. Он полагал необходимым и обязательным историческое соответствие костюмов для точного распознавания греческих и римских ученых мужей. В этом контексте разворачивание статуарного цикла по горизонтали во втором парадном этаже приобретает дополнительный смысл равной высокой оценки их значимости в истории культуры.

Подобная фризообразная композиция расположения статуй, составляющих особую смысловую группу, оказалась вполне приемлемой и в сооружениях более камерного характера. Так, К.И. Росси в скульптурной аранжировке Кухонного корпуса Елагина дворца, оформленного в виде центрального римского храма с греческим фронтоном, использовал цикл из 14 круглых статуй, изображающих античных богов и героев – Аполлона, Диану, Меркурия, Латону, Адониса, Весталку, Цереру, Психею, Афину, Мелеагра, Флору, Вакха, Юнону и Весту (1822, скульптор С.С. Пименов). Любопытно, что столь развитый скульптурный цикл должен был быть связан исключительно с темой кухни, приготовления пищи. И действительно, все персонажи так или иначе, прямо или опосредованно, связаны с этой темой. Богиня охоты Диана,

бог торговли Меркурий, бог виноделия Вакх, богини Церера и Флора, дарующие людям плоды, имели непосредственное отношение к приготовлению пищи. Весталка – жрица хранительницы домашнего очага Весты. Аполлон – бог солнечного света. Латона (Лето) – мать Аполлона и Дианы. Афина (Минерва) считается покровительницей ремесел, в том числе и поварского искусства. Психея – олицетворение человеческой души, то есть творческого начала. Адонис и Мелеагр – охотники, сражавшиеся с дикими кабанами.

Этот пример, пожалуй, наиболее ярко демонстрирует укорененность античных сюжетов и традиции их аллегорического и символического прочтения в русском художественном обиходе. Столь развитая программа цикла требовала от зрителя точного знания не только сюжетов античной мифологии, но и пластических формул, иконографии изображения тех или иных персонажей этой мифологии. Но еще более значимым, на наш взгляд, является расположение всех статуй в одинаковых нишах на фасаде, не имеющем окон и развернутом к парку. Явление греческих и римских богов и героев в телесности своего объема, противопоставленного глади и замкнутости стены, расположенных лишь немного выше уровня земли, то есть уровня зрителя, в буквальном смысле демонстрирует античность, выступающую из пространства, обозначенного ограничениями и рамками архитектуры как метафоры божественного порядка и гармонии, в пространство природы и быстротекущего, человеческого времени.

Подводя итоги рассмотрению некоторых особенностей статуарных циклов русского классицизма конца XVIII – начала XIX века, можно с известной долей уверенности утверждать, что освоение сюжетов античной мифологии и истории, их литературных реминисценций, а также репертуара художественных средств античности привели к тому, что русская монументально-декоративная скульптура этого времени демонстрирует разнообразие в композиционных подходах и свободу в обращении к древнегреческой и древнеримской пластической традиции в зависимости от конкретной смысловой задачи не только в рельефах, но и в круглой пластике.

Литература:

1. Малиновский К.В. «Санкт-Петербург XVIII века». Издательство «Крига», 2008. С. 576.
2. Рязанцев И.В. Русская скульптура второй половины XVIII – начала XIX в. (Проблемы содержания). М., 1994. С. 35.
3. Здание Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: [ст.]: Владимирова М.В. История сооружения; Эфрос Г.Г. Скульптурная декорация фасадов//Архитектурная практика и история архитектуры. Ленинград; Москва, 1958. Вып. 21. С. 9-12.

**«ПОРОЙ ОПЯТЬ ГАРМОНИЕЙ УПЬЮСЬ, НАД ВЫМЫСЛОМ
СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ...». ПУШКИНСКИЕ ОБРАЗЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКА-КОСТОРЕЗА
ПАРФЁНА ЧЕРНИКОВИЧА**

Чугунов Н.В.
Независимый исследователь
г. Нижний Новгород
E-mail: qorum@list.ru

Аннотация. Известно, что холмогорский художник Парфён Парфёнович Черникович после переезда в город Горький в 1968 году работал над созданием Варнавинского косторезного промысла. В статье рассказывается о работе по созданию художником уникальных художественных произведений и образцов для производства, содержащих пушкинские образы в холмогорский и нижегородский периоды своей жизни. Показано значение образа поэта и персонажей его сказок в творчестве Парфёна Черниковича и его последователей в Варнавинском косторезном промысле.

Ключевые слова. Пушкинские образы, косторезный промысел. Парфён Черникович.

**«TIME AND AGAIN I'LL SAVOR HARMONY,
MELT INTO TEARS ABOUT SOME FANTASY...»
PUSHKIN'S IMAGES IN THE WORKS OF THE BONE-CUTTER
ARTIST PARFEN CHERNIKOVICH**

N.V. Chugunov
Independence Researcher
Nizhny Novgorod
E-mail: qorum@list.ru

Abstract. It is known that the Kholmogorsky artist Parfen Parfenovich Chernikovich, after moving to the city of Gorky in 1968, worked on the creation of the Varnavinsky bone-cutting craft. The article describes the work of the artist to create unique works of art and production samples containing Pushkin's images in the Kholmogorsky and Nizhny Novgorod periods of his life. The importance of the image of the poet and the characters of his fairy tales in the work of Parfen Chernikovich and his followers in the Varnavinsky bone-cutting craft is shown.

Keywords. Pushkin's images, bone-cutting craft, Parfen Chernikovich.

Современная косторезная традиция народного искусства Нижегородской области – Варнавинская резная кость – имеет свои корни в холмогорском

промысле резьбы по кости Архангельской области. В прошлые века косторезные изделия холмогорских мастеров расходились по всей России и служили и простым жителям деревень и состояли в обиходе русской знати и царского двора. Мастера ажур и рельефных изображений, холмогорские резчики достигли большого мастерства и в искусстве портрета. В середине XX века искусство холмогорской резной кости получило дальнейшее развитие. Появлялись новые темы и орнаментальные мотивы, изобретались новые формы изделий.

1930-е годы – эпоха возрождения холмогорского искусства резьбы по кости после десятилетий его упадка. Очень важно для косторезов Ломоносовской артели было участие во Всемирной выставке 1937 года в Париже. Среди экспонатов её был настольный барельеф А.С. Пушкина работы Василия Петровича Гурьева – учителя первых советских косторезов [2]. Тогда Парфён Черникович был ещё учеником профтехшколы резьбы по кости. И только с начала 1950-х годов литературная тематика холмогорских работ, пришедшая на смену военной теме Победы в Великой Отечественной войне, начала проявляться в полную силу.

На шкатулках, ларцах, коробочках виртуозно изображались сцены из произведений русских писателей, а иногда и их портреты на крышках. Наиболее излюбленным источником сюжетов на изделиях холмогорских косторезов была русская народная сказка. Сказочные и былинные образы Жар-птицы, Садко, персонажей из «Сказки о репке» украшали в то время коробочки холмогорской работы, но больше всего косторезам нравилось изображать сюжеты из сказок А.С. Пушкина.

В послевоенный период раскрылся талант холмогорского мастера-костореза (в будущем – основателя Варнавинского промысла резьбы по кости в Горьковской области) Парфёна Парфёновича Черниковича. Его лидерство в холмогорском промысле было подтверждено назначением его на выборную должность художественного руководителя Ломоносовской косторезной артели в 1950 году.

Пушкинская тема интересовала художника с начала 1950-х годов. Известна его роль в творческой помощи талантливому косторезу У.С. Шарыпиной при создании ею в 1951 году шестигранной коробочки «Сказка о рыбаке и рыбке». Черникович подсказал идею орнаментального фона для сюжетных сцен на стенках и крышке коробочки.

Орнаментальный фон в работах холмогорских мастеров «имеет большую смысловую нагрузку, насыщает вещь эмоциональным звучанием» [5, с. 45].

Черникович видоизменил традиционный элемент холмогорского ажюра – рокайль, вытянул форму раковины, преобразив её в гребешок волны.

Ажурный фон коробочки Шарыпиной, каждая из стенок которой изображает одну из сцен сказки, напоминает морскую волну. «Он как бы входит в общий замысел произведения, дополняет сюжетный мотив» [4, с. 156].

Вспоминая подробности создания своей знаменитой шкатулки, У.С. Шарыпина подтвердила факт участия П.П. Черниковича в создании коробочки:

«Моей самой главной работой в творческой жизни была шестигранная шкатулка “Сказка о рыбаке и рыбке”. Первая шкатулка видимо понравилась, и я выполняла несколько заказов для музеев. Я работала над коробочкой долго. Мне помогал в этом наш художественный руководитель художник Черникович Парфён Парфёнович. Мы долго искали, на каком фоне сделать, и пришли к такому мнению, что на фоне моря, а море надо как-то изобразить волнами. И эти волны мы изобразили тонким ажуром типа рокайля. После долгих исканий у меня получилась хорошая работа» [1].

В музеях страны можно увидеть ларцы со сценами из сказок А.С. Пушкина, изготовленные в ту пору известным холмогорским мастером Иваном Алексеевичем Верещагиным: «Сказка о Золотом петушке» (1954), «Сказка о Царе Салтане» (1955), «Сказка о мёртвой царевне» (1958).

Художника Черниковича больше привлекали сюжеты «Сказки о рыбаке и рыбке». Может быть, причина этому была в рыболовных сценах и образе старика-рыбака, схожего с образом местного рыбака-помора. Но знаменитая шкатулка У.С. Шарыпиной уже существовала, и её варианты имелись в музеях страны.

Перед мастером встала задача сделать совершенно новое изделие по уже знакомому сюжету. Необходимо было «сюжетный мотив связать с формой и назначением предмета» так, чтобы он органично входил в общее решение вещи, представляющей «единство формы, материала, сюжетных композиций и орнамента» [5, с. 45].

Эскиз нового изделия, составленный художником в сентябре 1958 года, увидел корреспондент газеты «Правда Севера», посетивший в то время косторезную артель:

«Парфён Черникович задумал воплотить чарующую прелесть пушкинской “Сказки о рыбаке и рыбке”. Эскиз, утверждённый к исполнению, показывает, какой будет эта вещь. На изделии, выполненном в виде старинной поморской барки, оживут картины, знакомые поколениям почитателей пушкинского гения: старик с неводом и золотой рыбкой, старуха на царском троне, незадачливая героиня у разбитого корыта...» [3].

В начале 1959 года изделие было готово. В этой работе Черникович подтвердил свой высокий уровень мастерства, создав шкатулку совершенно новой формы, а также орнаментальный фон, соответствующий сюжетному мотиву сказки.

Следуя морской теме сказки, художник Черникович собрал комбинированную шкатулку-лоток для хранения украшений в форме поморской ладьи. Создавая модель лодочки, он изготовил 15 деталей из мамонтовой кости и собрал их при помощи костяных штифтов и клея. Встроенная шкатулка с откидной крышкой представлена в виде кормового помещения судна, стенки которой украшены четырьмя ажурными картинами из сказочных сцен.

На бортах лодки ажурный орнамент составлен «из вертикальных завитков, очень близких к обычным рокайльным, но лишённым гребней. Это как бы морские волны, среди которых ритмично расположились фигурки рыбок» [7, с. 9]. Таким образом, обращение к теме сказки А.С. Пушкина дало

возможность художнику создать уникальное произведение с совершенно новой для холмогорского косторезного промысла формой и продемонстрировать свой талант в достижении гармоничного сочетания в изделии – единства темы, формы, сюжетных композиций и орнамента.

Новый этап творчества художника-костореза Парфёна Черниковича наступил уже на Горьковской земле, куда художник переехал в апреле 1968 года. Огромный опыт ведущего холмогорского костореза, глубокое знание особенностей самой мощной косторезной традиции России Черникович применил для создания нового горьковского-нижегородского промысла резьбы по кости. Потребовалось найти новые темы и образы, орнаменты, присущие нижегородской народной традиции. Знакомство с многочисленными нижегородскими промыслами в поездках по области, изучение музейных и краеведческих материалов позволило создать новый «горьковский» косторезный стиль и обогатило творчество художника новыми темами и образами.

Тогда не только в Горьковской области, но и в народной культуре населения всей Волги не было устойчивых традиций художественной обработки кости. Новый косторезный стиль «поволжского периода» творчества Парфёна Черниковича впервые проанализирован и описан искусствоведом Русского музея Н.В. Тарановской [7, с. 12-13]. В последующих публикациях этот художественный стиль получил название «поволжского», а позднее, после открытия косторезного производства в Варнавино, – «варнавинского».

В качестве заведующего художественным отделом проектно-конструкторского бюро Управления художественных промыслов Горьковской области Черникович посещал Большеболдинский район. В то время решалась задача выявления и возрождения забытых и малоизвестных промыслов. Из села Казариново близ Большого Болдина были привезены образцы красноглиняной и чёрнолощёной керамики. Предполагалось, что именно такой утварью пользовался А.С. Пушкин, проводя свою счастливую осень в Болдине. С самого начала работы на новом месте горьковский край воспринимался художником как «земля Пушкина» и рождал в его воображении образы поэта и персонажей его произведений.

Самые первые эскизы художника в начале его деятельности на горьковской земле уже содержали образы из пушкинских сказок.

При этом надо было начинать с популярных и наиболее простых форм и орнаментов, близких и технически доступных первым горьковским косторезам, которых предстояло обучить Черниковичу. Да и предмет должен был быть пригодным для широкого тиражирования, пользоваться спросом у людей. И такой предмет был найден – крючок для вязания. Было решено изготовить образцы для первых промышленных партий будущего косторезного производства. Уже в мае 1968 года был найден образ резного навершия крючка – Золотой Петушок из знаменитой сказки Александра Сергеевича Пушкина. Обращение к сказке А.С. Пушкина было важно и закономерно для художника. Ведь Петушок, красующийся на шпиле царского дворца из «Сказки о Золотом Петушке», был рождён поэтом на нижегородской земле, во время своего

знаменитого «болдинского сидения» осенью 1834 года. Художником было сделано множество эскизов, проб – и, наконец, первый образец вязального крючка из кости готов. Его навершие – Золотой Петушок на шпиле сказочного царского дворца как бы вытянулся и приготовился прокричать своё «кири-ку-ку». При этом мастер-косторез использовал простую кость, рельефную резьбу и ажурную обработку контура.

На первом в нижегородской биографии холмогорского художника и в истории косторезного промысла нашей области художественном совете Горьковского облисполкома (16 мая 1968 года) вязальный крючок «Золотой Петушок» был принят с одобрением как изделие народного художественного промысла в качестве образца для будущего косторезного производства.

В 1970-е годы художник создаёт несколько вариантов ножа для бумаги «Сказка о Золотом Петушке» с клинками различной конфигурации, костяными и деревянными. В частном собрании сохранился вариант ножа из моржового клыка с прямым лезвием и ажурной ручкой с изображением архитектурного элемента – кокошника, пяти башен; на шпиле центральной башни сидит Петушок в обрамлении картуша из завитков.

Но для массового выпуска на варнавинской фабрике необходимо было сделать более простой вариант. Получился нож-закладка из одной пластины простой коровьей кости (цевки). Ажурное навершие – Золотой Петушок на шпиле в обрамлении из нижегородских завитков. Образец принят худсоветом Горьковского облисполкома 16 февраля 1978 года, изделие оказалось удачным и выпускалось фабрикой несколько десятилетий.

«Сказка о Золотом Петушке» занимала особое место в нижегородский период творчества мастера-костореза Черниковича. Может быть, его привлекало «болдинское происхождение» сказки. В архиве художника имеются эскизы шестигранной и точёной (круглой) шкатулки с хваткой в виде Золотого Петушка на крышке. Черникович приступал к работе над эскизами вещи с 1969 по 1982 годы, но так и не воплотил её в кости.

После выхода Черниковича на пенсию, в 1980-е годы, появилась возможность создавать исключительно уникальные произведения выставочного назначения, в том числе с использованием дорогостоящей кости из бивня мамонта. Именно в этот период сделана художником большая часть произведений с пушкинскими образами.

Для Всесоюзного музея А.С. Пушкина на Мойке (Ленинград) в 1983-1988 годах художник выполнил четыре предмета.

Настольный экран с парадным портретом А.С. Пушкина (1983, Всероссийский музей А.С. Пушкина) сделан на выпуклой пластине из мамонтовой кости в окружении сказочных персонажей из поэмы «Руслан и Людмила»: Русалки, богатыря с Черномором, фигур Руслана и Людмилы на ажурном фоне из плотных варнавинских завитков.

Пролог из «Руслана и Людмилы» с Русалкой, сидящей в ветвях дерева, и Котом Учёным на цепи, гуляющим вокруг дерева, к которому прислонился сам поэт с пером в руке в момент творческого озарения, вырезаны на мамонтовой пластине ножа для разрезания бумаги (1987, Всероссийский музей А.С.

Пушкина). Повторный вариант ножа под названием «Лукоморье» сделан художником для частного собрания.

Образ Русалки не раз воплощался мастером в различных произведениях. Её изображение сделано в 1980-х годах на ажурной ручке костяной рамки для зеркала и на скульптурном навершии трости.

В тот же период художник обращается к образам любовной лирики А.С. Пушкина. Его любимый сюжет – объяснение в любви, описанное в известном стихотворении поэта. Посредством ажурной и рельефной резьбы воплощено чувство, некогда связывавшее поэта и светскую даму.

Так появились обложка блокнота (1988, Всероссийский музей А.С. Пушкина) и декоративный экранчик (1983, Российский этнографический музей) из кости мамонта под названием «Я помню чудное мгновенье» с рельефными фигурами влюблённых, взявшихся за руки. Позднее были сделаны повторные варианты этих предметов для частной коллекции.

По наблюдению искусствоведа Н.В. Тарановской, в 1980-е годы творчество Черниковича стало вновь обретать холмогорские черты. «Но полного возврата к чисто холмогорской резьбе не происходит. Резной убор... блокнота "Я помню чудное мгновенье" по строгой симметричности построения декоративных композиций ближе к нижегородскому или общерусскому типу. Трактовка фигур Пушкина и Керн на фоне стилизованных веток и фланкирующих колонок, где рельеф и так-то едва выраженный, переходит в графику, контурную резьбу, очень напоминает верхневолжские прялочные композиции» [7, с. 13].

Лирический герой – образ поэта создан художником в скульптурной композиции «Подъезжая под Ижоры...» (1986-1987, Всероссийский музей А.С. Пушкина). Романтическая зарисовка мимолетного знакомства поэта с провинциальной барышней представлена сценой тройки, которая уносит вдаль поэта с развевающимся шарфом, сидящего за кучером, настёгивающим резво мчащихся коней.

Воспоминания о жизни и работе на Севере всё чаще отражаются в нижегородских произведениях мастера. В 1990–1991 годах он повторяет форму своей знаменитой лодки образца 1959 года со сценами из «Сказки о рыбаке и рыбке», но декоративное убранство придаёт ей совершенно другое. Орнаментальный фон для изображений он оставляет в виде волнообразных завитков, но теперь уже они напоминают не рокайли, а завитки-пружины, составленные из ногтевидных порезок, напоминающих резьбу по дереву. Таким образом поморская ладья с пушкинскими образами получила нижегородскую прописку.

Конец 1980-х годов. Для многих художников это эпоха новых тем, экспериментов в творчестве. Мастер Черникович использует это время по-своему. Он особенно глубоко изучает русскую классическую культуру. Художник приступает к созданию серии портретов великих персон России. Обилие новой информации, издаваемых книг ещё глубже погружает художника в мир Пушкина, заставляет его по-новому взглянуть на свои сделанные работы, повторить их уже в дополненном варианте, с применением более совершенного

для этой темы орнаментального стиля. Так создавался второй настольный портрет А.С. Пушкина (1985–1990, Нижегородский музей-заповедник). В целом он напоминал изготовленный в 1983 году настольный экран А.С.Пушкина из фондов Музея А.С. Пушкина на Мойке. Но в этот раз была использована несколько большая по размеру пластина из мамонтового бивня, по форме более плоская. Это позволило мастеру увеличенное пространство экрана вокруг реалистически вырезанного в овале рельефного портрета поэта дополнить изображениями новых персонажей из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

На большом экране в технике ажурной резьбы изображены художником 9 рельефных элементов.

1. В центре – портрет Пушкина в овальном медальоне.

2. Над портретом – летящий Черномор.

3. Справа сверху – богатырь, который одной рукой держится за бороду Черномора, другой заносит меч. «Там в облаках перед народом через леса, через моря колдун несёт богатыря...».

4. Слева сверху – сидящая русалка с поднятой рукой. «Там чудеса: там леший бродит, Русалка на ветвях сидит...».

5. Слева в середине – сидящий старец, пишущий книгу пером. «В пещере старец; ясный вид, спокойный взор, брада седая; лампада перед ним горит; за древней книгой он сидит...».

6. Слева внизу – стоящая на коленях царевна держит за передние лапы сидящего перед ней волка. «В темнице там царевна тужит, а бурый волк ей верно служит».

7. Справа в середине – Баба Яга летит на метле. «Там ступа с Бабою Ягой идёт, бредёт сама собой».

8. Справа внизу – стоящий на коленях царь роется в сундуке. «Там царь Кащей над златом чахнет; там русский дух... там Русью пахнет!».

9. Под портретом – белка в клетке, грызущая орешки. «Белка песенки поет да орешки все грызет...» («Сказка о царе Салтане»).

Орнаментальный фон изобразительной поверхности тоже претерпел изменения. Это уже не завитки варнавинского типа. Они приобрели более лёгкий, элегантный вид, в котором всё более узнаются холмогорские орнаментальные черты.

Получился экран, на котором вокруг большого портрета в центре как бы вращаются небольшие изображения сказочных персонажей. Это произведение мастера, отличающееся особенностями расположения элементов, а также высоким совершенством исполнения, можно было бы назвать «Венок Пушкину от русского костореза».

Новая косторезная традиция – Варнавинская резная кость – продолжила тематическую линию пушкинских образов, начатую мастером Черниковичем. В 1975-1977 годах на фабрике появились свои художники, которые связали свою жизнь с варнавинским косторезным промыслом и стали создавать образцы для производства, уникальные произведения. Художник экспериментальной группы Юрий Фёдорович Мишуков, прибывший в Варнавино уже сложившимся

мастером, создал деревянный ларец «Золотой петушок» (1980; Варнавинский историко-художественный музей). «На оконных вставках-панно, выполненных из кости в технике низкого рельефа, композиции по мотивам сказок А.С. Пушкина: девица под окном, незадачливый дед с золотой рыбкой, сама рыбка в бушующем море. На коньке кокошника резная фигурка отчаянно кричащего петуха, скульптурки грустных бесят служат опорами ларца. Персонажи сказок точны и колоритны, в их изображении присутствует та же тонкая ирония, что звучит и в поэтических текстах» [6, с. 113-114]. Сказки А.С. Пушкина – одна из самых популярных тем в творчестве варнавинских косторезов. В массовом производстве Варнавинской косторезной фабрики находились наборы вязальных крючков Ю.Ф. Мишукова «Сказки Пушкина» (1986), Н.П. Михайловой «Сказка» (1992), «У Лукоморья» (1999), а также подвески Ю.Ф. Мишукова «Золотой петушок» (1980), «Золотая рыбка» (1980), авторучка Т.Д. Кучумовой «Муза» (1999). Известны уникальные произведения варнавинских художников: шкатулка «Пушкин в Болдине» (1997; Н.П. Михайлова, О. и Е. Авдеевы), шкатулка «Руслан и Людмила» (1998; Т.Д. Кучумова).

Пушкинские образы занимают видное место в творчестве старейшего варнавинского художника-костореза Н.А. Медведева. Известна его шкатулка, склеенная из плашек простой кости, – «Золотая рыбка» с рельефным изображением рыбака на отъёмной крышке. Рельефные картины из сказок А.С. Пушкина можно увидеть и на современных изделиях мастера: шкатулках с откидной крышкой «Золотая рыбка» (2022; Варнавинский историко-художественный музей), «Сказка о царе Салтане» (2022).

Творческое начало в труде художника кости и художника слова сближало Парфёна Черниковича и современных ему северных поэтов. После знакомства с художником поэт Анатолий Лёвушкин посвятил П.Черниковичу стихотворение «Косторез» (1965), которое стало гимном всем холмогорским мастерам. В конце стихотворения поэт проводит прямое сравнение косторезного искусства с поэзией: «Возьми эту вазу – и трезво с поэмою доброй сравни. Есть что-то в труде костореза поэзии истой сродни». Косторез Парфён Черникович остро ощущал тесное творческое родство между косторезанием и поэзией в процессе создания новых художественных творений и применял к своему мастерству пушкинские строки, сделанные им на обороте настольного портрета поэта 1990 года: «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь... А.Пушкин».

Творческая жизнь художника Парфёна Черниковича охватывает семь десятилетий (1930-е–2000-е). Сменялись эпохи, а с ними темы и образы его работ: защита социалистической Родины с образами вождей и полководцев, трудовые будни советских людей и их достижения в труде. Но оставались неизменными для работ холмогорских косторезов картины северной природы с упряжками оленей, охотниками в малице, а также любимый персонаж жителей родины великого учёного Михаила Васильевича Ломоносова. С 1950-х годов в холмогорской резьбе всё больше укореняются сказочные образы поэта А.С. Пушкина. Все эти темы отражены и в творчестве холмогорского периода мастера Черниковича.

Но именно нижегородская земля подарила мастеру-косторезу Парфёну Черниковичу большую пушкинскую тему. В этот период образы поэта А.С. Пушкина и его персонажей заняли главное место в тех художественных произведениях П.Черниковича, которые изображали эпизоды из русской классики. Место поэта в его творчестве мы видим в выборе великих личностей России для настольных экранов с парадными портретами в овале из крупных пластин мамонтовой кости: Ломоносов, Пушкин, Пётр I. Так художник определил главных действующих лиц в истории России – родоначальника русской науки, гения русской литературы и создателя Великой России. В этом выборе отразилась суть жизни и творчества самого мастера-костореза Парфёна Черниковича – художника и гражданина.

Литература:

1. Бубнова О. «И согреется сердце твоё ...»: Село Ломоносово (Видеосюжеты из архива ГТРК «Поморье» 1965 – 1986г.), 2014. URL: https://vk.com/video107004646_170733753.
2. Ермолин И. Барельеф А.С. Пушкина // Северный комсомолец. – 1936. – 24 сентября.
3. Максимов А. У холмогорских косторезов // Правда Севера. – 1958. – 27 декабря.
4. Митлянская Т.Б. Русская резная кость // НИИХП. Сборник трудов. Выпуск 1. – М., 1962.
5. Митлянская Т.Б. Холмогорская резная кость. – Архангельск, 1991.
6. Помыткина Л.И. Нижегородская резьба по камню и кости. – Нижний Новгород, 2010.
7. Тарановская Н.В. П.П. Черникович. – Ленинград, 1991.

УДК 1.18.7.01

ГРНТИ 02.61.31

РОЛЬ СВЕТОЗВУКОВОГО КОНТРАПУНКТА В ТЕМПОРИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рязанова С.В.

ГБПОУ «Нижегородское художественное училище (колледж)»

г. Нижний Новгород

E-mail: nxu@mts-nn.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения роли светозвукового контрапункта в темпоритмической организации художественного произведения. Дается подробный разбор развития ритмической структуры музыкальной композиции на примере ряда произведений современной электронной музыки. Обосновывается мысль о значимости темпоритма как основного конструктивного элемента. Анализ проводился на материале ряда произведений электронной музыки. Теоретико-методологической основой исследования являются принципы научной рациональности и диалектики. Исследование опирается на труды таких ученых, как В.В. Задерацкий, О.В. Блаженкова и В.И. Мартынов. В результате был сделан вывод о том, что темпоритмическая организация, образуя своего

рода светозвуковой контрапункт, охватывает весь комплекс выразительных средств, задействованных в создании музыкального произведения.

Ключевые слова. Контрапункт, ритм, темп, электронная музыка, светомузыка, ритмический рисунок, свет, реципиент.

THE ROLE OF LIGHT AND SOUND COUNTERPOINT IN THE TEMPO-RHYTHMIC ORGANIZATION OF A WORK OF ART

S.V. Ryazanova

Public budgetary professional educational institutional
“Nizhny Novgorod art school (college)”,

Nizhny Novgorod

E-mail: nxu@mts-nn.ru

Abstract. The article deals with the problem of determining the role of light and sound counterpoint in the tempo-rhythmic organization of a work of art. Gives a detailed analysis of the development of the rhythmic structure of a musical composition using the example of work of modern electronic music. The idea of the importance of tempo-rhythm main constructive elements is substantiated. Analysis was carried out on the material of a number of works electronic music. Theoretical and methodological basis of research is founded on the principles of scientific rationality and dialectics. The research is based on the works of such scientists as V.V. Zaderatsky, O.V. Blazhenkova and V.I. Martynov. As a result, it was concluded that the tempo-rhythmic organization, forming a kind of light and sound counterpoint, covers the entire range of expressive means involved in the creation of a musical work.

Keywords. Counterpoint, rhythm, tempo, electronic music, light-music, rhythmic pattern, light, recipient.

Как известно, специфика того или иного вида искусства обуславливает особенности временной организации художественного произведения. Так, в частности, в современной музыкальной культуре все более важное значение начинает приобретать роль светозвукового контрапункта. Речь, в первую очередь, идет о теснейшей взаимосвязи световых импульсов и ритмического рисунка. Синхронное воспроизведение окрашенных цветовой вибрацией световых волн и пронизанных пульсирующей энергией ритмов создает особый пространственно-временной континуум, с головой погружающий реципиентов в феерическую атмосферу светозвуковой стихии.

В статье представлены материалы, которые в тезисном изложении впервые были опубликованы автором в журнале «Орсион» [4, с. 820-831].

В настоящей работе дается более подробное освещение рассматриваемой темы.

Возрастающее значение темпоритмической организации особенно ярко проявляется в музыке электронной, где темпоритм становится основным конструктивным элементом. Более того, можно сказать, что ритм является

первоосновой всей современной музыки. Он не просто задает темп композиционному развитию, ритмическая организация здесь, в сущности, есть воплощение самой временной структуры музыкального произведения. Такова, например, Arcade (Dimitry Vegas, Like Mike, W&W), в которой ритм в буквальном смысле можно назвать своего рода объединяющим стержнем, связывающим все части композиции в единое неразделимое целое. Ритмическая ткань этого произведения неоднородна. Медленное, как бы растянутое во времени, поступенно нисходящее движение начальных звуков вступления, представленных целыми длительностями, сменяется поступенным же неторопливым движением половинных. Таким образом, в начальных тактах господствует выровненный ритм, представляющий собой строгие метрические ряды одинаковых длительностей. Последние сменяются короткими долями, что придает композиции ритмическое оживление. Дальнейшее дробление длительностей (четверти, восьмые) неизбежно влечет за собой ускорение темпа. В композиции преобладает моторика равных долей, последовательно разворачивающихся от целых до восьмых. Такое движение – от длинных долей к коротким – вносит в композиционное развитие чувство напряжения, которое усиливается благодаря перебивкам строгой ритмики восьмых длительностей каскадами шестнадцатых. Так ритмическая структура музыкальной ткани становится фактором выражения времени в музыке.

О том, что ритм может вызывать сильнейшие эмоции, человечество знало еще в первобытную эпоху. Основанный на принципе повторяемости, ритм стал для человека тех незапамятных времен олицетворением явлений окружающего мира, таких как смена времен года или смена дня и ночи. Как полагает большинство исследователей, для первобытного человека ритм – это не просто основа музыки, он и есть сама музыка. Существовая в системе синкретического мышления, музыка входит составной частью практически во все сферы человеческой деятельности. Ритм, таким образом, оказался организующим фактором человеческой жизни и в символическом плане (ритмы музыки соотносились с ритмами природного мира, с ритмами мироздания), и в сугубо практическом (музыкальные ритмы помогали выполнять повседневную, утомительно однообразную работу). Кроме того, ритм становится неотъемлемой частью магического ритуала. Он позволяет внушить массам людей соответствующий тому или иному конкретному моменту ритуального действия настрой. Это впоследствии унаследует христианская церковная музыка, имеющая целью настроить прихожан на молитвенный лад.

Но, как известно, ритмический строй может вызывать не только молитвенное настроение, он может вдохновить человека на героические поступки, а также привести его в состояние возбуждения и эйфории. Вот эту-то внушающую силу музыкальных ритмов и приняла на вооружение современная музыка, в частности, электронная, ритмы которой оказались способными подчинять себе многотысячную аудиторию слушателей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ритмы, идущие из глубины веков, вдохновляют современных авторов своей простотой и всепокоряющей силой воздействия. Так, под их обаянием оказался Себастьян Ингроссо, автор композиции

«Reload». Об этом красноречиво свидетельствует вступительная часть последней. Служащий фоном основному мотиву ритмический рисунок имеет явно выраженную отсылку к ритмическим первоосновам первобытной эпохи, являясь своего рода их имитацией. Тот же ритмический мотив проходит и в заключительной части композиции, придавая ей законченный характер. Этим, однако же, роль данной ритмико-динамической структуры не исчерпывается: моторика ее движения задает пульс всему произведению в целом. От нее также отталкивается и основной мотив композиции, который ритмически группируется по сходной схеме: две восьмые длительности, четверть, четыре восьмые, четверть. Все это свидетельствует о том, что ритмические импульсы, определяя темповые параметры музыкального произведения, тем самым оказывают решающее воздействие на его временную структуру, что особенно характерно для музыки современной (в том числе электронной).

Причем в последнем случае на временную структуру музыкальной композиции оказывают влияние не только собственно выразительные средства музыки, но и свето-цветовые эффекты. Впрочем, идея светомузыки возникла еще на рубеже XIX-XX веков в творческих замыслах А.Н. Скрябина. Стремясь воплотить в музыке «высшую грандиозность» и «высшую утонченность», композитор мечтает о создании некоего универсального произведения, объединяющего в единое целое все виды искусства, исполнение которого должно было привести к концу старого материального мира и к рождению мира нового, духовного. Отголоски нереализованного проекта этой грандиозной «Мистерии» можно обнаружить в симфонической поэме «Прометей»: в ее партитуру грезящий о некоей неслыханной до этого «световой симфонии» композитор включил совершенно необычную партию для пока еще не изобретенного светового инструмента, обозначив ее итальянским словом «luce» («свет»). По мысли А.Н. Скрябина, этот инструмент будущего должен был во время исполнения «Прометея» посылать в зрительный зал разноцветные лучи, соотнося их с тем или иным гармоническим строем.

В наши дни идеи А.Н. Скрябина о светомузыке воплотились в жизнь. Ярче всего это выразилось в таком явлении современной музыкальной культуры, как электронная музыка. В настоящее время практически ни один фестиваль электронной музыки (Tomorrowland, Ultra Music Festival, Alfa Future People) и специальные шоу-программы не обходятся без световых эффектов. Причем световое оформление используется отнюдь не произвольно: оно, как и мечтал в свое время А.Н. Скрябин, строго подчиняется логике развития музыкальных композиций. Более того, каждое движение светового луча в точности соответствует ритмическому рисунку исполняемого произведения. К числу наиболее показательных в этом отношении примеров можно отнести грандиозные шоу, которые представляет нидерландский композитор, музыкальный продюсер и диджей Armin van Buuren, в частности шоу «Armin Only Embrace».

Рассмотрим это на примере исполнения первого номера в данном шоу – композиции «Embrace», давшей название всей программе. Представление открывает сугубо лиричное, мелодически-выразительное соло трубы,

сопровождающееся спокойным рассеянным светом прожекторов, сконцентрированных исключительно на фигуре трубача. Некоторое оживление вносит вступление барабанщика, сочетающееся со световой пульсацией. При этом последняя полностью подчинена темпу движения ритмического рисунка барабанных ударов: с ускорением темпа исполнения ускоряется и световая пульсация, превращаясь почти в непрерывное мерцание сияющих импульсов. Движение постепенно нарастает и в конце вступления выливается в яркий световой акцент, одновременно знаменующий собой начало основной части произведения.

Важнейшим выразительным средством здесь является прием темповых отклонений (*rubato*). Так, неторопливый ритм вступления (соло трубы) в процессе развития основного мотива еще более замедляется и в конечном счете заканчивается цезурой. Краткий призывный возглас трубы, вступающий сразу после паузы, служит своеобразным прологом к основной (второй) части композиции и подчеркивается ослепительной вспышкой света. Темпоритмическая организация основного раздела резко контрастирует со вступлением: неторопливое развитие мелодии романтического склада сменяется предельно напряженным и стремительно полетным. С ускорением темпа ускоряется и световая пульсация, которая усиливается применением эффекта дымовой завесы, а также неуловимо быстрым бегом огоньков на экране. Постепенно ускоряющееся движение лучей прожекторов превращается в сплошное мелькание. Напряжение нарастает. Кульминационный момент подчеркивается ярким световым акцентом, поддержанным пиротехническими эффектами.

Таким образом, световые, а также пиротехнические и дымовые эффекты становятся органической составляющей композиционного строя музыкального произведения. Следуя движению ритмического рисунка композиции, они ярче оттеняют темповые характеристики исполняемой музыки и, делая их зримыми, усиливают впечатление ускорения или, напротив, замедления темпа. Так, мелодические линии лирического плана сопровождаются спокойным, неторопливым движением световых эффектов, динамичные – более активными вспышками света. И чем быстрее темп, тем быстрее движутся световые сполохи лучей прожекторов. При этом, самые сильные акценты, как световые, так и пиротехнические, приходятся на кульминационные точки композиционного развития. Резкие темповые контрасты являются здесь важнейшим средством раскрытия образа: после неторопливо разворачивающейся лирической мелодии внезапно обрушивающийся на слушателя стремительный поток звуков создает ощущение ускорения темпа, что еще более подчеркивает общее напряжение и энергетическую мощь всего произведения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что темпоритмическая организация является важнейшей цементирующей основой всей композиции в целом. Более того, образуя своеобразный светозвуковой контрапункт, она охватывает весь комплекс выразительных средств, участвующих в создании данного танцевально-музыкального представления, заряжая последнее мощнейшими энергетическими импульсами, насквозь

пронизанными витальной силой. Все элементы шоу строго подчиняются особенностям развития ритмического мотива. В том числе и диджейские жесты, характер движений которых во многом определяется именно темпоритмической спецификой указанного произведения. Последние, будучи в первую очередь адресованными зрителям, в то же время связывают воедино все структурные составляющие этого действия, охватывая не только музыку и танец, но и световые и пиротехнические эффекты, становясь своеобразным аналогом дирижерских жестов.

Литература:

1. Блаженкова О.В. Психологическое изучение музыкального ритма. [Электронный ресурс]. URL: psychology.ru/lomonosov/tesises/em.htm. (дата обращения 23.09.2011).
2. Задерацкий Всеволод. Электронная музыка и электронная композиция // Музыкальная академия. 2003. Вып. 2 (685). С. 77-89.
3. Мартынов В.И. Время и пространство как факторы музыкального формообразования // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Под ред. Б.Ф. Егорова, Б.С. Мейлаха, М.А. Сапарова. Л.: Наука, 1974.
4. Ryazanova S. Time as a Factor of Organization of Aesthetic Reality // Opcion Afio 35, Especial № 19 (2019): 2337-2365. PP. 820-831. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://produccioncientificaluz.org/index.php/opcion/article/view/27533>

УДК 005 + 745.03 + 738
ГРНТИ 18.71 + 13.07.77

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ ГЛИНЯНОЙ ПОСУДЫ КАК ФЕНОМЕНА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ СМИРКИНО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Грачева М.П.
ГБУК НО НГИАМЗ,
ННГАСУ
г. Нижний Новгород
E-mail: trusovamariya@yandex.ru

***Аннотация.** В статье предпринята попытка исследования глиняной посуды как феномена провинциальной культуры с использованием методов структурного анализа. В качестве примера взят гончарный промысел деревни Смиркино Нижегородской области во второй половине XIX – XX вв. Рассматривается история производства, а также образцы изделий смиркинских гончаров из собрания Нижегородского музея-заповедника. Такой комплексный подход позволяет показать, как единая художественная система промысла находит конкретное воплощение в провинции, что является залогом многообразия форм ее проявления.*

***Ключевые слова.** Структурный анализ, провинциальная культура, культурный феномен, художественная система, глиняная посуда, Нижегородская область, Смиркино, Нижегородский музей-заповедник.*

**STRUCTURAL ANALYSIS OF RUSSIAN CLAY DISHES
AS A PHENOMENON OF PROVINCIAL CULTURE
(ON THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF SMIRKINO
IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION)**

M.P. Gracheva

Nizhny Novgorod State Historical and Architectural Museum Reserve
Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
Nizhny Novgorod
E-mail: trusovamariya@yandex.ru

***Abstract.** The article attempts to study clay dishes as a phenomenon of provincial culture using structural analysis methods. The pottery industry of the village of Smirkino in the Nizhny Novgorod region in the second half of the XIX – XX centuries is taken as an example. The article examines the history of production, as well as samples of products by Smirkin potters from the collection of the Nizhny Novgorod Museum-Reserve. Such an integrated approach allows us to show how a single artistic system of craft finds a concrete embodiment in the province, which is the key to the diversity of forms of its manifestation.*

***Keywords.** Structural analysis, provincial culture, cultural phenomenon, artistic system, clay dishes, Nizhny Novgorod region, Smirkino, Nizhny Novgorod Museum-Reserve.*

Глиняная посуда – один из феноменов русской провинциальной культуры. Культурный феномен всегда отражает значимые аспекты жизни общества. Это можно сказать и о производстве глиняной посуды. Гончарный промысел в регионах с неплодородными почвами часто оказывал решающее влияние на жизнь населения и становился частью культурного кода определенной территории. Его художественная система – это особый язык, он универсален, с одной стороны, но с другой – в каждом конкретном месте формируется свой текст, раскрывающий «малую традицию» провинции в рамках «большой традиции» всей страны в целом.

Это явление подробно описано структуралистами, начиная с выявления единых ментальных структур с помощью анализа мифов К.Леви-Строссом и заканчивая переносом его метода на более сложные феномены культуры на основании того, что «все продукты социокультурного творчества являются языками особого рода – знаково-символическими системами» [4, с. 224]. Если рассматривать народное искусство и, в частности, промыслы с точки зрения структурализма, то их художественная система выступает как структура, т.е. «совокупность отношений, которые остаются устойчивыми на протяжении длительного исторического периода или же в различных регионах мира» [7, с. 121]. Применяя методологию структурного анализа для исследования явлений культуры, «необходимо проанализировать, тщательно изучить ее структуру, для выявления упорядоченности, которая лежит в основе многообразия форм общественного устройства» [7, с. 121]. Для структуралистов решающее значение имеют отношения между элементами системы, связи внутри

структуры, причем изменение одного из элементов влечет изменение других, и эти процессы можно прогнозировать. Именно таким образом идет трансформация всей системы.

Художественная система народного промысла, по мнению И.Я. Богуславской, включает в себя ряд устойчивых компонентов: материал, способы его обработки и характер изготавливаемых предметов, принципы и приемы воплощения образа. Причем она подчеркивает: «Это именно система взаимосвязанных элементов, а не механическая их сумма, ибо изменения и нововведения даже в одном из них часто ведут к ломке и перестройке всей системы» [2, с. 27]. Но в каждом определенном месте бытования промысла на всю систему накладывают свой отпечаток, индивидуализируют ее такие факторы, как особенности быта, культуры, социально-экономические отношения, формы организации производства и сбыта изделий, способы их использования в бытовых и ритуальных целях. Установим отношения между элементами системы применительно к производству глиняной посуды. Традиционные гончарные промыслы возникли там, где был доступ к глине, качество этого материала и культурно-историческое наследие территории задавало приемы его обработки, определило ассортимент изделий и способы их декорирования. В XX в. под влиянием различных факторов, от технических до социально-политических, начинается изменение отдельных элементов, что приводит к изменениям в структуре. На нижегородской земле традиционный период в развитии гончарства (вторая половина XIX в. до 1920-х гг.) служит некоторой точкой отсчета, так как на данном этапе специалистами исследованы сложившиеся за длительный период времени устойчивые элементы структуры. Далее, в 1920-50-е гг., в артельный период, меняется не только форма организации производства, но и обновляются технологии, все это в комплексе с другими факторами порождает эксперименты в области ассортимента изделий, форм и приемов декорирования. В 1960-80-е гг. наступает промышленный этап, снова происходит смена формы организации производства, появляется механизация определенных процессов, и это снова влияет на изменение вида изделий мастеров. С конца 1980-х гг. элементы структуры вновь трансформируются, но результат этого процесса пока не ясен до конца, поэтому условно этот период можно назвать поисковым.

В Нижегородской губернии во второй половине XIX в. функционировало несколько сформировавшихся гончарных центров. Среди всех выделялся Балахнинский уезд, где промыслом занимались «целый ряд селений Катунской, Павелковской, Смольковской, Больше-Песошнинской и Митрофановской волостей» [5, с. 99]. В Больше-Песошнинской волости самобытный центр представляла собой деревня Смиркино и соседние селения, расположенные вблизи Городца. В собрании Нижегородского музея-заповедника (НМЗ) хранится коллекция глиняной посуды, связанная с данным центром. Ее атрибуция и изучение позволят извлечь и интерпретировать транслируемую информацию, социальные и культурные тексты, раскрывающие особенности провинциальной культуры данной территории.

Деревня Смиркино известна с XVII в. В это время Городец превращается в крупный ремесленный и торговый центр, тогда же, можно предположить, и началось становление местного гончарства.

Рассмотрим традиционный период в развитии данного гончарного центра. В 1859 г. в деревне Смиркино, стоящей на реке Еловице, было 42 двора и 66 жителей [15, с. 66], в 1916 г. – 96 жителей, и числилась она уже в Бриляковской волости [16, с. 106]. Производство глиняной посуды росло постепенно: «Характерно, что при наличии значительного спроса на глиняную посуду у мастеров Смиркино и гончаров соседних деревень объем выработки первоначально был сравнительно невелик... Ориентировались, при этом, в основном на местный рынок. Лишь в конце XIX века отмечается стабильный рост производства... Городец, Нижний Новгород, Василева слобода, Пучеж, Юрьеvec – в этих городах можно было встретить продукцию мастеров из Смиркина. Расширению географии распространения товара способствовали и перекупщики, которые скупали горшки оптом... В результате свои горшки мастера Смиркино производили уже тысячами, что в перспективе вносило изменения и в саму технологию производства» [17].

Социально-экономические условия развития промысла были точно такими же, как и во всей Нижегородской губернии. Автор «Кустарной России» Денисюк Н.Ф. пишет, что в Нижегородской губернии не менее 200 тыс. чел. из сельского населения «питаются кустарным трудом и сделали его серьезным подсобным заработком» [6, с. 268]. Главные причины такого положения: малоземелье и плохое качество почв при наличии большого количества природных материалов.

Дадим теперь характеристику художественной системе промысла в данный период. В этот момент окончательно выработались и закрепились традиционные приемы обработки глины. Для работы использовалась местная пластичная глина, что давало возможность добиться тонкого черепка и легкости самого изделия. Конечно, немалую роль в этом играл и сам мастер, его умение чувствовать материал. В начале XX в. начинается использование ножного круга. А обжиг производился «в горновых напольных печах с перекрытым сводом, что обеспечивало хорошее качество изделий» [11, с. 141].

Старший научный сотрудник Русского музея И.А. Колобкова отмечает: «Помимо тонкости черепка керамику Смиркино отличала подчеркнутая тектоничная красота изделий. В крестьянских изделиях Смиркино отчетливо прослеживается глубинная генетическая связь с формами праздничной древнерусской посуды...» [11, с. 142]. Расселение старообрядцев в Заволжье в XVII в. повлияло на развитие самых разных промыслов, в том числе и гончарства. Известный исследователь народного искусства Д.В. Прокопьев, сотрудник нижегородского музея в 1920-е гг., принимавший участие в экспедициях по области, обратил внимание на то, как эффектно выглядели кувшины в исполнении смиркинских мастеров: «Кувшины для кваса показывают их умение украсить изделия орнаментом, сделать ручку в виде перевитого жгута, дать поливу с нарядными зелеными пятнами» [14, с. 143]. И.А. Колобкова же указывает, что наиболее распространенным декоративным

приемом мастеров Смиркина является кропление – «ангобная подглазурная роспись (местное название – роспись белой глиной)». «Маховая роспись состоит из простейших черт и пятен. Необожженные сосуды кропили, быстро нанося пятна-“ляпушечки”, концевые полосы. Для скорости использовали фигурно вырезанные штампы. Выверенность ремесленных навыков создавала узнаваемый стиль» [10, с. 100].

В собрании НМЗ сложно идентифицировать работы смиркинских мастеров традиционного периода. Практически отсутствуют точные указания на время и источник поступления. Однако атрибуция данных предметов возможна по описаниям в вышеуказанной литературе и путем сравнения с уже изученными предметами.

Характерным изделием из ассортимента мастеров являются в первую очередь кувшины двух типов. Отличительными особенностями первого можно назвать тулово в форме «репки», достаточно высокую по отношению к тулову шейку с расширением кверху, которое выделено рельефными полосами. Также характерный элемент – С-образная, плоская ручка с рельефной линией. Приемы декорирования соответствуют вышеописанным. Примерами таких кувшинов являются предметы с номерами ГОМ-19836/6, ГОМ-6409, ГОМ-21943. Они близки и к более позднему образцу из коллекции Русского музея [10, с. 96]. У первого кувшина (ГОМ-19836/6) характерный декор: на фоне коричнево-красной поливы белые широкие полосы на плечике и на шейке, по ним штрихи зеленого и коричневого цветов. Второй кувшин (ГОМ-6409) покрыт только красно-коричневой поливой с зелеными штрихами, но при этом вся его шейка покрыта рельефными полосами. У третьего кувшина (ГОМ-21943) белого цвета вся шейка и плечико тулова, по ним также идут крупные зеленые пятна.

Кувшины второго типа имеют более крупное тулово по отношению к невысокой шейке, но ее верхняя часть, как и в предыдущем случае, расширяется кверху и выделена рельефными полосами. Характерными примерами являются предметы с номером ГОМ-20305/2,9. Они поступили из города Дзержинска, территория которого до Октябрьской революции входила в состав Балахнинского уезда. Все покрыты красно-коричневой поливой, у ГОМ-20305/2 на шейке есть белая полоса с зелеными пятнами. Для идентификации других предметов смиркинского производства традиционного периода в коллекции музея необходимо продолжить исследовательскую работу.

Далее рассмотрим артельный период в развитии гончарного промысла. Он характеризуется переходом от домашних мастерских к новой форме организации производства – артели. Это произошло в соответствии с декретами советской власти 1919 и 1921 гг., а также изданием Постановлений ЦИК СССР и СНК СССР от 11.05.1927 «Положение о промысловой кооперации» и от 23.07.1932 «О перестройке работы и организационных форм промысловой кооперации». Еще одна важная особенность артельного периода – это технологические изменения и смелые эксперименты в поиске форм и декорирования.

В 1920-30-е гг. производство гончарных изделий с традиционным декором в Смиркине продолжалось. Об этом свидетельствуют предметы этого периода в

коллекциях музеев, например, Русского музея [10]. При этом интересно упоминание Д.В. Прокопьевым работы городецкого промколхоза имени XVI партсъезда [14, с. 144]. Промколхоз – это разновидность промысловой артели, занимающейся промышленным производством и сельским хозяйством. Такие артели организовывались только в тех районах, где промыслы являлись основным занятием сельского населения. Городецкая артель, как сообщает исследователь, пробовала выпускать гончарную посуду с росписью: «Но за основу теперь берется стиль и приемы хохломской росписи по дереву, которая на глине выглядит значительно хуже» [14, с. 144]. И.А. Колобкова также отмечает, что мастера Смиркина с 1930-х гг. начинают сотрудничать с мастерами по росписи [11, с. 142]. Это представляется вполне закономерным, так как деревня находится в окружении центров росписи по дереву – городецкой и хохломской.

В собрании НМЗ находится группа предметов из глины с хохломской росписью, относящаяся к 1930-50-м гг. Они поступили в музей в 1962 г. из Ковернинского дома культуры. На предметах присутствуют надписи с указанием авторов и места росписи. Это работы художниц Новопокровского промколхоза Ковернинского района. При этом указаний на имена гончаров нет, и установить их теперь уже достаточно сложно. Однако характерные формы и виды изделий дают основания предполагать авторство смиркинских гончаров. Среди нескольких ваз и чайников выделяются традиционные предметы крестьянского быта: кувшин (ГОМ 15980-6), полевик (ГОМ 15980-14) и рукомой (ГОМ 15980-13). Форма кувшина возвращает нас к дореволюционным работам гончаров Смиркина.

В годы Великой Отечественной войны многие мастера были призваны на фронт. Для его нужд в Смиркине работала артель «Красный гончар». Учеником в нее поступил Федор Денисович Батманов (родился в 1926 г.). Его история сходна со многими в то время: он из многодетной семьи и, будучи еще подростком, стал кормильцем и помощником матери. «Сразу прямо “на круг” и посадили. Сначала крышки делал, а как освоился, так стали норму давать, то есть как у мастеров, только у взрослого мастера она была вдвойне больше. А наша норма детская такая: 90 ёмкостей по 0,5 л или 80 – по 1 л или 60 – по 3 л за день. Делали тарелки, баночки под мази, горшки те же. Очень смотрели старшие-то за нормой и за качеством» [3].

В 1947 г. артель была включена в состав промколхоза им. XVI партсъезда. «Большую часть времени гончары были заняты на сельскохозяйственных работах. Горшки делали по ночам – это был дополнительный заработок. Глину и дрова мастера заготавливали сами. Сами же продавали товар – возили зимой на санках, обычно в Пучеж и Юрьевец» [17]. В 1950-е гг. колхозная горшечня состояла из двух кругов на шестерых мастеров [3]. Работал в ней Ф.Д. Батманов.

По сведениям Книги поступлений НМЗ, в 1947 г. сотрудник музея М.Н. Голубева была в командировке в Городце и приобрела там три кувшина как «образцы современной продукции, изготавливаемой в дер. Смиркино». Снова характерной формы кувшин (ГОМ 4875), сходный с предметом с

хохломынской росписью (ГОМ 15980-6) и отсылающий нас к дореволюционным образцам; еще один, со слабо читаемой шейкой (ГОМ 4876), и снова полевик. Но главная их особенность в том, что их украшает изящная роспись на синем фоне: растительные мотивы выполнены белой, красной и желтой красками.

Промышленный период в развитии смиркинского гончарства не ознаменовался созданием керамической фабрики или цеха, как в других районах Горьковской области. В Городецком районе, к которому в советское время стала относиться деревня, было другое крупное производство – это фабрика «Городецкая роспись», созданная в 1960 г. Но гончары все равно были вовлечены в производство, работая надомниками как на городецкой, так и на семинской фабриках («Хохломский художник», д. Семино, Ковернинский район), они поставляли туда свои изделия для росписи [17].

К промышленному периоду относятся два крупных поступления работ мастеров деревни Смиркино в музей. Первое – это предметы с выставки 1970 года, второе – закупка 1982 года.

В 1970 г. по всему Советскому Союзу широко отмечалось 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Этой дате посвящали выставки самой различной тематики, в том числе и художественных промыслов. В августе 1970 г. в Центральном выставочном зале Москвы (бывший Манеж) начала работу Всесоюзная выставка-конкурс народного и самодеятельного искусства, посвященная юбилею вождя. На ней были представлены работы почти 3000 авторов – 5000 экспонатов, призванных познакомить посетителей с народным и самодеятельным искусством [9, с. 3]. До этого в течение двух лет выставки-смотрины проводились на местах, в республиках и областях, в соответствии с Постановлением Президиума ВЦСПС от 28 июня 1968 г. «О проведении Всесоюзного конкурса народных мастеров-умельцев». В Горьком также была организована такая выставка на базе Горьковского музея-заповедника.

Из мастеров деревни Смиркино в выставках сначала в Горьком, потом в Москве участвовали Батманов Ф.Д. и Мордвинов Д.М. В каталоге горьковской выставки под их именами перечислено 11 предметов [13, с. 29-30], и отдельно за авторством Мордвинова Д.М. еще 8 предметов [13, с. 31-32]. В каталоге Всесоюзной выставки также под именами двух гончаров перечислено 11 предметов [9, с. 42], причем, по крайней мере, 6 из них совпадают с предметами областной выставки по наименованиям и размерам. Ассортимент изделий различный. Есть как традиционные горшки и крынки, так и предметы городской посуды – сахарница, чайник. Такие эксперименты с формами посуды также характерны для промышленного периода.

В собрании музея находятся несколько предметов, записанных в книги поступлений в 1974 г.: умывальник (ГОМ-19739/1) и копилка (ГОМ-19739/2) работы Ф.Д. Батманова, чайник (ГОМ-19740) работы Ф.И. Мордашова. В акте приема указано, что это предметы с выставки народных умельцев Горьковской области в Дмитриевской башне. Важно отметить, что размеры копилки совпадают с размерами копилки из каталога Областной выставки 1970 г. На основании этого можно предположить, что это один и тот же предмет. Также, согласно акту от 21 января 1971 г., с выставки к 100-летию В.И. Ленина

поступили предметы из глины с росписью. От фабрики «Городецкая роспись» – набор для кваса из кувшина и трех кружек (ГОМ-18414/1-4). Форма кувшина определенно совпадает с более ранними предметами (ГОМ-4875, ГОМ 15980-6) работы мастеров Смиркина, что снова дает возможность предположить их авторство. От фабрики «Хохломский художник» поступили пять предметов: горшок (ГОМ-18660), цветочница (ГОМ-18661) и три вазочки (ГОМ-18662, ГОМ-18663, ГОМ-18664). В каталоге читаем: «В деревнях за Городцом мастера-умельцы сохраняют традиции гончарного дела, которое славилось особой тонкостью глины. Небольшие изящные горшочки, цветочницы, вазочки мастера часто передают в Семино, где хохломские художники украшают их своеобразной, традиционной для тех мест росписью» [13, с. 8]. Если учесть, что в 1965 г. из пяти деревень – Самагино, Самарино, Ульяново, Шадрино и Смиркино – был образован сельский посёлок Смиркино, то авторство указанных выше предметов можно определить однозначно.

Кроме творческого поиска в области форм и декора в промышленный период также сохранялась и приверженность к традиционной глиняной посуде. Работа Ф.Д. Батманова 1972 г. «Столовый набор» опубликована в альбоме «Современное народное искусство» [1, с. 138]. Она принимала участие в выставке «Русские мастера», проводившейся в 1972-73 гг. по инициативе Союза художников РСФСР, который «решил обследовать местные центры русского народного искусства и выявить мастеров, владеющих в настоящее время техникой и приемами традиционного художественного ремесла» [1, с. 10]. Это уже предметы простых форм, покрытые красно-коричневой поливой и декорированные зубчатым штампом.

Такие же образцы традиционных изделий приобрел и Горьковский музей-заповедник в 1982 г., в этом же году они экспонировались на выставке «Изразцы и гончарное искусство Нижегородского края». От А.В. Иванова поступило 16 предметов глиняной посуды (ГОМ-21845/1-12, 16-19), от Щербакова К.И. – 10 предметов (ГОМ-21846/1-10), от Ф.Д. Батманова – 12 предметов (ГОМ-21847/1-12), от Н.А. Мордвинова – 8 предметов (ГОМ-21848/1-8), от С.М. Мордвинова – 4 предмета (ГОМ-21849/1-4). Среди всех выделяются две шутильницы (другие варианты названий: шутейницы, шутихи) работы А.В. Иванова (ГОМ-21845/4) и Ф.Д. Батманова (ГОМ-21847/1). Последний также изготовил такой предмет для Союза художников в 1974 г.: «Среди изделий этого мастера заслуживает внимания шутейница – традиционный бублик или кумган со множеством отверстий. Надо знать, какие из них следует заткнуть пальцами, чтобы напиться, не пролив воды. Такие сосуды появились на Руси в XVIII веке и восходят к веселым застольям петровских времен» [12, с. 100]. Некоторые исследователи предполагают и более раннее их происхождение [8, с. 31]. Безусловно, двое смиркинских мастеров – одни из немногих, кто владел техникой изготовления подобных традиционных предметов во второй половине XX в. И это еще раз подчеркивает глубокую преемственность традиций.

В издании Л.В. Шевчук «Дети и народное творчество» 1985 г. указано, что в Смиркине на тот момент осталось трое мастеров: А.В. Иванов, Ф.Д. Батманов и Н.А. Мордвинов [18, с. 122]. Алексей Викулович Иванов 28 лет

был механизатором в колхозе, гончарством занимался зимой, затем стал работать на фабрике «Хохломской художник». Его мастерская находилась на окраине села, здесь же работали его отец и дед. Исходя из описаний, можно четко представить художественную систему промысла: «У небольшого окна – гончарный круг. Хозяин уселся на низкий стул. Взял ком темно-серой глины, смочил середку его водой и коротким махом вlepил в центр круга небольшой комочек глины. Постучал по нему кулаком. Потом погнал круг и потянул глину вверх. Круг убыстрял движения, ритмично и ровно двигалось все тело мастера. А на круге вслед за руками мастера вытягивалась тонкостенная ваза с нешироким горлом. ... Потом круг пошел тише и, наконец, остановился» [18, с. 122-123]. Отдельно стоит остановиться на приемах декорирования. «”Теперь мы ее побасчим”, – Алексей Викулович взял самодельный деревянный штампик, и горлышко вазы украсили зубчики. Другим штампиком, чуть больше, он провел неширокую полосу по центру, словно опоясав свое изделие узорчатой лентой» [18, с. 123]. После этого изделие сушили, а затем глазурили: «Через трое суток после просушки обмажу посуду дизельным маслом, присыплю глазуревым порошком, – поясняет Алексей Викулович, – загоню ее в печь и буду полсуток калить...» [18, с. 122]. Печь для обжига, вмещающая до 300 горшков, также расположена в мастерской.

Автор небольшого рассказа о гончаре А.В. Иванове задается в своей публикации вопросом о судьбе промысла: «Но кто после них будет вертеть гончарный круг? До войны в Горьковской области была даже специальная школа, где можно было выучиться на гончара. А почему сейчас нет? Почему бы в той же Семеновской профтехшколе не открыть гончарное отделение, где мастерами производственного обучения могли бы работать Н.Мордвинов, Ф.Батманов, А.Иванов?» [18, с. 123]. Действительно, количество гончаров стремительно сокращалось: во второй половине 1940-х гг. в деревне работало 200 человек, к 1970-м гг. цифра опустилась до 70. В 1992 г. еще работало 30 мастерских. В современную эпоху остался один мастер, сохраняющий и продолжающий традиции смиркинских гончаров, Петр Никонович Мерлухин [11, с. 140]. В собрание музея в 2021 г. поступило 9 его работ (ГОМ-27609/1-9) – это великолепные образцы традиционной тонкостенной смиркинской керамики.

В ходе исследования глиняной посуды как феномена провинциальной культуры на примере гончарства деревни Смиркино была проанализирована художественная система промысла, рассмотрена ее трансформация, к которой приводили изменения отдельных элементов структуры. Таким образом, опираясь на историю промысла и его материальное воплощение – глиняную посуду из коллекции Нижегородского музея-заповедника, был проведен структурный анализ – «анализ духа исходя из его предметных воплощений» [4, с. 225]. В итоге можно сказать, что традиционные художественные промыслы всегда играли важную роль в экономической, социальной и культурной жизни провинции. Являясь источником основного или дополнительного дохода жителей, они определяли социальный статус мастеров. При этом последние в своем творчестве сохраняли и транслировали следующим поколениям значительный пласт народной культуры, включающий не только коллективный

опыт обработки и декорирования природных материалов, но и религиозные верования, моральные нормы, обычаи и ритуалы, присущие конкретным территориям.

Литература:

1. Беслеева Л.И., Крестьянинова Л.Ф. Современное народное искусство. – Ленинград: «Художник РСФСР», 1975. – 216 с.
2. Богуславская И.Я. Проблемы традиций в искусстве современных народных художественных промыслов // Творческие проблемы современных народных художественных промыслов: Сборник статей. – Ленинград: «Художник РСФСР», 1981. – С. 16-43.
3. Вахто М. Тепло рук гончара // Городецкий вестник. – 2004. – 8 июня. – С. 3.
4. Введение в философию: учеб. пособие для вузов. – М.: Культурная революция, Республика, 2008. – 623 с.
5. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Каталог кустарного отдела Нижегородского губернского земства. – Н.Новгород, 1896. – 108 с.
6. Денисюк Н.Ф. Кустарная Россия: очерки // Пономарев Н.В. Кустарные промыслы в России. Денисюк Н.Ф. Кустарная Россия: очерки. – М., 2017. – 320 с.
7. Игнатюк Ю.Л. Методологические аспекты структурализма в исследовании явлений культуры // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72) – С. 120-122.
8. Калинин А.Т. Русские и зарубежные сосуды с секретами. М.: Граница, 2004. – 288 с.
9. Каталог Всесоюзной выставки-конкурса произведений декоративно-прикладного искусства самодеятельных художников и мастеров народного творчества. – М.: Издательство ВЦСПС Профиздат, 1970. – 424 с.
10. Колобкова И.А. Керамика и глиняная игрушка // Народное искусство Нижегородского края. – СПб.: Palas Editions, 2017. – С. 93-103.
11. Колобкова И.А. Традиционные гончарные центры Нижегородского Заволжья – уникальная часть народного искусства Нижегородского края. Проблемы изучения и сохранения // III Всероссийская выставка народного искусства «Традиционные народные промыслы в современной России. Нижегородцы приглашают». Каталог. – Н. Новгород, 2016. – С. 137-143.
12. Народное гончарство России: Сохранившиеся центры. Пути возрождения: Кат. выст. – Москва: Сов. художник, 1987. – 168 с.
13. Областная выставка-конкурс народных мастеров-умельцев Горьковской области: I-III 1970 г.: каталог / Облсовпроф. Дом художественной самодеятельности, Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник. – Горький, 1971. – 51 с.
14. Прокопьев Д.В. Художественные промысла Горьковской области. – Горький: Горьковское областное издательство, 1939. – 232 с.
15. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. 1861-1885. Вып. 25: Нижегородская губерния: ... по сведениям 1859 года. – СПб.: 1863. – 185 с.
16. Список населенных мест Нижегородской губернии. 1916г. Издание Нижегородского Губернского Статистического Комитета. Н.Новгород, 1916. – 387 с.
17. Филиппов Ю.В., Казарина Н.И. Гончарный промысел села Смиркино Балахнинского уезда Нижегородской губернии: к вопросу о комплексном изучении музейных предметов // Культурологический журнал – 2020. – 4(42) – http://cr-journal.ru/files/file/01_2021_22_19_09_1611602349.pdf
18. Шевчук Л.В. Дети и народное творчество. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1985. – 128 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 711.9
ГРНТИ 67.07.29

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТ, СВЯЗАННЫХ С ИМЕНЕМ А.С. ПУШКИНА, В БОЛЬШЕБОЛДИНСКОМ РАЙОНЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Рыжова Т.С.

Цой А.С.

ННГАСУ

E-mail:Ryzhova11@gmail.com

anastasia961@gmail.com

Аннотация. В Большеболдинском районе Нижегородского края находится значительное количество утраченных мемориальных усадебных ландшафтов XIX века, связанных с именем А.С. Пушкина, которые обладают высокой исторической, научной и культурной ценностью и могут быть идентифицированы как объекты наследия. Сохранять ландшафты, которые несут память о поэте, должна система государственной охраны, первым этапом в создании которой призвано формирование на их основе системы достопримечательных мест.

Ключевые слова. Юбилей великого поэта России, утраченные усадебные ландшафты пушкинской поры, государственная охрана, концепция системы достопримечательных мест.

FORMATION OF A SYSTEM OF NOTICEABLE PLACES CONNECTED WITH THE NAME OF A.S. PUSHKIN, IN BOLSHEBOLDINSKY DISTRICT OF NIZHNY NOVGOROD REGION

T.S. Ryzhova

A.S. Tsoy

NNGASU

E-mail:Ryzhova11@gmail.com

anastasia961@gmail.com

Abstract. In the Bolsheboldinsky district of the Nizhny Novgorod region there is a significant number of lost memorial estate landscapes of the 19th century associated with the name of A.S. Pushkin, which have high historical, scientific and cultural value and can be identified as heritage sites. The landscapes that bear the memory of the poet must be preserved by a system of state protection, the first stage of which is to form a system of noticeable places.

***Keywords.** Anniversary of the great poet of Russia, lost estate landscapes of Pushkin's era, state protection, concept of a system of noticeable places.*

Накануне юбилея А.С. Пушкина, который состоится в 2024 г., авторы считают возможным представить цикл работ – концепций по воссозданию архитектурного образа утраченных болдинских усадебных комплексов, связанных с именем А.С. Пушкина, которые разрабатывались в последние годы кафедрой ЮНЕСКО ННГАСУ в рамках научно-образовательного проекта «Возрождение болдинских усадебных ландшафтов пушкинской поры».

В регионе и в стране широко известны мемориальные территории Большеболдинского района, связанные с именем А.С. Пушкина, которые уже находятся под охраной. Это объекты, которые входят в состав Государственного музея-заповедника «Болдино». Однако в районе есть и иные мемориальные территории, которые пока не приняты на государственную охрану, но, несомненно, представляют реальный рекреационно-научный потенциал.

Это усадьбы Пушкиных, их соседей и друзей, которые полностью утратили объекты архитектуры, но хорошо сохранили свои исторические ландшафты – остатки садов, парков, водных систем, выразительных панорам на долины извилистых рек, а потому заслуживают особого к себе отношения. Усадебные ландшафты Большеболдинского района обладают высокой исторической, научной и культурной ценностью и могут быть идентифицированы как объекты наследия.

Территории утраченных поместий семьи Пушкиных находятся в селах Кистенево и Львовка, семьи Ермоловых – в селе Черновское, семьи Новосильцевых – близ села Апраксино. Природные элементы большинства болдинских ландшафтов могут рассматриваться как единственный комментарий к миру русской усадьбы пушкинского времени. И в наши дни они густо насыщены «пленительными воспоминаниями» и могли бы в полной мере являться подлинным экспозиционным пространством, в котором происходило бы приобщение к памяти и творчеству А.С. Пушкина и традициям золотого века русской усадьбы.

Природные элементы этих ландшафтов являются аутентичными носителями значительных культурных ассоциаций, которые напрямую связаны с его поэтическими ассоциациями. Природа, парки, виды из окна, окрестности соседских усадеб занимали особое место в культурном сознании людей той эпохи и требуют необходимой инициации охранных действий.

Согласно статье 3 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», существуют три вида объектов культурного наследия: памятники, ансамбли и достопримечательные места. В рамках данной работы более подробно рассмотрим последние.

«Достопримечательные места – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, ... культурные и природные ландшафты, связанные ... с жизнью выдающихся исторических личностей...» [1].

В границах территории достопримечательного места (ДМ) могут находиться как сохранившиеся, так и руинированные архитектурные памятники и (или) ансамбли, а также природные ландшафты, в которых они размещались. Каждый вид объектов культурного наследия (ОКН) обладает территорией, границами, зонами охраны, которые, как правило, включают зону охраны, зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зону охраняемого природного ландшафта. Когда ОКН представлен не единичным объектом, а ансамблем или целостным ландшафтом, то процедура его охраны усложняется. Для сохранения мемориальных болдинских ландшафтов от возможной строительной экспансии и для последующего воссоздания утраченных усадебных комплексов первым и главным этапом является присвоение этим территориям статуса достопримечательного места.

Чтобы присвоить территории статус ДМ и определить его границы, необходимо произвести значительные архивные, исторические, топологические и иные исследования. Основная трудность, с которой авторы столкнулись в ходе предпроектных изысканий, – установление исторических границ усадебных комплексов и их облика, поскольку они были утрачены еще до появления фотографии. Поэтому при воссоздании авторы в большой степени опирались на текстовые описания и аналоги.

Первой в цикле работ кафедры ЮНЕСКО ННГАСУ стала работа, посвященная усадьбе Ермоловых в селе Черновское. Отсутствие археологических изысканий и скудость историко-архивных данных привели к затруднениям в работе над концепцией по воссозданию архитектурного образа усадьбы. В большей степени разработка была основана на натурном обследовании сохранившихся природных ландшафтов и сопоставлении исторических и современных картографических материалов.

Ортофотоплан территории 2021 года дал возможность проанализировать и сравнить историческое и современное состояние местности, подтвердить значительную сохранность дорожно-тропиночной сети, относительную нетронутость природной составляющей усадебного парка и плодового сада [2]. На основе проведенных исследований были определены границы проектируемого ДМ «Усадьба Ермоловых» в селе Черновское, которое в будущем возможно включить в состав пушкинского музея-заповедника «Болдино».

Для ландшафтов села Львовка была проведена работа иного плана. Главный дом, церковь Михаила Архангела, часть барского парка и земская школа уже входят в состав музея-заповедника. Но при этом жилая застройка с уникальным каскадом прудов, со старовозрастными ивами и дубами покинуты местными жителями и обречены на долгое и унылое умирание. Основной задачей проекта стали предложения по «оживлению» сохранившейся природно-пространственной среды села путем ревалоризации благоустройства исторической среды на основе существующего отечественного опыта и частичного воссоздания объектов крестьянского быта XIX века.

Был проведен подробный анализ как исторических источников, так и современного состояния планировочной структуры села, объектов сельской

архитектуры и природного комплекса, а далее разработаны границы предлагаемого ДМ села Львовка. Достопримечательное место должно будет включить в себя территорию всего села с барской усадьбой.

Работа текущего года посвящена воссозданию самой мемориальной усадьбы Пушкиных – в селе Кистенево, а также усадьбы Новосильцевых, добрых знакомых поэта, где он неоднократно бывал.

В первую очередь было необходимо определить границы усадьбы Пушкиных в селе Кистенево, для чего было выполнено сопоставление архивных описаний с исторической и современной топографией. Современный ортофотоплан территории усадьбы значительно облегчил процесс разработки планировочного решения. Для воссоздания облика построек и их размещения использовались исторические текстовые источники, в частности материалы описи 1825 г. Границы проектируемого ДМ должны включать в себя территорию части села с жилым порядком, усадьбой, фрагментами реки Чека и ее старицы.

Авторы в ходе исследований определили, что местоположение той части усадьбы Новосильцевых, где бывал А.С. Пушкин, не соответствует паспорту усадьбы с садом, выполненному институтом «Леспроект», который несколько десятилетий значился как основной документ территории мемориальной усадьбы. Вероятно, что он относился к более поздней части усадьбы, которая образовалась в результате раздела между братьями Новосильцевыми после смерти хозяйки. Для воссоздания облика главного дома, построек и их местоположения в пространстве были использованы как архивные межевые планы, так и текстовые описания усадьбы. Проектируемые границы ДМ «Усадьба Новосильцевых» близ села Апраксино должны включать в себя территорию обеих усадеб братьев Новосильцевых и часть береговой линии реки Сая с панорамными видами на село и церковь.

Таким образом, разработана основа для присвоения мемориальным ландшафтам утраченных усадебных комплексов, связанных с пребыванием в них А.С. Пушкина, статуса достопримечательного места, которая станет первым этапом на пути к формированию в Большеболдинском районе системы их охраны и последующему воссозданию.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 года N 73-ФЗ : [Принят Государственной Думой 24 мая 2002 года : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 года] : [редакция от 24 апреля 2020 года]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901820936> (дата обращения 30.01.2024). – Текст: электронный.
2. Рыжова, Т.С. Концепция воссоздания Нижегородских усадеб пушкинской поры: усадьба Ермоловых в селе Черновское / Т.С. Рыжова, Т.А. Сизова // Материалы 9-ой региональной научно-практической конференции: «Культура управления территорией: экономические и социальные аспекты, кадастр и геоинформатика». – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2021. – С. 17-23.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ВКЛАД В «МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПОЯС РОССИИ»

Крузе Ю.Л.
ННГАСУ,
г. Нижний Новгород
E-mail: Julia.kruze@tm-service.ooo

Аннотация. В статье рассматриваются виды художественной обработки металла, исторически сложившиеся в России и на территории Нижегородской области, и «гении места» – исторические личности, этому способствующие, развивающие промышленность и современное производство. Применяя ассоциативные связи, формируются методология, цели, задачи, этапы просветительского проекта «Металлический пояс России» с акцентом на вклад в него Нижегородской области.

Ключевые слова. Художественная обработка металла, гении места, символическое наследие, креативные индустрии.

NIZHEGORODIAN CONTRIBUTION TO THE “METAL BELT OF RUSSIA”

Yu.L .Kruze
NNGASU
Nizhny Novgorod
E-mail: Julia.kruze@tm-service.ooo

Abstract. The article discusses the types of artistic metal processing that have historically developed in Russia and the Nizhny Novgorod region and the “genius loci” – historical figures who contributed to this, developing industry and modern production. Using associative connections, the methodology, goals, objectives, stages of the educational project “Metal Belt of Russia” are formed, with an emphasis on the contribution of the Nizhny Novgorod region to it.

Keywords. Artistic metal processing, genius loci, symbolic heritage, creative industries.

Художественная обработка металлов известна со времен глубокой древности, история обработки металла началась ещё в IV-III тысячелетии до н.э. Человек, встретив на своем пути золото, был очарован его красотой, поражен способностью в любых условиях сохранять солнечный цвет и блеск, легко поддаваться обработке; используя эти качества металла в сочетании с гармонией линий и форм, человек создал один из неподражаемых видов народного художественного творчества – искусство малых металлических

форм. Благодаря красоте материала, талант и техническое мастерство исполнителя позволили придать металлическим изделиям изысканность, высокую художественную ценность, особую выразительность.

Рассвет металлообработки продолжается и во времена средневековья, с XVIII века в Европе фиксируется «заводское» изготовление холодного и огнестрельного оружия, а на XIX–XX века приходится расцвет ювелирного искусства [7].

Вначале для художественной обработки человек использовал только золото, затем постепенно стал применять серебро и другие металлы и сплавы. Сегодня к видам художественной обработки металла традиционно относят: фигурное литье, чеканку, ковку, химическое травление, металлопластику, гравирование, скань (филигрань) [1, с. 4].

К центрам художественной обработки металлов на Руси в разное время относились: Киевская Русь, Владимиро-Суздальское княжество, Новгород, Псков, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Калуга, Вологда, Великий Устюг, Москва, Петербург, ряд городов Урала [3, с. 8].

В советской литературе к центрам художественной обработки металлов в СССР относили Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Касли, Кострому, Ростов (Ярославский), Великий Устюг, Пермь, Якутск, поселок Мстера, Красное-на-Воге, Кубачи [2, с. 9].

Как видим, Нижегородская область в данном перечне отсутствует. Целью настоящей публикации является задача очень кратко оценить современный не только экономический, но и символический вклад исторических и действующих нижегородских предприятий, предпринимателей и мастеров художественной обработки металла в «Металлический пояс России», проследить символические связи и ассоциации с другими центрами металлообработки и гениями места, увидеть возможности для интеграции и сотрудничества с другими территориями, промыслами и видами обработки.

Просветительский проект «Металлический пояс России», далее «Проект», ставит своими целями не просто познакомить жителей и гостей страны с уникальными видами художественной металлообработки в РФ, но и показать связь времен, взаимодействие мастеров, территорий и видов обработки, связать бизнес и историю промыслов различных территорий, показать, что они разные и имеют уникальность в теме художественной обработки металла, строят на ней свою локальную идентичность и локальную креативную экономику, повысить привлекательность изделий металлообработки среди населения и вписать народные художественные промыслы (НХП) и декоративно-прикладное искусство (ДПИ) в повседневную жизнь современников.

Для достижения своих целей Проект решает следующие виды задач.

1. Обучающие:

- Познакомить с историей зарождения и становления художественной обработки металла в России.

- Познакомить с основными видами художественной обработки металла.

- Попробовать принять участие в создании и/или изготовлении изделия из металла декоративно-прикладного назначения.

2. Развивающие:

- Формировать устойчивый интерес к художественной обработке металла.
- Освоить эталоны творчества в сфере художественной обработки металла.

- Формировать знания, умения и навыки по художественной обработке металла.

3. Воспитательные:

- Формировать и развивать личностные характеристики:
- ответственность и независимость;
- самостоятельность в наблюдениях, разработках, чувствах, обобщениях, выводах;
- восприимчивость к новому и необычному;
- эстетическое чувство, чувство прекрасного, чувство гармонии, стремление к красоте, стремление украсить и гармонизировать окружающий мир.

Нормативной основой проекта является Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р, которым утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», далее по тексту – «Концепция». Целью Концепции является развитие национальной креативной экономики, основанной на человеческом капитале и историко-культурном наследии народов РФ, в частности формирование устойчивой экономики наследия [4].

Кроме того, на сайте Государственной Думы РФ опубликован проект федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», принятого в первом чтении, на основании которого деятельность по созданию НХП и ДПИ также отнесена к креативным индустриям [13].

Методологической основой Проекта является так называемая «Ромашка смыслов» – авторская методика Д.Б. Ойнаса, ознакомиться с которой можно в свободном доступе [16].

В первую очередь рассмотрим локации, где на территории Нижегородской области расположены места, связанные в различными способами художественной обработки металла: в Павловском муниципальном округе – города Павлово, Ворсма, в Вачском муниципальном округе – рабочий поселок Вача, села Казаково, Чулково. Именно этим территориям на западе области будет в дальнейшем посвящено описание, но для полноты картины необходимо отметить населенные пункты Пурех и Лысково, в которых отливались медные колокольчики, производились металлические пуговицы.

Кроме географических мест промыслов, необходимо также перечислить людей, имеющих отношение к становлению или развитию производства, будем называть их в дальнейшем «гениями места».

Это семьи фабрикантов Кондратовых, Завьяловых в Павловском и Вачском муниципальных округах, а также нижегородская ветвь клана Демидовых в селе Быковка Воротынского муниципального округа, Ольга Тараканова в селе Казаково Вачского муниципального округа.

Начнем с древнего города Павлово на Оке, в конце XVII в. здесь насчитывалось уже до 50 кузниц и активно развивался отхожий промысел металлообработки в производстве предметов бытового назначения: ножей, замков, ножниц. Самый ранний предмет имеет дату изготовления 1767 г. – это замок «Птица». Замки размером от 0,7 грамма до 50 килограммов изготавливались мастерами-умельцами в виде петухов, часов, гербов, автомобилей и других затейливых предметов.

В 1898 г. Александр Генрихович Штанге создал в селе Павлово кустарную артель, а в 1900 г. артель получила золотую медаль на русско-французской выставке в Париже за столовые приборы из стали, отполированные до зеркального блеска и украшенные тонкой гравировкой, ножи для открывания устриц, сырные ножи. В числе современных экспонатов местного музея – нож «невидимка» и «подкованная» золотая механическая блоха. В советский период производство продолжилось и до настоящего времени в деятельности Павловского завода художественных металлоизделий имени Кирова, который стал известным производителем столовых приборов в РФ и в СНГ [15].

В рабочем поселке ранее, теперь в городе Ворсма Павловского муниципального округа со второй половины XVII – первой половине XVIII в. также располагается крупный центр кустарных металлообрабатывающих промыслов и ремесел. Ворсменские кустари специализировались на производстве разнообразных моделей перочинных и складных ножей. Начиная с 80-х годов XVIII в., в Ворсме стали появляться сначала крупные частные мастерские, а затем и предприятия мануфактурного типа. В первой половине XIX в. в результате образования более крупных предприятий расширился ассортимент создаваемой продукции – появилось производство столовых приборов, широкое применение получили литье и гравировка по металлу. Многие из ворсменских заводчиков и мастеров-кустарей на протяжении XIX столетия неоднократно получали призы, дипломы, медали, удостоивались похвальных отзывов на отечественных и на международных торгово-промышленных выставках [9].

В настоящее время ООО «Арком» (основано в феврале 1999 года) сохраняет традиции и применяет в своем производстве целый ряд приемов художественной обработки металла: гравировку, травление, насечку, художественное литье, а также тиснение по коже, резьбу по дереву и кости. Предприятие также специализируется на изготовлении столовых приборов, топоров, тарелок из высококачественной пищевой нержавеющей стали, ножей различного назначения (охотничьи, складные, изготавливаемые в обычном исполнении и с отделкой рукоятей серебром и драгоценными камнями) [9].

Отдельным успехом у жителей и гостей Ворсмы пользуется ООО ТПК «САРО» и частный музей при заводе, возможность посетить участки

металлообработки и понять, что такое современное художественное производство [12].

В Павловском районе Нижегородской области в конце XIX века развивали металлопроизводство фабриканты Завьяловы, которые содержали филиалы в Новоселках и в Ваче с 1894 г. Завьяловы были поставщиками его императорского двора дома Романовых. Их изделия были дорогие, имели не только много наград, но и высокую стоимость, поэтому простому люду были недоступны.

На этом сыграл и еще один «гений места» металлообработки в Ваче – крепостной крестьянин Д.И. Кондратов – основатель целой династии, оставивший мощное наследие, опираясь на которое, после прохождения обучения в проекте «Лидеры наследия» АНО «АСИРИС» в 2023 году команда развития формирует кластера креативных индустрий «Царство филиграни» в Вачском муниципальном округе [8].

Вот что рассказывает на своих пешеходных экскурсиях член этой команды, местный исследователь наследия Кондратовых, краевед Михеева Ольга Константиновна: «Ножи хлебные фабрик Д.Д. Кондратова стали и остаются до сих пор определенным символом Вачи. В России такие ножи выпускались в середине позапрошлого века в очень малом количестве, и в основном привозили их из-за границы, поэтому Кондратовы с 1840 года запустили производство хлебных ножей, в том числе столовых, поварских, шорных, сапожных на своих фабриках и успешно вышли на их массовое производство. Изделия Д.Д. Кондратова по объему производства были на 1 месте в Российской империи, включали 45 групп изделий, более 900 наименований товаров, имели демократичную стоимость, высокое качество и широту ассортимента. Уже с 1869 г. Д.Д. Кондратов открыл в Ворсме отделение фабрики по производству складных и перочинных ножей».

Говоря о доступности и качестве изделий, необходимо отметить топор, выпускаемый на фабриках Д.Д. Кондратова. «Он имеет очень красивую форму, хорошее отверстие для топорлица, толстый обушок. Его металл представляет собой сталь серого цвета, как у ствола трехлинейной винтовки. Сколько его ни чисти, цвет так серым и останется, но лезвие во время точки на оселке становится зеркальным и с годами не тускнеет. На топоре вытеснен двуглавый царский орел и надпись очень красивым шрифтом: “Кондратов завод в Вачи. Основан в 1870 г.”» [14].

О.К. Михеева рассказывает, что «этими топорами снабжались саперные части русской армии. При работе они, по выражению столяров, “липли к дереву”. Хорошо заточенный инструмент даже брил волосы. Так что выражение, что русский мужик брился топором, имеет под собой реальную почву. Действительно, им при необходимости можно было и бороду сбрить».

Кондратовы внесли существенный вклад в социально-экономическое развитие Вачи, открыли там больницу, земскую школу, которая теперь во исполнение взятых на себя обязательств по проекту «Лидеры наследия» преобразована в ремесленно-культурный центр Вачского муниципального округа, принимали у себя знаменитых гостей, например В.Г. Короленко.

О.К. Михеева продолжает свою пешеходную экскурсию. «В 1897 г. Короленко ехал в Вачу и Павлово со смутной надеждой ответить на давно мучавший его вопрос: кто же может преобразовать этот мир на разумных началах. В “Тихом убежище” (как он назвал Вачу в одном из своих писем жене Е.С. Короленко) он не только отдыхал, но и продолжал искать ответ на этот вопрос. Предпринимательская деятельность братьев Кондратовых, общение с ними, поездки в центр кустарного производства произвели на писателя неизгладимое впечатление и повлияли на формирование его социальных взглядов».

Акционерное общество «Труд-Вача» и его преемник ООО «Торговый дом Кондратовых» в настоящий момент является наследником их дела и деятельности по производству и ножей, топоров, другой утвари из различных современных металлических сплавов, несмотря на трудности экономической ситуации [13].

Перейдем к XX веку и переместимся в село Казаково Вачского муниципального округа. В 1927 г. там начат местный кустарный металлический промысел, в дальнейшем сформирован центр филигранного производства. Филигрань или скань («Филигрань» (filum – нить и granum – зерно), «скань» (свить, скрутить) – самобытное направление художественной обработки металла [5, с. 23].

Казаковскую скань с первых лет существования отличали чистота линий и изящество отделки, которые сформировались под влиянием мастеров Красносельского промысла (Костромская область), начавшего свою деятельность с середины 1930-х гг. На основе местных промыслов в 1939 г. была создана первая артель по производству сканых изделий «Металлист», организатором производства которой стала выпускница Красносельского училища художественной обработки металла О.И. Тараканова [7].

Сегодня АО «Казаковская филигрань» входит в Ассоциацию НХП Нижегородской области, имеет многочисленные призы и достижения, продукция включена в реестр креативных изделий области, по-прежнему производит уникальные изделия и является «лицом» художественной обработки металла Нижегородской области, несмотря на кадровый голод, сокращение количества работников и старение мастеров [6].

Одна из самых важных проблем этого предприятия – нехватка молодых кадров и преемственность промысла. Проект «Металлический пояс России» в том числе направлен на распространение информации среди других регионов и дружеских государств, переосмысление промысла молодым поколением, привлечение внимания к ремеслу казаковской филигрании и созданию предпосылок для решения кадровых вопросов на предприятии. С помощью дополнительного финансирования за счет Фонда Президентских грантов создается постоянно действующая творческая лаборатория «Узоры Казаковской филигрании», направленная на вовлечение молодежи в работу с казаковской филигранью, ежегодно для популяризации промысла летом проводится одноименный фестиваль.

Нужно отметить, что привлечение внимания территории к гению места и культурно-символическому наследию через форму фестиваля уже 17 лет удачно практикуется в селе Быковка Воротынского муниципального округа Нижегородской области. Там расположено имение нижегородской ветви дворян Демидовых, основанное в начале XIX века и включающее в себя деревянный господский дом, усадебный парк, две церкви: Знамения Пресвятой Богородицы и Рождественскую. В деревянном доме сейчас находится краеведческий музей, за счет чего здание находится в сохраненном состоянии. На территории церкви Рождества Христова сохранился крупнейший в стране некрополь Демидовых, насчитывающий около 30 захоронений. Усилиями местных жителей сохранился парк в возвышенной части села с аллеями лип и серебристых тополей. Между Правительством Нижегородской области и АНО «АСИРИС», администрацией Воротынского муниципального округа заключено трехстороннее соглашение о реставрации объектов культурного наследия и благоустройстве территории парка [8].

Ежегодно с 2007 года в селе Быковка проходит фестиваль «Демидовская сирень», который включает в себя и насыщенную культурную программу в пространстве села Быковка, и научную конференцию по культурно-историческому наследию и проблемам его сохранения в Нижнем Новгороде. В 2024 году такая конференция уже запланирована на 25 мая.

Через Демидовых в части художественной обработки металла можно перейти по «ромашке смыслов» к росписи по металлу. Знаменитый заводчик Н.Демидов в XVIII веке организовал при своих горных заводах первую школу росписи, которая первоначально получила название «Тагильская роспись». В Верхне-Нейвинске и Невьянске фиксируется «рождение» промысла в 1746 г., когда происходит первое упоминание жестяных подносов с художественной росписью. С Урала промысел переместился в Московскую губернию, в сёла Троицкое, Сорокино, Новосельцево, Хлебниково. А в 1825 году откупившиеся от крепостной зависимости братья Вешняковы создали здесь первую мастерскую, а после революции, объединённая с другими артелями, она стала основой знаменитой Жостовской фабрики декоративной росписи. На этом история художественной росписи не закончилась и перешла в город Кемерово, где в начале 80-х годов XX века, в 1981 г. была основана фабрика художественных промыслов «Весна», давшая название «Кемеровской росписи» с некоторыми ее отличиями от «Жостовской». К сожалению, сегодня фабрика прекратила свое существование и промысел поддерживается только индивидуальными мастерами [11].

Еще одним ответвлением от «демидовской ветви» является художественное Каслинское литьё. Каслинское чугунное литьё названо так по имени челябинского города Касли, где в середине XVIII века был основан чугунолитейный завод, принадлежавший заводчикам Демидовым. Литейное искусство веками складывалось каслинскими скульпторами, художниками, литейщиками и чеканщиками, в его традиции – чёткость силуэта, сочетание проработанных деталей и обобщённых плоскостей. С каслинским литьём ассоциируется неизменный черный цвет скульптур – «Голландская сажа» —

покрытие изделий чёрной краской, созданной по особому рецепту. Развитие каслинского литья связано с развитием русского скульптурного искусства: многие знаменитые скульпторы предоставляли каслинским литейщикам свои модели для тиражирования, и здесь отливали лучшие произведения Клодта, Лансере, Либериha, Лаверецкого, Каменского и Забелло [11].

Понятно, что от каждого имени можно и далее строить символические цепочки, переходя на разные исторические периоды, регионы, фамилии и факты, что в рамках данной публикации не представляется возможным. Главное – показать сам принцип и подчеркнуть вклад территории, запустить процесс консолидации и принципиально выйти из отношений конкуренции, в которых часто находятся территории, участвуя в различных рейтингах за звание очередной «столицы».

В заключение стоит отметить, что прием методом ассоциаций является универсальным и может быть применен и за рамками национальных границ государств. Так, в апреле 2024 года в Вачском муниципальном округе проходит стажировка участников международного образовательного проекта «Наследие Евразии» из РФ, республик Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Таджикистан [10].

Участники искали возможности для совместной интеграции в проектах «Фестиваль традиционных ценностей народов», «Музей на колесах», «Евразия – культурный транзит», «Пояс мира», «Культурный обмен», применяя подход смысловых ассоциаций и выстраивая в том числе и «Металлический пояс Евразии», опираясь на уникальную местную историю, гениев места, современных мастеров и предпринимателей в сфере креативных индустрий и общую методологию, применяя которую, можно «подсветить» локальную идентичность и занять достойное место в международном культурном процессе, туристическом бизнесе и развитии территорий за счет наследия.

Искусство художественной обработки металлов прошло длительный путь развития и, опираясь на традиции и знания великих мастеров, продолжает развиваться в современных условиях. Мастерами художественной обработки металлов создано множество произведений, вошедших в духовную сокровищницу человечества, в его культуру.

В этих произведениях наиболее сильно и ярко выражено мировоззрение той или иной эпохи, понимание людьми красоты. Просветительский проект «Металлический пояс России» призван приблизить эту красоту к человеку и дать ему платформу для совместного творчества и сотрудничества, взаимодействия территорий, производственных предприятий и учреждений культуры, мастеров, индивидуальных предпринимателей, самозанятых и образовательных структур, а также агентств по развитию территории и креативных индустрий, к которым относится сфера художественной обработки металла.

Литература:

1. Адашкин А.М. и др. Материаловедение (металлообработка). – М., 2003.

2. Быков С. В., Яковлева М.В.. ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛА И СОВРЕМЕННОСТЬ. //Учитель музыки 2022 / № 4 (59) стр. 5-10.
3. Романенко А. И. Музей прикладного искусства и быта России XVII в. / А. И. Романенко. – М.: Изобразительное искусство, 1987.
4. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р, «Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года».
5. Фиров А.В. Художественная обработка металлов. – М., 1976.
6. <https://кпхи.рф/> (проверено 11.04.2024).
7. <https://промыслы.рф/craft/view/6> (проверено 11.04.2024)
8. <https://anoasiris.ru/> (проверено 11.04.2024).
9. <https://arkom-nn.n4.biz/> (проверено 11.04.2024).
10. <https://heritage-eurasia.org/news/na-mezhdunarodnom-obrazovatelnom-forume-nasledie-evrazii-predstavjat-luchshi> (проверено 11.04.2024).
11. <https://old.mospolytech.ru/index.php?id=1363> (проверено 11.04.2024).
12. <https://saro-knives.ru/> (проверено 11.04.2024).
13. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8> (проверено 11.04.2024).
14. <https://trudvacha.ru/files/userfiles/Obshaya.pdf> (проверено 11.04.2024).
15. <https://www.pzhm.ru/> (проверено 11.04.2024).
16. <https://www.youtube.com/watch?v=A7Kf1WDFV8> (проверено 11.04.2024).

УДК 069.51+929

ГРНТИ 03.23.31

НЕОЖИДАННЫЕ НАХОДКИ

Пакшина Н.А.

АПИ (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева,

г. Арзамас

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассказывается о трех интересных находках, сделанных автором в трех разных российских музеях, а также жизни и деятельности людей, которые связаны с этими экспонатами. Говорится об одном скульптурном изображении общественного деятеля, коллекционера и мецената М.К. Тенишевой и о двух предметах старины, за которыми стоят уральские промышленники Демидовы. В процессе исследования был применен историко-биографический метод с использованием музейных экспонатов. В данной публикации говорится о важности сохранения и экспозиции коллекций, имеющих в музеях. Публикация предназначена всем, кто интересуется вопросами российской истории XVIII-XIX веков.*

***Ключевые слова.** Музей, экспонаты, находки, неожиданные открытия, Тенишева, Демидовы.*

UNEXPECTED FINDS

N.A. Pakshina

Arzamas Polytechnic Institute of R.E. Alekseev

Nizhny Novgorod State Technical University

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

Abstract. *The article talks about three interesting finds made by the author in three different Russian museums, as well as the lives and activities of people who are associated with these exhibits. We are talking about one sculptural image of a public figure, collector and philanthropist M.K. Tenisheva and about two household items behind which are the Ural industrialists the Demidovs. During the research process, the historical and biographical method was used using museum exhibits. This publication talks about the importance of preserving and displaying the collections found in museums. The publication is intended for everyone who is interested in issues of Russian history of the 18th-19th centuries.*

Keywords. *Museum, exhibits, finds, unexpected discoveries, Tenisheva, Demidovs.*

Когда планомерные и длительные поиски приводят к желанным и положительным результатам, мы радуемся, испытываем чувство удовлетворения. Но бывают в жизни и неожиданные находки и открытия, которые обнаруживаются совсем не там, где ищем. Подобные находки мотивировали данную работу.

Лет восемь назад, когда я писала монографию о великом математике академике Александре Михайловиче Ляпунове, а точнее параграф, посвященный его жене Наталье Рафаиловне (урожд. Сеченовой), я поехала в Нижний Новгород. Там, после работы в архиве, в оставшиеся пару часов решила заглянуть в один из моих любимых музеев – Нижегородский государственный художественный, что на территории Кремля.

Переходя от одной знакомой картины к другой, вдруг в углу одного из залов увидела небольшую, но очень изящную гипсовую скульптуру. Подойдя поближе, прочла, что автор этого произведения Павел Петрович Трубецкой, скульптура называется «Сидящая дама», датирована она 1899 годом. А изобразил он Марию Клавдиевну Тенишеву! Ту самую Тенишеву, которая некогда училась в Санкт-Петербурге в частной гимназии М.П. Спешневой в одно время с Наташей Сеченовой, будущей невестой А.М. Ляпунова.

Только тогда она была не Марией Тенишевой, а Машей Пятковской. И буквально за несколько дней до посещения музея я писала о тех, кто учился с Наташей Сеченовой. И о Тенишевой, в частности упомянула: «*Маша станет княгиней Тенишевой Марией Клавдиевной, общественным деятелем, коллекционером, меценатом. Она будет знакома со многими выдающимися художниками: И.Е. Репиным, А.Н. Бенуа, К.А. Коровиным, М.А. Врубелем, некоторые из них напишут ее портреты*» [3, с. 82].

Да, она стала моделью многих портретов. Созерцание небольшой скульптуры дало ощущение нежданной встречи с давно знакомым человеком.

Другая находка касалась известной династии Демидовых, и оказалась не столь приятным открытием. Прошлым летом автор собирала материал для книги о нижегородских Демидовых, о той ветви рода, которая пошла от Акинфия Демидова. Действительный статский советник Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) – крупнейший горнозаводчик Урала в XVIII веке. Он значительно приумножил отцовское наследство.

А.Н. Демидов добился того, что его металл с заводской маркой «Старый соболь» стал лучшим в России. На уральское железо ставили заводское клеймо, изображавшее маленького бегущего зверька, поскольку оно было таким «добрым» и «мягким», что его сравнивали с собольим мехом – потому и назвали заводское клеймо «Старый соболь». Этот металл выплавлялся из чистых, без вредных примесей уральских руд и на древесном угле, также не засорявшем металл примесями [2, с. 59, 60].

Еще при жизни Акинфия металл стал экспортироваться не только в континентальную Европу и Америку, его покупала даже такая признанная монополистка в области металлургии, как Англия [1]. По утверждению американского ученого Хью Хадсона, Демидовы «*Никита и его сын Акинфий Никитич создали гигантскую промышленную империю, которая к середине XVIII в. выплавила свыше 40% российского железа*» [7, с. 9].

Кроме того, на алтайских заводах впервые в России было налажено промышленное производство серебра. Акинфий Никитич почти постоянно жил в Невьянске, откуда лично руководил своим огромным и сложным хозяйством.

В чем причины успеха этого дела? Необходимо отметить, что сын Никиты Демидова Акинфий Никитич обладал выдающимися предпринимательскими способностями. Нельзя недооценивать и роль воспитания, и раннее приучение к металлургии.

Но при всем этом не будем отрицать роль крепкой дисциплины, которой Акинфий Демидов добивался всеми доступными ему путями и определенной жесткостью. Например, общеизвестно, что он не терпел пьянства среди подчиненных ему людей, и в случае если те нарушали установленный порядок, на них надевали своеобразную «медаль».

На первый взгляд, можно подумать, что это символическое, моральное наказание, как фартук другого цвета в закрытых женских учебных заведениях дореволюционной поры. Ранее я так себе и представляла.

И вот оказавшись в Историческом музее Москвы, медленно шла по залам и смотрела на все подряд без конкретной цели что-либо отыскать. И вдруг в одной из витрин, увидела восьмиконечную металлическую «звезду» с надписью «ЗАПЬЯНСТВО». Строго говоря, это была совсем не медаль, а ошейник большой и очень тяжелый...

А в пояснении стояло:

«Россия. Первая половина XVIII века

Чугун, литье, железо,ковка

Такой медальон предназначался рабочему

Демидовских заводов».

Говорят, Петру I эта затея понравилась, и он в 1714 г., после того как винная монополия на производство и продажу алкоголя была заменена откупной системой, учредил подобную «медаль». «Медаль», изготавливаемая по приказу Петра I, весила 17 фунтов, т.е. 6 кг 800 г плюс полторакилограммовый ошейник (это самая тяжелая медаль в истории). Эта «медаль» исполняла роль традиционного для России телесного наказания, когда к руке, ноге или на шею подвешивали тяжелый предмет (чаще всего амбарный

замок). Почему это предмет назывался медалью? формой он напоминал о главной, первой награде Российской империи – «Ордене Святого Андрея Первозванного» [5, с. 295].

Следующая находка тоже связан с Демидовыми, но на этот раз музейный экспонат оказался более приятного свойства. Приехав на экскурсию в Касимов, маленький уютный город на Оке, мы оказались в интереснейшем месте – музее «Русский самовар». Он создан почетным гражданином этого города М.П. Силковым. Музей этот расположен в центре города в одном из старинных купеческих особняков и содержит богатейшую коллекцию.

Мне показалось, что этот частный музей ничем не уступает подобным музеям Тулы и Городца, в чем-то даже интереснее. Чего стоит одна только многоярусная горка самоваров! Есть там редкий экземпляр начала XX века, под названием «Эдисон», в котором подогрев воды осуществляется на спиртовой основе, есть огромный самовар с Иркутского вокзала, из которого, по рассказу экскурсовода, якобы пил А.В. Колчак.

Но полной неожиданностью стал один экспонат, на первый взгляд достаточно скромный, если сравнивать с блестящими собратьями. Это медный самовар, изготовленный в конце XVIII века на фабрике, основанной Демидовыми.

У большинства читателей упоминание о заводчиках Демидовых ассоциируется чаще со словами «оружейники», «горнозаводчики», «черная металлургия», а никак не с самоварами. И вот случайно увиденный самовар заставил обратиться к литературе и узнать подробнее о деятельности Демидовых на этом поприще.

Здесь нужно отметить, что Акинфий Демидов построил не только 9 железных, но и 7 медеплавильных заводов. На Урале железные руды часто соседствовали с медными, и нередко один и тот же завод был и железным, и медеплавильным, например, в Суксуне [8, с. 326].

Поначалу Демидовы на своих заводах изготавливали медную посуду (чайники, кофейники, кувшины). Несколько позже стала выпускаться латунная. Для усовершенствования своей продукции А.Н. Демидов приглашал и иноземных латунных мастеров. Демидовские изделия покрывались разнообразными орнаментами. О знакомстве мастеров с западноевропейскими изделиями и символикой говорят включения в декор львов и единорогов. Готовую продукцию помечали клеймом «Sibir» [4]. Производилась она на основе меди в крупных масштабах, например, за 1745 год было выпущено 150 пудов такой посуды. [6, с. 95, 97].

После смерти Акинфия Никитича, произошел раздел между его сыновьями, медные заводы достались Георгию Акинфиевичу Демидову. Отметим, что в молодости он по воле отца знакомился с технологией медеплавильного производства [8, с. 341].

Во второй половине XVIII века в связи с распространением чаепития стали изготавливать и самовары. А вскоре с середины XVIII в самовары стали занимать одно из главных мест в ассортименте суксунской медной утвари. В то время появилась особая форма местного самовара – в виде античной амфоры с

высоко поднятыми ручками [6, с. 98]. Именно такой экземпляр мы и увидели в музее Касимова.

Итак, эти три музейных экспоната показали, как порой очень интересные документы, предметы и факты из жизни и деятельности людей прошлого могут быть обнаружены не только в архивах, библиотеках или на просторах Интернета, но и в музеях. И тем ценнее, что там мы видим сами предметы и произведения искусства, а не копии или упоминания о них и имеем возможность непосредственного контакта с ушедшей эпохой.

Подчеркнем, что произведения искусства, художественные и бытовые изделия, выставленные для посетителей, могут не только нести эмоциональный заряд, но и служить источником информации, а также являться побудительным мотивом и отправной точкой для исследований.

Литература:

1. Бурыгин С.М. Алтай – жемчужина и сердце Евразии: исторический путеводитель. Москва: «Вече», 2010. 288 с.
2. Мезенин Н.А. Занимательно о железе. М.: Металлургия, 1972. 200 с.
3. Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: годы свершений. Монография. Саров: Интерконтакт, 2019. 468 с.
4. Петракова А. Уральские заводы XVIII века: художественные изделия из меди. URL: <https://goodcoins.su/antic/litie/uralzavod.htm> (дата обращения 16.09.2023).
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 4. 1700–1712 гг. / под ред. М.М. Сперанского... // Цит. по: 6. Улитвинов А. Бахус правит бал // Корабельная сторона. 2002. 5 мая.
6. Пудов Г.А. Центры производства медных изделий на Урале (XVIII в.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 88-108.
7. Хадсон Х. Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. / ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; отв. ред. д-р ист. наук И.Н. Юркин; авторизованный пер. с англ. канд. ист. наук И.В. Кучумова; 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. 116 с.
8. Юркин И.Н. Демидовы: столетие побед. М.: Молодая гвардия, 2017. 447 с.

УДК 930+908+ 378.4

ГРНТИ 14.09.35

МЕМУАРЫ А.Я. ЛЕВИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКОГО (НИЖЕГОРОДСКОГО) ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Григорьева С.В.
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Г. Нижний Новгород
E-mail: svetl-griror@yandex.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ мемуарного наследия кандидата исторических и доктора социологических наук, профессора ННГУ

им. Н.И. Лобачевского А.Я. Левина «Свидетельство о войне и мире» на предмет отражения в нем истории Нижегородского госуниверситета. Делаются выводы о том, что данный комплекс позволяет воссоздать некоторые страницы истории данного учебного учреждения, прежде всего прошлого историко-филологического факультета и факультета социальных наук. Как профессиональный историк и социолог, А.Я. Левин в мемуарах выступает одновременно в двух ролях: в роли участника и современника событий и ученого, дающего собственную интерпретацию прошлого. Его воспоминания содержат научно-исследовательское отражение действительности, биографические сведения тесно переплетаются с историей страны, даются оценки развитию отдельных периодов советской эпохи, акцентируется внимание на характеристиках государственных и политических деятелей, поэтому они могут быть интересны исследователям, занимающимся вопросами истории Великой Отечественной войны, положения евреев в СССР, жизни советской интеллигенции, политики репрессий.

***Ключевые слова.** А.Я. Левин, мемуары, история, ННГУ имени Н.И. Лобачевского.*

**MEMOIRS OF A. LEVIN AS A HISTORICAL SOURCE
ON THE HISTORY OF GORKY (NIZHNY NOVGOROD)
STATE UNIVERSITY NAMED AFTER N.I. LOBACHEVSKY**

*S.V. Grigorieva
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod
E-mail: svetl-griror@yandex.ru*

***Abstract.** The article analyzes the memoir heritage of the candidate of historical sciences and doctor of sociological sciences, professor of UNN named after N.I. Lobachevsky Abraham Levin "Testimony of War and Peace" for the purpose of reflecting the history of Nizhny Novgorod State University. It is concluded that this complex makes it possible to recreate some pages of the history of this educational institution, primarily the past of the history faculty and the faculty of social sciences. As a professional historian and sociologist, A. Levin in his memoirs simultaneously plays two roles: as a participant and contemporary of events and as a scientist giving his own interpretation of the past. His memoirs contain a scientific reflection of reality, biographical information is closely intertwined with the history of the country, assessments are given of the development of certain periods of the Soviet era, attention is focused on the characteristics of statesmen and political figures, so they may be of interest to researchers dealing with the history of the Great Patriotic War and the situation of Jews in the USSR, the life of the Soviet intelligentsia, the policy of repression.*

***Keywords.** A. Levin, memoirs, history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.*

В настоящее время возрастает роль источников личного происхождения в изучении истории российского образования. Увеличение публикаций по истории российских университетов, расширение тематического и жанрового спектра их изучения привели к превращению университетских исследований в отдельную научную субдисциплину [1, с. 169–170]. Источниковая база для более детального и глубокого воссоздания прошлого Нижегородского университета тоже пополняется: открываются архивные фонды, издаются воспоминания бывших студентов, преподавателей, сотрудников [3–6].

Целью данной статьи является исследование воспоминаний А.Я. Левина «Свидетельство о войне и мире», опубликованных в Нижнем Новгороде в 2016 г. [9] на предмет отражения в них истории Нижегородского госуниверситета. Судьба автора была с ним теснейшим образом связана: мемуарист был его студентом, аспирантом и преподавателем. Авраам Яковлевич Левин – кандидат исторических [8] и доктор социологических наук, профессор, дослужился до должности заведующего кафедрой общей психологии и педагогики ННГУ.

Комплекс мемуарного наследия выпускников и профессорско-преподавательского состава, с одной стороны, позволяет получить информацию о прошлых событиях, свидетелями и современниками которых были авторы этих документов, а с другой, сами воспоминания являются продуктом той эпохи, в которую они были написаны. По мнению Н.В. Георгиевой, «в социокультурном аспекте мемуары представляют собой своеобразный феномен культуры, отражающий общественную активность людей прошлого, стремившихся запечатлеть события так, как они их восприняли и оценили» [2, с. 127].

Мемуары – специфический источник, поскольку пишутся автором по прошествии определенного времени и с определенной целью. Сам А.Я. Левин в них отмечает: «Зачем я пишу? Быть может, из привычки быть чем-то занятым, быть может, в надежде, что кто-нибудь прочтет и сможет лучше понять время, в которое мы жили. Я претендую именно на роль свидетеля и ни на что более... Моя главная цель – воспроизвести картины прошлого, всплывающие на экране цветного телевизора, сопроводить этот видеоряд субтитрами, повествующими о чувствах и мыслях, владевших мною тогда» [9, с. 8]. Автор утверждает, что книга его возникла спонтанно, «без предварительного плана», как «разговор с воображаемым собеседником» о минувших событиях [там же]. Спонтанный характер текста отразился в некоторых повторах, непоследовательности изложения, как это бывает в живом общении.

Следует остановиться на условиях появления этой книги, которую, как мне думается, автор давно вынашивал. Она была написана за границей в США, куда Авраам Яковлевич уехал в 1999 г., и стала своего рода подведением жизненных итогов автора: «У каждого возраста есть специфическая психологическая проблема. К концу – главной становится оценка прошлого, собственной биографии...» [9, с. 85]. Прожив по сегодняшним меркам длинную жизнь (А.Я. Левин родился в 1922 г.), пройдя от Бреста до Берлина Великую Отечественную войну, сделав карьеру ученого, приобретя в США вторую

родину, на закате лет автор почувствовал острую потребность пережить все заново, доказать самому себе и другим, что все, что с ним произошло, было не случайно, имело причинно-следственную связь.

К сожалению, собственно истории университета в мемуарах уделено немного места. История ННГУ рассматривается автором не столько через собственную биографию, сколько вплетается в канву советского прошлого, которое автор однозначно оценивает негативно. Об этом свидетельствуют оценки А.Я. Левиным советского периода отечественной истории и названия отдельных параграфов: «Радости мирной жизни и злокозненность власти» (о репрессиях в отношении интеллигенции), «Дракон сжимает челюсти» (о разгроме генетики), «Порог апокалипсиса» (о «деле врачей», смерти И.В. Сталина и сталинизме), «Никита», «Железный Шурик» и прочее» (о схватке за власть между Н.С. Хрущевым и долгожителями сталинского политбюро), «Принудительное свидание с госбезопасностью». При чтении книги создается впечатление, что история СССР – это непрекращающиеся репрессии, гонения, диктат и идеологический прессинг со стороны властных и партийных органов. Крайне отрицателен и вердикт, выносимый автором развитию страны в советскую эпоху: «За семь десятилетий коммунистической диктатуры все складывавшиеся основы независимых от власти институтов были уничтожены, главное достояние общества – европейски мыслящая интеллектуальная элита – истреблено или выброшено за рубеж, в условиях господства государственной собственности исчезли социально-экономические группы со специфическими интересами, для реализации которых необходимы законность, независимый суд и парламент. Возникла аморфная социальная среда, не способная служить основой политической жизни. Городской образованный слой населения, сложившийся в XIX веке, был уничтожен и рассеян. Его место заняла хлынувшая из деревни масса с ее... “восточным сознанием” (бессловесной покорностью, ожиданием подачи с барского стола власти). Этот социальный планктон принимает любую власть, которая обеспечивает минимально приемлемый уровень существования» [9, с. 417]; и далее: «За годы советской власти общество было изуродовано психологически и нравственно. Пронизанное во всех ячейках секретными осведомителями госбезопасности, потерявшее веру в правосудие, отравленное ложью пропаганды, оно в значительной степени утратило элементарные нравственные ориентиры» [там же, с. 419].

Тенденциозность воспоминаний А.Я. Левина, на наш взгляд, обусловлена рядом факторов как объективного, так и субъективного характера: во-первых, трудно не согласиться с автором в том, что в отдельные периоды нашей истории политика антисемитизма действительно имела место, Авраам Яковлевич по этой причине, несмотря на красный диплом и сталинскую стипендию, не смог после успешной защиты дипломной работы и рекомендаций его научного руководителя члена-корреспондента АН СССР профессора С.И. Архангельского поступить в аспирантуру (с 1949 г. прием евреев в аспирантуру был закрыт). Еще раньше были репрессированы его отец и дядя. Обида на власть проходит красной нитью через всю книгу. Однако в дальнейшем его

судьба сложилась вполне удачно, он занимался тем, о чем мечтал, – историей и социологией, заведовал кафедрой, пользовался большим уважением коллег и студентов. Столь субъективный взгляд на историю своей страны для профессионального историка, кандидата исторических наук, непростителен. Второй момент: поскольку автор решился написать эту книгу, а она написана на русском языке и адресована прежде всего российскому читателю, он пытался в ней оправдать свой отъезд, и не только для нас, но, полагаю, и для себя. Значительно легче осознавать, что ты покинул ужасную тоталитарную страну, как и «миллионы самых образованных и талантливых, активных людей» [9, с. 418–419]. Третий момент: мемуары вышли в 2016 г., к этому времени автор более 16 лет прожил в США. «Жить в обществе и быть свободным от общества» невозможно, поэтому подобное негативное отношение к России, отчасти продиктованное американской пропагандой и русофобией, нашло отражение в мемуарах.

Говоря об истории ННГУ, следует выделить три сюжета.

Первый связан с годами обучения на историко-филологическом факультете в качестве студента. В небольшом параграфе под названием «Истфил» Авраам Яковлевич характеризует обстановку на факультете, перечисляет основных преподавателей и читаемые ими курсы, более детально останавливается на личностях С.И. Архангельского и Н.П. Соколова, которых считает своими наставниками. Они были его научными руководителями при написании кандидатской диссертации.

Очень интересно сравнение этих двух преподавателей, «лекционные курсы которых были минимально идеологизированными, подлинно научными и авторскими» [9, с. 208]. Они представляли две главные исторические школы России (Московскую и Санкт-Петербургскую); по мнению автора, написали и защитили солидные работы, оба были глубокими историками, опирающимися на традиции тщательного изучения источников и документальную обоснованность выводов. Оба «по советским критериям были уязвимы»: «известным плюсом в биографии Архангельского было то, что он в начале века исключался из Московского университета за участие в студенческом движении». Однако минусом было его дворянское происхождение, образование (Нижегородский дворянский институт) и принадлежность к партии кадетов [9, с. 211]. Н.П. Соколов, хоть и был «человеком из народа», состоял в эсерах. На этом их сходство заканчивается.

В воспоминаниях А.Я. Левина С.И. Архангельский предстает «потомственным интеллигентом, всегда корректным и внимательным, не терпящим подобострастия» [9, с. 209], его лекции «строились академически, как главы и параграфы учебника», читал он их обычно по «тщательно подготовленному конспекту, записанному на карточках размером в половину тетрадного листа», содержательно они были безупречны, однако «неэмоциональны и требовали напряженного внимания» [там же, с. 208]. Сергей Иванович был гостеприимным хозяином, нередко принимал студентов дома, был с ними вежлив и доброжелателен. Эти характеристики подтверждаются и другими источниками [7, с. 106].

В отличие от него, Николай Петрович, по воспоминаниям А.Я. Левина, в общении был «резок и вспыльчив». В нем «чувствовалась некоторая отстраненность», казалось, он всегда находился «в диалоге сам с собой». Лекции он читал совершенно иначе: «это почти всегда был свободный увлекательный рассказ» [9, с. 208]. Похожие характеристики Соколова мы находим и в мемуарах другого студента тех лет, будущего доктора исторических наук, профессора Е.В. Кузнецова: «Н.П. Соколов обладал природным ораторским талантом. Интерпретируя то или иное историческое явление, он часто прибегал к аналогиям, цитировал участников или современников происходящего, причем не только на русском, но и на французском, итальянском и латинском языках. Это умение сопоставлять факты, сплестать их в единый узел и давать им порой неожиданно точную интерпретацию, приводило нас... в восторг. Были случаи, когда его лекции заканчивались аплодисментами» [7, с. 107–108].

Отношения двух корифеев тогдашнего истфила, по мнению А.Я. Левина, были сложными. Н.П. Соколов был обижен на Сергея Ивановича за то, что тот заставил его сдавать перед защитой кандидатские экзамены, в то время как он еще в Санкт-Петербургском университете уже сдал магистерский экзамен [9, с. 212]. А.Я. Левин отмечает злопамятность и конформизм Соколова, который, в отличие от С.И. Архангельского, «не желал ссориться с властью» и в свое время поддержал увольнение даже собственного ученика Бабаева [там же, с. 210].

Вообще, несмотря на яркие характеристики, данные тогдашним представителям профессорско-преподавательского состава факультета: В.Т. Илларионову, А.И. Парусову, А.Е. Кожевнику и др., мемуарист заостряет свое внимание на их отношениях с властями, находя в их биографиях изъяны, вызывавшие гонения, преследования, «атаки сверху». О факультете автор вспоминает не с любовью и нежностью, а очень тенденциозно, подчеркивая идеологический прессинг, проводимый в отношении ученых со стороны сталинского режима, акцентируя внимание на кампании борьбы с «преклонением перед иностранщиной», с «космополитизмом» и пр. [там же, с. 211–212].

Второй сюжет, где автор возвращается к университету, называется «Возвращение в альма-матер» и связан с его поступлением и обучением в аспирантуре, которая для Авраама Яковлевича затянулась на шесть долгих лет. Причиной тому стала конкуренция с Е.В. Кузнецовым, кардинальная смена темы исследования, завышенные требования Н.И. Архангельского к аспирантам, такие же, как в «дореволюционном Московском университете предъявлялись при подготовке к профессорскому званию», смена научного руководителя из-за смерти Сергея Ивановича [там же, с. 274–276]. Следует заметить, что высокие требования С.И. Архангельский предъявлял ко всем своим аспирантам, в том числе и к Е.В. Кузнецову. Однако если у Авраама Яковлевича сквозь строки «читается» обида на учителя (пришлось сменить тему исследования, поскольку тема, по которой он писал диплом, стала предметом чьей-то диссертации; предложенная научным руководителем проблема требовала огромного объема работы, использования документов и

литературы на четырех языках; некоторые издания приходилось выписывать из английских и голландских библиотек; сложные кандидатские экзамены; проблемы с трудоустройством после окончания аспирантуры) [там же], то прошедший через похожие жизненные испытания Е.В. Кузнецов видит в этих трудностях позитивные моменты (познакомился с богатыми книжными коллекциями столичных библиотек; «поиски необходимых книг в разных книгохранилищах сопровождалась своеобразными приключениями и счастливыми обретениями»; выписанные из-за рубежа книги содержали ценную хронологически организованную информацию по теме исследования). Он полон благодарности к своему учителю, сотрудникам библиотек, которые научили его «быть терпеливым и вежливым в общении», университету, который давал деньги на командировки «немного, но безотказно», и даже Сталину, ценовая государственная политика которого позволяла юноше из провинции жить и работать над диссертацией в российских столицах [7, с. 103–105]. Яркий пример того, как одни и те же события по-разному оцениваются мемуаристами.

Третий сюжет посвящен трудовой деятельности А.Я. Левина в Горьковском государственном университете сначала на кафедре истории КПСС, научного коммунизма, затем на кафедре социологии и психологии. В параграфах «Кафедра», «Новая кафедра» и др. мемуарист рассказывает о своей работе в качестве преподавателя. В 1960–е гг. его увлекла социология. Конкретные исследования в научных, вузовских и производственных коллективах стали основными направлениями его научной работы [9, с. 311].

В этой части воспоминаний автор очень тепло отзывается о своих коллегах: В.В. Нияком, А.И. Когане, А.Д. Белявском, З.М. Саралиевой, Т.А. Кантемировой, которые «были едины в своей оппозиционности к власти и в способности, оставаясь формально в рамках марксизма, использовать воспринятые ими демократические идеи XIX в. как косвенную критику существующего порядка» [там же]. Автор утверждает, что в послесталинское время ослабление идеологического контроля «открывало возможности для преподавания общественных наук на современном уровне» и охотно делится секретами умеренного вольнодумства, которое «сходило с рук и не вызывало репрессий» [там же, с. 312]. Очень интересны эти главы, поскольку автор в них выступает не только как участник и современник событий, но и как ученый-социолог, который делится с читателями результатами своих социологических исследований, сравнивая ценностные ориентиры поколений 1970-х и 1980-х гг. Однако и в этой части мемуарного комплекса содержатся сюжеты, обличающие советскую власть: проблемы с изданием научной монографии заставляют Авраама Яковлевича прибегать к связям и взяткам; его вызывают в КГБ и на суд в качестве свидетеля по делу участника студенческого диспута В.Помазова и др.

В 1980–е гг. А.Я. Левин возглавил кафедру психологии и педагогики ННГУ, более соответствующую тематике его исследований и спецкурсов. «Я с наслаждением стал читать курсы общей психологии для студентов, педагогической психологии и педагогики высшей школы для аспирантов. По-прежнему продолжал читать психологию управления на экономическом факультете и на курсах промышленных руководителей при этом же факультете,

– пишет мемуарист. – По совместительству вел занятия в местном филиале Института повышения квалификации руководителей и специалистов судопромышленной промышленности. Здесь диапазон был очень широк – от математических методов (линейного программирования и теории игр) в оптимизации решений до... управления персоналом» [там же, с. 387]. Важным направлением его деятельности тогда были занятия с работниками НИИ и конструкторских бюро. Среди них он выделяет КБ Алексева, занимавшееся тогда созданием секретного экраноплана [там же].

По мнению, Авраама Яковлевича публика на его новой кафедре была очень разношерстной. Не желая давать характеристики большинству своих бывших сотрудников, многие из которых до сих пор работают в университете, особенно тепло он отзывается о Л.Н. Захаровой [там же, с. 386].

К особенностям рассматриваемого мемуарного наследия можно отнести несколько аспектов. Во-первых, А.Я. Левин – профессиональный историк и социолог, в мемуарах выступает одновременно в двух ролях: в роли участника и современника событий, пишущего мемуары, и ученого, дающего собственную интерпретацию прошлого. Из этого вытекает вторая особенность – его воспоминания содержат научно-исследовательское отражение действительности, биографические сведения тесно переплетаются с историей страны, даются оценки развитию отдельных периодов советской эпохи, акцентируется внимание на характеристиках государственных и политических деятелей общероссийского (И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов и др.) и регионального (Б.Е. Немцов) уровней. Конечно, мемуары нельзя назвать научной монографией, в них отсутствует научно-справочный аппарат, сноски на источники информации и пр. Фактический материал автор черпает прежде всего из личного жизненного опыта, рассказов родственников, друзей, коллег. Однако, как профессиональный историк, он, где это возможно, вплетает в канву мемуаров исторические источники. Например, документы о реабилитации своего тестя Г.М. Зельберга, дяди И.Н. Васьковича [9, с. 379], цитирует Е.В. Тарле, З.Бжезинского, У.Черчилля и пр., анализирует опубликованные исследования по истории СССР, что свидетельствует о высокой эрудированности автора. Как социолог А.Я. Левин целый параграф «Проблемы Америки» посвящает анализу современного состояния американского общества, выделяет и объясняет причины наступившей в нем рецессии [там же, с. 440–461].

Еще одна особенность состоит в том, что мемуары написаны хорошим литературным языком, демонстрируют писательский талант автора, его хорошее знание классической русской и советской литературы. Он цитирует А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Е.Евтушенко и др. поэтов, приводит стихи собственного сочинения.

Таким образом, данный мемуарный комплекс представляет определенный интерес для историков. Он дает некоторое представление об истории Горьковского (Нижегородского) госуниверситета, прежде всего таких его подразделений, как историко-филологический факультет и факультет социальных наук, позволяет проследить некоторые тенденции в развитии

советской высшей школы, получить сведения о том, как и чем жила советская интеллигенция. Однако следует помнить об их тенденциозности и субъективности и сопоставлять с другими историческими документами.

Литература:

1. Вишленкова Е.А., Парсамов В.С. Университетская история России: генезис жанров // Вестник СПбГУКИ, № 3 (20) Сентябрь. 2014. С. 164–172.
2. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия. История России. 2012. № 1. С. 126–138.
3. Историки об учителе. Научно-биографический сборник к 90-летию профессора Евгения Васильевича Кузнецова / Сост. В.А. Сомов, С.А. Зотов, А.Р. Панов. Арзамас, 2021. 194 с.
4. Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников / ред. Е.А. Молев. Н. Новгород, 2004. 283 с.
5. Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй) / ред. Е.А. Молев. Н. Новгород, 2005. 132 с.
6. Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Открытый текст. Нижегородское отделение историков-архивистов. Электронное периодическое издание. 22 июля 2019 г. URL: <https://opentextnn.ru/history/historiography/historians/russian/nizhny-novgorod-russian/a-a-kuznecov-a-v-melnikov-novye-istochniki-po-nauchnoj-biografii-s-i-arhangel'skogo/?ysclid=lomjhfbjam771696996>
7. Кузнецов Е.В. Одна жизнь менялась на иную. Мемуары русского историка. Арзамас, 2008. 167 с.
8. Левин А.Я. Проникновение английской Ост-индской компании в Индию, Индонезию и Персидский залив в первые десятилетия XVII века (1601–1641 гг.). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук / Горьковский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Горький: [б. и.], 1964. 23 с.
9. Левин А.Я. Свидетельство о войне и мире. Нижний Новгород, 2016.

УДК 908

ГРНТИ 03.29

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ДРЕВА НИЖЕГОРОДСКОГО КУПЕЧЕСКОГО РОДА РУКАВИШНИКОВЫХ

Лысенко Ю.В.

Нижегородский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
г. Нижний Новгород
E-mail: vena-dream@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию малоизвестных документов, касающихся биографий потомков нижегородского купеческого рода Рукавишниковых, из собрания Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Представленные источники позволяют частично реконструировать жизненные пути поэта и писателя И.С. Рукавишникова, его

сына К.И. Рукавишникова, а также проследить трагическую судьбу В.И. Грацианова – мужа Л.С. Рукавишниковой, старшей дочери потомственного почетного гражданина С.М. Рукавишникова.

Ключевые слова. Род Рукавишниковых, генеалогическое древо, архивные источники.

NEW SOURCES IN THE STUDY OF THE FAMILY TREE OF THE NIZHNY NOVGOROD MERCHANT FAMILY RUKAVISHNIKOV

J.V. Lysenko

Nizhny Novgorod State

Historical and Architectural Museum Reserve

Nizhny Novgorod

E-mail: vena-dream@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the study of little-known documents related to the biography of the descendants of the Nizhny Novgorod merchant family Rukavishnikov from the collection of RGALI and GARF. The provided sources make it possible to partially reconstruct the life paths of the poet and writer I. S. Rukavishnikov and his son K. I. Rukavishnikov. It is also possible to trace the tragic fate of V. I. Gratsianov, the husband of L. S. Rukavishnikova, the eldest daughter of the merchant S. M. Rukavishnikov.*

Keywords. *Rukavishnikov family, family tree, archival sources.*

Научная работа по составлению и исследованию генеалогического древа нижегородского купеческого рода Рукавишниковых продолжается уже не одно десятилетие. Ученые и краеведы пытаются найти ответы на вопросы, связанные с появлением и возвышением в Нижнем Новгороде этой фамилии, ставшей одной из самых богатых и влиятельных в Поволжье и, кроме того, явившей интересных представителей российской литературы и искусства. Особую актуальность это исследование приобрело после открытия в 2010 г. после окончания реставрации главного здания Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, в экспозицию которого был включен комплекс о семье Рукавишниковых.

Следует отметить, что ранее научная работа базировалась на изучении материалов Центрального архива Нижегородской области, воспоминаний современников, а также анализе автобиографического романа-трилогии И.С. Рукавишникова «Проклятый род». Малоисследованными оставались интереснейшие документы, хранящиеся в ведущих российских архивах – Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва) и Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва).

Комплекс документов Российского государственного архива литературы и искусства касается в большей степени жизненного и творческого пути поэта и писателя Ивана Сергеевича Рукавишникова – старшего сына потомственного почетного гражданина Сергея Михайловича Рукавишникова, владельца

знаменитой усадьбы на Верхневолжской набережной Нижнего Новгорода. Это письма и небольшие записки 1900–1930 гг., адресованные И.С. Рукавишниковым своим друзьям и знакомым в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, позволяющие не только установить круг знакомых писателя, но и уточнить некоторые обстоятельства его жизни.

Сохранившиеся письма свидетельствуют о том, что около пятнадцати лет, после отъезда в конце 1890-х гг. из Нижнего Новгорода, И.С. Рукавишников прожил в Санкт-Петербурге. Установлены некоторые его адреса в этом городе. Так, в разные годы поэт и писатель снимал квартиры на Университетской набережной, дом 25 («Дом Алексева – Доходный дом И.О. Рубана, правая часть» 1830 г., 1837 г., архитекторы Х.Х. Бек, П.Шретер), на улице Херсонской, дом 5 («Доходный дом» 1903 г., архитектор А.П. Сосков). Не раз в письмах И.С. Рукавишников в качестве места проживания упоминает деревню Островки – популярную в начале XX в. у петербуржцев дачную местность.

«Петербургский» период можно считать относительно благополучным в жизни писателя. Здесь он учится в Археологическом институте, женится (имя первой жены И.С. Рукавишникова не установлено), в семье рождаются сыновья Клавдий и Даниил. Набирает обороты творчество: И.С. Рукавишников печатает свои произведения в литературных журналах, выходят первые сборники его стихотворений. Писатель, выходец из нижегородского купеческого рода, оказывается вовлеченным в литературную жизнь столицы. Среди адресатов его писем и коротких посланий – видные деятели литературы и искусства того времени: заслуженный артист Императорских театров Николай Николаевич Ходотов, историк литературы и критик Евгений Васильевич Аничков, журналист и переводчик Оскар Моисеевич Картожинский (Норвежский), поэт Дмитрий Михайлович Цензор и многие другие. По содержанию писем можно судить, насколько прочно литературное творчество захватило И.С. Рукавишникова, как ждал он отклика общественности на свои новые произведения. Несмотря на принадлежность к богатой нижегородской фамилии, стремился зарабатывать литературным трудом. Были периоды, когда плата за произведения была единственным источником дохода писателя. Свидетельством тому – строки из письма от 3 декабря 1910 г. редактору и издателю Марии Николаевне Слепцовой: «Рукопись “Книгопечатание и Иван Гуттенберг” предоставляю Вам в собственность. Относительно платы тоже согласен. Но так как она невелика, а заработка сейчас у меня – никакого, нужда же большая и долгу много накопилось, то хотел бы поэнергичнее работать, по крайней мере, в ближайшие недели. Потому, не имеете ли в виду нескольких тем, которые мог бы я сейчас одолеть?» [10]. В течение нескольких лет И.С. Рукавишников переписывался с поэтом Александром Александровичем Блоком. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся титульные листы нескольких книг Рукавишникова («Трагические сказки», «Проклятый род» и др.) с дарственными надписями Блоку [6]. Интересны и содержательны письма Ивана Сергеевича, адресованные другу Ивану Михайловичу Булацелю – драматургу и журналисту [5]. По ним частично восстанавливается путешествие Рукавишникова весной-летом 1901 г.

по маршруту Санкт-Петербург – Петровск (ныне Махачкала) – Владикавказ – Тифлис – Батуми – Севастополь – Венеция.

Среди всего объема писем нет ни одного, адресованного кому-либо из членов семьи Рукавишниковых: ни родителям, ни братьям или сестрам. Это косвенно подтверждает устоявшееся среди исследователей мнение, что отношения Ивана Сергеевича с семьей были сложными. Более того, в ряде писем встречаются строки, свидетельствующие, что даже нахождение в родном Нижнем Новгороде для писателя было тягостным. «Получил хорошее Ваше письмо и в тот час очень Вам позавидовал, т.е. Вашему не городскому адресу, – писал 30 января 1915 г. Рукавишников драматургу Сергею Александровичу Алексееву-Найденову. – В том дело, что письмо получил, сидя в Нижнем, задержанный скучными делами и еще более скучными людьми. Задержавшись более, чем хотел, в Москве из-за внезапной простуды, пожил несколько лишь дней в деревне. Но на днях, полагаю, покину этот несчастный город, поживу в деревне опять, коли бог даст, подольше. Пока адрес, если вспомнусь я Вам, Нижний. Перешлют. В этом тяжелом городе не могу страницы написать. А задумано большое опять. Ах, эта трагедия родины!» [8].

Деревню же Иван Сергеевич любил, стремился жить поближе к природе, дышать чистым воздухом, тем более что с детства был болен туберкулезом. В Нижегородской губернии в Горбатовском уезде у его отца Сергея Михайловича Рукавишникова было две загородных усадьбы: в селе Подвязье и в деревне Лазарево. Обе они после смерти владельца в 1914 г. перешли наследникам, в числе которых был и Иван Сергеевич Рукавишников. Неудивительно поэтому, что некоторый период своей жизни в 1917 г. писатель вместе со второй женой Ниной Сергеевной Зусман провел в знакомом с детства Лазарево. Сохранилось его письмо оттуда писателю Степану Степановичу Семенову-Волжскому от 28 августа 1917 г.: «Дня три у нас уж пахнет осенью чуть. Сегодня в первый раз затопил маленькую печурку, правда, при открытом окне и без особой надобности. Но моя комната на север. Сыровато» [9]. Дальнейшее содержание письма, включающего просьбу Ивана Сергеевича к товарищу по перу купить в Москве микроскоп в подарок для врача из Балаклавы Евсея Марковича Аспиза, спасшего Рукавишникова когда-то от тифа, характеризует писателя как очень благодарного человека.

Наконец, отдельная группа писем, хранящихся в собрании РГАЛИ, а также документы из ГАРФ охватывают «московский» период жизни И.С. Рукавишникова с 1918 г. по 1930 г. В декабре 1918 г. Народный комиссар по просвещению Анатолий Васильевич Луначарский пригласил писателя Рукавишникова на работу в Москву для организации «Дворца искусств» [11]. Вместе с мужем в столицу отправилась и Нина Рукавишникова (Зусман), 30 января 1919 г. назначенная заведующей подотделом цирка Театрального отдела Народного Комиссариата по просвещению. Сохранились написанное ею от руки заявление о принятии на эту должность [13; л. 2], а также анкета личных данных [13; л. 3], где Нина Сергеевна сообщила, что родом она из Севастополя, образование имеет среднее, ранее работала помощником делопроизводителя в Нижегородском Военном Комиссариате.

По прибытии в Москву чета Рукавишниковых поселилась в гостинице «Метрополь», являвшейся в то время одной из главных резиденций советского правительства и получившей название «Второго Дома Советов». Затем обосновалась в бывшей усадьбе Долгоруковых – Соллогуба на Поварской улице, дом 52, где и был открыт «Дворец искусств».

По адресатам писем восстанавливается круг общения И.С. Рукавишникова в Москве. Как и в Санкт-Петербурге, круг этот преимущественно из людей литературы и искусства. Среди постоянных адресатов: фольклорист, заведующий библиотекой Государственного исторического музея Юрий Матвеевич Соколов; критик, редактор и организатор литературного объединения «Никитинские субботники», куда входил и И.С. Рукавишников, Евдоксия Федоровна Никитина; член правления издательства «Круг» Давид Кириллович Богомильский; поэт и переводчик Теодор Маркович Левит и другие. Многие письма касаются непосредственно литературного творчества писателя, издания его произведений, выступлений на литературных вечерах.

В первые годы пребывания в Москве И.С. Рукавишников, будучи организатором и руководителем «Дворца искусств», просуществовавшего с конца 1918 г. до зимы 1920-1921 гг. [15; с. 138] и находясь под покровительством наркома просвещения А. В. Луначарского, занимал влиятельное положение в литературном обществе. По сохранившимся письмам и запискам прослеживается, что не раз писатель пользовался своим положением и знакомствами, чтобы помочь собратям по перу выжить в голодной постреволюционной Москве, найти работу. Так, в записке к ответственному секретарю только что организованного в 1925 г. журнала «Новый мир» Марии Карловне Куприной-Иорданской Рукавишников рекомендует сотрудничать с переводчиком Теодором Марковичем Левитом [7]. Иван Сергеевич старался помочь выхлопотать пособие в литературных обществах и своему земляку поэту Борису Александровичу Садовскому, прикованному к инвалидному креслу [2].

Однако со временем и личное, и общественное, и материальное положение писателя значительно ухудшилось. «Дворец искусств» был закрыт, супруга Нина Рукавишникова увлеклась циркачом Ф.Дарле и ушла от писателя. Все больше подводило здоровье. Из письма Д.К. Богомильскому от 5 декабря 1927 г.: «Дорогой и глубокочтимый Давид Кириллович. Я уже почти месяц болен (воспаление легкого). В Кремлевск. больнице, Воздвиж. 6. Т. 3-20-04. Не лежу уже все время, скоро выпишусь, но это не значит, что буду скоро выходить» [4]. Менее чем за год до смерти И.С. Рукавишников, в надежде поправить здоровье, уезжает на лето из Москвы во Владимирскую область в село Кольчугино на реке Пекше. Однако неустроенность быта не дает ему покоя и там. В письме от 10 августа 1929 г. он жалуется писателю Алексею Ивановичу Свирскому на холод в снимаемой им комнате, по всей видимости, общежития рабочих Кольчугинского завода, и нежелании коменданта исправить ситуацию [3].

В «московский» период жизни, после измены жены, самым близким человеком для Ивана Сергеевича оказывается его сын от первого брака Клавдий Иванович Рукавишников. Благодаря документам из РГАЛИ и особенно содержательным личным анкетам, хранящимся в ГАРФ, достаточно подробно восстанавливается биография этого потомка рода Рукавишниковых до осени 1943 г.

Клавдий Иванович Рукавишников родился 1 мая 1903 г. в Санкт-Петербурге. После расставания И.С. Рукавишникова с первой женой он остался, по всей видимости, с матерью, о судьбе которой в анкете от 27 сентября 1943 г. сообщил: «Мать пропала без вести в начале Октябрьской революции при попытке возвращения в Советскую Россию из оккупированной немцами Украины» [12; л. 3]. В 1915–1918 гг. учился в Москве в Реальном училище инженера Ф.Виноградова и Е.Козинцова [1; л. 8], но, окончив три класса и оставшись без матери, завершить обучение не смог. С 15 лет начал жить самостоятельно. Переехал в Нижний Новгород поближе к отцу, с лета 1918 г. по 1919 г. работал мальчиком-рассыльным Нижегородского Губсовнархоза. В 1919–1922 гг. жил и работал в Уфе. Затем перебрался в Москву, где осенью 1922 г. поступил в Высший литературно-художественный институт, в числе профессоров которого состоял его отец. Однако со второго курса института Клавдий Иванович ушел и, «желая получить недостающее среднее образование» [1; л. 2], поступил на общеобразовательные вечерние курсы. В этот же период, до осени 1925 г., он работал библиотекарем, швейцаром, курьером и истопником Коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина.

Осенью 1925 г. К.И. Рукавишников был призван на военную службу на Балтийский флот. Прошел обучение в электро-минной школе им. А.С. Попова в Кронштадте, затем служил электриком на крейсере «Аврора». После окончания военной службы осенью 1929 г. устроился работать на московский завод «Авиаприбор», был рабочим фрезерного цеха, учеником слесаря, слесарем, редактором заводской многотиражной газеты. С этой последней должности начался журналистский путь Клавдия Ивановича. В 1932 г. он стал редактором многотиражной газеты завода «Красная Пресня», затем до 1936 г. переходил из одной редакции многотиражных газет в другую, был репортером газеты «Вечерняя Москва». В 1937–1941 гг. К.И. Рукавишников состоял инспектором Иностранного отдела Главного управления по делам литературы и издательств. 16 мая 1941 г. он был послан на трехмесячный военный сбор на Тихоокеанский флот во Владивосток, где его застало начало Великой Отечественной войны. На Дальнем Востоке Клавдий Иванович на разных должностях пробыл до лета 1943 г., а затем в должности командира взвода связи был направлен сопровождать воинский эшелон из Владивостока на Ленинградский фронт. 21 сентября 1943 г. был уволен в запас и направлен в распоряжение начальника Главлита, в октябре был назначен цензором Отдела последующей цензуры Главлита [12]. Далее следы его теряются.

Следующая группа важных документов из ГАРФ касается жизненного пути Вячеслава Ивановича Грацианова, мужа Любови Сергеевны

Рукавишниковой, старшей дочери потомственного почетного гражданина Сергея Михайловича Рукавишникова. Материалы Следственного дела [14] по обвинению В.И. Грацианова по статье 58 УК РСФСР в антисоветской агитации и контрреволюции содержат записи допросов, подробно описывающих биографию этого человека, а также косвенно затрагивающих биографии членов его семьи.

Вячеслав Иванович Грацианов родился в 1875 г. в селе Кетрось Арзамасского уезда Нижегородской губернии в семье служащего. Отец служил секретарем мирового судьи Княгининского уезда, затем – нотариусом в городе Сергаче, умер в 1888 г. Мать работала сельской учительницей. В.И. Грацианов в 1885–1896 гг. учился в Нижегородской мужской гимназии, после окончания которой поступил в Санкт-Петербургский университет, где проучился два года. Затем он перешел в Санкт-Петербургский лесной институт, который окончил в 1902 г. со званием лесоведа. В 1902-1903 гг. проходил военную службу в звании рядового, затем был произведен в чин младшего унтер-офицера, после сдачи экзаменов в штабе Московского военного округа получил чин прапорщика запаса армейской пехоты. После окончания военной службы в 1903–1908 гг. работал помощником лесничего в Санкт-Петербургской губернии.

На дочери потомственного почетного гражданина С.М. Рукавишникова Любови В.И. Грацианов женился, вероятно, около 1907 г., в браке с которой в 1908 г. родилась единственная их дочь Ольга. В 1908 г. Грацианов получил должность лесничего Юркинского лесничества Нижегородской губернии, откуда был переведен в Разнежское лесничество города Васильсурска и проработал там до 1914 г. В начале Первой мировой войны был мобилизован в армию, служил на разных должностях, в том числе – как специалист лесного хозяйства. После войны был демобилизован, в 1920–1925 гг. работал лесничим в Михайловском лесничестве Нижегородской губернии и инспектором лесов в Васильсурском уезде Нижегородской губернии.

В 1925 г. В.И. Грацианов вместе с женой и дочерью по службе переехал в Солнечногорский уезд Московской губернии. В 1925–1932 гг. работал в должности лесничего Солнечногорского лесничества, затем перешел в Военлесхоз при воинской части станции Подсолнечное Октябрьской железной дороги. По сведениям, содержащимся в протоколе допроса Грацианова за 1935 г., его супруга Л.С. Рукавишникова в 1930–1934 гг. имела кролиководческое хозяйство, приплод которого сдавала по контрактации в «Мособлохотсоюз» и в организацию «Кролики-птица». Дочь Ольга жила в Москве, работала кассиром в почтовом отделении [14; л. 10 об.].

В феврале 1933 г. В.И. Грацианов был арестован и по статье 58 пункт 10 УК РСФСР был приговорен к пяти годам ссылки на север. Наказание отбывал в Архангельске в течение семи месяцев, затем по пересмотру дела был освобожден. Семья Грациановых приобрела небольшой деревянный дом в деревне Поварово Солнечногорского района Московской области. В 1934 г. Грацианов устроился работать счетоводом при Солнечногорской аптеке.

Однако архивные документы свидетельствуют, что органы внутренних дел постоянно держали В.И. Грацианова на контроле. В марте 1938 г. он вновь

был арестован, в его доме был проведен обыск [14; л. 21]. Судебная тройка при Управлении НКВД СССР по Московской области 2 июня 1938 г. по статье 58 п. 10 УК РСФСР приговорила В.И. Грацианова к расстрелу с конфискацией имущества [14; л. 27]. 23 июня 1938 г. приговор был приведен в исполнение [14; л. 28]. При пересмотре дела в 1940 г. приговор был оставлен в силе [14; л. 41]. Лишь в 1957 г. при новом пересмотре дела постановлением Президиума Московского областного суда расстрельный приговор был отменен, и дело в отношении Вячеслава Ивановича Грацианова за недоказанностью обвинения было прекращено [14; л. 54]. Дальнейшие судьбы жены и дочери В.И. Грацианова пока остаются неизвестными.

Литература:

1. Личное дело Рукавишникова Клавдия Ивановича // РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 641. Л. 2, Л. 8.
2. Письма И.С. Рукавишникова // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 3-3 об.
3. Письмо Рукавишникова Ивана Сергеевича к А.И. Свирскому // РГАЛИ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 194. Л. 1 об.
4. Письма Рукавишникова Ивана Сергеевича Богомильскому Давиду Кирилловичу // РГАЛИ. Ф. 1607. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3.
5. Письма Рукавишникова Ивана Сергеевича к Булацелю Ивану Михайловичу // РГАЛИ. Ф. 1017. Оп. 1. Ед. хр. 22.
6. Письма и дарственные надписи Рукавишникова Ивана Сергеевича // РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 387.
7. Письмо Рукавишникова Ивана Сергеевича [Куприной-Иорданской] Марии Карловне с рекомендацией Левита Т.М. // РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1.
8. Письма Рукавишникова Ивана Сергеевича Найденову Сергею Александровичу // РГАЛИ. Ф. 1117. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1.
9. Письмо Рукавишникова Ивана Сергеевича к Семенову-Волжскому Степану Степановичу // РГАЛИ. Ф. 1315. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1.
10. Письмо Рукавишникова [Ивана Сергеевича] к Слепцовой М.Н. // РГАЛИ. Ф. 462. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 1.
11. Рукавишников Иван Сергеевич // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 55. Д. 330. Л. 6
12. Рукавишников Клавдий Иванович // ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 4. Д. 178. Л. 3-3 об.
13. Рукавишникова Нина Сергеевна // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 55. Д. 331. Л. 2-3.
14. Следственное дело. Грацианов Вячеслав Иванович. 1875 г. // ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-41470. Л. 10 об., Л. 21, Л. 27-28, Л. 41, Л. 54.
15. Соболев А.Л. К истории московского «Дворца искусств» // Рема. Rhema. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-moskovskogo-dvorts-a-iskusstv?ysclid=lsbnhwi0mc696152107> / (дата обращения 07.02.2024 г.)

**ДОРОГАМИ ПАМЯТИ: ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ И ПРЕДМЕТОВ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НГИАМЗ К 80-ЛЕТИЮ
ПОЛНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ БЛОКАДЫ**

Мельник И.В.

Нижегородский государственный
историко-архитектурный музей-заповедник
г. Нижний Новгород
E-mail: melnira@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору документов и предметов из коллекции Нижегородского музея-заповедника, отражающих оказание помощи ленинградским детям, эвакуированным в Горьковскую область в 1942 г. В то время, когда пересматриваются итоги Второй мировой войны, актуальным становится обращение к документальным источникам, в том числе и личного происхождения, для воссоздания объективной картины прошедших событий и эмоционального воздействия на аудиторию. В ходе подготовки выставочного проекта «Кто идет выручать Ленинград?» были вновь проанализированы и систематизированы данные документов из фондов музея, относящиеся к событиям блокады Ленинграда, помощи эвакуированным детям, результаты этой работы представлены в статье.

Ключевые слова. Блокада, эвакуация, Ленинград, источники личного происхождения, фонды музея.

**MEMORY ROADS: AN OVERVIEW OF DOCUMENTS AND OBJECTS
FROM THE COLLECTION OF NGIAMZ FOR THE 80TH ANNIVERSARY
OF THE COMPLETE LIBERATION OF LENINGRAD
FROM THE BLOCKADE**

I.V. Melnik

Nizhny Novgorod State
Historical and Architectural Museum-Reserve
Nizhny Novgorod
E-mail: melnira@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the overview of documents and objects from the collection of the Nizhny Novgorod Museum-Reserve, reflecting the provision of assistance to Leningrad children evacuated to the Gorky region in 1942. At a time when the results of the Second World War are being reviewed, it becomes relevant to turn to documentary sources, including those of personal origin, to recreate an objective picture of past events and emotional impact on the audience. During the preparation of the exhibition project “Who goes to rescue Leningrad?”, the data of documents from the museum's funds related to the events of the siege of Leningrad

and assistance to evacuated children were analyzed and systematized again, the results of this work are presented in the article.

Keywords. Blockade, evacuation, Leningrad, sources of personal origin, museum funds.

В настоящее время события, не далекие в исторической перспективе, становятся предметом фальсификации и отмены устоявшихся исторических и общественных оценок. Поэтому одной из отличительных особенностей времени является все возрастающий интерес к архивным источникам и особенно – фондам личного происхождения. В своей статье «Биография как искусство» Ю.М. Лотман писал: «"Текст жизни" имеет дело с совершенно особым материалом – реальностью. Многочисленные причины – от индивидуально-физиологических до всемирно-исторических – регулируют поведение и поступки человека. Поэт может зачеркнуть слово и вписать на его место новое, зачеркнуть сделанный поступок нельзя, нельзя "переписать" жизнь или заставить время течь в обратном направлении. Нигде материал, из которого предстоит создавать текст, не скован в такой мере, как в жизни, воспринятой как информация» [16]. В музейной среде «Текст жизни» рассматривается шире, под ним понимается совокупность документов, созданных или полученных отдельными лицами или семьями в процессе их жизни. Личные уникальные артефакты, которые отражают историю страны и личность конкретного человека. Они включают в себя письма, дневники, фотографии, документы о работе и образовании и другие материалы, которые в совокупности позволяют воспроизвести ретроспективную картину жизни в конкретный период времени. В то же время источники личного происхождения содержат множество информации о повседневной жизни и деятельности людей, через которую могут быть восстановлены или реконструированы другие исторические аспекты в области социологии, культурологии, генеалогии. Поэтому изучение и публикация личных архивов для более полной характеристики исторических процессов становится все более востребованной. Одной из форм публикации письменного источника является его размещение в музейной экспозиции, где документ личного происхождения становится музейным предметом, который по своей информативности и способности эмоционального воздействия на людей часто превосходит другие артефакты.

В ходе подготовки планшетной выставки «Кто идет выручать Ленинград?» в Нижегородском музее-заповеднике был проведен анализ фондов, относящихся к периоду эвакуации ленинградских детей и организации их жизни в Горьковской области в период с 1942 по 1945 гг., которая началась 28 мая 1942 г. с телеграммы Горьковского облисполкома председателям районных Советов о подготовке к приему детей, эвакуированных из г. Ленинграда [17, с. 89]. Были выявлены новые информационные темы, которые впоследствии были включены в экспозиционный ряд планшетной выставки. В фондах хранятся два архива: Малопицкого детского дома в Дальнеконстантиновском районе и Детского дома №57 в с. Сосновка Сергачского района Горьковской области.

Наиболее полно отражает историю эвакуации и жизни детей в Горьковской области личный архив Елен

это

документы, относящиеся к событиям, связанным с организацией жизни эвакуированных ленинградских детей и помощи, которую оказала Горьковская область ленинградцам в годы войны. Он включает в себя разные документы, которые можно разделить на несколько блоков: мемориальные предметы, документы, фотографии, рисунки, альбомы, письма, газетные публикации, грамота. Каждый предмет или документ позволяет с неформальной стороны раскрыть тему войны, блокады, детских трагедий, помощи горьковчан. Сухие сведения о привезенных в Горьковскую область ленинградских детях представлены в этих материалах как личные истории. Благодаря им стало возможным раскрыть разные стороны этих событий: от формирования детских домов, устройства их жизни и быта до организации досуга воспитанников. Частные документы архива переплетаются с официальными материалами: распоряжениями и постановлениями государственных структур – и отражают реальное исполнение и внедрение в жизнь тех или иных решений.

Первая группа – это документы, которые дают представление о том, как дети попадали в детские дома и какой была жизнь в осажденном городе. Первый документ – акт на девочку Галю Неизвестную, которая была найдена 24.05.1942 г. на лестнице ленинградского дома без документов и о себе знала, что ее зовут Галя. В акте подробно описано, во что была одета девочка, но, к сожалению, никаких личных данных не было найдено, также не зафиксировано наличие продуктовых карточек, которые были жизненно необходимы. Еще одно сохранившееся свидетельство времени – конверт, в котором хранились документы Владимира Сукура, сданного в детский дом соседкой, так как он остался сиротой. Примечательно, что, кроме личных данных о мальчике – дате рождения и адресе, указано количество погашенных карточек на разные группы продуктов, но не указаны ни имена родителей, ни как они погибли. Это говорит о том, что главным было наличие продовольственных карточек, по которым они могли получать продукты, остальные вопросы отходили на второй план. В числе документов архива находятся и сами продовольственные карточки, с которыми приехали дети. Они относятся к третьей декаде мая 1942 г. и предназначаются для получения 300 граммов хлеба, сахара и масла. Эти документы рассказывают о том, как тяжело было пережить первую голодную зиму, как много было потерь, как родители стремились сделать все, чтобы сохранить жизнь своих детей.

Следующая группа документов относится к организации жизни детского дома. Сюда входит список усыновленных ленинградских детей, привезенных в Малопицкий детский дом, график поступления продуктов от колхозов, альбом с фотографиями детей и сотрудников детского дома.

Многие дети прибыли в с. Малая Пица Дальнеконстантиновского района уже полными сиротами, поэтому ставилась задача, в соответствии с Постановлением №75 СНК СССР об устройстве детей, оставшихся без

родителей от 23 января 1942 г., о «патронировании» детей в семьях [1, с. 115]. Бухгалтером детского дома Джесси Юлиевной Никитиной, ленинградкой, приехавшей вместе с детьми, сделаны восемь записей с 1943 по 1944 гг., в список занесены данные детей, которые были усыновлены. Из восьми детей двое уехали в г. Горький (Сормово и Тобольские казармы), а шестеро детей стали жителями Дальнеконстантиновского района. Из материалов к отчету Горьковского обкома ВКП(б) о работе и состоянии детских домов и интернатов области от ноября 1943 г. мы узнаем, что по области было усыновлено 453 ребенка, под опекой было 185 детей и 1364 патронируемых [1, с. 84].

Важным свидетельством помощи местных колхозов Малопицкому детскому дому является документ «Сведения о полученных продуктах из колхозов с июля 1944 по январь 1945 г.». Из него мы получаем важную информацию о количестве колхозов в районе, их названиях, а главное, о продуктах и их количестве, которые они поставляли в столовую детского дома. Всего в документе записано 16 колхозов, которые во втором полугодии 1944 г. поставили: ржи – 186 кг; пшеницы – 20 кг; проса – 30 кг; муки ржаной – 677 кг; муки пшеничной – 114 кг; масла животного – 5,5 кг; мяса – 138, 5 кг; картофеля – 550 кг; капусты – 785 кг; помидоры – 170 кг; яиц – 33 шт.; моркови – 440 кг; гороха – 96 кг; шерсти – 3 кг. Стоит отметить, что с целью улучшения питания в ленинградских детских домах и укрепления материальной базы 23 января 1943 г. Горьковский обком ВКП(б) принял постановление, по которому районные комитеты партии и исполкомы райсоветов, земельные отделы должны были выделить детским домам и интернатам земельные участки из расчета не менее 10 га на 100 воспитанников, оказать необходимую помощь тягловой силой, сельхозинвентарем и семенами. Областному земельному отделу и исполкомам райсоветов было предложено закупить в колхозах для подсобного хозяйства каждого детского дома-интерната по 3–5 голов крупного рогатого скота, от 10 до 20 голов поросят и свиноматок [17, с.12]. Эти меры дали свои результаты, и в 1943-1944 гг. положение детских домов улучшилось. Они были уже не так зависимы от поставок из областных и колхозных фондов. В опубликованных отчетах Горьковского обкома ВКП(б) о работе и состоянии детских домов Малопицкий детский дом не числился в отстающих по организации питания и медицинского обслуживания детей.

Еще одним неофициальным документом, рассказывающим о повседневной жизни детей, является альбом с фотографиями воспитанников, персонала и сценами повседневных занятий. Благодаря этому документу, мы знаем имена работников детского дома и можем увидеть их лица. В альбоме представлены воспитатели, многие из которых были эвакуированы с детьми: Т.И. Толпиго, Рейконен, О.И. Ишкова, Ц.Е. Соркина, Воробьева, старшая пионервожатая М.Г. Фомичева, музыкальный работник В.Кузьмичев, медсестра Квашнина. Кроме основного персонала, не были забыты: нянечки К.М. Антонова, Софронова; Квашина; прачка Давиденко; кухонные работники Федорова, Артемьева; портниха Ненашева. Представлены фотографии некоторых воспитанников детского дома: Коли Мазо, Жени Антоновой, Тони Разумовой, Тамары Любимовой, Аркадия Давиденко, Вали Кутузова, Люси

Соколовой, Симы Бычковой и Тамары Давыдовой, умершей от туберкулеза легких в больнице в возрасте 15 лет в 1945 г. [1, с. 63]. Также в альбоме есть фотографии, которые рассказывают о повседневной жизни дома: дети играют в игрушки в спальне, девочки на прогулке, здание детского дома в с. Малая Пица, групповой снимок детей, зимний снимок на санях.

13 мая 1943 г. бюро Горьковского обкома ВКП(б) приняло постановление «Об усилении воспитательной работы среди детей и о мерах предупреждения безнадзорности и беспризорности» [17, с. 14], в котором особое внимание уделялось созданию уюта и тепла в помещениях, где жили ленинградские дети, а также организации досуга. В Малопицком детском доме эта работа была организована хорошо: ребята декламировали стихи, разучивали с воспитателями песни и танцы, шили игрушки, создавали гербарии. В фондах музея хранятся рисунки воспитанников: «Карандашница» Латухина и «Цветок шиповника» с натуры Бесакова. Сохранился альбом-гербарий, составленный детьми под руководством воспитателя Е.Е. Тучиной в 1943 г. Несмотря на время, цветы в альбоме сохранили свой цвет. Цветочные композиции гербария оформлены букетами, расставленными в вазы, которые нарисованы на листах альбома. Также были составлены и переданы музею еще несколько альбомов: «5 лет пионерской организации Мало-Пицкого детского дома», «Комсомол в Великой Отечественной войне», тетрадь «250 лет Ленинграду».

Самый интересный документ в архиве – воспоминания Елены Васильевны Кузьмичевой, написанные ею не ранее августа 1948 г. Е.В. Кузьмичева работала директором детского дома с октября 1942 г. до его закрытия в 1959 г. В своих воспоминаниях она писала о трудностях, с которыми сталкивались сотрудники, о маленьких и больших радостях детского дома. Елена Васильевна стала второй матерью для своих воспитанников. Уехав из детского дома в разные уголки страны, они поздравляли ее с праздниками, писали письма, в которых рассказывали о жизни, семье, делились успехами и радостями, просили совета. Она всем отвечала, посылала денежные переводы, посылки. Это подтверждает еще одна большая и информативная группа документов – письма. Есть личное письмо Е.В. Кузьмичевой от ее мужа М.И. Кузьмичева из госпиталя от 24 мая 1944 г. и письмо от воспитанников детского дома ему на фронт. Большая группа писем от воспитанников детского дома после их отъезда на учебу в Горький, Ленинград, другие города страны. В архиве представлены письма от В.Б. Грезе, В.Сукура, Хелены Виртанен, В.Куликова, Н.Моряковой, Р.Шелиной, К.Шаленого. Есть письма благодарности от родителей детей: отца Г.Ципелева, матери В.Балашова. Среди писем выделяется поздравление с днем рождения Е.В. Кузьмичевой от 21 мая 1944 г. от работников Ленинградского детского дома №51.

Заместитель председателя Ленинградского горисполкома Е.Т. Федорова и заведующий Ленинградским горно П.Е. Никитин от имени Ленгорсовета попросили представить список горьковчан для награждения правительственными наградами. В июле 1945 г. список, включавший 127 фамилий, был рассмотрен на бюро Горьковского обкома ВКП(б), подписан и направлен в Ленгорсовет. В фондах музея хранится Грамота, выданная А.Г.

Фомичеву, заместителю председателя Дальнеконстантиновского райисполкома, от исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся за проявленную заботу и повседневную помощь эвакуированным ленинградским детским домам [1, с. 198]. Е.В. Кузьмичева также была награждена, ее имя есть в списке работников Горьковской области, представленных к правительственной награде за отличную работу по обслуживанию детей города Ленинграда, эвакуированных в Горьковскую область в 1946 г. [17, с. 152].

Ленинградских детей, не достигших 14 лет и оставшихся без родителей, по решению правительства оставили в Горьковской области. Для них организовали 4 специализированных детских дома на 400 человек, в том числе Малопицкий детский дом Дальнеконстантиновского района. Дата образования Малопицкого детского дома – 29 июля 1942 г. – с 1967 г. стала днем встречи бывших воспитанников. Каждые пять лет они собирались в с. Малая Пица, создавался оргкомитет, занимавшийся подготовкой встречи, рассылались приглашения. Они приезжали и одни, и с семьями в места, ставшие им родными, и с благодарностью вспоминали Дальнеконстантиновский район и его жителей, отдававших им свое тепло, окружавших заботой и лаской в военные годы. Сохранились фотографии участников встреч: на могиле Тамары Давыдовой, у памятника, установленного в 1973 г. в память о ленинградском детском доме с надписью: «Здесь, в селе Малая Пица во время Великой Отечественной войны в 1942-1945 годах жили дети героического города Ленинграда». Последняя встреча при жизни Елены Васильевны состоялась в июле 1992 г., на следующий год ей исполнилось 90 лет, а 10 сентября 1995 г. ее не стало.

В архиве хранятся и вырезки из газет с тринадцатью статьями Е.В. Кузьмичевой, которые она написала в 1967 г. В них она вспоминает интересные случаи из жизни детского дома. В первой публикации цикла, приуроченного к первому слету бывших воспитанников, в статье «Забота Родины» [4, с. 4] описаны события 29 июля 1942 года, когда во двор Малопицкой школы въехали 60 подвод и 20 автомашин, которые привезли двести маленьких ленинградцев. С этого дня школа стала для них вторым домом. В следующей публикации «За жизнь детей» [5, с. 4] Е.В. Кузьмичева рассказала о том, как было трудно выходить больных детей. Прибыли они из Ленинграда с очень серьезными заболеваниями: туберкулезом, чесоткой, доходящей до волдырей, дистрофией, проблемами с пищеварением. Используя те медикаменты, которые были доступны, работники детского дома, выходили почти всех детей. Умерли только два ребенка – Юра Окунев и Тамара Давыдова.

В статьях «Руки золотые» [6, с. 4] и «Своими руками» [12, с. 4] говорится о творческих занятиях для детей, что отвлекали их от тяжелых воспоминаний. В статье приведен маленький эпизод: «Сохранилась у меня до сих пор самодельная брошка того времени. Крошечный кусочек картона, обтянутый материей, на которой вышита корзиночка. Из маленьких лоскутков разного цвета сделаны цветы в этой корзиночке. Получилось очень красиво». Сегодня эта брошь хранится в нашем музее. Также мы узнаем подробности проведения в

г. Горьком областной олимпиады детского творчества в феврале 1943 г. [1, с. 298].

Из статьи «Мы в ЗАГС поехали» [9, с. 4] мы узнаем о том, как дети, которых не нашли родственники, получили свои новые имена и фамилии. Перед поступлением в школу в загсе Дальнеконстантиновского района были оформлены документы, и детям были даны полные имена, отчества, если никаких данных не было – и фамилии. Мы узнаем о судьбе маленькой девочки Гали Неизвестной, которую подобрали на лестнице в блокадном Ленинграде. Несмотря на потерю родных, она была спокойной, уравновешенной, трудолюбивой девочкой, повзрослев, вышла замуж и создала свою семью.

В статье «Наши земляки» [8, с. 4] описана судьба Евы Савельевой (1939 г.р.), которая была усыновлена семьей из с. Бакшеева. Девочка была взята на воспитание в семью свекрови и невестки, которые потеряли сына и мужа на войне, но через некоторое время выяснилось, что нашлась родная дочь невестки, и Ева была передана в новую семью. Она выросла, окончила медицинское училище, работала медсестрой в Дальнем Константинове и стала мамой четверых детей.

«На базу ОБЛОНО» [10, с. 4] – эта статья рассказывает о сложностях с получением и доставкой в детский дом необходимых вещей. Своего транспорта, кроме норовистой лошади, не было, поэтому до Горького и обратно путь был нелегкий. Как всегда, на помощь приходили простые советские люди, которые помогали хранить вещи, забраться в переполненный поезд, довести полученный груз до детского дома. Это маленькие, но важные примеры человеческого отношения и взаимопомощи, проявленной горьковчанами в войну. В статьях: «Дружина юных пожарников» [7, с. 4], «О том, как “ваши” становятся “нашими”» [11, с. 4], «Вспомните, дети...» [13, с. 4] – описываются повседневные дела и заботы, связанные с воспитанием и ежедневными делами детей. Несколько публикаций: «Письмо – “маме”» [3, с. 4], «И собралась семья» [15, с. 3] – посвящены встрече выпускников детского дома в 1967 г., а статья «Памятный день» [14, с. 4] относится к послевоенным событиям, когда в 1948 г. Н.А. Вознесенский, член Политбюро ЦК КПСС, на полученную за книгу Государственную премию купил подарки для Малопицкого детского дома.

Дополняют коллекцию Е.В. Кузьмичевой предметы, сохраненные с военного времени. В фондах музея хранятся платье и кофточка, сшитые воспитанниками детского дома, скатерть, самодельная брошь «Корзина цветов» и деревянная ложка.

Второй архив, посвященный эвакуации ленинградских детей, рассказывает о жизни Детского дома №57 в с. Сосновка Сергачского района. К этой группе относятся только фотодокументы: альбом с вклеенными фотографиями, относящимися к 1943 г. Фотографии фиксируют разные аспекты жизни детского дома: здание дома до оформления спален девочек и мальчиков, занятия в швейной мастерской, сельскохозяйственные работы на приусадебном участке, работа кухни, столовой. Есть в альбоме групповые фотографии детей: 1-я и 2-я младшие группы, средняя группа, старшая группа детей. К сожалению, в архиве 57 детского дома нет документов, писем, воспоминаний и предметов.

В фондах Нижегородского музея-заповедника хранится небольшая, но очень содержательная коллекция, относящаяся к блокаде Ленинграда и эвакуации ленинградских детей в Горьковскую область. Она дает полное представление о приеме детей, борьбе за их жизнь, организации быта, воспитания, развития детей. Данные документы – важный источник информации о событиях Великой Отечественной войны, преступлениях фашизма и подвиге горьковчан.

Литература:

1. Всеми силами помочь ленинградцам...: сборник документов/сост. М.А. Марченко. – Нижний Новгород: ЦАНО, 2020, 277 с.
2. Детство, опаленное войной: сборник документов/сост. М.А. Марченко. – Нижний Новгород: Центр. Архив Нижегород. обл., 2015, 509 с.
3. Кузьмичева Е.В. Письмо – «маме» / Лида Гаврилова; Володя Тучин. // Советская деревня. – 1967. № 51. С.4.
4. Кузьмичева Е.В. Забота Родины. // Советская деревня. – 1967. №54. С.4.
5. Кузьмичева Е. В. За жизнь детей. // Советская деревня. – 1967. № 55. С. 4.
6. Кузьмичева Е.В. Руки золотые. // Советская деревня. – 1967. № 59. С. 4.
7. Кузьмичева Е.В. О том, как «ваши» становятся «нашими». // Советская деревня. – 1967. № 63. С. 4.
8. Кузьмичева Е.В. Наши земляки. // Советская деревня. – 1967. № 65. С. 4.
9. Кузьмичева Е.В. Мы в ЗАГС поехали. // Советская деревня. – 1967. № 69. С. 4.
10. Кузьмичева Е.В. На базу ОБЛОНО. // Советская деревня. – 1967. – № 74. С. 4.
11. Кузьмичева Е.В. Дружина юных пожарников. // Советская деревня. 1967. – № 77. С. 4.
12. Кузьмичева Е.В. Своими руками. // Советская деревня. – 1967. № 81. С. 4.
13. Кузьмичева Е.В. Вспомните, дети. // Советская деревня. – 1967. № 88. С. 4.
14. Кузьмичева Е.В. Памятный день. // Советская деревня. – 1967. №84. С. 4.
15. Кузьмичева Е.В. И собралась семья. // Советская деревня. – 1967. № 92. С. 3.
16. Лотман Ю.М. Биография как искусство. – 1980. <http://arzamas.academy/materials/2388> (Дата обращения 02.02.2024).
17. Мы с тобой, Ленинград! (К 70-летию снятия блокады Ленинграда): сборник документов/сост. М.А. Марченко. – Нижний Новгород: Центр. архив Нижегород. обл., 2014, 224 с.

УДК 908(470.341)

ГРНТИ 03.81.99

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ГРУППОВЫЕ ПРОГУЛКИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА

*Ладыкова О.В.
библиотекарь МБУК «ЦБС г.Балахна» ф.24
Нижегородская обл.
E-mail: olgaladikova@mail.ru*

Аннотация. В тексте представлен рассказ о групповых краеведческих прогулках, которые были организованы поселковой библиотекой как для

взрослых, так и для детей. Они включают знакомство с улицами, окрестностями, старыми и новыми объектами, важными для жителей. Также во время прогулок участники слушают рассказы о различных событиях в поселке, благодаря которым появились интересные объекты, такие, например, как парк или стадион, об интересных и красивых местах – пруд, сквер у Обелиска, о судьбах людей, прославивших свою «малую родину» трудовыми достижениями или военными подвигами, это В.Г. Рязанов, А.М. Скосырев и другие. Во время прогулок возникают диалоги, и совместные размышления о важности и значимости тех или иных событий для жизни людей в этом поселении. Частью этих прогулок является работа с книгами, обращение к содержанию которых помогает лучше представить страницы истории и поселка и региона и всей нашей большой страны.

Ключевые слова. Большое Козино, прогулки, рассказ, диалоги, исторические места, краеведение, герои, важные события, книги.

ORGANIZED GROUP WALKS AS AN OPPORTUNITY TO LEARN ABOUT THE HISTORY OF THE VILLAGE

*O.V. Ladikova,
“Librarian of the Balakhna Central Library, Branch No. 24”,
Nizhny Novgorod Region
E-mail: olgaladikova@mail.ru*

Abstract. *The text presents an account of group local history walks organized by the settlement library for both adults and children. They include familiarization with streets, neighborhoods, old and new objects important to residents. Also during the walks participants listen to stories about various events in the settlement, thanks to which interesting objects, such as a park or a stadium, appeared, about interesting and beautiful places – a pond, a square near the Obelisk, about the fates of people who glorified their “small motherland” by labor achievements or military exploits. V.P. Ryazanov, A.M. Skosyrev and others. During the walks there are dialogs, and joint reflections on the importance and significance of these or those events for the life of people in this settlement. Part of these walks is work with books, reference to the content of which helps to better visualize the pages of history of the settlement, the region and our entire country.*

Keywords. *Bolshoye Kozino, walks, story, dialogues, historical places, local lore, heroes, important events, books.*

Среди базовых потребностей человека есть такие, как уважение, самоуважение, потребность принадлежности к группе, к сообществу. Думается, что знание истории своего края, биографий людей, которые жили раньше и живут сейчас с нами рядом, тех, что сделали что-то полезное для других, что-то доброе и важное, помогает почувствовать себя частью этого регионального сообщества, укрепляет желание «причислить» себя к нему.

По просьбам организаторов школьных лагерей дневного пребывания в каникулы для школьников, по просьбам очень давно живущих в поселке жителей для них и для их детей мы организовали более двух десятков (бесплатных) прогулок по поселку с целью представить значимые места, а главное – рассказать о замечательных жителях, многих из которых мы знаем или лично, или знаем их родственников, друзей, одноклассников и т.д.

Наши совместные прогулки по поселку позволяют нам на примере жизни конкретных людей обмениваться мнениями, выражать свое отношение к тем или иным событиям в истории страны, региона, поселка и к поступкам людей, живших в поселке в разные годы.

Мы знакомимся с сохранившимися зданиями, жилыми домами и другими постройками, которые можно, пусть и без официального статуса, отнести к нашему материальному наследию, а в связи с этим и рассуждать всем вместе о духовном наследии предшествующих поколений. Конечно, используем и имеющиеся в нашем распоряжении фотографии тех зданий, которые раньше стояли на старых улицах, если это необходимо для рассказа, или прежнего их вида.

Прогулки позволяют способствовать укреплению чувства принадлежности к родным местам, к поколениям земляков, особенно если в рассказе о тех или иных событиях приходится обращаться к примеру жизни присутствующих на прогулке, их соседей, знакомых, а порой и родственников. Это работает на развитие чувства региональной идентичности.

Важно понимать, что не где-то далеко, а именно здесь жили, закончили школу, работали люди, добившиеся признанных трудовых достижений, совершивших ратные, нравственные подвиги во имя значимой цели, во имя страны, своих земляков. К счастью, примеров у нас в Большом Козине много.

Появляется понимание того, чем обусловлены те или иные предпочтения людей, их профессиональные, политические и иные важные жизненные выборы.

В процессе прогулок участники узнают порой уже вышедшие из широкого употребления старые названия тех или иных мест в поселке, поговорки, выражения и особенности речи жителей.

В.А. Сухомлинский говорил: «Любовь к Отчизне и любовь к людям – это два быстрых потока, которые, сливаясь, образуют могучую реку патриотизма».

Знакомство с судьбами людей, которые жили здесь же, учились в той же школе, может способствовать созданию стимулов для развития мотивации общественной деятельности.

Среди объектов, что мы посещаем, немало зданий и жилых домов, которым более ста лет. Прежде всего, это очень красивый храм во имя Архистратига Божия Михаила, построенный в 1801 году и освященный в 1807 году. С конца девяностых годов двадцатого века – это объект культурного наследия. Дом, в котором сейчас размещаются почта и музыкальная школа, в прошлом было зданием волостной управы с расположенной на втором этаже школой для девочек. Ему более ста пятидесяти лет. Совсем рядом находится дом, в котором родился революционер, очень успешный советский экономист, в

начале 20-х годов двадцатого века работавший управляющим Нижегородским отделением Государственного банка, получивший почетное прозвище «красного банкира», – Скосырев Александр Матвеевич.

Недалеко стоит здание, построенное в 80-е годы девятнадцатого века, в котором располагалась в течение четверти века школа для мальчиков. Показываем фотографию деревянного здания школы (ныне разрушенного), построенной как земская в самом начале двадцатого века по проекту Павла Петровича Малиновского.

Рассказываем о директорах и педагогах, среди которых было немало замечательных людей. А затем о некоторых из ее выпускников, а это и рабочие-орденоносцы, и ученые, и те, кто совершал подвиги в годы войны.

Отдельно рассказываем историю здания, которое еще сейчас «работает» в поселке «домом культуры» и построено в пятидесятые годы девятнадцатого века, в свое время побывавшего кабаком, затем гранатной мастерской, рабочим клубом и т.д.

Небольшое кирпичное здание, бывшее несколько десятков лет поселковой библиотекой, было построено в начале двадцатого века как «механические сараи» уволенными после революционных событий в 1905 году козинскими «мужиками», рабочими Сормовского завода, где они, чтобы не просить милостыню, делали сельхозинвентарь и продавали его (очень успешно).

Бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Рязанова Василия Георгиевича, уроженца нашего поселка, генерала-лейтенанта авиации, установлен в поселке на улице Большешкольной в 1953 году. Он выполнен известными советскими скульпторами Львом Ефимовичем Кербелем и Владимиром Ефимовичем Цигалем и является объектом культурного наследия.

В 1965 году на площади, недалеко от здания Большекозинского территориального отдела администрации, там, где до пятидесятых годов двадцатого века сажали картошку, насыпан рукотворный холм, на котором установлен стальной корпус Обелиска погибшим в годы Великой Отечественной войны землякам, сваренный на заводе «Красное Сормово» под руководством Германа Николаевича Панышина, уроженца нашего поселка, по проекту также жителя поселка Трусова Виктора Павловича.

Это только небольшой перечень объектов, которые становились поводом для наших прогулок. В зависимости от интереса аудитории, мы иногда показываем и рассказываем гораздо больше. У нас есть уроженцы поселка, выпускники нашей школы – ученые, ставшие и академиками, и «заслуженными деятелями науки», получившие признание в научной среде других стран, лауреаты Государственных премий, писатели и поэты, художники и архитекторы, военные, и летчики, и моряки, воины, принимавшие участие в Великой Отечественной войне и в военных событиях в «горячих точках». Рассказ о них, как правило, вызывает интерес у представителей самых разных возрастных групп.

Среди уроженцев и жителей нашего поселка не один десяток людей рабочих профессий, которые трудились на предприятиях Нижнего Новгорода, прежде всего – на заводе «Красное Сормово», авиационном и

машиностроительном заводах. Они были награждены орденами и медалями, получили различные почетные звания за свои высокие трудовые достижения. Они также – герои рассказов и небольших дискуссий на наших прогулках.

Особое внимание во время прогулок мы уделяем нашим необычайно красивым местам, а они у нас разнообразны. Это и парк, посаженный в начале двадцатого века жителями, маленькая дубрава, большой и красивый пруд, кстати, одно из первых подобных гидротехнических сооружений Нижегородской области, ему более ста пятидесяти лет. Когда-то он был необходим и для изготовления кирпича, который делали рядом с поселком, в деревне Костенево, и для мельниц, расположенных также рядом с поселком примерно сто – сто пятьдесят лет назад.

По инициативе жителей на месте некоторых особо значимых в истории поселка событий установлены памятные камни, каждый в память о том или ином героическом и трагическом событии, маленькой частичке большой истории страны.

Стараемся всю предлагаемую информацию, если есть возможность, связать со справочной, краеведческой, исторической и культурологической литературой, т.е. берем с собой книги и что-то зачитываем, показываем иллюстрации к рассказу: рисунки, схемы, таблицы. Это привлекает внимание и к книгам, и к козинским историям. Знакомим и с материалом периодической печати. Все это для того, чтобы, может быть, таким образом способствовать формированию мотивации на чтение краеведческой и иной литературы.

В целом получаются приблизительно двухчасовые прогулки для взрослых и часовые для детей, после которых у присутствующих возникает немало вопросов и планов на самостоятельный поиск.

Подводя некоторые итоги этих встреч, хочется отметить, что большинство участников приходили не по одному разу, почти все участвовали в диалогах и совместных размышлениях, делились знаниями, много спрашивали, и, что очень важно, между ними возникло некое содружество. Нередко просили рассказать поподробнее о том или ином событии или человеке. Мы обошли почти половину улиц, т.е. около тридцати, и автору кажется, что такие встречи и прогулки – одна из важных молекул процесса социализации личности.

УДК 908(470.341)

ГРНТИ 03.81.99

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБА «ДЕНЬ КРАЕВЕДА»

Садовская М.В.

Клуб «День краеведа»

Нижегородская обл. пос. Большое Козино

E-mail: m_sadovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты литературно-краеведческих исследований клуба «День краеведа» поселка Большое Козино.

Среди них – судьба и творчество журналиста, писателя, поэта, сценариста киностудии «Мосфильм» А.П. Филатова. Также рассматриваются страницы «Еврейских тетрадей» Липы Грузмана, посвященные поселку Большое Козино и краеведческие исследования на эту тему. Описана поисковая работа, проведенная по статье В.Андрюхина «Ушли и не вернулись...» о солдатах, пропавших без вести в Афганистане, одним из которых является уроженец поселка Большое Козино Ю.Е. Кукушкин. Приводится описание литературно-краеведческого семинара «Солнцу и ветру навстречу», где рассказывалось о юбилее книги Л.А. Рязанова «Когда клуб отдан молодым», об иллюстрациях С.В. Рязановой к книгам Л.А. Рязанова, о творчестве поэтессы М.К. Рождественской и писателя Г.В. Воронина. Показаны результаты поисковой работы клуба, связанной с судьбой и творчеством К.Я. Баранова, одним из направлений деятельности которого было иллюстрирование книг, о сотрудничестве в этой работе с искусствоведом С.С. Акимовым и руководителем сектора Музей книги Нижегородской областной библиотеки Н.А. Кустовой.

Ключевые слова. *Большое Козино, клуб «День краеведа», литературное краеведение, Аркадий Филатов, Липа Грузман, Вадим Андрюхин, Юрий Кукушкин, Леонид Рязанов, Светлана Рязанова, Муза Рождественская, Геннадий Воронин, Константин Баранов, Сергей Акимов, Нина Кустова.*

LITERARY LOCAL LORE AS ONE OF THE ACTIVITIES OF THE “LOCAL HISTORIAN DAY” CLUB

*M.V. Sadovskaya,
“Local Historian Day” Club, Bolshoe Kozino,
Nizhny Novgorod Region
E-mail: m_sadovskaya@mail.ru*

Abstract. *The paper presents the results of literary and local history research of the “Local Historian Day” in the village of Bolshoye Kozino. Among them, there is a fate and creativity of journalist, writer, poet, screenwriter of the movie studio “Mosfilm” A.P. Filatov. The pages of Lipa Gruzman's “Jewish Notebooks” devoted to the village of Bolshoye Kozino and local lore research on this topic are also considered. The search work conducted on the article by V.Andryukhin “Gone and did not return...” about the soldiers missing in Afghanistan, one of whom is a native of the village of Bolshoye Kozino Y.E. Kukushkin, is described. The description of the literary and local history seminar “Toward the Sun and the Wind” is given, where it was told about the anniversary of L.A. Ryazanov's book “When the club is given to the young”, about S.V. Ryazanova's illustrations to L.A.Ryazanov's books, about the work of poetess M.K. Rozhdestvenskaya and writer G.V. Voronin. The results of the search work of the club related to the fate and creativity of K.Y. Baranov, one of the activities of which was illustrating books, about cooperation in this work with the art historian S.S. Akimov and the head of the sector of the Museum of the Book of Nizhny Novgorod Regional Library N.A. Kustova.*

Keywords. *Bolshoye Kozino, "Local Historian Day" Club, literary local lore, Arkady Filatov, Lipa Gruzman, Vadim Andryukhin, Yuri Kukushkin, Leonid Ryazanov, Svetlana Ryazanova, Muse Rozhdestvenskaya, Gennady Voronin, Konstantin Baranov, Sergey Akimov, Nina Kustova.*

Поселок Большое Козино – рабочий поселок, ближний пригород Нижнего Новгорода, имеет богатую историю и культуру. Клуб «День краеведа», объединяющий жителей поселка старшего возраста, проводит небольшие исследования на основе воспоминаний жителей поселка, их личных архивов, а также путем исследования различных документов и литературы. Темы литературно-краеведческих исследований возникают чаще всего спонтанно, а иногда диктуются запросами дня и связаны с юбилейными датами.

Филатов Аркадий Павлович (1938-2021) – мой троюродный брат и тема моего первого литературно-краеведческого поиска. Хотя я с ним лично не знакома, но всегда знала, что в Харькове живет сын маминой двоюродной сестры. Я решила поискать его через Интернет. И вот что нашла.

Филатов Аркадий Павлович родился в г. Дзержинске Горьковской области (1938). Окончил физико-математический факультет Харьковского университета (1960); кандидат физико-математических наук (1971). Автор двух десятков книг, публикаций в журналах «Юность», «Знамя», «Континент», «Синтаксис», «Нева», «Звезда», «Заря Востока», «Волга», «Урал». Писал сценарии для кинофильмов, отмечен премиями Московского (1980), Ташкентского (1981), Филиппинского (1981) и Рейкьявикского (1981) кинофестивалей за сценарий фильма «Великий самоед». Писал песни в содружестве с композиторами Б.Мокроусовым, Е.Дога, А.Шнитке, Л.Пугачевым, Ю.Ершовым, Ю.Севастьяновым. Переводил поэзию с болгарского, испанского, словацкого, украинского языков. Стихи Филатова переведены на английский, болгарский, грузинский, казахский, немецкий, польский, словацкий, украинский, французский, чешский языки [1].

Образование высшее. Физик. В течение 10 лет работал преподавателем в Харьковском высшем командном инженерном училище. Потом стал заниматься литературой. На данный момент имеет 50 изданных книг – стихи, проза, сценарии [3].

Хотя он родился в Дзержинске, а большую часть жизни прожил в Харькове и в Москве, я считаю его нашим земляком, поскольку корни у него глубоко в козинской земле. Его бабушка, Ксения Степановна Седова (Галанина) – родная сестра моего деда и до старости прожила в Большом Козине. Только болезнь ее мужа заставила их переехать в Харьков к дочери, Татьяне Григорьевне. Татьяна Григорьевна родилась и выросла в нашем поселке и потом часто приезжала к матери и привозила, конечно, с собой детей. Соседка Галаниных Нина Алексеевна Воробьева вспоминала, что Татьяна Григорьевна (в замужестве Филатова) всегда организовывала для детей интересные развлечения. Например, во дворе дома натягивалась веревка, на нее вешалась занавеска и начинался кукольный спектакль. Объявления об этом спектакле расклеивались заранее. Нина Алексеевна вспоминает, что она один раз

схулиганила и сорвала объявление. Татьяна Григорьевна ее строго отчитала. Другим развлечением для детей был показ диафильмов. Аркадий Павлович жил здесь, был непосредственным участником всех этих развлечений. Аркадий Павлович неоднократно бывал в поселке, уже будучи взрослым. О своей бабушке он рассказывал журналистам как о человеке, приучившем его к поэзии.

«В культурном пространстве Харькова Аркадий Филатов занимает особое, если не сказать, уникальное место. Ведь он один из тех немногих деятелей искусства, кому удалось полностью реализоваться в нескольких совершенно несхожих эпохах. Причём ни с одной из них он, по сути дела, не пошёл на компромисс, всегда находя возможность оставаться самим собой, блестяще преодолевая любые запреты, ограничения, тупики. Он один из тех, кого профессионалом называют не по диплому, а по призванию. Человек, чьё имя в литературных и театральных кругах, и не только в Харькове, воспринимается с огромным уважением и почитаемо за честность и прямоту».

С 1968 года А.П. Филатов – журналист только что созданной газеты «Вечерний Харьков». Но через три года ему пришлось уйти из газеты из-за того, что он послал посылку с тёплой одеждой писателю Юлию Даниэлю, осужденному за антисоветскую агитацию, в лагерь в Мордовию.

С 1980 г. А.П. Филатов пишет сценарии к кинофильмам. Первый сценарий был написан по книге «Северные дневники» Юрия Казакова для фильма «Великий самоед», снятого режиссером Аркадием Кордоном в 1982 г. Сценарий фильма «Великий самоед», опубликованный в первом выпуске альманаха Госкино СССР, был признан лучшим киносценарием 1980 года. «Я догону», 14-серийный телевизионный фильм по сценарию А.П. Филатова, сняла голливудская киностудия «Коламбия пикчерз» [2].

Наш поселок, казалось бы, не примечателен ничем настолько, чтобы стать темой в литературе. Однако периодически случается его «открытие» через книги. В 2020 году такой книгой стали «Еврейские тетради» Липы Грузмана [8]. Для нас особенно интересным стал сюжет книги, действие которого разворачивается в нашем поселке. Он дает «взгляд со стороны» на те события, воспоминания о которых сохранили старожилы поселка. Автор упомянул множество деталей, о которых мы знаем из рассказов наших земляков.

Липа Грузман рассказывает о своей учительнице Н.П. Ломакиной, которая в 1942 г. после окончания Горьковского педагогического института пришла работать в Большекозинскую среднюю школу. Здесь произошла ее встреча с Ильей Быстрицким, заглянувшим в школу в поисках цветных карандашей для «Боевого листка». Илья Быстрицкий был фельдшером танковой части, стоявшей неподалеку от поселка. Липа Грузман пишет: «Недалеко от школы... располагалась воинская часть. Служили в той части танкисты. Новые танки получали с завода “Красное Сормово” и готовили к боям вместе с экипажами недалеко в лесу на танкодроме» [8, 72].

Так получилось, что танковая часть, в которой служил Илья Быстрицкий, железнодорожная станция, где проходила погрузка танков на платформы, производство танков на заводе «Красное Сормово» стали темами велопогулки «Нам дороги эти позабыть нельзя», проведенной нашим клубом «День

краеведа» в 2019 г. и посвященной 75-летию Победы и 170-летию завода «Красное Сормово».

Мы побывали там, где стояла танковая часть и где теперь установлена мемориальная доска «Здесь в годы В.О.В. формировались экипажи танков Т-34, изготовленных на заводе “Красное Сормово” для 3й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко П.С. В боях танкистов прикрывали штурмовики ИЛ-2 генерала Рязанова В.Г.». На той велопрогулке одна из ее участниц, Т.А. Баранова, рассказала о своем отце, А.П. Маленине, который сбежал из дома из деревни Зиняки за Волгой, обманул командира части, прибавив себе возраст и сказавшись сиротой, только чтобы взяли танкистом. Только перед самой отправкой на фронт сообщил командиру правду о том, что у него есть мать в деревне, и был отпущен на ночь попрощаться с ней. О судьбе нашего земляка Ю.Н. Жаркова, ушедшего на фронт с одним из экипажей этих танков, рассказал председатель Совета Ветеранов поселка Ю.И. Шигунов. Он же рассказал о В.И. Шалове, который подростком пришел работать на завод «Красное Сормово» и стал водителем танка, обкатывая машины на том танкодроме, о котором упоминает Липа Грузман. О том, как, будучи ребенком, вместе со своими друзьями наблюдал за испытаниями танков на танкодроме, рассказал Ю.А. Вяткин.

Удивительно то, что героиня «козинских страниц» Нина Панкратьевна Ломакина, судя по конверту, который представил Л.Грузман в своей книге, во время работы в Большекозинской школе жила в доме Ксении Степановны Галаниной – бабушки Аркадия Павловича Филатова [10].

Липа Грузман – известный общественный деятель, яркий представитель еврейской культуры в Нижнем Новгороде. Основная часть «Еврейских тетрадей» посвящена именно этой стороне его жизни, что понятно даже по названию. И то обстоятельство, что наш поселок органично вписался в его «еврейскую» тему вызывает огромное уважение к автору, к его мультикультурному восприятию мира. «Еврейские тетради» были представлены на нашей велопрогулке 2020 г. «Мы этой памяти верны...», где мы проехали по конкретным адресам проживания наших земляков – участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

Продолжая изучение «Еврейских тетрадей», мы обратились с вопросами к ученицам той военной поры. Т.П. Ломакину вспомнили, и Е.Е. Горева, и А.В. Пестова. А З.В. Хацкевич показала мне нашу местную газету со своей статьей [14] с фотографией, на которой есть и Нина Панкратьевна. Эта фотография привела меня к бывшей заведующей Большекозинской библиотекой Г.Ф. Прохоровой. В мае 1995 г. Галина Федоровна провела в нашей библиотеке интереснейшее мероприятие – встречу двух поколений выпускников Большекозинской школы – выпуска 1945 года и выпуска 1995 г. Выпускники 1945 г. пригласили своих учителей, и в том числе – Н.П. Ломакину. Вот что писала об этом И.Ю. Травина, классный руководитель выпуска 1995 г., в газете «Рабочая Балахна»: «...Ломакина Нина Панкратьевна, бывший военрук школы, приехала на встречу к своим бывшим ученикам из Н. Новгорода. Ее слова

о том, чтобы чаще встречались люди разных поколений, чтобы они знали друг друга, были обращены ко всем. Такие встречи сплачивают, цементируют людей, дают им заряд бодрости, особенно старшему поколению» [12].

Литературно-краеведческим событием 2021 года стала статья В. Андрюхина «Ушли и не вернулись: вспоминаем тех, кто пропал без вести на афганской войне» [6] – о нашем земляке, солдате срочной службы, без вести пропавшем в Афганистане, Ю.Е. Кукушкине. Участникам клуба «День краеведа» удалось найти тех, кто его знал. Н.Г. Утинова, жившая в соседнем доме, поделилась своими воспоминаниями о нем и его семье. Члены нашего клуба Т.Е. Арясова, И.А. Хлыбова, Н.Г. Утинова провели большую работу, собрав имеющиеся фотографии Ю.Е. Кукушкина. Им удалось связаться с его родственницей Н.Г. Мокшановой, которая хранила его документы и государственные награды, личные фотографии. Т.Г. Мокшанова передала их клубу «День краеведа», а мы решили, что они должны храниться в музее пос. Большое Козино, который является филиалом Балахнинского музея.

15 мая 2021 г. вместе с Н.Г. Мокшановой члены клуба «День краеведа» приехали в Дом Плотникова. Во встрече приняли участие директор музея М.В. Карташова и А.С. Самохвалов, начальник Управления культуры и туризма Балахнинского МО, сотрудники музея. При передаче научный руководитель клуба «День краеведа» О.В. Ладыкова сказала, что «День краеведа» передает новые экспонаты в Балахнинский музей, который является одним из лучших музеев нашей области, вносит неоценимый вклад в развитие культуры района. О.В. Буреева напомнила историю ввода советских войск в Афганистан. М.В. Садовская рассказала о статье В. Андрюхина «Ушли и не вернулись» в газете «Новое дело». О тех, кто выполнял свой воинский долг в Афганистане, и в том числе о своем однокласснике, имеющем высокие правительственные награды, А.А. Леонтьеве, рассказал А.В. Стародубцев. Он отметил, что их служба в Афганистане на десятилетия обеспечила спокойствие наших границ. Е.Н. Дедюхина учила Ю.Е. Кукушкина в школе и напомнила о том, каким он был учеником. Она прочитала стихотворение С.Щипачева «О погибших». Председатель Совета Ветеранов поселка Ю.И. Шигунов рассказал о работе Министерства обороны по поиску пропавших без вести. С.А. Кислицын, участник боевых действий в «горячих точках», который активно поддержал нас в этом мероприятии, в своем выступлении подчеркнул, что наша задача состоит в том, чтобы память о героях передавалась из поколения в поколение. Он организовал мини-выставку передаваемых экспонатов, с которыми смогли ознакомиться ученики, пришедшие на Ночь музеев. Директор Балахнинского Музея М.В. Карташова поблагодарила за ценные экспонаты и выразила надежду на дальнейшее сотрудничество.

29 октября 2023 г. клуб «День краеведа» провел очередную встречу, которая называлась «Солнцу и ветру навстречу», посвященную памяти

Леонида Александровича Рязанова, 105-й годовщине со дня основания ВЛКСМ и Году педагога и наставника. Открывая встречу, научный руководитель клуба О.В. Ладыкова напомнила о юбилее книги Л.А. Рязанова «Когда клуб отдан молодым» [9], 50-летие издания которой отмечается в 2023 г. Книга рассказывает о комсомольцах нашего поселка 1950-60-х гг., чья общественная жизнь была полна ярких событий. Один из тех, о ком рассказывает книга, Ю.И. Шигунов, на тот момент председатель комсомольско-молодежного штаба, в настоящее время – председатель Совета ветеранов поселка, присутствовал на встрече и поделился своими воспоминаниями.

О своем сотрудничестве с Л.А. Рязановым в работе над книгой о В.П. Чкалове рассказала С.В. Рязанова, преподаватель Нижегородского художественного училища, член Союза художников России. По просьбе Л.А. Рязанова Светлана Валерьевна делала реконструкцию дома дедушки В.П. Чкалова в пос. Высоково [13, с. 142]. Впоследствии С.В. Рязанова выполнила серию картин, посвященных великому летчику, одна из которых опубликована в книге «Герой № 9. О Чкалове и чкаловцах» [7, с. 121].

Еще одной темой этой встречи стало творчество известного нижегородского (горьковского) писателя Г.Г. Воронина. Заведующая сектором Музей книги Нижегородской областной научной библиотеки. Нина Александровна Кустова сделала интереснейший обзор книг Г.Г. Воронина, который несколько лет работал учителем физкультуры в нашей школе. В творчестве Геннадия Григорьевича две основных темы – война и работа советской милиции. Г.Г.Воронин – участник Великой Отечественной войны, и его книги – это часто рассказы о его друзьях и боевых товарищах. «Криминальная» тема в творчестве Г.Г. Воронина представлена несколькими произведениями, хорошо известными нашим землякам старшего поколения. Увлекательный и подробный анализ этих произведений, сделанный Ниной Александровной, вызвал у сидящих в зале волну обсуждения его творчества, и многие отметили, что книги этого автора есть в их домашних библиотеках. Среди участников нашей встречи были и те, кто помнит его преподавателем нашей школы. Например, Ю.А. Вяткин вспомнил, что Геннадий Григорьевич любил играть в футбол и всегда демонстрировал виртуозность владения мячом, умел «финтить», а З.В. Хацкевич назвала тех учителей, которые пришли в школу примерно в одно время с ним.

Еще одним героем нашей встречи стала Муза Константиновна Рождественская. Ее родители Константин Николаевич и Александра Ивановна преподавали в нашей школе и награждены орденами за свой учительский труд. Об этой замечательной женщине, учительнице, поэтессе, воине рассказала Н.В. Грачева, лично знакомая с ней. Отец Натальи Викторовны дружил со старшим братом Музы Константиновны, и Муза Константиновна с мамой часто бывали у Грачевых в гостях. Оба брата М.К. Рождественской погибли на войне, и она сама ушла воевать в

1941 г. В ее жизни был трагический момент, когда ее приговорили к расстрелу как «врага народа», но, к счастью, приговор был отменен. М.К. Рождественская была на фронте почти всю войну, а после войны работала учительницей в разных городах, в частности, в Казахстане в Дзезказгане, писала стихи, публиковалась в местной газете, участвовала в работе литературного объединения. Практически сразу после ее возвращения в Б.Козино ее стихи стала публиковать газета «Рабочая Балахна». Ю.А. Вяткин – большой поклонник ее творчества, всегда носит в футляре для очков вырезку из «Рабочей Балахны» с ее стихами, которые нам и прочитал.

Краеведческая работа иногда приводит к поразительным результатам. Нам, кажется, удалось вернуть землякам имя и творчество незаслуженно забытого художника Константина Яковлевича Баранова.

Несколько лет назад в поисковике Яндекс по запросу «Большое Козино» попала запись о Константине Яковлевиче Баранове – художнике, заслуженном деятеле искусств Казахстана, главном художнике Казахского государственного издательства, председателе Союза художников Казахстана. В ней было указано: «Родился в пос. Большое Козино». Местные краеведы и старожилы не знали о художнике, занимающем такие высокие посты и имеющем такое высокое звание.

Повторное обращение к Интернету показало статью С.П. Голиковой, заместителя директора Новосибирского художественного музея, о сибирском периоде творчества нашего земляка. Удалось поговорить со Светланой Павловной по телефону. Светлана Павловна очень тепло отнеслась к идее рассказать о К.Я. Баранове нашим землякам, особенно когда узнала, что наш клуб «День краеведа» – просто любительское объединение пожилых людей, интересующихся краеведением. Она прислала имеющуюся в музее литературу о К.Я. Баранове и посоветовала обратиться к казахстанским коллегам, потому что именно в Казахстане талант художника раскрылся в полной мере и художник много сделал для становления и развития изобразительного искусства Казахстана.

К сожалению, получить ответ из Казахстана не удалось, хотя письма были отправлены и в Совет ветеранов Казахстана (К.Я. Баранов – участник Великой Отечественной войны), и в Союз художников, и на сайты музеев. Единственное, что еще удалось найти, – это описания подвигов К.Я. Баранова в Великую Отечественную войну, за которые он был награжден орденами и медалью, на сайте «Подвиг народа».

Об этом я рассказала в 2018 г. на нашем семинаре «За Отчизну, свободу и честь!», посвященном 100-летию Красной Армии, и обратилась с просьбой к своим землякам, носящим распространенную у нас фамилию Барановы, поискать в своих родословных связи с выдающимся художником. Казалось, что поиски зашли в тупик. Но в 2020 г. после долгого ковидного карантина было разрешено проводить собрания на открытых площадках, мы собрались, чтобы вспомнить юбиляров и юбилейные даты этого года, и О.В. Ладыкова напомнила о К.Я. Баранове,

которому незадолго до этого исполнилось 110 лет. И одна из слушательниц, Н.В.Сидорова, в представленном юбиларе узнала своего родственника, «дядю Костю», который неоднократно приезжал к ним в гости. Приезжал с подарками, среди которых были и картины, но, к сожалению, они не сохранились. В родстве были их матери. Надежда Викторовна на одном из собраний рассказала об общих с художником родственниках, показала фотографии. Родственников со стороны отца К.Я. Баранова мы пока не нашли.

Информации о художнике было мало, и вместе с тем ощущалась необходимость профессионального компетентного ее анализа. В 2020 г. на выставке картин С.В. Рязановой мы познакомились с куратором выставки, искусствоведом Сергеем Сергеевичем Акимовым, рассказали ему о нашей проблеме и попросили у него профессиональной поддержки. Хотя научный интерес С.С. Акимова лежит в сфере западноевропейского искусства (и мы несколько раз слушали его великолепные лекции на эту тему), он откликнулся на нашу просьбу и проделал огромную работу, чтобы прояснить некоторые вопросы жизни и творчества художника. Через профессиональные сообщества Сергею Сергеевичу удалось связаться с коллегами из ведущих музеев России и Казахстана и узнать, что в музеях Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, за исключением Новосибирска, картин К.Я. Баранова нет, т.е. на родине художник фактически неизвестен. Большая коллекция картин К.Я. Баранова хранится в Музее искусств им. А.Кастеева Республики Казахстан, однако она не описана. В 2021 г. по нашей просьбе С.С. Акимов выступил с лекцией о судьбе и творчестве К.Я. Баранова в клубе «День краеведа». Сделанный им прекрасный искусствоведческий анализ был позднее опубликован в газете «Репортер и время». В своем выступлении Сергей Сергеевич отметил, что эта тема по-прежнему полна «белых пятен» и ждет своего исследователя [4].

Одно из этих белых пятен совершенно неожиданно было ликвидировано. Будучи в Нижегородской областной библиотеке на открытии выставки «Восток! Заря святынь, завещанных вселенной: культура и искусство мусульманского востока в фондах НГОУНБ», мы с О.В. Ладыковой, научным руководителем нашего клуба, обратили внимание, что среди других были представлены книги из Казахстана. Мы обратились к куратору выставки заведующему сектором Музей книги Н.А. Кустовой с вопросом о книгах К.Я. Баранова. Нина Александровна обещала посмотреть и проделала огромную исследовательскую библиографическую работу, просматривая различные каталоги, библиографические указатели, пристатейную библиографию, сайты различных библиотек, скрупулезно проверяя наличие нужных книг в областной библиотеке. В результате ей удалось подобрать достаточно большое количество книг для выставки «Художник книги Константин Баранов», которая была представлена в областной библиотеке, с ней ознакомились многие читатели и, в частности, сотрудники

Нижегородского государственного архитектурного музея-заповедника.

21 апреля 2023 г. клуб «День краеведа» провел семинар «Наш земляк – художник Константин Яковлевич Баранов». В этот раз Сергей Сергеевич рассказал нам о картинах К.Я. Баранова, которые находятся в Областном музее изобразительных искусств имени семьи Невзоровых в г. Семей (Казахстан). В силу разных причин картины К.Я. Баранова в настоящее время мало выставляются, и Сергей Сергеевич обратился к своим коллегам из этого музея, которые прислали электронные варианты нескольких работ художника, на основе которых Сергей Сергеевич представил уникальный материал о творчестве нашего земляка разных периодов. Знакомя нас с этими картинами, С.С. Акимов обратил наше внимание на то, что К.Я. Баранов с большим мастерством раскрывает совершенно разные темы – покорители Севера, казахские поэты, а также этнографические, индустриальные, семейные, фольклорные темы, и на то, как по-разному передает характер действующих лиц в сказках разных народов – французских, русских, казахских [5].

Продолжая тему сказок, мы прослушали несколько сибирских и казахских сказок, иллюстрированных К.Я. Барановым.

Н.А. Кустова познакомила нас с выставкой «Художник книги Константин Баранов». На ней представлены книги о нем, каталоги его произведений и книги, которые он проиллюстрировал. Существующая литература говорит о том, что при жизни К.Я. Баранов был известным художником – о нем написано несколько книг, у него было персональные юбилейные выставки, о чем свидетельствуют каталоги, имеющиеся в Областной библиотеке. Выставка дала возможность раскрыть одно из направлений его творчества – книжную иллюстрацию. Это особенно важно, поскольку картин художника в нашем городе нет. Рассказывая об иллюстрациях, Нина Александровна обращала внимание на заставки и буквицы, обложки и суперобложки, орнаменты, изображения людей, животных и птиц, пейзажи, талантливо и с большим мастерством выполненные нашим земляком [11].

Таким образом, мы видим, что даже в жизни пригородного поселка находятся интереснейшие темы для литературно-краеведческих исследований, которые клуб «День краеведа» обязательно будет продолжать.

Литература:

1. https://45parallel.net/arkadiy_filatov/
2. <https://kharkovhumanit.narod.ru/Intervu.html>
3. <https://old.za-za.net/old-index.php?menu=authors&country=ua&author=filatov>
4. Акимов С. Константин Баранов: казахстанский художник с нижегородскими корнями // Репортер и время 17 января 2022 <https://reporter-dz.ru/oblast/konstantin-baranov-kazahstanskiy-hudozhnik-s-nizhegorodskimi-korniyami>
5. Акимов С. Новое о художнике Баранове // Репортер и время 14 мая 2023 <https://reporter-dz.ru/strana/novoe-o-hudozhnike-baranove>

6. Андрюхин. В. Ушли и не вернулись: вспоминаем тех, кто пропал без вести на афганской войне// Новое дело. – 2021. – №6 (1044). –18-24 февраля
7. Герой № 9: о Чкалове и «чкаловцах»: [воспоминания, документы, интервью]. Нижний Новгород: Кварц, 2022. – 166 с.
8. Липа Грузман. Еврейские тетради. Том второй.- Нижний Новгород: Книги, 2006. – 496 с
9. Рязанов Л.А. Когда клуб отдан молодым. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1973. – 94 с.: ил.
10. Садовская М.В. Еврейские тетради Л. Грузмана и большекозинская микроистория// Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX-XX вв.: сборник научных трудов / сост. и науч.ред. Ф.А.Селезнев, отв. ред. А.А.Сорокин – Вып.3: Евреи и иудаизм в Российской империи и СССР. – М.:Эдитус, 2021.- 204 с.
11. Садовская М.В. Он возвращается// Рабочая Балахна 3 июня 2023 г.<https://vk.com/@rb1930-on-vozvraschaetsya>
12. Травина И.Ю. Встреча поколений // Рабочая Балахна. – 1995. – № 61, 25 мая
13. Федоров В.В., Рязанов Л.А. Испытано Чкаловым Документальные очерки. – Нижний Новгород: РИ «Бегемот», 2013. – 144 с
- 14.Хацкевич З.В. Давно, друзья веселые, простились мы со школою// Козинский вестник. – 2019. – № 7 (165)

ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 94(3)
ГРНТИ 03.09

ЦИЦЕРОН О КРАСОТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ VENUSTAS)

Брагова А.М.
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: bragova@lunn.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие *venustas* (красота / изящество) в трактовке Цицерона. Делается вывод о том, что чаще всего понятие обозначает красоту речи оратора. Слова *eximius, multus, subtilis* и *summa*, имеющие положительную семантику, используются при *venustas* в качестве определений. В одном контексте с *venustas* встречаются слова *natura, oratio, dignitas, vis, homo, orator, pulchritudo, ars* и др. Цицерон разделяет красоту (*pulchritudo*) на женскую (*venustas*) и мужскую (*dignitas*), т.е. *venustas* – одна из составляющих более широкого понятия *pulchritudo* и обозначает женскую красоту. Цицерон противопоставляет красоту (*venustas*) и полезность (*usus, utilitas*) в духовном плане и отождествляет их в физическом.

Ключевые слова: Цицерон, Древний Рим, *venustas*, красота, прелесть, изящество, остроумие.

CICERO ON BEAUTY (ON THE BASIS OF THE CONCEPT OF VENUSTAS)

A.Bragova
Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod
Email: bragova@lunn.ru

Abstract. The article examines the concept of *venustas* (beauty / grace) as interpreted by Cicero. It is concluded that most often the concept denotes the beauty of an oratory speech. The words *eximius, multus, subtilis* and *summa*, which have positive semantics, are used as attributes for *venustas*. In the same context with *venustas* there are words *natura, oratio, dignitas, vis, homo, orator, pulchritudo, ars, etc.* Cicero divides beauty (*pulchritudo*) into feminine (*venustas*) and masculine (*dignitas*), i.e. *venustas* is one of the components of the broader concept of *pulchritudo* and denotes female beauty. Cicero contrasts beauty (*venustas*) and utility (*usus, utilitas*) in the spiritual sense and identifies them in the physical.

Keywords: Cicero, Ancient Rome, *venustas*, beauty, charm, grace, wit.

В данной статье анализируется понятие *venustas*, употребляющееся в сочинениях Цицерона, определяется его отношение к красоте, изяществу, остроумию (*venustas*).

Есть несколько фундаментальных исследований, посвященных античным эстетическим понятиям, в том числе цicerоновскому *venustas*. В отечественной литературе нужно отметить труд А.Ф. Лосева, в котором обращается внимание на то, что «у Цицерона можно найти очень тонкие дисти́нкции красоты... Под общее наименование красоты, или прекрасного (*pulchritudo*), подходят ее различные роды, такие как “прелесть” (*venustas*) и “достоинство” (*dignitas*), имеющие явно этический оттенок (*Cic. de off.* 1.36, 130), которые в ином контексте понимаются более узко (*Cic. de off.* 1.30, 105), как “женственная прелесть” (*venustas*) и “строгая мужественная красота” (*dignitas*). Ораторский стиль, отличающийся “достоинством твердой мужественности” и “прелестью мягкой женственности”, несомненно квалифицируется с позиций стоически-римского эстетического опыта» [2, с. 567-568]. Со ссылкой на монографию П.Монтеля [5, с. 104, 120-127] А.Ф. Лосев приходит к выводу, что сочинения Цицерона занимают важное место в дискурсе об античных эстетических категориях. Что касается различия между понятиями *pulchritudo* и *venustas*, тот же исследователь замечает, что *pulchritudo* подразумевает «идею эстетической красоты, заключенную в гармоническом совершенстве» и «общую идею красоты», в то время как «*venustus, venustas* означает нечто, физически приятное для зрения, доставляющее удовольствие чувственного ощущения и утонченности»; «в отличие от *pulchritudo*, которое утверждает прочность, “совершенство”, *venustas* предполагает импульсивную, преходящую реакцию на менее завершенную красоту. Отсюда *venustas* относится скорее к женской, а не к мужской красоте, хотя и мужчина может быть утонченно-женственным» [2, с. 572; 5, с. 124]. Наконец, А.Ф. Лосев обращает внимание на соотносительность красоты и пользы в сочинениях Цицерона, на их противопоставление в духовном плане и отождествление в физическом [2, с. 581-582]. Кроме монографии А.Ф. Лосева, необходимо назвать статью Н.А. Федорова о семантической специфике термина *venustas* в текстах Цицерона. Автор статьи высказывает интересную мысль о том, что «функциональность объекта полностью определяет его эстетическую характеристику», а «с утратой “полезности” части тела теряют свою красоту (*venustas*)» [4, с. 118-119]. Более фрагментарные сведения о рассматриваемом понятии содержатся в других работах отечественных исследователей. Так, в диссертации И.С. Тимофеева мы читаем, что Катулл и Цицерон включают «лексему *venustas* ... в центр понятийного поля красоты» [3, с. 66]. В зарубежных исследованиях также обнаруживаются упоминания о цicerоновском понятии *venustas*. Так же, как и А.Ф. Лосев, Х.Поллитт обращает внимание на различие между *pulchritudo* и *venustas*: по его мнению, «*venustas* подразумевает изящный внешний вид или впечатление, связанное с простым чувственным восприятием, в то время как *pulchritudo* может иногда обозначать красоту, понимаемую как абстрактное качество или идею» [6, с. 189]. Еще один автор, С.Ф. Уилтшер, отмечает, что «вне комедии *venustas* используется редко» [7, с. 319], что «понятие *venustas*

обозначает черту городской жизни, связанную с самосознанием и порожденную именно городским разнообразием», ведь «термины *venustus* и *urbanus* часто употребляются рядом» [7, с. 320]. Еще одна идея С.Ф. Уилтшера связана «с пониманием *venustas* как удачного остроумия (*successful wit*)» с отсылкой к ораторским сочинениям Цицерона и его переписке (*Cic. orat.* 78 (*venustius*), *Cic. de fam.* 15.21.2 (*venustissima*), *de orat.* 2.255 (*venustum*) [7, с. 323]. Наконец, интересна мысль данного исследователя о том, что Цицерон использует *venustas* в положительном ключе всегда, кроме одного случая неоднозначного употребления *venusti*, прилагательного, однокоренного с *venustas* (*Cic. Brut.* 262), где Цицерон упоминает «Записки о галльской войне» Цезаря, сочинение, в котором есть «нагая простота и прелесть» и которое лишено «всяких ораторских прикрас» (*Cic. Brut.* 262: *nudi enim sunt, recti et venusti, omni ornatu orationis tamquam veste detracta*. Перевод И.П. Стрельниковой) [7, с. 323-324]. Таким образом, как в отечественной, так и в зарубежной библиографии есть ряд ценных замечаний относительно рассматриваемого понятия, которые мы, несомненно, принимаем во внимание в своем исследовании.

Нами найдено 38 примеров использования *venustas* в сочинениях Цицерона (без однокоренных слов): один пример в переписке (*Cic. ad Att.* 1.16.8), 21 пример в ораторских сочинениях (*Cic. Brut.* 235; *de inv.* 2.3; *de orat.* 1.17, 130, 142, 243, 251, 2.258, 316, 327, 3.30, 60, 178, 180 (2 раза), 199, 200, 206; *orat.* 60, 84, 234), 11 примеров в этико-философских трудах (*Cic. de fin.* 1.9; *de nat. deor.* 1.47, 92, 2.69 (2 раза), 145; *de off.* 1.14, 95, 107, 130 (2 раза), а также 5 примеров в речах (*Cic. in Verr.* 2.4.5, 2.5.142; *pro Arch.* 17; *pro Cael.* 67; *pro Flac.* 76). На основе данной статистики уже можно сделать вывод о том, что рассматриваемое понятие используется Цицероном для обозначения красоты, связанной с ораторским искусством более чем с чем-либо еще. Также надо заметить, что слово всегда употребляется Цицероном в единственном числе, кроме одного примера, где речь идет о хорошем ораторе, которого нельзя уличить «в искусственном благозвучии и погоне за приятностью (*quaesitae venustates*)» (*Cic. orat.* 84 – перевод М.Л. Гаспарова). Есть предположение, что в последнем случае Цицерон пользуется понятием *venustates* в отрицательном смысле, в значении «украшательств» речи, которых хороший оратор должен избегать.

Нами также найдены следующие синтаксические определения при цицероновском понятии *venustas*: *eximius* «необычайный» (*Cic. in Verr.* 2.4.5), *multus* «многий» (*Cic. de fin.* 1.9), *subtilis* «тонкий» (*Cic. de orat.* 1.17) и *summa* «величайший» (*Cic. de orat.* 1.130). Положительная коннотация определений и их применение в сочинениях разного рода (речах, философских трудах и сочинениях об ораторском искусстве) только подтверждает мысль о положительной семантике цицероновского *venustas*. Так, в сочинении «Об ораторе» мы читаем: «Ко всему этому должны присоединяться юмор (*lepos*) и остроумие (*facetiae*), образование (*eruditio*) ... , быстрота (*celeritas*) и краткость (*brevitas*) как в отражении, так и в нападении, проникнутые тонким изяществом (*subtili venustate*) и благовоспитанностью (*urbanitate*)» (*Cic. de orat.* 1.17 – перевод Ф.А. Петровского). Таким образом, оратор должен обладать тонким

изяществом при произнесении речей. В том же сочинении Цицерон так пишет об актере Росции: «Посмотрите, как в малейшей мелочи обнаруживает он величайшее мастерство, необыкновенное изящество (*cum summa venustate*), чувство приличия, уметь всех волновать и всех улаживать!» (Cic. de orat. 1.130 – перевод Ф.А. Петровского). О том же актере Цицерон говорит и в речи «За Архия»: «Хотя он и умер стариком, все же, ввиду своего выдающегося искусства и изящества игры (*propter excellentem artem ac venustatem*), он, казалось, вообще не должен был бы умирать» (Cic. pro Arch. 17 – перевод В.О. Горенштейна) [1, с. 9]. Мы не стали упоминать в списке определений слово *excellens*, поскольку, вероятно, оно больше относится к искусству (*ars*), нежели к изяществу (*venustas*) (Cic. pro Arch. 17: *qui cum esset senex mortuus, tamen propter excellentem artem ac venustatem videbatur omnino mori non debuisse*). Тем не менее, его употребление рядом с *venustas* лишь подтверждает факт использования Цицероном *venustas* в значении исключительной красоты, а не только искусства.

Нами также проанализирован контекст, в котором используется понятие *venustas* Цицероном, и выбрано более 40 слов с положительным значением, так или иначе связанных с *venustas* по смыслу: **acumen** «находчивость», «остроумие» (Cic. de orat. 3.60); **ars** «искусство» (Cic. Brut. 235; de nat. deor. 1.92, 2.145; pro Arch. 17); **artificium** «искусность» (Cic. de nat. deor. 1.47; de orat. 1.130); **cogitatio** «размышление», «воображение» (Cic. de off. 1.95); **contentio** «страстное стремление» (Cic. ad Att. 1.16.8); **convenientia** «соразмерность», «гармония» (Cic. de off. 1.14); **corpus** «тело» (Cic. de nat. deor. 1.92; de off. 1.95, 107); **decentia** «пристойность» (Cic. de nat. deor. 2.145); **decorum** «подобающее» (Cic. de off. 1.95); **deus** «бог» (Cic. de nat. deor. 1.47, 92 (2 раза)); **dignitas** «достоинство» (Cic. Brut. 235; de off. 1.107, 130 (2 раза); de orat. 1.142, 3.178; orat. 60); **eloquentia** «красноречие» (Cic. de orat. 3.60); **eruditio** «образование» (Cic. de orat. 1.17); **facetiae** «остроумие», «шутки» (Cic. de orat. 1.17, 3.30; pro Flac. 76); **facultas** «способность» (Cic. de orat. 1.142); **figura** «фигура» (Cic. de nat. deor. 1.47, 2.145; de orat. 3.199); **forma** «форма», «фигура» (Cic. de nat. deor. 2.145; de off. 1.107; de orat. 3.199); **gestus** «жест» (Cic. de nat. deor. 2.145; de orat. 1.251); **homo** «человек» (Cic. de nat. deor. 1.47, 92; de orat. 1.17, 2.316; in Verr. 2.5.142); **jocus** «шутка» (Cic. de orat. 3.30), **judicium** «суждение» (Cic. de nat. deor. 2.145; de orat. 1.142); **lepos** «юмор» (Cic. de orat. 1.17, 243; in Verr. 2.5.142); **magnitudo** «величие» (Cic. Brut. 235; de orat. 3.30); **mens** «ум» (Cic. de off. 1.95; de orat. 1.17); **modus** «мера» (Cic. de off. 1.14); **muliebris** «женский» (Cic. de off. 1.130); **natura** «природа» (Cic. de inv. 2.3; de nat. deor. 1.47, 92 (2 раза); de off. 1.14 (2 раза); de orat. 1.17, 3.178); **necessitas** «необходимость» (Cic. de orat. 3.180); **oratio** «речь» (Cic. de orat. 1.17, 142, 3.30, 178, 199, 200, 206; orat. 234); **orator** «оратор» (Cic. de orat. 1.142, 251, 2.316, 3.200; orat. 84); **oratorius** «ораторский» (de orat. 1.130); **ordo** «гармония», «порядок» (Cic. de nat. deor. 2.145; de off. 1.14; de orat. 1.142); **prudentia** (Cic. de orat. 3.60); **pulchritudo** «красота» (Cic. de nat. deor. 1.92; de off. 1.14 (2 раза), 95, 130); **ratio** «разум» (Cic. de orat. 1.17, 3.30); **scientia** «знание» (Cic. de orat. 1.17); **sollertia** «изобретательность» (Cic. de nat. deor. 1.92); **studium** «усердие» (Cic. ad Att.

1.16.8); **suavitas** «приятность» (Cic. Brut. 235); **subtilitas** «остроумие» (Cic. de orat. 3.60); **urbanitas** «благовоспитанность», «остроумие», «городская жизнь» (Cic. de orat. 1.17); **usus** «употребление» (Cic. de nat. deor. 1.47, 92); **utilitas** «полезность» (Cic. de nat. deor. 1.92; de orat. 3.178); **valetudo** «здоровье» (Cic. de off. 1.95); **Venerius** (homo) «(служитель) Венеры» (Cic. in Verr. 2.5.142); **Venus** «Венера» (Cic. de nat. deor. 2.69); **virilis** «мужской» (Cic. de off. 1.130); **virtus** «добродетель» (Cic. Brut. 235; de nat. deor. 2.145; de off. 1.95); **vis** «сила» (Cic. ad Att. 1.16.8; de off. 1.14; de orat. 1.17, 142, 243, 2.316, 3.199).

Как мы видим, список довольно внушительный. Мы выбрали те слова, которые чаще всего встречаются рядом с *venustas*. Это *natura* (8 примеров), *oratio* (8), *dignitas* (7), *vis* (7), *homo* (5), *orator* (5), *pulchritudo* (5) и *ars* (4). Причины соседства *venustas* и *natura* очевидны: *venustas* является качеством человека, дарованным ему природой: «... никакое другое живое существо не воспринимает ни красоты (*pulchritudinem*), ни привлекательности (*venustatem*), ни соразмерности частей (*convenientiam*) всего того, что воспринимается взглядом; природа (*natura*) и разум (*ratio*), перенося это изображение от глаз к душе, находит нужным в гораздо большей степени сохранять красоту (*pulchritudinem*), стойкость (*constantiam*) и порядок (*ordinem*) в намерениях и поступках и стараются не допускать ничего некрасивого и развратного ни в помыслах, ни в поступках» (Cic. de off. 1.14 – перевод В.О. Горенштейна). Что касается *oratio* и *venustas*, то их совместное употребление связано с более частным использованием *venustas* в сочинениях об ораторском искусстве, чем в других, и об этом уже было сказано выше.

Нами также подмечено, что Цицерон активно пользуется понятием *venustas* для составления синонимических рядов, например, **vim** neque **venustatem** (Cic. ad Att. 1.16.8); et **artis** et **venustatis** (Cic. Br. 235); **venustate** et **sale** (Cic. de fin. 1.9); **colorum** etiam et **figurarum** tum **venustatem** atque **ordinem** et ... **decentiam** oculi (Cic. de nat. deor. 2.145); **pulchritudinem**, **venustatem**, **convenientiam** (Cic. de off. 1.14); **venustas** et **pulchritudo** corporis (Cic. de off. 1.95); **venustate** atque **urbanitate** (Cic. de orat. 1.17); cum **dignitate** ac **venustate** (Cic. de orat. 1.142); **festivitate** et **venustate** (Cic. de orat. 1.243); **gestum** et **venustatem** (Cic. de orat. 1.251); non **brevitati** ... , sed magis **venustati** (Cic. de orat. 2.327); cum **prudencia** et **acumine** et **venustate** et **subtilitate** (Cic. de orat. 3.60); vel **dignitatis** vel saepe etiam **venustatis** (Cic. de orat. 3.178); **lepore** ac **venustate** (Cic. in Verr. 2.5.142); tum **dignitatem**, tum **venustatem** (Cic. orat. 60); **artem** ac **venustatem** (Cic. pro Arch. 17); **venustatem** et **facetias** (Cic. pro Flac. 76). Эти слова встречаются в списке, указанном выше, но, в отличие от других слов из списка, они более тесно связаны с *venustas*, являясь этическими и эстетическими понятиями, часто используемыми Цицероном, а некоторые из них, например, *pulchritudo*, наиболее близки по смыслу.

Скажем несколько слов о *pulchritudo*. В трактате «Об обязанностях» мы читаем: «Как привлекательность (*venustas*) и красоту тела (*pulchritudo corporis*) невозможно отделить от здоровья (*valetudine*), так это подходящее (*decorum*) ... все слито с доблестью (*virtute*)» (Cic. de off. 1.14 – перевод В.О. Горенштейна). В этом же сочинении Цицерон разделяет красоту (*pulchritudo*) на женскую

(*venustas*) и мужскую (*dignitas*) (Cic. de off. 1.130). Дискурс о мужской и женской красоте не раз встречается в сочинениях Цицерона. Так, он пишет: «... наружности одних присуще достоинство (*dignitatem*), наружности других – красота (*venustatem*)», имея в виду мужчин и женщин (Cic. de off. 1.107 – перевод В.О. Горенштейна. Cf. de off. 1.130). Однако в сочинении «Об ораторе» он приписывает и то, и другое оратору, а в Древнем Риме ораторами чаще всего были мужчины: «... он [оратор] должен ... произнести ее [речь] с достоинством и приятностью (*cum dignitate ac venustate*)» (Cic. de orat. 1.142 – перевод Ф.А. Петровского). В рассуждениях об образцовом ораторе в другом своем сочинении, «Оратор», Цицерон упоминает рассматриваемые понятия в том же ключе: «... какое достоинство (*dignitatem*), какую привлекательность (*venustatem*) изобразит его [оратора] лицо, которое выразительностью уступает только голосу!» (Cic. orat. 60 – перевод М.Л. Гаспарова).

Еще одно понятие – *ars* – также требует детального рассмотрения. Проанализируем цитату: «Так, наши глаза (*oculi*) видят много такого, что недоступно животным. Во-первых, в произведениях тех искусств (*artibus*), суждение (*judicium*) о которых принадлежит глазам: живописи, ваянии, резьбе по дереву и металлу. Наши глаза могут судить также об изяществе телодвижений и жестов (*fictis caelatisque formis*), о цветах (*colorum*) и формах (*figurarum*), о прелести (*venustatem*), гармонии (*ordinem*) и, так сказать, пристойности (*decentiam*) и о многом другом еще более значительном» (Cic. de nat. deor. 2.145 – перевод М.И. Рижского). Согласно цитате, каждому произведению искусства должна быть присуща видимая красота, т.к. оно имеет эстетическую ценность, и именно поэтому слова *ars* и *venustas* так часто встречаются в одном контексте в сочинениях Цицерона.

Наконец, слово *vis* довольно часто употребляется рядом с *venustas*. Например, в письме Аттику Цицерон упоминает «силу (*vim*) и прелесть (*venustatem*) ... состязания (*contentionis*)» (Cic. ad Att. 1.16.8 – перевод В.О. Горенштейна). В сочинении об ораторе Цицерон, обращаясь к Крассу, также замечает: «В суде ... помогла тебе только исключительная сила (*vis*) твоего красноречия (*dicendi*) в соединении с величайшей живостью (*festivitate*) и прелестью (*venustate*)» (Cic. de orat. 1.243 – перевод Ф.А. Петровского). Во второй книге этого же сочинения слова *vis* и *venustas* также употреблены вместе: «[Ораторы] поначалу лишь слегка играют копьями, чтобы этим и соблюсти как можно большее изящество (*venustati*) и поберечь свои силы (*viribus*)» (Cic. de orat. 2.316 – перевод Ф.А. Петровского).

Примечательно, что Цицерон противопоставляет понятию *venustas* слова *necessitas*, *usus* и *utilitas*, которые упомянуты в указанном выше списке слов как положительно окрашенные и встречающиеся с *venustas* в одном контексте. Так, в разговоре об удобстве и красоте Цицерон замечает: «Вот кровля Капитолия или любого другого храма; не потребность в изяществе (*venustas*), а необходимость (*necessitas*) заставила придать ей такой вид» (Cic. de orat. 3.180 – перевод Ф.А. Петровского). Излагая основные тезисы эпикуреизма в сочинении «О природе богов», Цицерон также противопоставляет полезность и красоту, говоря о сотворении богом человека, «в фигуре которого все приспособлено не

только для пользы (*usum*), но и для красоты (*venustatem*)» (Cic. de nat. deor. 1.47 – перевод М.И. Рижского. Cf. de nat. deor. 1.92). В том же сочинении противопоставлены *venustas* и *utilitas*: «Если в них [внешних и внутренних органах человека] нет пользы (*utilitate*), то что в них красивого (*venustatis*)?» (Cic. de nat. deor. 1.47 – перевод М.И. Рижского). Однако в другом сочинении, «Об ораторе», в разговоре о человеческой речи указанные слова дополняют друг друга: «... так уже устроила с непостижимым совершенством сама природа (*natura*): как во всем на свете, так и в человеческой речи (*oratione*) наибольшая польза (*utilitatem*) обыкновенно несет в себе и наибольшее величие (*dignitatis*) и даже наибольшую красоту (*venustatis*)» (Cic. de orat. 3.178 – перевод Ф.А. Петровского). Таким образом, Цицерон противопоставляет красоту и полезность в духовном плане и отождествляет в физическом [2, с. 581-582].

Сделаем выводы. Цицерон нечасто использует понятие *venustas* в своих трудах (всего 38 раз). Чаще всего рассматриваемое понятие обозначает красоту, связанную с ораторским искусством. Слово почти всегда употребляется Цицероном в единственном числе (кроме одного случая его употребления во множественном числе, где *venustates* использовано в отрицательном значении, в смысле «украшательства» речи). При *venustas* могут быть определения *eximius*, *multus*, *subtilis* и *summa*, имеющие положительную семантику. В одном контексте с *venustas* встречаются такие слова, как *natura*, *oratio*, *dignitas*, *vis*, *homo*, *orator*, *pulchritudo*, *ars* и др. Цицерон разделяет красоту (*pulchritudo*) на женскую (*venustas*) и мужскую (*dignitas*), т.е. *venustas* – одна из составляющих более широкого понятия *pulchritudo*. Цицерон противопоставляет красоту (*venustas*) и полезность (*usus*, *utilitas*) в духовном плане и отождествляет в физическом.

Литература:

1. Демина С.С. Функции театра в поздней Римской республике (по сведениям Цицерона) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. № 4. С. 7-13.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Издательство АСТ, 2000. 960 с.
3. Тимофеев И.С. Становление латинской атомистической терминологии философии эпикуреизма (на материале поэмы Лукреция). Диссертация на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. М., 2022. 261 с.
4. Федоров Н.А. Семантическая специфика термина *venustas* в текстах Цицерона // Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии X / под ред. А.А. Тахо-Годи, И.М. Нахова. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 113-127.
5. Monteil P. Beau et laid en latin. Etude de vocabulaire. Paris, 1964. 373 p.
6. Pollitt H. The Ancient View of Greek Art. Criticism, History and Terminology. New Haven and London, 1974. 484 p.
7. Wiltshire S.F. Catullus Venustus // The Classical World, Vol. 70, No. 5 (Feb., 1977), pp. 319-326. <https://doi.org/10.2307/4348664>. <https://www.jstor.org/stable/4348664> (дата обращения: 11.02.2024).

**ТАНЕЦ САЛОМЕИ:
К ВОПРОСУ О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ ИУДЕЕ**

*Гвоздева И.А.
Никишин В.О.*
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва
E-mail: innagvozdeva@mail.ru
E-mail: cicero74@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена теме семейных отношений в древней Иудее на примере такой одиозной пары, как Ирод Антипа и Иродиада. Стоит отметить, что реконструкция событий, связанных с данным сюжетом, традиционно вызывает у исследователей немало трудностей, прежде всего в области хронологии. Анализируя источники, а это в первую очередь труды Иосифа Флавия и синоптические Евангелия, авторы реконструировали хронологическую канву событий, связанных с Антипой и Иродиадой: в 34 г. начался их бурный роман, в 35 г. они официально стали мужем и женой, а в 36 г. разгорелся военный конфликт между набатейским царём Аретой IV и Антипой, завершившийся несколько месяцев спустя (в 37 г.) без решительного результата ни для одной из сторон. Если мы принимаем такую хронологию, то казнь Иоанна Крестителя в Махероне следует датировать 35 г., а распятие Христа – 36 г. Что касается знаменитого танца Саломеи, то, проанализировав исторические – религиозные и правовые – традиции древней Иудеи, авторы пришли к выводу: реальная Саломея никак не могла плясать на пиру у Ирода. Если подобный танец имел место на самом деле, то исполняла его какая-нибудь гетера, придворная куртизанка, возможно, фаворитка Ирода Антипы.*

***Ключевые слова:** Ирод Великий, Ирод Антипа, Иродиада, Саломея, Иосиф Флавий, Махерон, Арета IV, полигамия, Галилея, Агриппа I Великий.*

**SALOME'S DANCE:
ON THE QUESTION OF FAMILY RELATIONS IN ANCIENT JUDEA**

*I.A. Gvozdeva
V.O. Nikishin*
Lomonosov Moscow State University
Moscow
E-mail: innagvozdeva@mail.ru
E-mail: cicero74@mail.ru

***Abstract.** The article is devoted to the topic of family relations in ancient Judea using the example of such an odious couple as Herod Antipas and Herodias. It is*

worth noting that the reconstruction of events related to this plot traditionally causes many difficulties for researchers, primarily in the field of chronology. Analyzing the sources, and these are primarily the works of Josephus and the synoptic Gospels, the authors reconstructed the chronological outline of events associated with Antipas and Herodias: in 34 their whirlwind romance began, in 35 they officially became husband and wife, and in 36 a military conflict broke out between the Nabataean king Aretas IV and Antipas, which ended a few months later (in 37) without a decisive result for either side. If we accept this chronology, then the execution of John the Baptist in Macheron should be dated to 35, and the crucifixion of Christ – to 36. As for the famous dance of Salome, after analyzing the historical – religious and legal – traditions of ancient Judea, the authors came to the conclusion: the real Salome could not have danced at Herod's feast. If such a dance actually took place, then it was performed by some hetaera, a court courtesan, perhaps the favorite of Herod Antipas.

Keywords: Herod the Great, Herod Antipas, Herodias, Salome, Josephus, Macheron, Aretas IV, polygamy, Galilee, Agrippa I the Great.

Для семейных отношений в древней Иудее, в отличие от греко-римского общества, была характерна полигамия [1, с. 194]. Как пишет Иосиф Флавий, «у нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жён» (Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 2. Здесь и далее в пер. Г.Г. Генкеля). Источники свидетельствуют о том, что во времена Ирода Великого и Иоанна Крестителя полигамия в иудейском обществе вовсе не была таким уж редким явлением, причём не только в среде правящей элиты, но и в самых широких слоях общества [1, с. 194–195]. Император Август сквозь пальцы смотрел на то, что царь Ирод, его друг и вассал, хотя и обладал римским гражданством, а потому вроде бы не должен был практиковать многожёнство, тем не менее год от года обзаводился всё новыми и новыми жёнами [18, р. 172]. От них он имел девять сыновей, одним из которых был Аристокбул, женатый на своей кузине Беренике, дочери Саломеи, сестры Ирода (Jos. Ant. Jud. XVI. 1. 2; Bell. Jud. I. 23. 1). В этом браке родилось пятеро детей – трое сыновей, в том числе Агриппа I Великий, царь Иудеи в 41–44 гг., Ирод II Халкидский, царь Иудеи в 44–48 гг., и Аристокбул Младший, а также две дочери, Мариамна III и Иродиада (Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 2). Последняя появилась на свет, скорее всего, между 9 и 7 гг. до н.э. [5, с. 651]. Иродиада и её дочь Саломея (если исходить из скурых данных наших источников, родилась она где-то между 5 и 14 гг., а умерла между 62 и 71 гг.) вошли в историю христианства – равно как и в историю литературы и изобразительного искусства – благодаря драматическому эпизоду с усекновением главы Иоанна Крестителя, о котором и пойдёт речь в этой статье. Разобраться в том, что́ здесь правда, а что́ вымысел – наша задача.

В историографии давно уже существует проблема, связанная с личностью первого мужа Иродиады. Нет сомнений в том, что это был её дядя, т.е. один из сыновей царя Ирода, но кто именно? Доподлинно это неизвестно. Иосиф Флавий называет первого мужа Иродиады Иродом (Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 2; XVIII. 5. 1; 4), которого исследователи обычно отождествляют с Иродом

Боэтом, сыном Ирода I и Мариамны II, дочери первосвященника Симона бен-Боэта. Иосифу Флавию противоречат евангелисты Марк и Матфей, которые именуют первого мужа Иродиады Филиппом (Мк. 6:17; Мф. 14:3). Известно, что сын Ирода Великого, Филипп, в 4 г. до н.э. – 34 г. н.э. был тетрархом Гавланитиды, Авранитиды, Батанеи, Трахонитиды, Панады и Итуреи (Jos. Ant. Jud. XVII. 9. 4; Bell. Jud. II. 6. 3. Ср.: Лк. 3:1). Но евангелисты ни разу не называют первого мужа Иродиады тетрархом. Далее, как свидетельствует Иосиф Флавий, в первом браке у Иродиады родилась дочь Саломея, которая в дальнейшем вышла замуж за... тетрарха Филиппа (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Если бы Саломея родилась от Филиппа, то не могла же она стать женой родного отца! Кроме того, тетрарх Филипп, по сведениям Флавия, умер бездетным (Jos. Ant. Jud. XVIII. 4. 6). Другой сын Ирода Великого по имени Филипп нам неизвестен. Стало быть, прав Флавий, а евангелисты ошиблись?

Окончательный вердикт на сей счёт вынести непросто. С одной стороны, хорошо известно, что Иосиф Флавий, он же Йосеф бен Матитьяху – автор надёжный, прекрасно осведомлённый, и ошибочной или недостоверной информации в его трудах – прежде всего это монументальные «Иудейские древности» и «Иудейская война» – выявлено сравнительно немного; с другой стороны, мы знаем, что в круг общения *синоптиков* – Марка, Матфея и Луки – входили люди, хорошо знавшие Ирода Антипу и обстоятельства его личной жизни, а именно Иоанна, жена домоправителя Хузы (Лк. 8:3), и близкий друг Антипы Манаил (Деян. 13:1). Вряд ли Иоанна и Манаил могли «спутать» Ирода с Филиппом! В своё время Никос Коккинос попытался по-своему согласовать сведения Флавия и евангелистов; он предположил, что Флавий допустил «неточность» и на самом деле браков было не два, а три, т.е. Иродиада последовательно выходила замуж не за двух, а за трёх своих дядьёв: сперва за Ирода Боэта, затем за тетрарха Филиппа, а после смерти последнего – за Ирода Антипу [15, р. 264–271]. Как нам представляется, главным аргументом – помимо всех прочих – против версии Н.Коккиноса является классическая «бритва Оккама».

Между тем существует, на наш взгляд, более предпочтительный и весьма изящный способ решения данной проблемы: если допустить, что Ирод – имя *династическое*, а Филипп – *личное*, то вполне может статься, что у Ирода Великого было два сына – четвёртый и седьмой – с идентичными двойными именами. Иными словами, если Ирод Филипп I (он же Ирод Боэт, ведь Боэт – это не имя, а прозвище) был первым мужем Иродиады и отцом Саломеи, то тетрарх Ирод Филипп II был мужем этой самой Саломеи, дважды приходившейся ему племянницей – родной, как дочь Ирода Боэта, и внучатой, как дочь Иродиады [5, с. 651–654; 11, р. 132–136; 16, S. 51–56; 10, р. 40; 12, р. 43–44]. Благодаря такому допущению упомянутое противоречие исчезает. Безусловно, абсолютной уверенности в том, что так оно и было на самом деле, быть не может, тем более что нигде в источниках двойное имя «Ирод Филипп» не зафиксировано. Тот же Иосиф Флавий именует тетрарха просто Филиппом (Jos. Ant. Jud. XVII. 8. 1; 9. 3). Далее, после кончины первого супруга (этот брак, как уже говорилось, был бездетным) Саломея вышла замуж за своего кузена

Аристокбула, сына царя Халкиды Ирода II. В этом браке появились на свет трое сыновей: Ирод, Агриппа и Аристокбул (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4).

Здесь в фокусе нашего внимания оказывается тетрарх Галилеи и Перее Ирод Антипа (уменьшительная форма имени «Антипатр»), третий сын Ирода Великого от его четвертой жены, самарянки Малтаки. Оценки Ирода Антипы в историографии варьируют в диапазоне от успешного и дельного администратора, обеспечившего экономический подъем в Галилее, до флегматичного и трусливого деспота, слепо идущего на поводу у своей жены – и по совместительству племянницы – Иродиады. Истина, как всегда, лежит где-то посередине [13, р. 8–11]. Иосиф Флавий сознательно сделал из «второго Ирода» своего рода «чёрный стереотип»; собственно говоря, в его изображении оба – и отец, и сын – являлись жестокими и порочными тиранами [14, р. 66]. Далее, в том, что касается происхождения братьев Ирода Архелая и Ирода Антипы, Флавий не смог избежать путаницы: если принять во внимание сообщаемые им сведения (Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 3; 9. 3–4; 10. 1), то выходит, что, с одной стороны, Архелай и Антипа – сыновья самарянки Малтаки, с другой же – напротив, матери у них разные и, следовательно, они были не единоутробными, а сводными братьями.

Любопытную версию на сей счёт предложил Даниэль Шварц. По его мнению, Флавий, стремившийся обосновать приоритетные права на иудейский престол своего покровителя, царя Агриппы II (и, соответственно, его отца Агриппы I), подкреплял эти права не только сакральными знаменами и генеалогическими выкладками (имеется в виду родство отца и сына по женской линии с угасшей царской династией Хасмонеев: Агриппа I был внуком Мариамны I, правнучки царя Александра Янная), но и попутной дискредитацией конкурентов этой ветви династии Иродиадов – дядьёв Агриппы I, Архелая и Антипы, которые в изображении Флавия оказываются сыновьями самарянки (к самарянам иудейская знать всегда относилась с нескрываемым презрением), порочными, недостойными и жестокими правителями, которые открыто нарушают иудейские обычаи и закон Моисеев: Архелай, оставив свою первую супругу Мариамну III (сестру Иродиады), женится на вдове брата Александра Глафире, у которой были дети от Александра (таким образом, брак Архелая и Глафиры не был левиратным), а Антипа уводит жену у брата Ирода Боэта ещё при жизни последнего. По мнению Д.Шварца, Иосиф Флавий намеренно «навёл тень на плетень», создав у читателя «Иудейских древностей» впечатление, будто оба одиозных отпрыска Ирода Великого, Архелай и Антипа, были рождены самарянкой Малтакой, что на самом деле не соответствует истине [19, р. 32–40]. Версия Д.Шварца, безусловно, заслуживает внимания; то, что Агриппа II принимал активное участие в создании «Иудейских древностей», хорошо известно (Euseb. Hist. Eccl. III. 10. 10–11). На наш взгляд, то обстоятельство, что кое-где на страницах монументального труда Иосифа Флавия попадаются сведения, компрометирующие либо одного Агриппу II (Jos. Ant. Jud. XX. 7. 3. Ср.: Juv. VI. 157–159), либо отца и сына разом (Jos. Ant. Jud. XVII. 2. 2), свидетельствует о том, что к моменту окончания работы над «Иудейскими древностями» (94 г.;

эту дату назвал сам автор: Jos. Ant. Jud. XX. 11. 1) последний вассальный царь Иудеи, скорее всего, уже умер, и автор мог не опасаться его гнева по поводу упоминаний о лихоимстве августейших отца и сына или об оскорбительных слухах насчёт инцеста Агриппы II с собственной сестрой Береникой.

Ирод Антипа первым браком был женат на одной из пяти дочерей набатейского царя Ареты IV Великого (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 1). Скорее всего, женой Антипы стала старшая дочь Ареты, Фазелис; время заключения брака неизвестно: возможно, это произошло ещё при жизни Ирода Великого (тогда молодожёны должны были быть совсем юными). Антипа вполне мог унаследовать отцовский престол: как сообщает Иосиф Флавий, именно Антипу царь Ирод первоначально хотел видеть своим наследником (Jos. Ant. Jud. XVII. 6. 1; 8. 1; 9. 4). Царское завещание было переписано в пользу Антипы после того, как Ирод узнал об интригах своего старшего сына Антипатра, намеревавшегося отравить отца. Таким образом, этот династический брак при определённых условиях наверняка способствовал бы урегулированию давних пограничных споров между двумя вассальными царствами [18, р. 150–153]. По мнению К.В. Неклюдова, речь шла о стремлении заинтересованных сторон (включая, разумеется, верховного арбитра – императора Августа) «установить мир между Иудеей и Аравией и создать буферную зону между Римом и парфянами» [4, с. 33]. В юности Антипа жил и воспитывался в Риме (Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 3), поэтому на Палатинском холме его вполне могли рассматривать как потенциального вассального царя. Как бы то ни было, после смерти отца (4 г. до н.э.) Антипа, которому к тому времени исполнилось предположительно лет 16–17, несмотря на свои интриги против брата Архелая (Jos. Ant. Jud. XVII. 9. 4; 11. 1–4; Bell. Jud. II. 2. 1–7; 6. 1–3), стал не царём Иудеи и даже не этнархом, а всего лишь тетрархом Галилеи и Переи (4 г. до н.э. – 39 г. н.э.) (Jos. Bell. Jud. I. 7–8; Ant. Jud. XVII. 8. 1). Брак Антипы с дочерью Ареты IV (будем называть её Фазелис) отличался продолжительностью, однако детей у супругов не было; по-видимому, тетрарх не питал к жене нежных чувств.

Когда и при каких обстоятельствах этому браку пришёл конец? Флавий даёт нам точный хронологический ориентир: это кончина тетрарха Филиппа, последовавшая «на двадцатом году правления Тиберия», т.е. в 34 г. (Jos. Ant. Jud. XVIII. 4. 6). Если опираться на довольно обстоятельный рассказ Флавия (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 1–4), то получается следующая хронологическая канва событий: в 34 г. начался бурный роман Антипы и Иродиады, в 35 г. дочь Ареты IV вернулась к отцу, Антипа и Иродиада официально стали мужем и женой, а в 36 г. разгорелся военный конфликт между Аретой IV и Антипой, завершившийся несколько месяцев спустя (в 37 г.) без решительного результата ни для одной из сторон. Что могло побудить Иродиаду бросить Ирода Боэта и выйти замуж за галилейского тетрарха? На наш взгляд, Иродиаду не устраивал пассивный, безвольный характер её первого супруга. Примечательно, что одно время Ирод Боэт имел даже виды на царский престол (Jos. Ant. Jud. XVII. 3. 2), но впоследствии был лишён отцом наследства за то, что его мать, зная о заговоре против царя, не донесла ему об этом (Jos. Ant. Jud. XVII. 4. 2); после

этих событий Ирод Боэт до самой смерти жил как частное лицо, никак не пытаясь отстоять свои права на власть. Поэтому обладавшая сильным характером, честолюбивая и амбициозная Иродиада оставила мужа, рядом с которым у неё не было ни малейшего шанса когда-нибудь примерить царский пурпур, и связала свою судьбу с тем, кто стоял у кормила власти. На тот момент Антипа был не царём, а всего лишь тетрархом; тем не менее, как показали дальнейшие события, шансы увенчать свою голову царской диадемой у него всё же имелись.

Здесь отметим такую важную деталь: Иосиф Флавий, который, как известно, сперва был ортодоксальным иудеем, а впоследствии стал ренегатом, осуждает Иродиаду вовсе не за то, что она вышла замуж за брата своего первого мужа и собственного дядю, а за то, что она это сделала, когда Ирод Боэт был ещё жив (διαστῆσα ζῶντος) (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4); именно последнее обстоятельство шло вразрез с иудейскими традициями. В известном русском переводе «Иудейских древностей» Г.Г. Генкель слова «ещё при его жизни» ошибочно отнёс к Ироду Антипе; на самом деле и по смыслу, и грамматически они относятся к Ироду Боэту, поскольку ниже Флавий сообщает, что Иродиада хранила верность Антипе даже тогда, когда тот попал в опалу у Калигулы, и добровольно отправилась вслед за мужем в ссылку (Jos. Ant. Jud. XVIII. 7. 2). Так вот, согласно упомянутым традициям, мужчина не должен был брать в жёны супругу брата (Лев. 18:16; 20:21), единственным исключением являлся *левиратный брак* (Втор. 25:5. Ср.: Мк. 12:19). Если же следовать хронологии Флавия, брак Ирода Антипы и Иродиады был заключён в 35 г., видимо, ещё при жизни Ирода Боэта, поэтому левиратным он считаться никак не мог; к тому же у Иродиады была дочь от первого брака. Продолжая экскурс в семейное право древних иудеев, отметим как непреложный факт следующее: развод мог дать муж жене, а не наоборот; соответственно, женщина могла вновь выйти замуж, лишь получив развод от бывшего мужа (Jos. Ant. Jud. XIV. 7. 10). Разумеется, в жизни случалось всякое, и царские родственницы позволяли себе такие отчаянные поступки, на которые было очень трудно, практически невозможно отважиться дамам рангом пониже. Так, Саломея, сестра Ирода Великого, в 28/27 г. до н.э. сама послала разводное письмо своему мужу Костобару, таким образом инициировав развод (loc. cit.). Племянницы Иродиады (Jos. Ant. Jud. XX. 7. 2–3) последовали примеру злосчастной тётки и даже хуже: как пишет М.В. Григер, «в то время как Друзилла вышла замуж за необрезанного язычника, две её сестры, Мариамна и Береника, самовольно оставили своих супругов, Юлия Архелая и М. Антония Полемона, и вступили в новые браки с такой вольностью, которую евреи, подобные Иосифу, допускали только для мужчин» [1, с. 198].

С женитьбой на Иродиаде ослеплённого страстью Антипы оказалось тесно связано такое значительное событие в истории раннего христианства, как казнь пророка Иоанна Крестителя. Вот что на сей счёт сообщает Иосиф Флавий: «Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. ...Ирод стал

опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочёл предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода, Иоанн был в оковах послан в Махерон... и там казнён» (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 2). Никаких дополнительных деталей вроде пресловутого «танца Саломеи» в тексте Флавия нет. Когда же всё это произошло? Очевидно, вскоре после того, как Антипа заключил брак с Иродиадой, т.е. в 35 г. Почему не позже? Дело в том, что с момента гибели Иоанна Крестителя и до распятия Иисуса прошло не менее года, между тем известно, что Иисус был распят, когда префектом Иудеи был Понтий Пилат, снятый с должности ещё при жизни Тиберия, в 36 г. (о Пилате см.: 2, с. 17–22). Получается, что Иисус был распят в 36 г. в возрасте около 40 лет (с учётом, что родился Он в 5/4 г. до н.э.).

Благодаря Флавию мы знаем, что Иоанн Креститель подверг резкой критике брак Ирода Антипы и Иродиады. О том же сообщают евангелисты. В Евангелии от Марка читаем: «Ибо сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что женился на ней. Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего» (Мк. 6:17-18) (здесь и далее цит. Синодальный перевод Св. Писания). То же самое, почти слово в слово, сообщает Матфей (Мф. 14:1-4. Ср. в Евангелии от Луки: Лк. 3:19). Очевидно, Иоанн Креститель смотрел на отношения Антипы с Иродиадой так же, как и Иисус: «И если жена разведётся с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует» (Мк. 10:12).

Таким образом, Иродиада в глазах Иоанна и всех ортодоксальных иудеев была виновна в том, что нарушила закон, а Ирод Антипа – в том, что «увёл» жену у брата. Брак Антипы и Иродиады являлся незаконным и кровосмесительным, за что его и порицал Иоанн Креститель. Вообще вся эта история в высшей степени характерна для Ирода Антипы, который, прожив немало лет в Риме, можно сказать, с молодых ногтей проникся не только эллинской культурой, но и римским образом жизни; кстати сказать, процедура развода в римском праве была предельно простой [20, р. 446–458]. Став тетрархом, он, с одной стороны, чтобы лишний раз не раздражать подданных, старался чисто внешне соблюдать иудейские традиции и закон Моисеев, о чём свидетельствуют и его монетная чеканка [4, с. 54; 13, р. 26–30], и отдельные эпизоды из истории его отношений с римскими властями (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 3; Philo. Leg. Gai. 38); с другой стороны, в своей частной жизни Антипа не отличался особым благочестием и соблюдением закона: так, известно, что Тивериада была им основана на месте старого кладбища, которое он приказал снести (Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 3), а его резиденция была украшена скульптурами (Jos. Vita. 65), что, разумеется, шло вразрез с предписаниями иудаизма. Безусловно, и у Антипы, и у Иродиады были причины, мягко говоря, не любить пророка и желать его смерти. Драму, разыгравшуюся во время пира в Махероне, детально и почти слово в слово описывают Марк и Матфей (Мк. 6:19–29; Мф. 14:1–12). Разница заключается лишь в том, что у Марка Ирод Антипа боялся Иоанна как святого, берёг и слушался его, тогда как у Матфея

галилейский тетрарх опасался лишь популярности Иоанна в широких народных массах, видевших в нём пророка. Что же касается Луки, то он не сообщает на сей счёт вообще никаких деталей (Лк. 9:7–9).

Самый загадочный эпизод в этой тёмной истории – танец пресловутой дочери Иродиады, якобы выпросившей у отчима себе в награду голову Иоанна Крестителя на блюде. Возникает вопрос: откуда евангелисты узнали о танце злосчастной «девицы» на пиру и мог ли таковой вообще иметь место? Как уже говорилось, в окружение авторов синоптических Евангелий входили хорошо осведомлённые люди – Иоанна, жена домоправителя Хузы (Лк. 8:3), и близкий друг Ирода Антипы Манаил (Деян. 13:1). Именно Иоанна и Манаил могли поведать своим христианским «братьям» о некоторых деталях рокового происшествия в Махероне, да и в самой пляске некой блудницы во время попойки, которую Антипа, много лет проживший в Риме и, разумеется, привыкший к тамошним «симпозиам», устроил для своего эллинизированного окружения, нет ничего невероятного, она вполне могла иметь место на самом деле. Что же получается? В раннехристианской общине спустя какое-то время после гибели Иоанна Крестителя возникает беллетризованная версия казни пророка, которая отчасти снимает с Ирода Антипы вину за расправу с Иоанном и немалую долю этой вины возлагает на Иродиаду и её мнимую «дочь»!

Факт состоит в следующем: ни один из синоптиков не называет имени роковой «девицы». Иосиф Флавий в свою очередь упоминает об одной-единственной дочери Иродиады – Саломее, рождённой ею от первого мужа (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Точная дата рождения Саломеи неизвестна. В 35 г. она уже была вдовой: за несколько месяцев до событий в Махероне умер её муж, тетрарх Филипп. Скорее всего, ей тогда было не меньше 21 года, а, может быть, и все 25, а то и 30 лет, и «девицей» (речь, видимо, должна идти о девушке 12–14 лет) она точно не была. О существовании какой-либо другой дочери Иродиады ничего не известно. Кроме того, зная о строгих нравах и обычаях традиционного иудейского общества, можно с уверенностью сказать: ни Саломея, ни какая-либо другая особа женского пола из династии Иродиадов не могла плясать в мужском обществе, да ещё во время попойки! Это было совершенно исключено, и здесь не работают никакие ссылки на греко-римское культурное влияние, которое, несомненно, имело место при дворе галилейского тетрарха [1, с. 200]. Итак, подчеркнём: ни падчерица, ни родная дочь, ни племянница, ни даже дальняя родственница Ирода Антипы в реальности никак не могли развлекать своими сладострастными танцами пьяного виновника торжества и его хмельных сотрапезников. Иное дело – какая-нибудь гетера, придворная куртизанка, возможно, фаворитка любвеобильного правителя, тем более что в римской литературной традиции при желании можно отыскать довольно любопытные параллели этому сюжету (Sen. Contr. IX. 2; Ps.-Aur. Vict. De viris ill. 47. 4; Liv. XXXIX. 42. 8–43. 5. См. также: 9, с. 701).

Обратимся к Евангелию от Марка, которое обычно признаётся самым ранним из канонических повествований о жизни Христа [8, с. 58]. Ряд признаков свидетельствует о том, что оно было создано в Риме и адресовано не столько евреям, сколько прозелитам греко-римского происхождения [3, с. 47].

Мог ли автор этого Евангелия (или те, кто его информировал, консультировал, редактировал текст и пр.) при описании событий, приведших к гибели Иоанна Крестителя, ориентироваться на упомянутую выше римскую литературную традицию? Безусловно, мог (или могли). Кем же была плясавшая на пиру «девица»? По нашему глубокому убеждению, это не могла быть не только злосчастная Саломея, оболганная вековой христианской традицией, но и никакая другая представительница династии Иродиادов. Речь здесь может идти о некой безвестной придворной куртизанке, к которой любвеобильный Ирод Антипа, вполне возможно, питал нежные чувства. Можно предположить, что Иродиада использовала эту куртизанку «вслепую» в качестве инструмента собственной мести Иоанну Крестителю за его «злокусательные» речи; не исключено, что Антипа и его жена заранее срежиссировали роковую сцену на пиру в Махероне, чтобы снять с тетрарха – хотя бы отчасти – тяжесть ответственности за казнь всеми почитаемого пророка в глазах подданных Антипы (видимо, это был банальный политический расчёт). Зачем же автор Евангелия от Марка – или его информаторы и редакторы – выдумал/и некую мифическую «дочь» Иродиады и ввел/и её в евангельский сюжет, сделав слепым орудием в руках мстительной внучки царя Ирода? Возможно, они стремились сделать более убедительным для читателя мотив личной вовлечённости Иродиады в ту роковую интригу, которая привела к казни Иоанна Крестителя. Таким образом, танец на пиру мог быть, а мог и не быть, тут правды мы не узнаем никогда, но то, что блудницей, якобы выпросившей у галилейского тетрарха голову Иоанна Крестителя, не была дочь Иродиады Саломея, на наш взгляд, можно утверждать с полной уверенностью.

Литература:

1. Григер М.В. Социальный аспект взаимодействия Восток – Запад в римской Иудее (37 г. до н.э. – 135 г. н.э.) // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 149. Кн. 4. Казань, 2007. С. 193–202.
2. Иисус Христос в документах истории / Сост., ст. и комм. Б.Г. Деревенского. СПб., 2013. 576 с.
3. Косидовский З. Сказания евангелистов. М., 1981. 262 с.
4. Неклюдов К.В. Период правления тетрарха Ирода Антипы по данным археологии // Христианское чтение. №5 (40). 2011. С. 31–59.
5. Неклюдов К.В., Ткаченко А.А. Иродиада // Православная энциклопедия. Т. XXVI. М., 2011. С. 651–654.
6. Никишин В.О. Рим и вассальные цари: о некоторых аспектах взаимоотношений // Античный мир и археология. Вып. 19. 2019. С. 129–168.
7. Никишин В.О. Династические браки клиентных царей в правление Августа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. Т. 13. №3. 2021. С. 310–318.
8. Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. 336 с.
9. Тит Ливий. История Рима от основания города / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1993. 768 с.
10. Gillman F.M. Herodias: At Home in That Fox's Den. Collegeville: Liturgical Press, 2003. 136 p.
11. Hoehner H.W. Herod Antipas / Society for New Testament Studies, Monograph Series. Vol. 17. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. 437 p.

12. Jensen M.H. Herod Antipas in Galilee: The Literary and Archaeological Sources on the Reign of Herod Antipas and its Socio-Economic Impact on Galilee. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. 316 p.
13. Jensen M.H. Herod Antipas in Galilee: Friend or Foe of the Historical Jesus? // Journal for the Study of the Historical Jesus. Vol. 5 (1). 2007. P. 7–32.
14. Jensen M.H. The Political History in Galilee from the First Century BCE to the End of the Second Century CE // Galilee in the Late Second Temple and Mishnaic Periods. Vol. I. Life, Culture, and Society. Minneapolis, 2014. P. 51–77.
15. Kokkinos N. The Herodian Dynasty: Origins, Role in Society and Eclipse. Sheffield: Sheffield Academic Press, 1998. 518 p.
16. Krieger K.-S. Geschichtsschreibung als Apologetik bei Flavius Josephus / Texte und Arbeiten zum neutestamentlichen Zeitalter. Bd. 9. Tübingen; Basel: Francke Verlag, 1994. 366 S.
17. Meshorer Y. Ancient Jewish Coinage. Vol. II. Herod the Great Through Bar Kokhba. Dix Hills; N.Y., 1982. 295 p.
18. Shillam M.W. Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings / PhD thesis. University of New England, 2016. 460 p.
19. Schwartz D.R. Malthace, Archelaus, and Herod Antipas: Between Genealogy and Typology // Sources and Interpretation in Ancient Judaism: Studies for Tal Ilan at Sixty (Ancient Judaism and Early Christianity, 104) / Eds. M.M. Piotrkowski, G. Herman, and S. Dönitz. Leiden, 2018. P. 32–40.
20. Treggiari S. Roman marriage. Justi coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford, 1991. 578 p.

УДК 94

ГРНТИ 03.09.23

ПРАВЛЕНИЕ СЕЛЕВКА I: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА

Н.Ю. Сивкина

ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
НОЦ «Славяно-греко-латинский кабинет» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: sivkina@imomi.unn.ru

А.С. Гусева

ННГУ им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород
E-mail: anast.gusewa2018@yandex.ru

***Аннотация.** Селевк I и его сын Антиох приложили огромные усилия к обоснованию своих претензий на царский престол. При этом акцент в пропаганде был сделан на мифологические сюжеты и образы. В статье проводится анализ комплекса источников с целью выявления особенностей мифологических образов, которые использовались ранними Селевкидами. Авторы пришли к выводу, что становление исторического мифа о Селевке было тесно связано с религиозным культом, а также было направлено на укрепление авторитета его династии и закрепление территориальных*

претензий Селевкидов. При этом не следует говорить о сложении мономифа или о ведущей мифологической линии в пропаганде того периода. Правление ранних Селевкидов было временем поиска оптимальной стратегии репрезентации.

Ключевые слова. Селевк I, Селевкидская империя, мифологические традиции, исторический миф.

THE REIGN OF SELEUCUS I: FORMATION OF A HISTORICAL MYTH

N.Yu. Sivkina

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Educational center «Slavic-Greek-Latin cabinet» of the Dobrolyubov national
University

E-mail: sivkina@imomi.unn.ru

A.S. Guseva

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: anast.gusewa2018@yandex.ru

Abstract. *Seleucus I and his son Antiochus made great efforts to substantiate their claims to the royal throne. At the same time, the emphasis in propaganda was placed on mythological plots and images. The article analyzes a set of sources in order to identify the features of mythological images that were used by the early Seleucids. The authors concluded that the formation of the historical myth of Seleucus was closely connected with a religious cult, and was also aimed at strengthening the authority of his dynasty and consolidating the territorial claims of the Seleucids. At the same time, one should not talk about the addition of a monomyth or about the leading mythological line in the propaganda of that period. The reign of the early Seleucids was a time of searching for an optimal strategy of representation.*

Keywords. *Seleucus I, The Seleucid Empire, mythological traditions, historical myth.*

Держава Селевкидов возникла после распада империи Александра Великого, ее населяли многочисленные восточные народы. Селевк Никатор, опиравшийся на греко-македонское меньшинство, в отличие от своего предшественника, остро нуждался в обосновании преемственности и укреплении своей власти. Однако он не обладал такой военной славой и авторитетом, как Александр Македонский, и не мог ссылаться только на близость к нему, в отличие от правителя соседнего государства Птолемея Сотера.

Поэтому Селевк I и его сын Антиох приложили огромные усилия к обоснованию своих претензий на царский престол. При этом акцент в пропаганде был сделан на мифологические сюжеты и образы. Достижение данной цели осуществлялось двумя способами: через словесное выражение

почтительности в легендарном материале и царской титулатуре и через визуальную демонстрацию мифологических образов на монетах. Сведения о формировании данных мифов можно почерпнуть из нарративных, эпиграфических и нумизматических источников. Следует отметить, что, с одной стороны, в центре внимания античных авторов была фигура знаменитого завоевателя Александра Македонского, но люди, которые были близки ему и без упоминания о которых повествование было бы неполным, тоже попадали под влияние легенд [16]. С другой стороны, мифологические традиции закладывались при дворе Селевкидов, распространялись через монеты и устные предания, а позднее они были закреплены в литературно-исторических произведениях. Исходя из сведений источников о политике ранних Селевкидов, можно предположить, что идея и первые шаги по формированию этих мифологем началось при Селевке, а его сын Антиох I продолжил данную тенденцию. Сложно установить, в какой последовательности происходило обращение к различным образам. Вероятно, образы Александра Македонского и различных богов сосуществовали в одной традиции довольно долгое время.

К данной проблеме исследователи обращались в работах, посвященных государству Селевкидов в целом [2; 3; 9; 10; 14] или царскому культу в эллинистическую эпоху [4; 5; 7; 12]. При этом поднятые вопросы остаются недостаточно изученными, поскольку в эпоху эллинизма отношение к образу монарха постепенно эволюционирует от обычной сакрализации или героизации к посмертному обожествлению правителя на основании личностных качеств [12, с. 7]. Также неоднозначным является вопрос об истоках царского культа, а также о том, какие элементы в нем преобладают: греческие или восточные [6, с. 304]. Целью настоящей статьи является выявление особенностей мифологических образов, сохранившихся в источниках, и выяснение, какая мифологическая линия преобладала в пропаганде ранних Селевкидов.

Источники говорят, что Селевк получил много предзнаменований о своей грядущей царской власти. Все эти свидетельства можно разделить на несколько групп: к первой отнесем те, что связаны с фигурой Александра Македонского, ко второй – с Деметрием Полиоркетом, в третью поместим те, что касаются греческих богов, а в четвертую – восточных богов.

Самой многочисленной является первая группа – предзнаменования власти, связанные с Александром: характеристика Селевка во время битвы при Газе – одном из важнейших сражений эллинистической эпохи – «величайший» и «непобедимый», поскольку он принимал участие во всех войнах Александра (Diod. XIX. 81. 1); явление во сне Александра (Diod. XIX. 90. 3-4), который сообщил основателю династии Селевкидов об успехе его похода; диадема, потерянная Александром Великим и возвращенная ему Селевком (Diod. XVII. 116. 6); оракул бога Аполлона (Diod. XIX. 90. 4) предсказал им обоим успех на востоке, и они укротили опасных животных – коня Буцефала (Plut. Alex. 6. 4) и быка (App. Syr. 56).

При этом данные сюжеты нуждаются в определенных комментариях. Во-первых, полученные сведения опираются на источник, в котором Селевк описан с положительной стороны [14, р. 95-96]. Во-вторых, некоторые из этих историй

не являются уникальными; например, Александр Македонский также являлся во сне Деметрию Полиоркету, сыну Антигона и его сопернику, а также позднее и Пирру Великому (Plut. Dem. 29; Plut. Pyr. 8). В-третьих, об участии основателя династии Селевкидов в походе Александра известно крайне мало [10, с. 43], поэтому параллели проводятся через общность их судеб, без акцента на его личные достижения.

Также часто ранние Селевкиды апеллировали к образу Александра и в монетной чеканке, поскольку считали себя его преемниками. Царь был встроен в религиозно-мифологическую картину мира, интегрируясь с культами богов, например, в рассказах об основании городов сирийского Тетраполиса [8, с. 33], конфедерации из четырех городов-столиц державы Селевкидов [1, с. 15].

При этом стоит также отметить, что в градостроительной политике Селевка I и Александра Македонского наблюдаются определенные расхождения: великий полководец лично занимался прорисовкой линий городских стен (Arr. Anab. IV, 1, 3), а основатель династии Селевкидов совершил жертвоприношение и наблюдал за тем, как орел очерчивает линии городских укреплений кровью [11, с. 128-129].

Рассмотрим вторую группу предзнаменований, связанных с действиями Деметрия Полиоркета, соперника Селевка Никатора: сын Антигона «укрепил власть Селевка, ибо разоряя Вавилонию, словно чужую землю, он как бы отрекался от всяких прав на нее» (Plut. Dem.7), а на Всеобщем совете в Истме Деметрий зло потешался над остальными диадохами, называя отца Антиоха — начальником слонов (Plut. Dem. 25). Данные сюжеты базируются на реальных сведениях, а не на мифах: в астрономическом дневнике сохранились сведения о грабежах и изъятии ячменя и фиников (ADRTB –309), а вклад слонового корпуса в победу Селевка при Ипсе (Plut. Dem. 28-29), в одно из важнейших сражений эпохи эллинизма, был общеизвестен. Фактически эти реальные события в поздних литературных сочинениях были представлены как признаки или предвестия его будущей власти.

Стоит рассмотреть третью группу знамений, связанных с греческими богами: Лаодика, мать Селевка, передала сыну перстень, который она получила от Аполлона, и рассказала ему о его происхождении (Just. XV. 4. 6). С этим же богом связано родимое пятно в форме якоря и камень в форме якоря, о который споткнулся основатель династии Селевкидов перед подготовкой к битве при Ипсе (Arr. Syr. 56); самовоспламенившиеся дрова в жертвеннике (Arr.Syr. 56); предсказание оракула в Бранхидах об успешности похода и приветствие его как «царя Селевка» (Diod. XIX. 90. 3-4). При этом, вероятно, данное святилище Аполлона было известно в античном мире еще до Селевкидов [5, с. 108].

Также стоит сказать, что в монетной чеканке ранние Селевкиды также использовали не только образ Аполлона, считавшегося мифическим предком династии, но и его символы: треножник, кифару и якорь [8, с. 33]. Особенно многочисленны данные образы в чеканке Антиоха I Сотера.

В рассмотрении нуждается и четвертая группа предзнаменований, связанных с восточными богами: халдеи предсказали Антигону, что если он упустит Селевка, то потеряет свою жизнь и царство (Diod. XXI. 3); позднее

халдеи рассказали о своей лжи основателю династии Селевкидов из-за «уважения к добродетелям Селевка» (App. Syr. 58). Здесь примечателен тот аспект, что на момент первого предсказания отец Антиоха не был настолько значимым человеком, чтобы Антигон Одноглазый имел основания его опасаться.

О синтетическом характере мифологических представлений династии говорит и царская титулатура на цилиндре Антиоха из храма Набу в Борсиппе – «великий царь, могущественный царь, царь мира, царь Вавилона, царь земель» и «Антиох, сын Селевка, македонянин» (BM 36277). Таким образом, данный титул с одной стороны, в точности воспроизводит эпитеты ассирийских и вавилонских царей и направлен на отождествление не только с этими царями, но и богами Мардуком и Набу, а с другой стороны, Антиох отделяет себя от жителей данного региона [13, p. 160-161].

Стоит сказать, что восточные же образы в монетной чеканке ранних Селевкидов представлены львом, слоном и колесницей, и они напрямую связаны с царской властью [13; 17; 18].

Таким образом, становление исторического мифа о Селевке Никаторе было тесно связано с религиозным культом, а также было направлено на укрепление авторитета его династии и закрепление территориальных претензий Селевкидов. При этом мы не можем говорить о сложении мономифа или о ведущей мифологической линии, поскольку рассматриваемый исторический период был временем поиска оптимальной стратегии репрезентации. Вполне вероятно, что это связано с различным этическим составом и огромным размером территории государства. Из этого следует, что данные элементы историко-мифологической традиции были столь неоднородно представлены в державе Селевкидов.

Литература:

1. Альхатиб Е. Тетраполис эллинистической и Римской Сирии // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №2. С. 15–21.
2. Бивен Э. Царство Селевкидов. Величайшее наследие Александра Македонского. М.: Центрполиграф, 2023. 890 с.
3. Бикерман Э. Государство Селевкидов / пер. с фр. Л. М. Глускиной. М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 264 с.
4. Джарман О.А. Некоторые аспекты культа правителя в эллинистическом культурном обществе // Христианское чтение. 2013. № 3. С. 165–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kulta-pravitelya-v-ellinisticheskom-kulturnom-obschestve> (Дата обращения: 24.01.2024).
5. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., комм. и указатель С.В. Пахомова; Послесл. Ф. Х. Кессиди. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/dodds/dodds.pdf> (Дата обращения: 24.01.2024).
6. Климов О.Ю. Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2010. 400 с. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/klimov_pergamskoe_tzarstvo/klimov_pergamskoe_tzarsto.pdf (Дата обращения: 24.01.2024).
7. Свенцицкая И.С. Восприятие царя и царской власти в эллинистических полисах (по данным эпиграфики) // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990.

8. Сивкина Н.Ю. Монеты Александра Македонского и Селевка Никатора: мифологические образы как символ культурного взаимодействия // Культурное взаимодействие народов и государств: историко-психологические аспекты: Материалы LIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15 мая 2023 года / Международная ассоциация исторической психологии им. проф. В.И. Старцева. Санкт-Петербург: ООО «Полторак», 2023. С. 30-35.
9. Сивкина Н.Ю., Кривошекова Е.В. Вавилония как центр раннеселевкидской империи // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 109-117.
10. Смирнов С.В. Государство Селевка 1-го: Политика, экономика, общество. М: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 344 с.
11. Смирнов С. В. Легенда об основании Антиохии-на-Оронте // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. 6. С. 126–132.
12. Хазина А.В., Зеленцов О.В., Микаутадзе О.Г. Истоки и формы сакрализации царской власти в эпоху эллинизма: к постановке проблемы // Современная научная мысль. 2018. №4. С. 5-9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-i-formy-sakralizatsii-tsarskoy-vlasti-v-epohu-ellinizma-k-postanovke-problemy> (Дата обращения: 24.01.2024).
13. Anagnostou-Laoutides E. In the Garden of the Gods. Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids. Taylor & Francis Group, 2017. 275 p.
14. Landucci F. Diodoro Siculo. Biblioteca storica. Libri XIX-XX. La Grecia e l'Oriente. Commento storico. Milano: Vita e Pensiero, 2021. 391 p.
15. Ogden D. The Legend of Seleucus Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge University press, 2017. 386 p. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/bikerman/index.htm> (Дата обращения: 09.01.2024).
16. Sivkina N. Yu. Olympias: mythological symbols in her image // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration Proceedings of the International Conference. Том Part 2. Beijing, 2022. P. 76–81.
17. Wojcikowski R.S. The Horned Horse and Bow on Bronze Coins of Antiochus I Soter from Europos (Dura) in the Context of Early Seleucid Royal Ideology // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. 2020. Bd.23. S.119–141.
18. Wojcikowski R.S. The horned horse in the coinage of Seleucus I Nicator the iconography of power // Studies in ancient art and civilization. 2021. Vol. 25. P. 123–143.

УДК 94

ГРНТИ 03.09.23

ДИВИНАЦИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Унжаков А.В.
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород
E-mail: alun18@gmail.com

Аннотация. В данной статье делается попытка предложить классификацию существовавших в Древней Греции прорицателей в зависимости от способа обретения способности давать предсказания, в зависимости от количественного состава тех, кто работал над прорицанием, а также в зависимости от использования медиума при передаче прорицания. На примере Дельфийского оракула рассматривается набор требований и атрибутов, способствующих успешному функционированию коллективного прорицателя, к которым предлагается отнести тщательный выбор места,

наличие мифа, лежащего в основе оракула, продуманность и организованность всех связанных процедур.

Ключевые слова. Дивинация, прорицатель, провидец, оракул.

DIVINATION IN ANCIENT GREECE

A. V. Unzhakov

Linguistics University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod

E-mail: alun18@gmail.com

Abstract. *The article makes an attempt to classify seers in Ancient Greece depending on the way they acquired their ability to make predictions, depending on the number of those who produced a prediction and depending on the use of a medium to deliver predictions. Taking the Delphic Oracle for the purposes of illustration, the author discusses the set of requirements and attributes that had to be met to ensure that a collective seer could function successfully. The set, according to the author, included a careful selection of the location, a myth that laid the foundation for the oracle, thoroughly planned and well-organized related procedures.*

Keywords. *Divination, seer, diviner, oracle.*

Как нам известно от Эсхила (484-490), родоначальником искусства провидения был Прометей. Прометей обучил смертных целому многообразию техник прорицания, таким как толкование снов, кледомантия, ауспиции, гаруспиции и эмпиромантия. Любопытно, что ни одно из прочих намного более жизненно важных умений (плотничное дело, животноводство, медицина, мореплавание), которыми Прометей также одарил человечество, не получило столь широкого рассмотрения в работах античных авторов, как искусство дивинации. Следует отметить, что список подобных техник значительно расширяется к поздней античности. Так, Артемидор Далдианский (II. 69) известный благодаря своему сочинению *Ὀνειροκριτικά* («Онейрокритика») о толковании сновидений, перечисляет уже 17 методов дивинации, добавляя, впрочем, что половина из них не вызывают доверия: «...что бы ни говорили пифагорейцы, физиогномисты и гадающие по жребиям, по сыру, по ситу, по чертежам, по ладоням, по блюдам и по мертвым голосам, все это ложь и вздор, потому что с такими своими занятиями и нимало не зная подлинного гадательного искусства, они только обманывают, морочат и обирают встречаемых».

В научной литературе целый ряд книг и статей посвящен данному вопросу, зачастую в подробностях описываются техники составления предсказаний. Мы же попытаемся здесь предложить некоторую классификацию многообразия видов и способов дивинации.

Для начала (вслед за античными авторами) логичным представляется разделить умение прорицать на внутреннее и приобретенное в результате обучения. Известно, что наибольшим спросом и авторитетом пользовались

наследные провидцы, принадлежавшие к роду, практиковавшему дивинацию на протяжении нескольких поколений [8, с. 37]. Зачастую талант предсказателя в таких семьях был получен предком от бога (обычно Аполлона). Например, Геродот (IX. 92–94) рассказывает о Евении из Аполлонии, которого Зевс и Аполлон наделили даром провидца за причиненную тому слепоту. Четырьмя наиболее известными кланами провидцев являлись представители семей Иамидов, Клитиадов, Меламподидов и Теллиадов, которые происходили от легендарных прорицателей эпохи героев. Сказанное, однако, не означает, что путь к искусству дивинации был полностью закрыт для тех, кто (или чей предок) не получил подобный дар от Аполлона. По всей видимости, достаточно широкому распространению искусства прорицания способствовало в том числе и появление книг по данной тематике с конца V в. до н.э. Так, Антифоном из Афин была написана работа о толковании снов; другим афинским автором Клидемом (IV в.) – *Exegesis*; известный древнегреческий историк и прорицатель Филохор (ок. 345 до н. э. — 260 до н. э.) был автором труда «О гаданиях» (περὶ μαντικῆς) [подробно 8, с. 52].

Далее прорицателей можно разделить на индивидуальных (работающих в одиночку) и коллективных. Особенности работы индивидуальных прорицателей, консультирующих своих клиентов по вопросам, выходящим за рамки обыденного, дающих советы военачальнику в канун сражения, мы обсуждали ранее [5, с. 88-93], поэтому здесь мы попытаемся взглянуть на то, что представляли собой конкурирующие организации – оракулы.

Среди оракулов представляется логичным выделить три подгруппы, к которым можно, во-первых, отнести оракулы, где посредством смертных (Пифий), выступающих в роли медиума, бог передавал откровения, отвечая на поставленный вопрос. Во второй подгруппе оракулов вопрошающий проводил ночь в святилище, ожидая, что бог сам появится в сновидениях и даст ответ напрямую. Третья подгруппа оракулов включала в себя оракулы мертвых/некромантии, которые располагались, как правило, в пещерах, считавшимися местами, ведущими в Аид, где души поднимались из мира мертвых, чтобы дать нужный совет.

Остановимся подробнее на первой подгруппе. Зачастую оракул находился на значительном удалении от полисов. Дельфийский оракул, который мы рассмотрим в силу его известности, располагался в гористой местности у подножия южного склона горы Парнас на удалении ~150 км к северо-западу от Афин. Важность местоположения оракула всегда в значительной степени подчеркивалась его служителями. Выбор места зачастую объяснялся каким-либо мифом, дающим понять, что особенного было в таком расположении и почему это место более чем любое другое подходило для соответствующих ритуалов. Что касается Дельфийского оракула, миф, лежащий в его основе, в соответствии с «Теогонией» Гесиода, заключался в следующем: Зевс заставил Кроноса извергнуть назад съеденных им братьев и сестер Зевса. Первым был извергнут камень, который под видом младенца-Зевса Рея скормила Кроносу. Зевс установил этот камень – ὀμφαλός (Омфал, т.е. Пуп Земли) – в долине рядом с Парнасом, что не могло не сделать Дельфийский оракул самым

подходящим местом для дивинаций. Можно, по-видимому, предположить и то, что окружающий пейзаж также играл свою роль при выборе места. Отмечается, что от восхитительных видов в окрестностях Дельфийского оракула захватывало дух [10, с. 34].

Логично предположить, что местное население всячески способствовало укреплению авторитета своего оракула, поскольку тот являлся отличным источником дохода, как в свое время было предсказано самим Аполлоном, отвечающим на вопрос о том, как смогут жить первые священнослужители, выбранные им для оракула:

«И, улыбнувшись, отвечивал им Аполлон дальнострельный: “Вечно вы ищете, духом нестойкие, глупые люди, тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений! Легкое слово скажу я и в души его заложу вам: в правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных...”» (353-359).

(Перевод «К Аполлону Пифийскому» В.В. Вересаева)

Поскольку процесс получения оракула мог занимать несколько дней, местные постоянные дворы и таверны наверняка имели неплохой доход от приехавших получить предсказание. Более того, о прекрасном финансовом положении оракула может свидетельствовать и то, что, как известно, тот был спонсором Пифийских игр, проводившихся каждые четыре года и соперничающих по своей престижности с Олимпийскими играми. Как остроумно отмечает С.Джонстон, посещение одного из основных оракулов можно сравнить с визитом в современный Ватикан. Пока вы ожидаете аудиенции с Папой Римским, вам всегда есть что посетить и посмотреть [10, с. 36].

Сложно сказать точно, когда именно появился оракул в Дельфах и когда он обрел ту самую форму, которая известна нам (с Пифией, дающей предсказания, сидя на треножнике перед расселиной в скале, из которой поднимались испарения ядовитого источника).

По заключению археологов, святилище Аполлона существовало в конце IX в. до н.э., но сложно сказать, был ли уже при нем в это время оракул. Наверняка мы можем утверждать, что оракул существовал в начале VI в. до н.э. Примерно в это время появился упоминаемый выше гомеровский гимн «К Аполлону Пифийскому». То, что, однако, привлекает внимание в данном гимне – это отсутствие упоминаний о Пифии. Возможно, это свидетельствует о том, что ее функция при оракуле – результат некой эволюции в области дивинации. Возможно, впрочем, и то, что, по мнению Гомера, Пифия могла и не являться чем-то достаточно важным и достойным упоминания. Ведь смысл гимна заключается в восхвалении Аполлона, демонстрации того, что он контактирует со смертными, но не в описании того, как это происходит.

Интересную информацию об оракуле мы получаем из сочинения Плутарха «О том, что Пифия более не прорицает стихами». Плутарх, как известно, сам в свое время пребывал в сане жреца при дельфийском оракуле. Уже из названия понятно, что сама работа представляет собой обсуждение (в

кругу друзей) вопроса о том, почему современные Пифии начали давать прорицания в прозе, а не в стихах, как это было раньше. Любопытен пассаж, представляющий собой речь персонажа Теона о том, какой должна быть Пифия (405):

«А Пифия, которая теперь служит здесь богу, заняла это место прекрасно и по праву, как никто другой, и жизнь прожила добропорядочно; но выросла она в бедном крестьянском доме и сошла она в это прорицалище, не принеши с собой никакого искусства, никакого опыта, никаких способностей. Как Ксенофонт полагает, что невеста мужа должна ему представлять, почти еще ничего в жизни не увидев и не услышав, так и эта дева, будучи почти во всем неопытной и несведущей, поистине душой своей сожительствоует с богом».

Резюмируя написанное, Пифия должна была быть добропорядочной, неискушенной и с чистой душой, свободной по возможности от каких-либо своих представлений, с тем, чтобы могла передавать послания Аполлона без каких-либо искажений.

Одним из частых вопросов, интересующих исследователей, состоит в том, каким же образом Пифия входила в соответствующее состояние одержимости? По-видимому, ответ на этот вопрос был найден группой ученых – геологом Дж.З. де Бозром, археологом Дж. Хейлом, которыми были обнаружены две линии сброса породы непосредственно под помещением, где восседала Пифия на своей треноге. Химик Дж. Чантон обнаружил незначительное количество трех видов газа – этилена, этана и метана, выделяющихся из щелей в коренной породе. Следует отметить, что о присутствии «благоуханного духа, запахе сладчайших и ценнейших благовоний», шедшего из святилища, упоминает Плутарх в своем трактате «Об угасании оракулов» (437с). Токсиколог Х. Спиллер, присоединившийся к упомянутой группе, делает заключение о том, что этилен в предполагаемом количестве мог вызывать состояние измененного сознания, в котором человек испытывает эйфорию, сохраняя ясность ума. [9, с.72-73]

По утверждению де Бозра с коллегами, количество выделяемого газа менялось с некоторой периодичностью. С одной стороны, это (казалось бы) можно связать с периодами, когда оракул не работал совсем (в зимние месяцы, как известно, оракулы не давались вообще по причине отсутствия самого Аполлона), с другой стороны, нет доказательств того, что этот газ не выделялся столь долгое время и что это происходило всегда зимой.

Подводя некоторый итог сказанному, представляется возможным выделить несколько типов прорицателей. В зависимости от способа обретения соответствующих способностей прорицатели могли быть наследственными (получившими дар по наследству) и обученными (получившими способность в результате обучения). По количественному составу прорицатели могли быть индивидуальными (работающими в одиночку) и коллективными (оракулами). Последние включали в себя три подгруппы: оракулы, использующие медиума; оракулы без медиума и оракулы мертвых/некромантии. Для коллективного оракула (такого, как Дельфийский оракул) было характерно наличие всех

необходимых атрибутов, таких как миф, дающий лицензию на ведение подобной деятельности и объясняющий выбор места для оракула, продуманность и организованность всех процедур.

Литература:

1. Артемидор. Онейрокритика. Сост., общ. ред., Р.В. Грищенко. СПб., Издательство «Кристалл», 1999, 448 с.
2. Гараджа А.В. Плутарх. Об угасании оракулов 24–52 (перевод и комментарии) // Платоновские исследования. Вып. 18 (2023/1). С. 348-382.
3. Геродот. История. В 9-ти кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М., Издательство АСТ, Ладомир, 2001. 752 с.
4. Плутарх. О том, что Пифия более не прорицает стихами // Вестник древней истории. 1978 г. № 2 (144). Перевод и комментарии Л.А. Фрейберг. С. 231-253.
5. Унжаков А.В. О прорицателях в Древней Греции и их наставнической роли // Сборник докладов Международных научных конференций «Музей как хранитель национальной идентичности на перекрестке материальной и нематериальной культуры» и «XLVII Добролюбовские чтения». Н. Новгород, 2023. С. 88-93.
6. Эллинские поэты VIII-III вв. до н. э. Эпос, элегия, ямбы, мелика. / Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М., Ладомир, 1999, 515 с.
7. Эсхил. Трагедии. Перевод С. Апта. М., Художественная литература, 1971. 383 с.
8. Flower M.A. The Seer in Ancient Greece. University of California Press, 2008, 305p.
9. Hale J.R., de Boer J.Z., Chanton J.P., Spiller H.A. Questioning the Delphic Oracle // Scientific American. Vol. 289, Number 2. August 2003. P. 67-73.
10. Johnston S.I. Ancient Greek Divination. Blackwell Publishing, 2008, 193p.

УДК 327.82

ГРНТИ 11.25.40

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ НА ПРИМЕРЕ КНР

Момзина Е.А.

Ночвина Б.А.

НГЛУ им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород

E-mail: momzina07@inbox.ru

E-mail: bella.nochtvina@mail.ru

Аннотация. Китай имеет длительную историю формирования дипломатии, которая на сегодняшний день является одним из главных факторов поддержания крепких международных отношений и единственным безопасным путем защиты своих национальных интересов. Публичная дипломатия Китая занимает главенствующее место и роль во внешней политике Китая. Данная статья посвящена анализу инструментария реализации публичной дипломатии на примере КНР, а также выявлению специфики китайской стратегии «мягкой силы» на современном этапе. Результатом статьи является характеристика принципов и механизмов

публичной дипломатии КНР, перспективный анализ вектора современной внешней политики Китая.

Ключевые слова. Публичная дипломатия, «мягкая сила», национальная безопасность, традиционализм.

THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF MODERN PUBLIC DIPLOMACY ON THE EXAMPLE OF CHINA

E.A. Momzina

B.A. Nochtvina

Linguistics University of Nizhny Novgorod

E-mail: momzina07@inbox.ru

E-mail: bella.nochtina@mail.ru

Abstract. *China has a long history of forming diplomacy, which today is one of the main factors in maintaining strong international relations and the only safe way to protect its national interests. China's public diplomacy occupies a dominant place and role in China's foreign policy. This article is devoted to the analysis of the tools for the implementation of public diplomacy on the example of the People's Republic of China, as well as to identifying the specifics of the Chinese strategy of "soft power" at the present stage. The result of the article is a description of the principles and mechanisms of public diplomacy of the People's Republic of China, a promising analysis of the vector of modern Chinese foreign policy.*

Keywords. *Public diplomacy, "soft power", national security, traditionalism.*

В настоящее время, в условиях глобализирующегося мира, ожесточенной конкуренции и конфронтации, публичная дипломатия является базисом выстраивания тесных, долгосрочных экономических и политических связей на международной арене. Для внешней политики каждого государства публичная дипломатия играет огромную роль, влияя на положение и статус государства.

Сегодня для успешной реализации внешнеполитических целей особое внимание уделяется выгодному представлению и проявлению политического имиджа государства за рубежом, что в свою очередь достигается правильно выбранной тактикой использования инструментов публичной дипломатии. Также стоит отметить, что возможности публичной дипломатии широко используются в урегулировании и предотвращении конфликтов. Иными словами, публичная дипломатия в современном мире способствует смещению акцентов государства с введения военных механизмов обеспечения собственного международного влияния на введение в дипломатический арсенал инструментов мягкой силы. КНР является ярким примером, добившимся заметных результатов в использовании «мягкой силы» как фундамента публичной дипломатии в своей внешней политике.

Впервые термин «мягкая сила» был озвучен официальным Пекином в 2006 г. на VIII Всекитайской конференции представителей литературы, когда Председатель КНР Ху Цзиньтао призвал «увеличивать международную

конкурентоспособность культуры страны и повышать “мягкую силу” государства» [1]. Год спустя в своей речи на XVII съезде КПК глава КНР призвал «осознать важность повышения “мягкой мощи” государства в лице культуры, чтобы лучше гарантировать основные культурные права и интересы народа, сделать красочнее культурную жизнь общества и более возвышенным духовный облик народа» [2]. Китай наряду со многими государствами имеет длительную историю формирования дипломатии, считая ее основополагающим фактором защиты своих национальных интересов. В Китайской Народной Республике большое значение уделяется как раз публичной дипломатии, которая вкупе с традиционной дипломатией обеспечивает национальную безопасность государства, защиту внешней политики и лучшее понимание ценностей и институтов собственного государства за рубежом. Так как основа китайской культуры была заложена в древности, она стала почвой для возникновения и дальнейшего развития инструментов мягкой силы. Для Китая, стратегия дипломатии которого складывается из идей «победа возможна и без боя», внешнеполитический курс опирается на продвижение своих интересов без использования насильственных методов, это в свою очередь показывает важность понятия «мягкая сила». Такая тактика основана на традиционной философии конфуцианства. На протяжении тысячелетий Китай обеспечивал «устойчивость китайской государственности не своим могуществом, а “духовным обручем” конфуцианства, склонного к гармонизации миропорядка и к компромиссам во имя сохранения в любой ситуации» [3, с. 221].

Традиционный характер отношений с соседними странами и представление о собственной уникальности не исчезли без следа, и во многом определяют особенности развития публичной дипломатии КНР на современном этапе. Китай стремится обрести статус великой державы. Многовековой опыт использования несиловых средств воздействия помогает реализовать поставленную цель на практике [4, с. 105]. Современная публичная дипломатия Китая, в отличие от традиционной дипломатии, старается более обширно взаимодействовать с аудиторией, включая гражданские общества, СМИ, международные конференции, продвижение своих культурных интересов при помощи академических, учебных заведений, стажировок.

В настоящее время механизмами реализации современной публичной дипломатии выступают:

1. Культурные обмены
2. Международные форумы, конференции и проекты
3. Вещательные СМИ и технологии
4. Различные стипендиальные программы

Культурные обмены – данная программа помогает улучшить различные виды общения с влиятельными структурами в других государствах, способствует созданию благоприятного впечатления о государстве за рубежом и углублению взаимопонимания, тем самым выявляет и укрепляет культурную близость двух и более отдельных государств [5].

Примером успешного проведения программы культурного обмена служит Институт Конфуция. В эпоху постепенного увеличения экономического и

политического веса КНР на мировой арене китайский язык становится все более и более популярным. В этой связи китайское правительство Госсовет КНР, изучив опыт иностранных структур по продвижению языка и культуры в 2004 году, официально одобрил «Проект моста китайского языка». Произошло первое открытие Института Конфуция, который с тех пор развивается путем «государственной поддержки и народной эксплуатации» [6, с. 2]. Первый институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 года в столице Республики Корея Сеуле. На сегодняшний день существуют 525 Институтов Конфуция (ИК) и 1113 Классов Конфуция (КК). Распространение китайского языка и китайской культуры имеет уникальные преимущества. Прежде всего, китайский язык – один из самых используемых языков в мире, а с развитием КНР и улучшением ее международного статуса во многих странах знание китайского языка стало особым конкурентным преимуществом для занятости и ведения бизнеса. Поэтому в настоящее время создание институтов Конфуция по всему миру получило преимущественно положительную оценку международного сообщества и вызвало интерес у многих государств.

Международные форумы конференции и проекты – Китай активно участвует в международных форумах и конференциях, где представители разных стран обсуждают важные мировые проблемы. Китай использует эти платформы для выражения своих взглядов, представления своих интересов и установления контактов с другими странами. Примером может служить инициатива «Один пояс, один путь». На рубеже веков товарооборот между Европой и Азией стал стремительно расти, что потребовало новых логистических и инфраструктурных путей для более быстрой и менее затратной доставки товаров из одной части континента в другую. «Один пояс – один путь» – это самый глобальный экономический проект Китайской Народной Республики: страна активно продвигает данный проект, он является её главным внешнеполитическим приоритетом [7, с.2].

Вещательные СМИ и технологии – способны усилить или ослабить общественное внимание и тем самым сформировать точку зрения общества. Вещательные СМИ также способны дать различное представление об одних и тех же людях и событиях и дать свою оценку происходящему, которая может изменять мнения в пользу или во вред вещающим лицам или государствам. Мнение зарубежной общественности формируются в основном транснациональными медиа, которые сообщают о мировых событиях, в связи с чем национальным правительствам становится все труднее контролировать информационные потоки; поэтому важно использовать публичную дипломатию для формирования положительного имиджа государства и изменять восприятие иностранной общественности или влиять на него.

Различные стипендиальные программы – Китай предлагает стипендии и образовательные программы для иностранных студентов, чтобы привлечь талантливых молодых людей со всего мира. Это помогает укрепить культурные связи и установить долгосрочные партнерства с другими странами.

Также стоит отметить, что современная публичная дипломатия выступает в форме диалога: важным аспектом публичной дипломатии является не только

донести определенную информацию до публики, но и проанализировать обратную реакцию и, при необходимости, скорректировать стратегию. Активное использование новых технологий и возможностей сети Интернет в публичной дипломатии привело к появлению терминов «кибердипломатия» или «публичная дипломатия Web 2.0». Повлиял на публичную дипломатию и пришедший из маркетинга термин «брендинг», подразумевающий возможность оценивать государство с точки зрения его привлекательности как бренда. Обогатила инструментарий публичной дипломатии и так называемая дипломатия гуманитарной помощи (aid diplomacy), призванная улучшать имидж государства среди населения других стран благодаря активному финансовому участию в решении их насущных проблем.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что основным инструментом наращивания «мягкой силы» государства в современном мире является публичная дипломатия; это, в свою очередь, является основной особенностью публичной дипломатии Китая. Публичная дипломатия играет важную роль в международных отношениях Китая. Она позволяет стране улучшить свой имидж, установить доверительные отношения с другими государствами и привлечь внимание к своим интересам и целям. При помощи представленных механизмов реализации публичной дипломатии Китай укрепляет свою позицию на международной арене.

Литература:

1. Hu Jintao. (n.d.) Hu Jintao: Speech on the Eighth National Congress of the China Federation of Literary and Art Circles. People's Daily. [Online] Available from: <http://culture.people.com.cn/GB/22219/5026372.html>.
2. Hu Jintao. (n.d.) Hu Jintao's Report to the Seventeenth National Congress of the Communist Party of China. 17th National Congress of the Communist Party of China. [Online] Available from: <http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm>.
3. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм «с китайской спецификой» // Вестник МГИМО. 2010. – № 1 – С. 221–236.
4. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе // Новая и новейшая история. – 2018. – № 5 – С. 105–110.
5. Maarek, P.J. and Wolfsfeld, G. (Eds) 2003. Introduction. In, Political Communication in a New Era: A Cross-National Perspective. London: Routledge.
6. Деятельность КНР по международному продвижению китайских языка и культуры // Общество: философия, история, культура. – 2020. – С. 2. [Электронный ресурс] URL:cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-knr-po-mezhdunarodnomu-prodvizheniyu-kitayskih-yazyuka-i-kultury/viewer (дата обращения 08.12.2023).
7. Пименова А.О. «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КИТАЯ // Концепт. – 2020. – № 5 – С. 2–10.

**ЗАВТРАК У ИМПЕРАТОРА,
ИЛИ КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ**
Опыт исторической реконструкции

Багровников Н.А.
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
Нижний Новгород
E-mail: depokunzevo@mail.ru

Аннотация. В статье в формате виртуального знания (к нему относятся мифы, сказки, предания, их преломления и интерпретации в произведениях изобразительного искусства) осуществляется историческая реконструкция знакового события. События, положившего, как представляется автору, начало зарождения в России XIX в. двух противоположных общественных течений: западничества и славянофильства. При этом подчеркивается неукоснительная забота императорской власти о внутренней стабильности государства, о сохранении традиционных ценностей. Также акцентируется то состояние постоянного враждебного внешнеполитического окружения, на которое приходилось реагировать императору Николаю I и его единомышленникам. Принимать во внимание в осуществлении внутренней политики. В этом контексте проводятся актуальные проекции на современность: на вызовы коллективного Запада, требующие от России адекватного ответа.

Ключевые слова. Николай I, А.Х. Бенкендорф, западники, славянофилы.

**BREAKFAST AT THE EMPEROR'S,
OR HOW IT WAS actually**
The experience of historical reconstruction

N.A. Bagrovnikov
Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University
Nizhny Novgorod
E-mail: depokunzevo@mail.ru

Abstract. In the article, in the format of virtual knowledge (it includes myths, fairy tales, legends, their refraction and interpretation in works of fine art), a historical reconstruction of a significant event is carried out. The events that marked, as it seems to the author, the beginning of the emergence in Russia of the XIX century of two opposite social trends: Westernism and Slavophilism. At the same time, the strict concern of the imperial government for the internal stability of the state and the preservation of traditional values is emphasized. The author also emphasizes the state of a constant hostile external political environment, to which Emperor Nicholas

I and his associates had to react. To take into account in the implementation of domestic policy. In this context, current projections on modernity are being carried out: to the challenges of the collective Reserve, which require an adequate response from Russia.

Keywords. *Nicholas I, A.H. Benkendorf, Westerners, Slavophiles.*

В холодное пасмурное утро месяца февраля 1827 г. шеф жандармского управления, граф Александр Христофорович Бенкендорф был приглашен на завтрак к Императору Николаю I. Скушавши под водочку поросенка с хреном, они, уже за десертом, предались неторопливой беседе. И тут государь задал графу вопрос, ради которого он его, собственно, на завтрак и пригласил:

– А что, Александр Христофорович, подданные мои... они – вольнодумствуют?

– Вольнодумствуют, Ваше Императорское величество, еще как вольнодумствуют!

– И насколько же далеко простираются их вольнодумства?

– Далеко простираются, страшно сказать, как далеко, Ваше Императорское величество...

– Как же Вы, граф, с этими их вольнодумствами справляетесь?

– С великими трудами, Государь. Но справляюсь.

– Видите ли, граф, мне тут, совсем недавно, читали на ночь сочинение одного занимательного немецкого философа. Как его... забыл фамилию... Ну Бог с ним... Главное – я сумел понять из его рассуждений, что неизбывное количество вольнодумств при их неуклонном количественном приращении способно привести к коренному субстанциональному преобразованию и самих носителей вольнодумств, и того, против чего они, эти вольнодумства, столь неосмотрительно направлены. И согласитесь, Бенкендорф, что при таком философически обоснованном предвидении мы можем столкнуться с повторением того ужасного бунта, который с таким трудом был подавлен два года тому назад.

– Столкнемся, Государь, всенепременно столкнемся!

– И это осмеливаетесь говорить мне Вы? Шеф моей Тайной канцелярии? Я весьма ценю Ваши прошлые заслуги, Бенкендорф, но согласитесь, что Ваши теперешние слова огорчают меня и могут даже заставить задуматься, не отдать ли распоряжение подыскать для Вас менее ответственную должность.

– Ваше Императорское величество! Позвольте убедительно просить Вас не торопиться. Разрешите высказать суждение, что, служа Вам и Отечеству, – именно в этой своей, теперешней должности – я смогу принести наибольшую пользу. Дело в том, что я давно уже думаю над всем этим. Особенно над долгосрочными опасностями для Российской империи, исходящими из ее чиновничьего сословия. И результатом моих, и помощников моих размышлений, наших трудов и ночных бдений стал один проект. Но он еще не отделан, не уточнен в деталях. И только по этой причине я не осмеливался представить его Вашему Императорскому величеству. Но если Вы, Государь, дадите на это свое высокое согласие, я готов изложить его Вам прямо сейчас.

– Излагайте, Бенкендорф!

– Видите ли, Государь, вольнодумство на... Ваших подданных надо мудро организовать, а затем оным по-отечески руководить. Другими словами, ввести его в контролируемое и управляемое русло. Для этого я предлагаю разделить все дворянское сословие Российской Империи на две группы. И пусть первая из них упорно проводит такую точку зрения, что дворянам в бане прилично париться исключительно дубовыми вениками. Но никоим образом не березовыми, поскольку березовыми розгами секут, по их же распоряжениям, их крепостных. Другая же группа будет, в противовес первой, изо всех сил настаивать, что для дворян вполне вместно, а для женских полов, к дворянскому сословию принадлежащих, и вовсе по ихней природе необходимо использовать наряду с дубовыми вениками и веники березовые. Как более мягкие орудия, хлестко и при этом с подобающей нежностью облегающие прекрасные извивы прекрасных тел...

– Гм... Хорошо излагаете, граф. Продолжайте!

– А для полной картины непримиримости этих идейных позиций предлагаю данное разграничение по отношению к использованию банных веников дополнить жестким противостоянием и по тому принципиальному вопросу, с какой стороны русскому дворянину более прилично начинать поросенком (ох как вкусен был поданный по Вашему приказу поросенок, Государь!) водку закусывать. Консервативные ревнители дубовых веников будут настаивать, допустим, что всенепременно – с пяточка. А более либеральные приверженцы березы – с не меньшим и достойным восхищения упрямством, что, извините, Государь, с зада, т.е. – с хвостика...

– У Вас хорошие помощники, граф. Должен с удовлетворением отметить, что Вы умеете подбирать кадры. Но согласитесь, Бенкендорф, все, что Вы с такую живостью изложили, имеет значение исключительно для внутреннего положения государства. Но как при этом еще и уязвить столь неблагоприятно настроенную к нам Европу? Ведь из Вашего проекта на все ее постоянные зловерные демарши весьма затруднительно придумать что-нибудь большее, чем, скажем, то, что русская горчица, под водку и поросенка, – гораздо острее, вкуснее и полезнее, чем горчица французская...

– Я думал и об этом, Ваше Императорское величество. Для подкрепления антиевропейского значения проекта предлагаю использовать законопослушное и верноподданническое недовольство Ваших наиболее патриотически настроенных подданных против распространяющейся в обеих столицах западной моды, нерусской манеры одеваться, использования новых, странно звучащих для славянского уха слов, а также французских парфюмерных салонов, ихних же галантерейных, винных, книжных и продуктовых магазинов, саун и массажных заведений. Смею уверить Вас, Государь, такие настроения среди Ваших подданных, даже несмотря на их вольнодумство, – есть. Да, они есть, и их немало... Я тут намерен был в театре и посмотрел комедию этого..., как его, Александра Едогрибо...

– Грибоедова, Александр Христофорович.

– Да, да, прошу прощения, Государь, конечно, – Грибоедова. Так в ней один московский почтенный отец семейства, над которым почему-то публика смеялась, с такою искренней и проникновенной убежденностью высказывал именно такие мысли!

– То, что публика смеется над Фамусовым, это уже Ваша недоработка, граф! Впрочем, и профессора в университетах сильнее наблудили... Однако и это нам во благо. Эти смеющиеся и составят, по представленному Вами проекту, противоположное – прозападное направление. Кстати, сколько Вы весите?

– 75 килограмм, Ваше величество.

– Слишком много... А сколько Вам лет?

– 43 года, Государь.

– На каждый день Вашего рождения Вы будете получать из казны золотых червонцев по количеству исполнившихся Вам лет. Что касемо Вашего проекта, то наискорейшим образом представьте его мне в письменном виде. С указанием имен Ваших помощников. Предварительно выражаю в отношении одного свое Высочайшее одобрение. Итак, пусть одна половина моих вольнодумствующих подданных зовется западниками, а другая, преданная Престолу и Отечеству, – славянофилами. Быть по сему. Осталось подобрать говорунов, способных возглавить тех и других. Займитесь этим, граф. И прошу Вас, разберитесь, в конце концов, с театральной публикой, дерзновенно позволяющей себе высмеивать убеждения, перед которыми исконно русскому человеку надлежит благоговеть и неуклонно таковым в жизни следовать!

МАТЕРИАЛЫ

***ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ***

***«УСАДЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ
КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ
И ХРАНИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»***

**КРЕСТЬЯНЕ-ОДНОДВОРЦЫ КАК ОСОБЫЙ ТИП
РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ
(на примере хутора Кутепова Тульской губернии)**

Дьяконов А.В.
Нижегородская духовная семинария,
Нижний Новгород
E-mail: 79103842014@ya.ru

Аннотация. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) (1924-2001), 100-летие со дня рождения которого Нижегородская епархия будет отмечать в 2024 году, был нижегородским архипастырем 24 года – с 1977 по 2001 гг. Он происходил из рода крестьян-однодворцев, которых в XIX веке называли «казёнными» крестьянами. Семья приснопамятного владыки Николая до 1930 года проживала на хуторе Кутепова Тульской губернии, который был типичным поселением крестьянина-однодворца, со всеми присущими этой культуре традициями, обрядами и укладом жизни. Как и положено для поселения крестьянина-однодворца, земли у них было много, держали большое количество домашнего скота, выращивали хлеб и имели большие сады. Таким образом, можно сказать, что хозяйство было крепким, зажиточным. В статье рассматривается происхождение и история сословия крестьян-однодворцев, а также уклад их жизни и традиции.

Ключевые слова. Митрополит Николай (Кутепов), Тульская губерния, хутор Кутепова, крестьяне-однодворцы, казённые крестьяне.

**STATE-OWNED PEASANTS AS A SPECIAL TYPE
RUSSIAN PEASANT MANOR CULTURE
(on the example of Kutepovo farm in Tula province)**

A.V. Diakonov
Nizhny Novgorod Theological Seminary,
Nizhny Novgorod
E-mail: 79103842014@ya.ru

Abstract. Metropolitan Nikolai (Kutepov) of Nizhny Novgorod and Arzamas (1924-2001), whose 100th birthday the Nizhny Novgorod Diocese will celebrate in 2024, was the archpastor of Nizhny Novgorod for 24 years – from 1977 to 2001. He came from a family of peasants-odnodvoretz, who in the XIX century were called “state-owned” peasants. Until 1930, the family of the ever-memorable Vladyka Nicholas lived on the Kutepovo farm in the Tula province, which was a typical settlement of a peasant-a single-family man, with all the traditions, rituals and way of life inherent in this culture. As it should be for the settlement of a peasant-

odnodvoret, they had a lot of land, kept a large number of livestock, grew bread and had large gardens. Thus, we can say that the economy was strong, prosperous. The article examines the origin and history of the estate of peasants-odnodvoret, as well as their way of life and traditions.

Keywords. *Metropolitan Nicholas (Kutepov), Tula province, Kutepovo farm, peasants are odnodvoret. state peasants.*

В 2024 году Нижегородская епархия отмечает 100-летие со дня рождения приснопамятного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова) (1924-2001), управлявшего Горьковской (Нижегородской) епархией почти четверть века с 1977 по 2001 годы. Это был несоветский человек советского времени, воспитанный, благодаря своим наставникам, в лучших традициях пастырей и архипастырей дореволюционной России и пронесший эту закалку через весь непростой XX век. Он жил и в Советском Союзе, и в постсоветской России 1990-х годов, став свидетелем слома идеологий и смены общественных и государственных формаций. Однако начиналось все в самые первые годы новой Советской России в 1924 году.

Нам не очень много известно о детских годах жизни Владыки Николая, поскольку весь опыт прошедшей жизни научил его быть мало откровенным. Только в последние годы жизни владыка стал более откровенным, стал больше говорить о своих родителях и своём детстве. Мы знаем, что он родился в семье крестьян-однодворцев, проживавших в Тульской губернии. Отец Владыки Николая – Василий Ильич Кутепов родился в тульском местечке Абакумовские выселки Богородицкого уезда в семье казённых крестьян, как тогда называли сословие крестьян-однодворцев. Мама Варвара Ивановна была крещена 29/30 ноября 1892 года в церкви села Костомарово Вышне-Крапивинского уезда Тульской губернии.

Жили они, и в том числе будущий владыка Николай до 6 лет, недалеко от села Абакумовские выселки в доме родителей его отца на собственной земле на хуторе Кутепо, получившем название по фамилии деда. Хутор представлял собой один большой двор или хозяйство, в котором до раскулачивания уже в советское время (в 1930 году) проживала большая семья Кутеповых и их наёмные работники. Земли у них было много, держали большое количество домашнего скота, выращивали хлеб и имели большие сады. Таким образом, можно сказать, что хозяйство было крепким, зажиточным.

В этой связи возникает вопрос: а кто были такие эти крестьяне-однодворцы, к сословию которых принадлежал род приснопамятного Владыки Николая и как была устроена жизнь их хутора Кутепо, представляющего собой типичный двор или хозяйство этого сословия? Попробуем ответить на этот вопрос. Однодворцы в Российской империи – это сословие или социальный слой, возникший при расширении юго-восточных границ Русского государства и состоявший из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и несших охрану границы. Однодворцы имели право личного землевладения и владения крестьянами. Сам термин «однодворец»

впервые был официально употреблён в применении к служилым людям низших разрядов в указе 1719 года о всеобщей переписи.

Однодворцы происходили из западнорусских и южнорусских земель Русского государства и проживали на бывших приграничных землях в западных и центрально-южных губерниях России – Воронежской, Курской, Орловской, Брянской, Тульской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской. С началом царствования Петра I происходит постепенное превращение однодворцев в обычных государственных крестьян. 24 ноября 1866 года был издан закон «О поземельном устройстве государственных крестьян», в соответствии с которым сословие однодворцев было формально упразднено, хотя вплоть до начала XX века они сохраняли свои порядки и обычаи, строго придерживаясь несмешания с другими сословиями. Таким образом, можно сказать, что однодворцы являлись потомками служилых людей, несших дозорную и сторожевую службу на западных и южных границах в XVI—XVII веках, которые в дальнейшем не приобрели права российского дворянства.

Понятие «однодворец» прочно вошло в официальные документы уже к середине XVII века и обозначало людей, которые сами, а также их предки в прошлом служили в дворянском ополчении, но из-за бедности и запустения земель больше служить не могли, потому что всё их поместье состояло из одного двора (отсюда и появилось название). Жалованья неслужащие дворяне не получали, а собственные скудные доходы не позволяли им отправиться на службу, оставив хозяйство. Государство подобная ситуация устраивала, поскольку однодворцы жили по западной лесной и южной лесостепной границе и своим присутствием на этих землях способствовали их хозяйственному освоению и, кроме того, могли выступить в их защиту в случае прямой военной угрозы.

В начале XVIII века ситуация изменилась. С одной стороны, южная граница Российского государства отодвинулась, и служилые люди, поселённые между Тульской и Белгородской оборонительными линиями, оказались уже не на границе, а внутри страны, оборона же границ была возложена на регулярное войско. После введения Петром I обязательности службы для всех без исключения дворян те из однодворцев, кто не мог или не желал поступить на службу, не приобрели дворянских прав и поместий и остались в прежнем состоянии. Однодворцы платили налоги и несли повинности (в том числе рекрутскую), однако могли владеть землёй и крестьянами. Однодворцы были освобождены от телесных наказаний. Как и дворяне, все однодворцы уже в XVII веке имели фамилии и в документах упоминались только с ними. Подавляющее большинство однодворцев выбирали в жёны представительниц своего сословия, чья сословная принадлежность фиксировалась в приходских регистрационных документах.

Таким образом, как сословная категория однодворцы сформировались уже к началу XVIII века. Однако с начала XIX века с общим изменением отношения правительства к дворянскому сословию меняется и положение однодворцев, которые начинают рассматриваться всё в большей степени не как «бывшие дворяне», а как государственные крестьяне. Окончательно они были

переведены в это сословие в 1866 году, однако в местах традиционного проживания ещё долго сохраняли сословное самосознание. Даже после ликвидации сословия их потомков продолжали именовать однодворцами, подразумевая их особый, исторически сложившийся этнотип русского народа, хотя в документах уже не фиксировался факт их происхождения из прежнего сословия крестьян-однодворцев.

Подобно дворянам, однодворцы могли владеть землёй и крестьянами. За службу правительство выделяло однодворцам небольшие земельные участки в несколько десятков гектаров и одну семью (двор) крепостных крестьян для его обработки. Отсюда появилось название – помещики, которое позднее осталось только за дворянами-вотчинниками. Земля передавалась в пожизненное пользование главе семьи-двора – «большаку», который имел право передавать участок по наследству старшему сыну. До 1840 года однодворцы обладали правом владеть крепостными людьми, но фактически этим правом пользовались лишь единицы (в 1830-е годы насчитывалось более миллиона однодворцев, а крестьян у них – 11 тысяч). Со своими крестьянами однодворцы, как правило, жили одним двором. Фактически однодворческая группа занимала промежуточное положение между помещиками и крестьянами, но не слилась ни с теми, ни с другими.

Журнал «Юридический Вестник» в XIV томе за 1883 год писал: «...В Старковском обществе крестьяне Старковы рассказывают, что у деда их было 7 человек крепостных крестьян, с которыми он вместе работал... Рядом находятся землевладельцы из дворян, происшедшие от одного рода с крестьянами, но выделившиеся. Эта родственная связь не отрицается и самими крупными землевладельцами, несомненно, столбовыми дворянами; подтверждается и тождеством фамилий». Писатель второй половины XVIII века В.Т. Нарезный в романе «Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» изображает быт однодворцев, который мало в чём изменился после петровских времен. Вспоминая свою молодость, герой романа говорит: «Из таковых князей был почтенный родитель мой, князь Симон Гаврилович Чистяков. При кончине своей он сказал мне: “Оставляю тебя, любезный сын, не совсем несчастным: у тебя довольно поля есть, небольшой сенокос, огород, садик и, сверх того, крестьяне – Иван и мать его Марья. Будь трудолюбив, работай, не стыдясь пустого титула, и Бог умножит твоё имущество”».

Во главе однодворческого поселения («слободы») стоял управитель, назначаемый военной администрацией. Его сначала по традиции именовали атаманом. Это вполне логично, так как большинство служилых слободы значились городскими казаками, а у казаков, поступивших на службу станицами, сохранялись выборные атаманы. По сути, управитель был администратором, которому доверялось исполнение указов, приходящих сверху. Он же, управитель, обеспечивал сбор необходимых налогов и податей, отвечал за верность списков жителей поселения, решал вопросы внутреннего устройства и отстаивал интересы однодворцев в уезде и в провинции. Чтобы пресечь массовое «бегание» однодворцев, 15 июля 1747 года вышел Указ Сената № 9421 «*О переходе однодворцам со своих однодворческих земель, без*

указа, на другие земли», в соответствии с которым однодворцы без разрешения однодворческих управлений не имели права не только переезжать на другое место жительства, но и отлучаться на длительное время, например, на заработки. Указ фактически лишил однодворцев личной свободы.

Земли однодворцев составляли две группы. В одной из них были поместные участки их предков, участки, данные казной для ликвидации малоземелья, захваченные однодворцами в дикой степи и купленные волостью или селением. Межевая инструкция 1766 года запрещала их продажу, в XIX веке они считались казёнными, если даже их владелец-однодворец становился дворянином. Во второй группе – земли, лично купленные и лично жалованные в вотчину. Принцип распределения общих земель был не подушным, а подворным. По традиции их можно было продать лишь однодворцу. Однако, несмотря на это, землевладение однодворцев в XVII-XIX вв. подвергалось сильнейшему сокращению под натиском помещиков. При Павле I, в 1798 году, вышел указ, предписывающий: «Земли однодворцев, принадлежащие предкам по дачам или купленные сверх положенной нормы в 15 десятин, не трогать, в казну не отбирать, а ещё удовлетворять прирезкой из казённых угодий до 15 десятин на душу».

Особенностью однодворцев были внутрисословные браки. Многие сёла и деревни *«из стари»* условно делились их обитателями на две стороны: *«однодворки»* и *«барские»* (помещичьи). Представители обеих частей села традиционно недолюбливали друг друга, и смешанные браки между ними были большой редкостью. В среде однодворцев даже можно уловить своеобразие говора, отличного от языка других жителей: «Барские и говорят как-то не так – ни буду, ни хочу, ни знаю, а мы – анадворцы – ня буду, ня хочу, ня знаю». Отличия были не только в говоре, но и в поведении, в одежде, в традициях и даже во внешности. За почти 200 лет своего существования эта группа осталась достаточно замкнутой, однодворцы женились преимущественно на дочерях однодворцев, реже мещан и священнослужителей и практически никогда на крестьянках. Поэтому они сохранили свои культурные особенности, в том числе строгое воспитание детей с наказаниями, а также этнические традиции в одежде и быту. «Наследственная дворянская гордость однодворцев – характерная черта, о которой согласно говорят почти все наблюдатели... молодёжь однодворческая гуляла отдельно от крестьянской», – писали современники.

Однодворцы, так же как казаки и военные поселяне, считались сельскими обывателями, приписанными к военной службе, и подчинялись военному ведомству. В случае необходимости однодворцы быстро и умело объединялись в полки. Набирали однодворцев на службу отдельно от крепостных и в определённой пропорции. В 5-м рекрутском наборе брали по одному рекруту с 65 однодворческих дворов. В то же время крестьян – по 1 – с 50 дворов. У однодворцев собирался волостной Сход, где решали, кто пойдёт служить. Если семья однодворца была не согласна с решением, то могла нанять за себя «охотника». Часто это был «гулящий», не закреплённый ни за каким сословием

человек. Его представляли на Сходе и, скинувшись ему деньгами, обмундировав, отправляли его на службу.

В XVIII веке на службу брали в своём большинстве здоровых мужчин в возрасте от 15 до 32 лет. Чаще брали в 18 лет, хотя могли взять и в 28, и позже. Из трёх сыновей в семье однодворца в рекруты брали двоих, а одного оставляли для поддержания хозяйства. До введения Всеобщей воинской повинности в 1871 году однодворцы служили не 25 лет, как рекруты из крестьян, а только 15. Причём если оторвало палец и не может стрелять, отправляли в отставку, мол, пусть теперь послужит семье и сделает в ней пополнение. Митрополит Николай говорил: «В моём роду почти все мужчины, все мои дяди по линии отца, были людьми могучими, здоровыми и ещё до революции служили в царской гвардии. Один из них, Семён Федорович Кутепов, остался служить в армии и после 17-го года, воевал в Великую Отечественную и даже вошёл в русскую литературу в образе генерала Серпилина в романе Константина Симонова “Живые и мёртвые”». Таким образом, все предки приснопамятного владыки служили в армии, как и было предписано сословными обычаями крестьян-однодворцев.

Однодворческая культура долгое время сохраняла собственные традиции в одежде, фольклоре, речи и на протяжении XVIII – нач. XX веков почти не ассимилировалась с немногочисленным пришлым населением из числа крепостных крестьян. Эту особенность отмечал родившийся и живший среди однодворцев известный русский писатель И.А. Бунин, происходивший из мелкопоместного дворянства, к середине XIX века уже мало чем отличавшегося от потомков бывших служилых людей и казаков. В однодворческом населении рано начала проявляться потребность в образовании, и, согласно некоторым свидетельствам, за отсутствием официальных школ, которые начали появляться только в XVIII веке, после смерти Петра I, существовало домашнее обучение, когда дети учились считать, писать и читать церковные книги.

При этом элементарной грамотности детей однодворцев нередко обучали священники и служащие церковного причта. Однако большинство детей обучалось у грамотных родителей, отставных военнослужащих, писарей и бродячих учителей, которые обычно были из крестьян. В народе их называли «учитель вольной школы». Их приглашали как для индивидуального обучения, так и для преподавания в «вольной школе», где обучалось несколько детей. Процесс обучения был поэтапным, от грамматики к часослову, а от часослова к псалтырю. Причём переход от одной книги к последующей и для наставников, и для их питомцев был настоящим праздником. В такой день было принято подносить учителю горшок с кашею, осыпанной сверху деньгами. Самим ученикам родители дарили по пятаку или по гривне меди. Таким образом утверждалась грамотность среди однодворцев. Овладевшие грамотой были успешны во многих сферах трудовой деятельности, в торговле и на военной службе.

Мужчины-однодворцы слыли домовитыми и аккуратными; двор строили укромно; в отличие от крепостных крестьян, любили высокие плетни и каменные заборы. Одевались чисто и «не без форса». По цвету их домотканых рубах можно было отличить, из какой они губернии. Жёны однодворцев в XVI-

XVII веках носили юбки-андараки из клетчатой шерстяной материи. Ткани домотканой одежды однодворцев окрашивались растительными красителями. Так, для окраски в чёрный цвет использовали кору ольхи или черноклёна, для окраски в синий – кору вайды или синила, а кору морены красильной – для окраски в красный. При этом красный цвет всегда был наиболее предпочтителен, считался цветом плодородия, света, долголетия и могущества. В однодворческой среде он преобладал в праздничной и свадебной одежде, а также в костюме молодых людей. В XVIII веке костюм однодворцев часто приближался к дворянскому, а мундир, оставшийся после службы в драгунах, мужчины бережно хранили и надевали по праздникам.

Однодворцы хоть и стали позже числиться казёнными крестьянами, каковым по происхождению числился по документам отец митрополита Николая (Кутепова), но отличались от остальных крестьян, сохраняя некую сословную кичливость. Однодворцы не представляли этнографического единства, так как являлись переселенцами из разных мест, что сказалось и в комплексах женской одежды. Например, рубаша с прямыми поликами или цельными рукавами, выкроенными вместе с плечевой вставкой, сарафан, пояс, кокошник. Этот костюм был принесён из центральных областей Московского государства. Бусы из янтаря, хрусталя, стекла, украшения из лент, шнуров были обязательным дополнением праздничного костюма. Однодворческие женщины, в отличие от крепостных соседок, хорошо готовили. Стол у них хоть и «небогатый», но был разнообразным. Многие старинные кушанья можно было попробовать именно в однодворческих семьях.

Можно сказать, что своё происхождение из сословия крестьян-однодворцев или, как их позже стали называть, казённых крестьян, приснопамятный митрополит Николай (Кутепов) доказывал и своим хорошим воспитанием, и любовью к образованию и книгам, а также своей выправкой и способностью свободно и независимо мыслить, что было свойственно этому сословию с момента его выделения из дворянства, то есть владыка Николай обладал той «сильной статью потомков однодворцев», которую отмечали все, кто с ним был знаком. Граф Сергей Львович Толстой, сын писателя Л.Н. Толстого, однажды верно подметил: «Они (однодворцы) никогда не знали помещиков-крепостников. Это и сказывалось на их более свободном и доверительном отношении, и чувстве собственного достоинства. Они относились к дворянам не как к господам, а как к богатым хуторянам, не притворялись, не попрошайничали, не стеснялись, а здороваясь они протягивали руки, приглашали их в гости». Таким всегда был приснопамятный митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов).

Литература:

1. Архив Митрополита Николая (Кутепова) в фонде Фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии. Ф.1. Оп. 1. Д. 3.1. Личные документы.
2. Белявский М.Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.). М., 1984.

3. Билеуш К.К. Правовой статус однодворцев: проблемы и противоречия // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 159-189.
4. Букова О.В. Святитель земли Нижегородской. Нижний Новгород, 2009.
5. Дьяконов А.В. О служении, о времени, о себе // *Ведомости Нижегородской митрополии* – 2014. № 16 (52). С. 15.
6. Дьяконов А.В. Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) и его время. К 95-летию со дня рождения. Изд. 2-е, испр. Нижний Новгород. 2019.
7. Ткачева Н.К. Однодворцы XVIII века в отечественной историографии // *История и историки: историографический ежегодник*. 1975. М., 1978. С. 281-299.

УДК 72.025.3
ГРНТИ 13.61.25

ИТАЛЬЯНСКИЕ АРХИТЕКТОРЫ НА БРЯНЩИНЕ

(Дворец К.Г. Разумовского в Почепе)

Нифагина Н.Н.

БГИТУ

г. Брянск

E-mail: nifa63@mail.ru

Аннотация. В связи с пожалованием должности гетмана Малороссии Разумовскому Кириллу Григорьевичу в 1750 году Императрицей Елизаветой Петровной ему был подарен Почеп (Черниговской губернии) в «вечное и потомственное владение». Разумовский развернул там широкое строительство, к которому, по его желанию, были привлечены итальянские и французские архитекторы. В 1765 году был начат строительством Воскресенский собор (арх. Ринальди, сохранился) и дворцовый комплекс (арх. Деламот, не сохранился). Дворцовый комплекс переходил по наследству, был взорван в 1943 году. Окончательно был снесен в 1960-х годах. На этом месте построена центральная библиотека Почепского района и здание районной администрации.

Ключевые слова. Разумовский, строительство, зарубежные архитекторы. Воскресенский собор, дворцовый комплекс, владельцы дворцового комплекса.

ITALIAN ARCHITECTS IN BRYANSK PROVINCE

(K.G. Razumovsky palace in Pochep)

Nifagina N.N.

BGITU

Bryansk

E-mail: nifa63@mail.ru

Abstract. In connection with the award of the post of Hetman of Little Russia to Kirill Grigoryevich Razumovsky in 1750 by Empress Elizabeth Petrovna, he was presented with a Pochep (Chernihiv province) in "eternal and hereditary possession".

Razumovsky launched extensive construction there, to which, at his request, Italian and French architects were involved. In 1765, the construction of the Resurrection Cathedral (arch. Rinaldi, preserved) and the palace complex (arch. Delamot, not preserved). The palace complex was inherited, it was blown up in 1943. It was finally demolished in the 1960-s. The central library of the Pochepsky district and the building of the district administration were built on this site.

Keywords. Razumovsky, construction, foreign architects, Resurrection Cathedral, the palace complex, owners of the palace complex.

В конце XVIII века в Почепе, утратившем свое военно-стратегическое значение, возникает блестящий дворцово-парковый ансамбль. История возникновения этого ансамбля весьма любопытна. В 1749 году Кирилл Григорьевич Разумовский, брат фаворита Елизаветы Петровны, был пожалован в должность гетмана Малороссии. В подарок в 1750 году Почеп был передан Императрицей Елизаветой Петровной по именному указу от 24 июля 1750 г. «в вечное и потомственное владение гетману Малороссии К.Г. Разумовскому (1728 – 1803)» [2, с. 254]. Почеп становится экономическим центром обширных владений гетмана К.Г. Разумовского, который начал с роскошью его обустраивать. Строительный размах К.Г. Разумовского был очень широк. В имениях нового гетмана Малороссии вырастают дворцы и храмы и вводится пышная столичная жизнь.

Ему хотелось заполучить итальянских архитекторов для строительства усадьбы, и он обращается с просьбой к М.И. Воронцову: «Я весьма радуюсь о приезде двух итальянских архитекторов Иосифа Венерони и Франциска Бартолиати. Я желаю из них одного, который за лучшего в.с. признан будет, иметь у себя на службе. Я дам ему 800 рублей в год», – пишет Кирилл Григорьевич [2, с. 217]. Хотя прежде Разумовский обращался к Воронцову с такой же просьбой и пытался пригласить к себе архитектора Трезини в письме от 24 апреля 1757 г. из Глухова: «Не хочет ли года хоть на четыре или на пять ко мне на таком жаловании приехать, какое в Петербурге получал». Видимо, Трезини не согласился ехать в Глухов, и тогда Разумовский просит «исходотайствовать мне гезеля Кокорина. Я им весьма буду доволен» [2, с. 216].

Но и здесь он не сумел договориться, хотя хотел построить скромный дом. «Я великолепных строений строить не намерен, но дом каменный, покойный к житию» [2, с. 218]. И все же Разумовскому удалось выписать из Италии первоклассного архитектора Антонио Ринальди [5, с. 14]. «Архитектурная красота требует широких задач и высокого художественного замысла, идеалом которого в то время был древний Рим, холодная простота которого так импонировала новому образу мыслей», – пишет Горностаев о строительстве Разумовского на юге Малороссии [3, с. 16].

С 1765 года строительство в Почепе началось с великолепного собора. В России постепенно свое место завоевывает классицизм, но уходящее барокко еще не сдает свои позиции. Таким оказался и Воскресенский собор, выстроенный по проекту Антонио Ринальди, и дворцовый комплекс,

выстроенный по проекту французского архитектора Деламота. Дворец и собор в местечке Почеп строились под надзором архитектора А.Г. Яновского.

Ничего удивительного в том, что дом получился таким огромным. Дворцовый комплекс К.Г. Разумовского простирался до 1600 квадратных саженей. Это было веяние века. Как писала Е.Р. Дашкова, «Государыня велела построить на свой счет в главных городах губерний великолепные дворцы для губернаторов и судебных установлений» [6, с. 446]. Города должны были получать просторные площади и широкие прямые улицы. «Дворцы фокусировали главные композиционные оси города, фиксировали кульминационные точки городских ансамблей» [8, с. 96].

Французское понимание возрождавшегося классицизма привил в России талантливый архитектор Жан-Батист-Мишель Валлен Деламот [5, с. 13].

В дворцовый комплекс графа К.Г. Разумовского в Почепе Деламот внес «тот тип архитектурно-скомпонованного “почетного двора”, который является затем необходимой принадлежностью каждой художественно задуманной усадьбы» [5, с. 17]. Изысканный вкус его хозяина сказывался и в стильной обстановке комнат: мебели, гобеленах, фарфоре, бронзе, – и в картинах лучших мастеров. «Потребность в утонченном внутреннем убранстве достигала головокружительных размеров. Ежегодно транспорты драгоценнейших художественных вещей переправлялись из-за границы морем и, несмотря на страшную дороговизну пошлин и провоза, не говоря уже об высокой стоимости самих вещей» [5, с. 21].

Как писалось в альбоме Боссе, набор помещений, необходимых для отдыха, работы и приема гостей, почти везде одинаков, варьируется только их компоновка. Дома проектировались двухэтажными или с мезонинами. Второй этаж – спальня, детская, рабочий кабинет. «Альбом Боссе резко выделялся новизной архитектурной подачи на фоне изданных в России в 1830-х – начале 1840-х сборников образцовых проектов загородных домов» [1, с. 38].

Генеральный план дворцового комплекса в Почепе представлял собой сложную замкнутую композицию. Овальный в плане двор почепского дворца был окружен служебными корпусами, а центральную его часть занимал великолепный дворец, перед которым разбит парк «в голландском вкусе». Данный комплекс располагался на нижней береговой террасе. Владелец города К.Г. Разумовский стремился создать здесь парадную городскую усадьбу со всеми традиционными постройками: дворцом, службами, многочисленными хозяйственными зданиями, оранжереями, парками, храмом... В архитектуре здания хорошо видна чистота классического решения. «Этот обширнейший художественно скомпонованный двор составлял единое целое с дворцовым корпусом и в архитектурной обработке» [4, с. 21].

Итак, Почеп может гордиться тем, что в создании его яркого архитектурного центра участвовали два первоклассных столичных архитектора – Антонио Ринальди и Валлен Деламот, а также талантливый местный зодчий, всю свою жизнь посвятивший Почепу, – Алексей Гаврилович Яновский [5, с. 14]. По мнению краеведа Почепского музея В.Н. Карпухиной, «перед Яновским стояла чрезвычайно сложная задача: воспроизвести замыслы Ренальди и

Деламота в камне, точно передать в обширных масштабах изысканные, гармоничные формы с тонко прорисованными деталями храма, придать строгость и уравновешенность объемов, четкость и ясность общего построения дворца, флигелей, парка» [5, с. 16].

В Почепском краеведческом музее хранится копия генерального плана городской усадьбы Разумовского, выполненного на момент окончания строительства. Надпись на генеральном плане гласит: *«Планъ дома в местечке Почепъ прожектированной Архитектором де ла Моттомъ, а строенной Архитекторомъ Яновскимъ»*. Под масштабом той же рукой подписано: *«находился точно в сѣмъ положеніи в 796 г.»* [5, с. 14].

Лицо древнего Почепа неузнаваемо преобразуется. Почепский дворцовый ансамбль – одно из крупнейших сооружений, утверждавших выработанный в процессе развития русской культуры тип загородной усадьбы: парадный двор (курдонер), дворец и за ним парк.

Кирилл Григорьевич имел возможность строить фактически личные дворцы за казенный счет. Дворец в Почепе, состоящий из 100 с лишним комнат, был рассчитан на то, чтобы принимать и развлекать огромное количество гостей. Кроме многочисленных спален, гостиных, столовых, здесь были бальные залы и театр. В парке недалеко от усадьбы была церковь, примечательная своим иконостасом, – он был привезен из московского храма в Перово, в котором венчались императрица Елизавета Петровна и граф Алексей Григорьевич Разумовский.

После смерти отца в 1803 году в Батурине его сын Алексей Кириллович Разумовский организовал поездку из Москвы в Малороссию с целью осмотра своих владений. С ним ездил и Оттон фон Гунн с дочерью – его секретарь и врач.

Оттон фон Гунн, прибыв в Почеп 7 сентября 1805 года, с восхищением пишет о доме: *«Он есть великолепное каменное здание необъятного пространства. Главною фасадою стоит в саду. С другой стороны, то есть со стороны двора, флигели его составляют превеликий овал, за коим построены еще хозяйственные строения. Во всем вообще здании семеро ворот. Средняя часть дома, или главный корпус, который занимается самим графом, состоит из двух этажей на погребях, и имеет со стороны двора портику. Во всем фасаде двадцать пять окон, и я должен был пройти сто тридцать шагов, когда хотел смотреть весь ряд комнат нижнего этажа главного корпуса. Особливо хорош там зал для балов и концертов; также и библиотека из пяти тысяч книг состоящая»* [9, с. 29].

И здесь же добавляет: *«План прожектирован в Петербурге архитектором Деламотом, а произведен здешним архитектором г. Яновским. Жаль, что столь огромное здание построено не там, где в одной версте на другом конце Почепа имеется другой Графский же деревянный дом, в котором когда-то жил некто аглинский купец Ухтерлони, находящийся и теперь еще в свежей памяти здесь. Там местоположение совершенно романтическое, и сад, сотворенный самою природою прямо в аглинском вкусе. В особенности красивое имеет положение в этом саду преогромная каменная оранжерея. Сад сей называется*

Меншиковским: ибо место сие, как и Почеп, принадлежало в прежние времена князю Меншикову» [9, с. 29].

Упоминается Почеп и в романе Г.Данилевского «Сожжённая Москва»: «Богатое черниговское поместье Почеп, огромный ... дом, возле дома – спадавший к реке обширный сад... Тенистые дороги сада, красивые беседки, клумбы цветов и лабиринт из пирамидальных тополей... Кабинет графа убран редкими картинами, охотничьими приборами, чучелами птиц, вазами и статуями» [7, с. 9].

С 1818 года 66-летний граф окончательно поселился в Почепе. А.К. Разумовский заботился об обеспечении продовольствием принадлежащих ему крестьян и спасал от голода жителей Почепа.

5 апреля 1822 года граф А.К. Разумовский скончался. Его отпевали в Воскресенском храме Почепа и похоронили в храмовом склепе. Владелицей Почепа стала его дочь и наследница В.А. Репнина.

Последним владельцем провинциального города был немец, граф П.А. Клейнмихель, который купил дворцовый комплекс у княгини Варвары Алексеевны Репниной.

Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) был один из приближенных Николая I. С 1842 г. по 1855 г. он был назначен Императором главным управляющим путями сообщения и публичными зданиями. Поместье П.А. Клейнмихеля располагалось в пригороде Почепа Речице. Это был большой особняк на холме. От него шла дорога, вдоль которой росли деревья. Дорога спускалась к реке.

Клейнмихели сдавали дворец Разумовского в Почепе в аренду. Разводили крупный рогатый скот, лошадей и мелкую птицу. По приказу графа Клейнмихеля были снесены два флигеля. Да и сам дворец видоизменился.

Как пишет Ф.Ф. Горностаев, «частично изменен и дворовый фасад, где добавлена с правой стороны небольшая выдвинутая вперед пристройка, заслонившая правое крыло корпуса. Левое крыло сохранилось в прежнем виде. Видоизменен и фронтиспис портика фасада. Фасад со стороны сада усложнен пристройкой подъезда с балконом наверху, нарушившей всю выразительность центральной части. Изменено новым владельцем и расположение комнат, и их убранство, не представляющее ныне интереса. Исчезли и картины, и обстановка, вывезенные в Петербург. Немногое оставшееся сложено по углам опустевшего обширного дворца» [4, с. 46].

Когда это имение перешло к графу Клейнмихелю (1837г.), то дочь Разумовского княгиня Варвара Алексеевна, супруга малороссийского военного губернатора князя Николая Григорьевича Ренина, продавая Почеп в чужие руки, не пожелала оставить в нем прах своего родителя, посему в 1838 г. и испросила Высочайшее соизволение на перезахоронение праха отца в Новгород-Северском монастыре. Погребение останков К.Г. Разумовского в соборной церкви Спасо-Преображенского монастыря состоялось 30 июля 1838 года.

С 1874 по 1912 гг. Почепом владел Константин Петрович Клейнмихель – сын Петра Андреевича.

С 1912 по 1917 гг. усадебным комплексом владела дочь Константина Петровича Ольга Константиновна Клейнмихель. В январе 1913 года во время новогодних праздников дворец сгорел, но потом его восстановили, и в 1914 году во дворце Клейнмихеля был оборудован госпиталь для раненых.

16 – 17 июня 1918 года здесь проходил областной съезд Советов четырех северных уездов. Затем во дворце обосновалась школа, которая с 1924 года стала носить имя В.И. Ленина.

В 1943 году дворец был взорван отступающими немецко-фашистскими захватчиками и каменной коробкой простоял до 1959 года, когда был окончательно снесен.

Рассказ о дворцово-парковом комплексе в Почепе будет неполным, если не упомянуть имя еще одного известного русского ландшафтного архитектора – Адама Менеласа (1753 – 1831) [5, с. 8], который с 1800 года состоял на службе у графа А.К. Разумовского. Ему принадлежит заслуга создания особенного романтического стиля садов и парковых павильонов первой трети XIX века.

Сам же дворцовый комплекс Разумовского до нас не дошел. Сохранилось лишь левое крыло дворца с красивой трехмаршевой лестницей. Его надстроили до второго этажа, и сегодня здесь размещается центральная библиотека Почепского района. Рядом с библиотекой находится здание районной администрации. Сохранившийся Воскресенский собор и в наши дни украшает центр города Почепа.

Литература:

1. Андреева В.И. Гаральд Боссе. СПб.: Дом КОЛО. М.М. IX. 288 с.
2. Васильчиков А.А. Разумовские. СПб., Т.1. 1880. 486 с.
3. Горностаев Ф.Ф. Дворцы и церкви Юга. М., 1914. 130 с.
4. Горностаев Ф.Ф. Строительство графа Разумовского на Черниговщине. М., 1911. 80 с.
5. Городков А.В., Ильченко Е.С. Почеп. Историко-архитектурный очерк. Брянск, 2020. 45 с.
6. Дашкова Е.Р. Литературные сочинения. М., 1990. 364 с.
7. Данилевский Т.П. Сожженная Москва. М., 1901. 220 с.
8. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры. Опыт типологии. СПб.: АСТЕРИОН. 2006. 817 с.
9. Оттон фон Гун. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года / Сост., подготовка текста и вступ. статья Н.Н. Нифагина. Брянск, 2017. 146 с.
10. Почепский район: события и лица. Изд-во ГУП «Клинцовская городская типография». 2021. 682 с.

УДК 7.036.1

ГРНТИ 18.31.09

ЗНАЧЕНИЕ УСАДЬБЫ АБРАМЦЕВО В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. ВРУБЕЛЯ

Рязанова С.В.

ГБПОУ «Нижегородское художественное училище (колледж)»

г. Нижний Новгород

E-mail: nxu@mts-nn.ru

Аннотация. В статье ставится задача раскрыть значение усадьбы Абрамцево в творчестве М.А. Врубеля. Дается подробный разбор взглядов

художника на цели и назначение искусства. Обосновывается мысль о важности роли народных традиций в формировании направления творческих поисков. Анализ проводился на материале ряда произведений изобразительного искусства. Теоретико-методологической основой исследования являются принципы научной рациональности и диалектики. Исследование опирается на труды таких ученых, как Н.А. Дмитриева, В.И. Плотников и Д.В. Сарабянов. В результате был сделан вывод о том, что особая атмосфера художественного сообщества усадьбы Абрамцево явилась важнейшим фактором, в значительной мере обуславливающим творческие идеи Врубеля.

Ключевые слова. Усадьба Абрамцево, Врубель, народные традиции, миф, фольклорные образы, творчество, искусство; художник.

THE SIGNIFICANCE OF THE ABRAMTSEVO ESTATE IN THE WORKS OF M.A. VRUBEL

S.V. Ryazanova

Public budgetary professional educational institutional
“Nizhny Novgorod art school (college)”,
Nizhny Novgorod
E-mail: nxu@mts-nn.ru

Abstract: *The article aims to reveal the significance of the Abramtsevo estate in the works of M.A. Vrubel. A detailed analysis of the artist's views on the goals and purpose of art is given. The idea of the importance of the role of folk traditions in shaping the direction of creative searches is substantiated. The analysis was carried out on the material of a number of works of fine art. Theoretical and methodological basis of research is founded on the principles of scientific rationality and dialectics. The research is based on the works of such scientists as N.A. Dmitrieva, V.I. Plotnikov and D.V. Sarabyanov. As a result, it was concluded that the special atmosphere of the artistic community of the Abramtsevo estate was the most important factor largely determining Vrubel's creative ideas.*

Keywords: *Abramtsevo Manor, M.A. Vrubel, folk traditions, myth, folklore images, creativity, art, artist.*

Усадьба Абрамцево бесспорно занимает в русской культуре особое место. Так, в середине XIX века, когда это имение было приобретено писателем С.Т. Аксаковым, оно начинает привлекать внимание многих представителей русской интеллигенции, таких, например, как Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев, М.Н. Загоскин, М.С. Щукин, Т.Н. Грановский, становясь одним из центров литературного мира России. Новое оживление культурной жизни Абрамцево переживает с его переходом во владение С.И. Мамонтова, превратившего свое новое имение в подлинное средоточие художественных сил России, объединяющее целую плеяду выдающихся деятелей искусств рубежа веков.

Одним из постоянных гостей усадьбы с 1890 года становится М.А. Врубель, для которого атмосфера творческого содружества, занятого поисками новых путей развития искусства, была особенно притягательна. Действительно, в мамонтовском кружке бьющая ключом творческая жизнь явилась вдохновляющим фактором для значительного числа мастеров искусства. В частности, как отмечает Н.А. Дмитриева, «многие из них были искренне увлечены идеей возрождения «национальных народных традиций», пробуя свои силы как в строительном деле, так и в области декоративно-прикладного искусства, благодаря чему выходили за «рамки узкой профессионализации», утверждая тем самым на новом этапе развития культуры «ренессансный тип художника»» [2, с. 64]. Все это внутренне близко творческим устремлениям Врубеля, для которого были равно привлекательны как искания в сфере монументального искусства (разработка эскизов настенных росписей и витражей), так и поиски выразительной формы в области декоративно-прикладной скульптуры (опыты с майоликой совместно с мастером П.К. Ваулиным в мастерских Абрамцева).

Таким образом, можно сказать, что созидательная атмосфера, сложившаяся в художественном содружестве, обосновавшемся в усадьбе, создавала наиболее благоприятную почву для творческих устремлений художника, о чем он неоднократно писал сестре. Так, летом 1891 года он сообщает: «Сейчас я опять в Абрамцеве, и опять меня обдает, нет, не обдает, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте и в орнаменте» [1, с. 57]. Для Врубеля важно было знать, что художник – это «прежде всего человек» [1, с. 75], а потому он не может жить вне «родной почвы», которая дает ему «крылья», чтобы творить. Провозглашая целью искусства создание возвышающих душу над мелочами будничного «величавых образов», художник находит опору для своего творчества в «ощущении живой природы», в чем, по его мнению, и заключается та «интимная национальная нотка», которую он называет музыкой «цельного человека, не расчлененного отвлеченными упорядоченного дифференцированного и бледного Запада» [1, с. 57].

Все вышесказанное свидетельствует не просто о повышенном интересе к национальному наследию, но прежде всего о стремлении погрузиться в подлинный дух народных образов. По мнению В.И. Плотникова, фольклорные образы мастера являются частью его художественного мировосприятия, а потому неотделимы от его философского и эстетического понимания природы и человека [3, с. 57]. Всю свою жизнь и творчество Врубель посвятил одной главной идее – «поискам чисто и стильно прекрасного» [1, с. 57], что объясняет своеобразие восприятия художником фольклорных образов, решаемых им в эпически легендарном ключе. По словам Д.В. Сарабьянова, Врубель «способен был творить легенду, как творили ее древние народы, обожествляя людей и очеловечивая богов» [5, с. 50]. В этом плане внутренне близкой художнику по духу оказалась позиция Н.А. Римского-Корсакова, оказавшего, по словам Врубеля, сильное влияние на его творческие интересы, побудив художника посвятить себя «исключительно русскому сказочному роду» [1, с. 88].

В частности, сам композитор свидетельствует о своем отношении к истокам национальной культуры: «...я увлекся поэтической стороной культа поклонения солнцу и искал его остатков и отзвуков в мелодиях и текстах песен. Картины древнего языческого времени и дух его представлялись мне... с большой ясностью и манили прелестью старины» [4, с. 38]. По сути, речь в данном случае идет о творческой интерпретации фольклорного образа. Те же качества можно отметить и в отношении художественного метода Врубеля. Восприятие мира через призму мировоззренческих установок художника, с одной стороны, и влияние особой атмосферы абрамцевской усадьбы, пронизанной духом древнерусской народной старины, с другой (достаточно вспомнить поистине сказочные постройки, расположенные на территории усадьбы, такие, например, как «Избушка на курьих ножках» В.М. Васнецова или «Баня-теремок» И.П. Ропета) обусловило и переоценку традиционных представлений о былинных персонажах. Данный факт во многом объясняет кардинальное отличие врубелевской трактовки от воспроизведения легендарных сюжетов современниками художника, в частности, того же В.Васнецова, в «Богатырях» которого мифологическая сцена решается скорее в историческом плане, нежели в сказочно-поэтическом, в результате чего былинные герои воспринимаются как реальные люди, существующие в реальном пространстве, осмысленном в разрезе временной перспективы. Образное видение Врубелем фольклорной тематики являет принципиально иной подход, объединяющий в своей трактовке оттенки реального и «не совсем реального», что придает изображению сказочно-метафорическую окраску: его герои существуют во вневременной ситуации, когда время растянуто до бесконечности («Богатырь», «Пан»). По мнению Д.В. Сарабьянова, миф «позволяет художнику балансировать на грани между видимым и невидимым, явным и тайным» [5, с. 314]. Мир, созданный Врубелем, существует на грани явного и неявного, но в то же время миф становится средством, позволяющим раскрывать некие универсальные истины. В сущности, Врубель являет сугубо творческое прочтение не только древнего мифа, но и глубинное переосмысление реальных мотивов, увиденных им в ином ключе, и преображает с помощью своей душевной «призмы» реальные образы природы. Здесь Врубель идет по тому же пути, что и Н.А. Римский-Корсаков, который во время создания оперы «Снегурочка» «прислушивался к голосам народного творчества и брал напетое и подсказанное им в основу своего творчества» [4, с. 137]. Подобно композитору, Врубель, чутко «прислушиваясь» к «голосам природы», улавливает скрытое дыхание земли, читает сокровенные знаки ее бытия. Так, вполне заурядную в жизни поселян сцену ночного («К ночи») он наполняет ощущением какой-то неведомой тревоги, явственно угадывающейся в беспокойных отблесках заходящего солнца, что придает изображению сказочный мифический характер. В результате реальное изображение ночного приобретает символический оттенок, утрачивая возможность точной расшифровки. Действительно, трудно с уверенностью сказать, кем является загадочная фигура у правого края картины, пробирающаяся через густые заросли чертополоха, – пастухом, конокрадом или сказочным лешим, обходящим свои владения. Нельзя угадать и того, чего испугались пасущиеся на

лугу кони: или их встревожил крадущийся в вечерних сумерках леший, или их насторожило то, что принес с собой подувший на закате ветерок? Огромную роль здесь играют ярко горящие цветы чертополоха, которые, переливаясь причудливыми сполохами, оживляют пейзаж и наполняют его какой-то таинственной, недоступной нам жизнью. Чем-то древним, первобытным веет от этой сцены ночной жизни природы, наделенной художником способностью чувствовать и покорять своей чарующей магией. Благодаря такому одушевлению природы простой деревенский мотив приобретает мифологическую окраску. Непроясненность, недосказанность сюжета лишает его однозначности, наделяя множественностью смыслов, в результате чего реальный пейзаж обретает характер символического.

Многие образы художника внутренне созвучны музыкальным образам Н.А. Римского-Корсакова («Царевна-Лебедь», «Морская Царевна», «Мизгирь», «Лель» и т.д.). Но при всем том они ни в коем случае не являются иллюстрацией к операм композитора: здесь имеет место свое, глубоко индивидуальное видение художником сказочных музыкальных образов, которое приближает его к первоисточкам народной мудрости древних сказаний.

Таким образом, «родная почва» – это неперемнное условие творчества Врубеля, дающее ему силы для создания своих чудных полотен. При этом фольклорные мотивы отнюдь не трактуются им буквально, они лишь дают импульс, стимулируя полет фантазии. Привнося свое видение, свое понимание мифологического сюжета, Врубель по-своему, иногда серьезно трансформируя, интерпретирует известные легенды. Художник вплотную приближается к их духу: страстно желая проникнуть в самую их суть, он как бы провидит древний первообраз. Такой «родной почвой», своеобразным местом силы, наделяющим «крыльями», столь необходимыми для творческого полета, подлинным источником вдохновения и стала для Врубеля усадьба «Абрамцево».

Литература:

1. Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Л.: Искусство, 1976.
2. Дмитриева Н.А. Михаил Александрович Врубель. М.: Художник РСФСР, 1990.
3. Плотников В.И. Фольклор и русское изобразительное искусство второй половины XIX века. Л.: Художник РСФСР, 1987.
4. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. М.: Государственное музыкальное издательство (Музгиз), 1955.
5. Сарабьянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. М.: Издательство МГУ, 1993.

**РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ВОССОЗДАНИИ
ОБРАЗА УТРАЧЕННЫХ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ**

Т.С. Рыжова
А.С. Цой
ННГАСУ

E-mail:Ryzhova11@gmail.com
anastasia961@gmail.com

***Аннотация.** Александр Сергеевич Пушкин – русский гений пера и слова, он провел многие месяцы в имениях своей семьи, друзей и родственников, где создал свои лучшие произведения. В культурном ландшафте пушкинского времени отражены образы русских усадеб, дорогие его сердцу образы, наполнившие многие страницы его поэзии, прозы и личных воспоминаний. В статье рассматриваются концепции воссоздания образов утраченной усадьбы Пушкина в с. Кистенево и утраченной усадьбы Новосильцевых близ с. Апраксино. Авторы в своей работе в первую очередь опираются на текстовые источники, такие как описи, публикации пушкиноведов и иные. Описания усадеб сопоставляются с картографическими материалами, что позволяет максимально приблизиться к тем образам, которые видел великий поэт.*

***Ключевые слова.** Образы усадеб в культурном ландшафте пушкинской поры, рукотворное и поэтическое наследие.*

**THE ROLE OF WRITTEN SOURCES IN THE CREATION OF THE
LOST MANOR COMPLEXES IMAGE OF PUSHKIN'S TIME**

T.S. Ryzhova
A.S. Tsoy
NNGASU

E-mail:Ryzhova11@gmail.com
anastasia961@gmail.com

***Abstract.** Alexander Sergeevich Pushkin is a Russian genius of pen and word, he spent many months in the estates of his family, friends and relatives, where he created his best works. Images of Russian estates are reflected in the cultural landscape of Pushkin's time, images that were dear to his heart, which filled many pages of his poetry, prose and personal memories. The article discusses the concepts of recreating images of the lost estate of Pushkin in the village Kistenevo and the lost Novosiltsev's estate near the village Apraksino. In their work, the authors primarily rely on textual sources, such as inventories, publications of Pushkin scholars and*

others. Descriptions of estates are compared with cartographic materials, which allows us to get as close as possible to the images that the great poet saw.

Keywords. *Images of estates in the cultural landscape of Pushkin's time, man-made and poetic heritage.*

Накануне юбилея великого поэта, который страна будет праздновать в 2024 году, авторами разработаны концепции воссоздания планировочной организации и архитектурного образа двух утраченных усадеб Большеболдинского района – в селах Кистенево и Апраксино, связанных с пребыванием А.С. Пушкина в нижегородской глубинке.

Именно в болдинских ландшафтах за пять месяцев, в период небывалого творческого вдохновения, поэт написал больше, чем за предыдущие десять лет: 27 стихотворений, 6 повестей, 4 сказки, 3 поэмы, 3 главы романа «Евгений Онегин», научный труд «История Пугачева», а потому утраченные усадьбы достойны быть воссозданными даже после праздничных торжеств.

Воссоздание архитектурных памятников, как правило, производится на основе множества разнообразных источников: археологических, топографических, графических, литературных, а также авторского визуального анализа территории и материалов фотофиксации.

Во время разработки проектов воссоздания утраченных болдинских усадеб, связанных с именем А.С. Пушкина, при определении их достоверного облика обнаружено почти полное отсутствие иллюстративных материалов. В ЦАНО не сохранилось ни проектных чертежей, ни обмеров или рисунков, а фотографии в то время еще не существовало.

Село Кистенево находится среди плоской равнины в 8 километрах северо-восточнее Болдина и является единственным, принадлежавшим лично А.С. Пушкину, владением, выделенным ему отцом перед женитьбой в пожизненное владение. Сергей Львович выделил ему часть родовой нижегородской земли: «...недвижимое со крестьянами имение, состоящее Сергачского уезда в сельце Кистенево крестьян... двести мужеска пола и с надлежащею на число их землею». Чтобы стать законным владельцем этих душ, совершить все необходимые формальности, и пришлось Пушкину ехать в Болдино, где были сосредоточены все хозяйственные дела по управлению нижегородскими землями семьи.

Кистенево, как и Болдино, с 1619 года числилось за семьей Пушкиных – за Ф.Ф. Пушкиным. Но ко времени приезда в имение поэта оно уже находилось в состоянии унылого запустения, оставалось лишь «...деревянных два флигеля для вотчинного правления».

Опрос современных жителей о местоположении кистеневской усадьбы, исчезнувшей еще в конце XIX века, результатов не дал, поэтому роль межевых планов и словесных описаний к ним резко возросла. Было принято решение руководствоваться в основном письменными источниками, подкрепляя их современным состоянием и скудными историческими картографическими материалами. По архивным описаниям и анализу карт различных исторических периодов, в том числе современных, были установлены местоположение,

примерная площадь, конфигурация участков утраченных усадебных комплексов пушкинской поры в Большеболдинском районе.

Для дополнения сухих документов авторы позволили себе использовать тексты самого Пушкина, поскольку, на наш взгляд, не мог поэт не использовать в своих творениях реальную живую картину «кистеневского бытия». Так, он описал именье Дубровских: «...Владимир увидел березовую рощу, и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилося...перед собой видел он Кистеневку и бедный дом своего отца»; «Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога...обращен был в некошенный луг» [5]. Этот отрывок показывает, насколько скромна была усадьба в Кистеневе. В ходе исследований в том числе была обнаружена «Опись кистеневской усадьбы Петра Львовича Пушкина» (1825 г.): «Деревня расположена на безлесной равнине, на правом берегу извиистой речки Чеки, от которой ее отделяет старица, образующая “два озера безымянных”» [3]. Как и в Болдине, историческим и планировочным ядром деревни является улица, тянущаяся от старицы в юго-восточном направлении; от ее верхнего окончания, судя по «генеральному» плану Сергачского уезда конца XVIII века, отходили дороги на Болдино, Пустошку и Апраксино. Здесь, на краю деревни, у разветвления дорог, в одном ряду с южным «порядком» улицы был расположен «...двор помещиков со всяким дворовым и хоромным строением», упомянутый в «отказной» грамоте Л.А. Пушкина 1742 г.

На плане конца 18 в. показаны еще 2, очевидно, более поздних «порядка», дополняющие планировку деревни: 1 из них тянется от верхнего окончания улицы, под прямым углом к ней, в направлении дороги на Адашево, другой – замыкая застройку с северо-востока, спускаются к Чеке. Господская усадьба оказывается на внешнем углу этого планировочного «покоя», открытого в сторону реки. Эта планировка и занимаемая деревней площадь сохраняются почти без всяких изменений и в 1876 г. В конце же XVIII в., согласно «экономическим примечаниям», в Тимашеве «Кистенево тож» значилось деревянный господский дом, III крестьянских дворов и 866 жителей; ее территория составляла 48 десятин 1200 сажен.

Этот фрагмент дает представление о структуре самого «сельца», и, кроме того, о расположении господской усадьбы относительно него. «Господский деревянный дом, крытый тесом соснового лесу, длиною 7 и 1/3, шириною 5 сажен, в нем комнат пять, три флигеля.

На правую руку заключающиеся в двух избах на четырех саженях с сенями, по левую – кухня, крытая драньем, позадь оной – людские две избы, крыты тесом, погрибь с ледником, баня с светелкою ветхия, каретной сарай, крыты тесом, две конюшни крыты тесом... на 19 саженях каретный сарай, крыты драньем, флигель о двух комнатах с полисадником, против господского дому через улицу конный двор с четырьмя скотными избами, из них одна зборная. Конный двор обнесен забором...

Крыты соломою ветряная мельница об одном поставе, кузница, при ней изба, небольшие три господских анбара...Господский дом обнесен снаружи чистоколом и протчих сторон забором, крайне ветхой. Два овина, близь их

сенница, крытая соломой, ветхия, более ничего не имеется...» [3]. Благодаря этой информации, был запроектирован план усадьбы.

Неподалеку с Кистеневом находится село Апраксино – памятный участок, связанный с мемориальным периодом А.С. Пушкина. В селе Апраксино у помещиков Новосильцевых он неоднократно бывал. В те годы широкие липовые аллеи окаймляли парк и вели к господскому дому. Остатки когда-то ухоженной усадьбы можно увидеть и сейчас. Усадебный дом и хозяйственные постройки до наших дней не сохранились (частично сохранились очертания парка семьи Новосильцевых рядом с селом Апраксино и деревней Кудеяровка).

«Село Апраксино возникло во второй половине XVI века. Новосильцевы не были первыми владельцами села, а стали ими не ранее конца XVII века. В 1786 году это имение по наследству получил Петр Александрович Новосильцев. После его смерти в 1818г. имение перешло его вдове Наталье Алексеевне. Она постоянно жила в Апраксине с детьми и братом. Эту семью посещал А.С. Пушкин осенью 1830 года.

Усадебный дом располагался в стороне от дороги – сзади него находился обширный сад, обсаженный с 3-х сторон липовыми аллеями. Перед домом между дорогой и р. Салей – два круглых пруда, разделенные дамбой. Вокруг прудов и вдоль дороги группировались различные усадебные постройки.

Парк усадьбы Новосильцевых расположен к востоку от с. Апраксина на участке, площадью 4,2 га, с рельефом, плавно понижающимся в западном направлении. По форме участок напоминает квадрат, границы которого обозначены частично сохранившимися рядами старовозрастных лип. По юго-западной границе вдоль граничных рядов расположена обсадка из акации желтой. А по юго-восточной границе в липовых рядах выросло большое количество молодых вязов гладких. В северо-западной части участка на открытом месте располагался главный усадебный дом, ныне не сохранившийся. К востоку от места расположения усадебного дома, в северной части парка, сохранились живописные старовозрастные посадки липы. Основу озеленения парка представляют липа в возрасте 130 лет, единично – клен. Современное состояние парка удручающее: планировка его не сохранилась, десятилетиями не проводилось никаких работ по благоустройству, проход по территории сильно затруднен, особенно в западной его части из-за замусоренности и большого количества поросли» [4].

Также при разработке концепции использована историческая выписка из проекта зон охраны музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области, разработанная институтом «Спецпроектреставрация» в 1983 г. [2].

Текстовые источники сыграли ведущую роль в воссоздании архитектурного образа усадебных комплексов в Кистеневе и Апраксине. По каждой из усадеб была найдена информация в архивных документах, литературе (в том числе художественной). Подкрепляя выводы, основанные на текстах, скудными иллюстративными материалами-картами, проектом предложена авторская концепция воссоздания архитектурного образа усадеб пушкинской поры дофотографического периода. Кроме того, природный

ландшафт этих населенных пунктов изменился незначительно, ввиду их удаленности от областного центра и состояния дорог.

Благодаря сопоставлению найденных материалов с современными исследованиями создается, по мнению авторов, весьма достоверная картина усадебных культурных ландшафтов Пушкиных в Кистеневе и Новосильцевых в Апраксине конца XVIII – первой половины XIX вв.

В заключение, на наш взгляд, уместна цитата из книги Ю.И. Левиной, в значительной мере вдохновившей авторов на многолетний труд: «Мы попытались представить себе эти места такими, какими знал их когда-то Пушкин. Мы стремились увидеть здесь самого поэта, понять истоки его творческих впечатлений...» [1].

Литература:

1. Левина Ю.И. Из истории Кистеневской усадьбы / Ю.И. Левина // Записки краеведов. – Горький, 1973. – С. 79.
2. Проект зон охраны музея-заповедника А.С. Пушкина в селе Большое Болдино Горьковской области. Историческая записка. // Научно-проектная документация. Том 1. Книга 3. Институт по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». М., 1983. – С. 35-46.
3. «Опись кистеневской усадьбы Петра Львовича Пушкина» (1825 г.).
4. Паспорт памятника природы истории и культуры Российской Федерации «Парк усадьбы Новосильцевых».
5. Пушкин А.С. Дубровский: повести / А.С. Пушкин – Москва: Эксмо, 2021, 256 с.

УДК 39

ГРНТИ 18

РОЛЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН В РАЗВИТИИ МУЗЫКИ РУССКИХ УСАДЕБ

Т.Л. Татарина
ННГК им. М. И. Глинки,
г. Нижний Новгород
E-mail: demestvo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние народной песенной традиции на становление русского профессионального музыкального искусства, основных его жанров и форм и их постепенное вызревание в быту, бытовом музицировании в условиях русских усадеб XVII – XIX веков. Выявляются причины интереса к песне и ее мелодике, моменты контакта владельцев усадеб и народных певцов и последствия их общения. Выстраивается последовательность исторических событий, уточняется роль усадеб в развитии высокой культуры, перечисляются частные и домашние театры, функционирующие при дворе и в усадьбах родовитых семей, оценивается роль народной песни в первых оперных спектаклях. Анализируются пути развития жанров, звучащих в усадьбах, и взаимное

влияние народной и городской культуры. Выясняется роль композиторов, в том числе бывших крепостных, в деле записи в усадьбах народных песен и создания их обработок для домашнего музицирования. Делается вывод, что усадьбы являются центрами просвещения и культуры, в их условиях под воздействием народно-песенных сюжетов, текстов и мелодий произошло вызревание отечественной музыки театральных и камерных жанров.

Ключевые слова. Русская усадьба, собрание народных песен, домашний театр, духовный стих, кант, школьная драма.

THE ROLE OF RUSSIAN FOLK SONGS IN THE DEVELOPMENT OF MUSIC OF RUSSIAN ESTATES

Tatyana Tatarinova
Nizhny Novgorod State Conservatory
Nizhny Novgorod
E-mail: demestvo@mail.ru

Abstract. *The article examines the influence of folk song tradition on the formation of Russian professional musical art, its main genres and forms and their gradual maturation in everyday life, everyday music-making in the conditions of Russian estates of the 17th – 19th centuries. The reasons for interest in the song and its melody, moments of contact between estate owners and folk singers and the consequences of their communication are revealed. The sequence of historical events is built, the role of estates in the development of high culture is clarified, private and home theaters operating at the court and in the estates of noble families are listed, the role of folk songs in the first opera performances is assessed. The ways of development of genres heard in estates and the mutual influence of folk and urban culture are analyzed. The role of composers, including former serfs, in recording folk songs on estates and creating their arrangements for home music playing is revealed. It is concluded that estates are centers of education and culture; in their conditions, under the influence of folk song plots, texts and melodies, domestic music of theatrical and chamber genres matured.*

Keywords. *Russian estate, collection of folk songs, home theater, spiritual verse, cant, school drama.*

Песня сопровождала быт русского человека веками. Это было так же привычно, как прядение, ткачество или ваение керамики. Привычка к «простой» песне и ее «незаметность» в быту поставили ее на грань исчезновения во времена больших изменений в период правления Алексея Михайловича (Тишайшего) и Петра Алексеевича Романовых. Традиционная культура стала быстро замещаться новшествами. Русская усадьба в тот период тоже значительно переустраивается: идея замкнутой жизни по законам Домостроя заменяется открытостью и стремлением удивлять общество новинками, к которым можно отнести предметы искусства, гостиные с «музикией», спектакли в частных и домашних театрах.

Упраздненные царем Алексеем скоморохи и их музыка заменились хоромнищами и театральными представлениями. Во второй половине XVII века в подмосковной резиденции царя в селе Преображенском появился придворный театр – «Комедийная хоромина». В 1672 году здесь было сыграно «Артаксерово действо». Играли и «жалобную» комедию об Адаме и Еве, сюжет которой был распет во многих народных духовных стихах.

Ведущим драматургом был поэт Симеон Полоцкий, автор «Рифмотворной псалтыри», сочиненной им для царских детей, а в конце XVII века положенной на музыку Василием Титовым [2, с. 109]. Музыкальные номера первых постановок были родственны стилю духовных народных стихов, соединивших черты мелодики кантов и знаменного пения. Ставились популярные тогда «школьные драмы», пришедшие из Киевской духовной академии. Их содержание духовно-поучительное, но человеческие темы представлялись в них в комическом преломлении. Известен факт постановки в 1673 году школьной драмы «Алексей – Божий человек», по сюжету пересекающейся с одноименными вариантами народных духовных стихов. Очевидно, что в этот период домашние театральные постановки тесно взаимодействуют с этим жанром.

В XVII и XVIII веках в российских домах стали звучать новые песни, привезенные из Польши, Украины и Белоруссии, – «кантычки» или «канты» («песенки», «песни» от итальянского «cantare» – «петь»). Они были близки к русским народным песням тем, что исполнялись чаще «а саррелла» на несколько голосов, а также лирическими и шуточными сюжетами. Их стиль «получил в литературоведении определение “низового” “народного барокко”» [2, с. 108]. Первые сюжеты относились к сфере духовного стиха и церковной и философской тематике. О. Левашева пишет: «При дворе царя театральные представления уже не считались “греховной забавой”, а родовитые бояре начали заводить у себя оркестры, – в это ... время непритязательная лирика кантов стала излюбленным видом домашней музыки» [5, с. 320]. Из приведенного высказывания напрашивается вывод, что перемены в культурной жизни усадебного быта были связаны с влиянием западных соседей, начались с царских палат и передались постепенно всей знати. Ранние канты часто были русифицированными вариантами польских и украинских песен. Но постепенно этот жанр обретает самостоятельность и развивается, образуя множество подвидов. Важнейшее значение для развития домашнего театра имели духовные стихи в виде кантов. А при Петре Первом складываются кантовые виватные сюиты – ранние крупные формы составного типа.

В петровскую эпоху «Комедийная хоромина» переезжает на Красную площадь и открывается как театр в 1702 году [2, с. 141]. А в 1708 году в доме сестры Петра Первого Натальи Алексеевны появляется школьный театр, где ставятся средневековые мистерии, а роли играют студенты семинарии и Духовной академии. Дмитрий Ростовский пишет кантовую «Рождественскую драму», куда входят канты на тему Рождества и сопровождавших его событий, к примеру – «Шедше трие цари» о пришествии волхвов за звездой к Младенцу Иисусу, «Плач Рахили» об избииении младенцев царем Иродом. Канты, как

вариант духовных стихов позднего типа, составляют досуг царственных особ, звучат в театральных постановках для их личного развлечения.

Новый импульс к развитию жанра канта получает при Елизавете Петровне и существует в виде лирики на любовные и семейные темы с народными песенными текстами в основе. В них содержатся смеховые элементы, порой гротескового характера. Встречаются шуточные сцены из жизни (невестка капризничает перед свекром, жена подшучивает над слабым мужем, что подчеркивается литотами и гиперболами) или сюжеты с олицетворением, аллегорией, метонимией и метафорами – переносом свойств, черт и действий человека на явления природы (война грибов).

В конце XVIII века просыпается интерес к записи подлинных текстов русских «простых» песен, а чуть позднее и мелодий. Важнейшую роль в развитии музицирования в усадьбах сыграли первые опубликованные сборники народных песен собирателей В.Трутовского, И.Прача и Н.Львова. Представленные в них народные песни были изящно гармонизованы во вкусе европейской музыки и с удовольствием распевались в различных слоях городского общества. Будучи камер-гуслистом Екатерины II, Трутовский создавал аккомпанементы для столовых гуслей и клавикордов; Прач, гармонизовавший мелодии песен, записанных Львовым, был педагогом-клавикирдистом, поэтому опирался в своих обработках на клавикорд. Но в целом в бытовых песенных сборниках в то время с голосом предписывалось играть на «гуслях, клавикордах, скрипках и духовых инструментах» [5, с.335].

Эти сборники оставили след и в оперной музыке того времени. Левашева пишет, что в либретто ранних опер вводилась лексика из народных песен. Так делал Михаил Иванович Попов в либретто оперы «Анюта», где встречаются обороты, свойственные крестьянской лирике: «ты несчастной доброй молодец» [5, с. 332]. Львов тоже был либреттистом и хорошо знал нужды театра, которому требовалось не только русское слово, но и национальные сюжеты и мелодии. Ранние оперы в целом были комическими и сильно зависели от мелодики народных песен, поэтому их определяют как песенные. Д.В. Кнышева отмечает, что первые спектакли были насыщены фольклорным материалом, и приводит примеры того, какие из популярных песен вошли в оперные сочинения в качестве выходных номеров или хоров: так, песня «Земляничка ягодка» встречается в опере «Любовники в колдуне» И.Ф. Керцеля на либретто В.И. Майкова; «Во саду ли, в огороде» – в операх «Ямщики на подставе» Е.И. Фомина на либретто Н.А. Львова и «Песня любви» В.Мартини на либретто А.В. Храповицкого; «Как у нашего широкого двора» – в операх «Ямщики на подставе» Е.И. Фомина на либретто Н.А. Львова и «Мельник – колдун, обманщик и сват» М.М. Соколовского на либретто А.О. Аблесимова [3, с. 222]. Многие песни из первых собраний брались для опер и композиторами XIX века: песня «Из-под дуба, из-под вяза» из сборника Трутовского вошла в оперу Александра Серова «Рогнеда», а «На берегу у ставка» – в «Сорочинскую ярмарку» Модеста Мусоргского.

Опера «Ямщики на подставе» была поставлена в Санкт-Петербурге в первом частном театре в России Карла Книппера в 1779 году. Но множество

спектаклей давалось и в театрах при усадьбах. Русская усадьба последней трети XVIII века отходит от слепого подражания европейскому стилю. Это самостоятельный и передовой центр отечественной культуры и искусства, науки и просвещения. Как устроена усадьба, ее парки и водоемы, какие предметы искусства и книги собраны в ее залах и библиотеках, – все это говорило о хозяине и его образованности и пристрастиях. Обычным накопительством хозяева усадеб никогда не занимались. Все, что было собрано, должно было показаться на суд общества, для которого организовывались и музыкальные гостиные. К примеру, у Гончаровых на Полотняном заводе звучали клавикорды, у Шереметевых в Останкине звучал роговой оркестр, развлекающая гуляющее общество в парке. И спектакли в домашних театрах обязательно игрались для гостей.

Увлечение домашним театром в усадьбах в 70-е годы XVIII века носило массовый характер. Все, кто брался за обустройство театра, старались оснастить средствами техники и игровую часть, и зрительный зал, который часто чудесным образом переустраивался, превращаясь в балльное помещение. При Екатерине II вызревает профессиональный театр. Из частного театра князя Петра Урусова, открытого в 1776 году, складывается Петровский, а затем Большой театр в Москве. Однако домашние театры соперничают с ним по качеству постановок [9]. Дирекция жалуется, что театр графа Петра Борисовича Шереметева в Кускове отвлекает публику от казенного театра, почему в его кассе и нет денежных сборов. А в 1792 году строится еще один театр Шереметева в Останкине. Для постановок спектаклей (опер, балетов) приглашались лучшие труппы и музыканты из стран Европы. Но росли и свои незаурядные исполнители, из числа которых балерина Татьяна Шлыкова-Гранатова, певица Прасковья Ковалева-Жемчугова, ставшая графиней Шереметевой. Окрылись театры в усадьбах Архангельское князя Николая Борисовича Юсупова, директора императорских театров, три театра Николая Алексеевича Дурасова, в частности в Люблине, где пели крепостные артисты, в Марфине у Петра Семеновича Салтыкова, московского генерал-губернатора.

В период правления Екатерины II в обиход входит новый инструмент «пиано-форте», тогда – «флюгели» мастера Виртци Штейна, и песни начинают звучать в их сопровождении [1, с. 175]. Продолжает развиваться кант и появляется его новый подвид – российская песня, вобравшая в себя черты барокко, классицизма и сентиментализма. Новые песни, сочиненные на «миноветы», «контратансы», сицилианы и другие европейские жанры-основы, завоевывают все большее число усадеб. Нежная «музикья» захватывает воображение и сочинителей из городских низов. Появляются российские песни на чувствительные сюжеты, возникают любопытные сплавы черт городского сентиментализма и крестьянского обрядового фольклора – свадебных и хороводных песен. К примеру, как в песне о голубчиках, записанной бывшим крепостным композитором Даниилом Никитичем Кашиным, выросшим и получившим музыкальное образование, а потом и вольную в усадьбе генерала Г.И. Бибикова, а затем ставшим видным музыкантом Москвы первой половины XIX века. Кашин хорошо знал народные песни, записывал их и в результате

создал сборник обработок городских песен для хора студентов Московского университета.

Содержание песенников того времени пестрит многообразием жанров «любовных», «нежных», «городских», «пастушьих», «святочных», «свадебных», «столовых», «караводных», «маскерадных», «военных», «театральных» и других песен. Заметны увлечения и акценты того времени, смешение городских и деревенских вкусов, сопровождение песнями профессиональной деятельности, возвращение некоторых песен, записанных прежде от крестьян, в качестве «театральных». Камерное музицирование в усадьбе постепенно приводит к созданию нового жанра – русского романса. А домашние забавы с театром – к формированию русского национального оперного театра.

Важную роль в создании романса на основе русской мелодики сыграли композиторы и педагоги Александр Егорович Варламов и Александр Львович Гурилев, собиравшие народные песни в первой половине XIX века. Талант Гурилева вызревал в усадьбе графа В.Г. Орлова. А работа Варламова была связана с императорскими театрами. Созданные ими сборники песен отличались изящным виртуозным стилем обработок партии голоса и простотой аккомпанементов, предназначенных для фортепиано и русской семиструнной гитары, широко распространенной в городских слоях общества. В этот период запись песен становится все более частой, а во второй половине века – общение с народными певцами происходит самыми неожиданными способами: во время экспедиций, на этнографических концертах, в усадьбах, по приглашению хозяев в городские квартиры и поместья.

В XIX веке народные песни звучали и в усадьбах Пушкина. Происходил взаимный творческий обмен: поэт учился у народных певцов, а они перенимали возвышенный «штиль» его поэтического слова: «Мужик пашенку пахал, сам на солнышко **взирал**» (песня села Большое Болдино Нижегородской области, запись Н.Д. Бордюг, расшифровка Т.Л. Татариновой).

Многие собиратели не ездили далеко за песнями, имея возможность записать их от крестьян и близких, как это сделал композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков. В своей Тихвинской усадьбе в Новгородской губернии он записал несколько песен для своего сборника «100 русских народных песен» от родственников: матери – Софьи Васильевны Скарятинной-Римской-Корсаковой, уроженки Орловской губернии, дочери орловского помещика и крепостной крестьянки, дяди – Петра Петровича Римского-Корсакова, связанного с Тихвинским имением. Композитор указывает, что песни, которые они знали, относятся к началу XIX века, 10-м, 20-м годам, и являются большой редкостью [7, с. 4]. Деятельность по собиранию песен, знакомство с ними в усадьбе сыграли важнейшую роль в формировании вкусов композитора, в создании стиля опер кучкистов и их последователей в советское время.

Театр в XIX веке снова развивается на основе русских сюжетов из истории, литературы и народных мелодий. Записываются эти мелодии во время контактов с народными певцами. Так, в 70-е годы Василий Щеголенок,

«бродячий крестьянский портной» и сказитель [4, с. 279], легко путешествующий пешком, обошел усадьбы и квартиры многих русских писателей и музыкантов, где за ним записывались сюжеты песен и рассказов, мелодии древних старин. В 1871 году он пошел в Киев на богомолье, зашел в гости к собирателю эпоса А.Ф. Гильфердингу в Петербург. А в 1879 г. побывал у собирателя плачей и песен Е.В. Барсова в Москве, и там с ним познакомился Л.Н. Толстой, пригласивший его в Ясную поляну и порекомендовавший его далее музыкальному критику В.В. Стасову. В доме у Стасова композиторы М.А. Балакирев и Н.А. Римский-Корсаков слышали старинщика и записали от него мелодии былин (старин) [4, с. 280]. В дальнейшем воспоминания о сказителе Василии Щеголенке повлияли на создание образов бродячих монахов Варлаама и Мисаила в опере Мусоргского «Борис Годунов».

Вопленицу Ирину Федосову, давшую множество концертов в публичных местах, приглашали к себе в усадьбы многие известные люди того времени – граф Шереметьев, прокурор синода К.П. Победоносцев, председатель песенной комиссии РГО Т.И. Филиппов. Дольше всех гостила она в имении Кольцово Тверской губернии у Агреновых-Славянских, руководивших хором «Славянская капелла», исполнявшим русские народные песни по всему миру. В результате записи от знаменитой вопленицы северных песен и свадебного обряда вышел трехтомный сборник песен Ольги Христофоровны Агреновой-Славянской [4, с. 259, 260].

Важную роль в развитии усадебной музыкальной культуры и академического театрального искусства сыграла подмосковная усадьба Абрамцево, где бывали народные певцы и где был организован домашний театр промышленника-мецената Саввы Мамонтова. Самые гениальные сочинения русских композиторов (Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского), ставились там при участии известнейших художников и исполнителей. Здесь состоялись дебюты великих певцов Федора Шаляпина, Веры Забелы-Врубель. Эти эксперименты нового русского искусства были тесно связаны с народной культурой. В операх звучали народные песни (к примеру, в «Псковитянке» Римского-Корсакова – нижегородская хороводная «Как под лесом, под лесочком»). Многие образы были «слеплены» со сказителя Щеголенка, вопленицы Ирины Федосовой. Сам Шаляпин упоминал, что учится у них, считая их настоящими крестьянскими самородками, а себя – всего лишь городским «слобожанином».

Во многих усадьбах народные певцы-самородки получили первую оценку и уроки, а затем и совет связать свою жизнь с творчеством. Тверское имение Малый хутор Николая Александровича Квашнина – ученика художника Врубеля, соученика Коровина, музыканта и литератора – дало путевку в музыкальную жизнь Сереже Лемешеву. Именно там он начал заниматься музыкой с супругами Квашниными [10]. Услышали они мальчика впервые во время исполнения народных песен. В результате занятий и первых концертов в усадьбе развился гений будущего оперного певца С.Я. Лемешева.

В советское время, когда усадьбы вызывали агрессивное неприятие со стороны новых властей, первое время просветительская деятельность в них не

велась. Но благодаря усилиям многих деятелей культуры часть из них удалось сохранить от разорения и разрушения и устроить в них музеи. Старинные усадьбы получают новую жизнь как памятники архитектуры, культуры и вновь становятся центрами просвещения. Благодаря музейному делу народные песни некоторых локальных зон сохраняются до сих пор в репертуаре местных народных коллективов, привлекая посетителей в дни фестивалей и фольклорных праздников.

Так, аутентичный этнографический коллектив села Большое Болдино хранит старинный песенный репертуар ради приезжающих в Музей Пушкина гостей.

Музей-усадьба Римского-Корсакова в Тихвине был открыт в годы войны в 1944 году. В гостиной усадьбы прежде играли многие композиторы, пел Шаляпин. Ныне там проводится фестиваль «День Н.А. Римского-Корсакова», распространяясь и в различных других местах. Помимо музыки композитора, звучат народные песни при участии фольклорных ансамблей.

Неоднократно проводил музыкальные посиделки с программами народных песен Музей Н.А. Добролюбова в Нижнем Новгороде. В этих вечерах не раз принимал участие ансамбль Нижегородской консерватории «Демество».

Можно сделать вывод, что русские усадьбы XVII – XIX веков явились центрами апробации культурных новшеств и в то же время местами сохранения народной песенной традиции. Народные песни оказали влияние на развитие музыкальной стороны камерной и театральной музыки, звучавшей в домашних условиях в усадьбах просвещенных людей. На основе сюжетов, поэзии, мелодий народных песен развивалась школьная драма, ранняя комическая опера, канты и российские песни, романсы, национальная русская опера. Все эти жанры вызрели в условиях усадебной культуры, которая по сей день оставляет след в сознании российского общества.

Литература:

1. Греч А.Н. Музыка в русской усадьбе / А.Н. Греч // Русская усадьба. – Вып. 4 – Москва, 1998. – С. 171-179.
2. История русской музыки: уч. в 3-х вып. Вып. 1. Т.Владышевская, О.Левашева, А.Кандинский: ред. А.Кандинский, Е.Сорокина. – Москва: Музыка, 2013. – 560 с.
3. Кнышева Д.В. Истоки возникновения и формирования русской комической оперы последней трети XVIII века в тесной связи с изучением народной песни / Д.В. Кнышева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 13, № 2, 2011. – С. 221-225.
4. Курец Т.С. Исполнители фольклорных произведений (Заонежье. Карелия) / Т.С. Курец. – Петрозаводск, 2008. – 373 с.
5. Левашева О. «Российская песня и ее создатели» / О.Левашева // Русская вокальная лирика XVIII века: сост., публикация, исслед. и комментарии О.Левашевой. – Москва: Музыка, 1972. – С. 317-353.
6. Ливанова Т.Н. Русская музыкальная культура XVIII века: т. I. – М., 1952. – 540 с.
7. Римский-Корсаков Н.А. Сто русских народных песен. – Москва: Музыка, 1985. – 111 с.
8. Сборник кантов XVIII века: приложение к четвертому разделу книги Т. Ливановой «Русская музыкальная культура XVIII века». Том 1. – Москва: Госмузиздат, 1952. – 136 с.
9. Кому – забава, кому – искусство. URL: <https://www.culture.ru/materials/149709/komu-zabava-komu-iskusstvo> (дата обращения: 3.12.23).
10. Сергей Лемешев. URL: <https://www.culture.ru/persons/9350/sergei-lemeshev> (дата обращения: 3.12.23).

**«ФАКТИЧЕСКАЯ ЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ ОГРОМНАЯ...»
/Н.А. ДОБРОЛЮБОВ/.
МИР НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ УСАДЬБЫ И РУССКОГО ДОМА**

Моторная Л.И.
Государственный литературно-мемориальный
музей Н.А. Добролюбова
г. Нижний Новгород
E-mail: motornaya.Li@yandex.ru

Аннотация. Н.А. Добролюбов о значении устного народного творчества в истории русской культуры. Развитие традиционных форм народной культуры XVIII – первой половины XIX века, влияние на духовный облик и внутренний мир человека. Роль хранителей и собирателей образцов устного народного творчества в сохранении и дальнейшем развитии культуры русского народа.

Ключевые слова. Народ, культура, сохранение, значение, сказки, обряды, традиции, поверья, быт, предметы.

**“THE ACTUAL ENTERTAINMENT IS HUGE...” /N.A. DOBROLYUBOV/.
RUSSIAN MANOR AND RUSSIAN HOUSE FOLK CULTURE WORLD**

Motornaya L.I.
State Literary Memorial
Museum of N.A. Dobrolyubov
Nizhniy Novgorod
E-mail: motornaya.Li@yandex.ru

Abstract. N.A. Dobrolyubov on the importance of oral folk art in the history of Russian culture. The development of traditional forms of folk culture of the 18th – first half of the 19th century, the influence on the spiritual appearance and inner world of man. The role of keepers and collectors of samples of oral folk art in the preservation and further development of the culture of the Russian people.

Keywords. People, culture, preservation, meaning, fairy tales, rituals, traditions, beliefs, everyday life, objects.

На вопрос: «Что отличает один народ от другого?», – мы уверенно ответим, что это его традиционные формы культуры: то, что полнее всего отражает его духовный облик и внутренний мир; то, что хранит человека от обезличивания: язык, дом, предметы быта, домашнего обихода, устное творчество – фольклор.

Н.А. Добролюбов писал, что фольклор содержит факты, которые имеют «непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа» [1,

с. 235]. Сказки же «служат отражением народного ума, характера, верований, воззрения на природу, и в них также находим проявление поэтического гения языка» [2, с. 83].

В России носителем традиционных форм культуры в XVIII – первой четверти XIX века был крестьянский быт. Русское крестьянство тяготело к традиционно-патриархальному укладу жизни. Но в середине XIX века начался постепенный отход от традиций. Однако нельзя отойти от истории народа, нашедшей выражение в народном творчестве, в частности – устном народном творчестве, нельзя отказаться от предметов быта, мир которого был отражен в традициях, пословицах и поговорках, сказках и загадках, поверьях, суевериях и обрядах. Это мир, который остался и продолжает жить в повседневной жизни русского человека.

В этот мир увлеченно вошел и будущий литературный критик Н.А. Добролюбов, собирая и записывая пословицы и поговорки, замороженно слушая сказки нянюшки в родительском доме и бабушки в далеком Тольском Майдане, узнавая жизнь простых крестьян, общаясь на нижегородской ярмарке с широким кругом местных и приезжих крестьян. В дневнике 1855 года Добролюбов писал, что он провел «первые годы жизни в ближайшем соприкосновении с простым и средним классом общества» [3, с. 463-464]. И несмотря на то, что родительский дом – это дом священника, в семье живы были народные обычаи, традиции – знания, вынесенные из крестьянского дома. Много было услышано, многое удивляло и восхищало, заставляло задуматься.

Еще один источник, подпитывающий разносторонние интересы пытливого ума – книги. Домашнее чтение занимало значительное место в ежедневном распорядке занятий. Оно учило думать, способствовало развитию познавательных интересов, способностей. Среди прочитанных книг сочинения выдающегося русского этнографа и археолога А.В. Терещенко, которые воспринимались настоящей энциклопедией ушедших эпох. Вот как отзывался о книге «Быт русского народа...» юный Николай Добролюбов в своем дневнике «Реестры читанных книг»: «Превосходная книга. Невероятный, исполинский труд по количеству собранных сведений... Фактическая занимательность огромная...» [4, с. 400].

Позднее, уже находясь в Петербурге, он писал сестрам в Н. Новгород: «... у вас няня большая мастерица сказки сказывать и песни петь. Так вы заставьте ее рассказывать что-нибудь новенькое и хорошенькое, да и запишите. Потом и перешлите мне сюда» [5, с. 95]. Собранный материал, а именно пословицы, поговорки, сказки и сказания, поверья и заговоры, описание обрядов и традиций, бытующих в жизни русского крестьянства, легли в основу целого ряда статей Н.А. Добролюбова о народном творчестве.

Благодаря собирателям и исследованиям этого нематериального богатства в прошлом и в настоящем, наши знания о культурном наследии русского народа с каждым годом становятся полнее и многограннее; ведь и сегодня многое живо из того, что сохранила народная память.

Итак, речь пойдет о самом главном, что есть у каждого человека, – о родном доме, о том, каким его и всё, что его окружает, знали в далеком прошлом, каким он сохранился в сознании человека сегодня.

Дом – одна из важнейших жизненных ценностей человека, средоточие всех его жизненных сил. В нем появляются на свет, живут и умирают.

Не случайно дом упоминается во многих пословицах: «Дом вести – не лапти плести»; «Без хозяина – дом сирота»; «В своем доме как хочу, так и ворочу»; «Что в поле родится, все в доме пригодится» и др. Большой или маленький, богатый или бедный, городской или деревенский, он всегда остается для человека родным местом, в которое хочется вернуться или хотя бы согреться памятью о нем.

Дом и любой предмет домашнего обихода также наделены «памятью», которая помогает многое узнать о социальных, религиозных, хозяйственных сторонах жизни их владельцев. Поэтому с домом и всем, что его олицетворяет (печь, угол, стол и т.д.), связано много примет, поверий и суеверий, какие-то из них хорошо знакомы, многие уже описаны в литературе, а с некоторыми и сегодня можно встретиться впервые.

Приметы, поверья, заговоры и т.д. часто выполняют значимую функцию в жизни человека: одни из них рекомендуют, другие выполняют охранительную, предупредительную функцию, третьи запрещают что-либо под страхом смерти.

Итак, мы знаем, что в избе было два расположенных по диагонали сакральных центра: центр христианский (красный угол) и центр языческий (печной угол, бабий кут, средней угол). Мифологическое сознание народа определяло печной угол как место темное, нечистое. Оба центра в равной степени были важны для крестьянской семьи. Но именно в красном углу располагаются иконы, на которые обращает свой взгляд каждый вошедший в дом, чтобы перекреститься, прочесть молитву, а потом и поздороваться с хозяевами, переступив через порог.

Порог – деревянный брус в дверном проеме между сенями и жилым помещением. В мифологии воспринимался как граница между двумя различными мирами: внешним миром (чужим, часто враждебным) и миром семьи, миром теплым, заботливым, добрым.

В соответствии с обрядами жизненного цикла, человек, переходя из одного мира в другой, должен был попросить разрешения у Бога – своего защитника.

Не случайно запрещалось через порог здороваться, подавать при прощании руку, разговаривать друг с другом.

Отправляясь в дальнюю дорогу, человек должен посидеть на лавке у порога, прочесть краткую молитву, мысленно обратиться к богу или к своему ангелу-хранителю с просьбой о помощи в пути.

Несоблюдение этих правил могло привести к неприятностям: поломке саней, потере дороги или гибели в пути. Русские крестьяне говорили: «Без Бога – ни до порога».

В свадебном обряде жених и поезжане, приехав за невестой в день венчания, должны были перешагнуть через порог ее дома, не наступая на него ногами. Порог – граница, через который надо перескочить, чтобы ничто не

помешало увезти девушку из дома. Невеста же, входя после венца в дом своего жениха, где ей суждено жить, должна была немного постоять на пороге, постучать каблучками, заявляя о себе, молодой хозяйке.

В родильном обряде обрядовые действия осмысливались как приобщение ребенка к дому: считалось, что сразу после рождения или крещения ребенка его нужно положить на порог; если же послед захоронить под порогом, то человека всегда будет тянуть в родной дом, а его связь с матерью будет неразрывной.

В погребальном обряде: гроб с покойником при выносе из избы 3 раза ударяли о порог, что всеми воспринималось как прощание с домом уходящего из этого мира.

Пол и потолок, как и порог, воспринимались как граница между мирами.

В XVIII веке широко распространено было поверье, что умершего колдуна следует выносить на кладбище через потолок, крышу или окно, а не через дверь. В противном случае после смерти он может вернуться в дом.

Окно – одно из самых опасных мест в доме. Считалось, что проникнув через окно, нечистая сила могла нанести человеку и его близким большой урон.

Следуя этому поверью, широкое распространение получили такие приметы: птица в окно влетит – к покойнику (к известию); дятел постучит носом в наличник – к смерти или к беде (к вестям).

Крестьяне утверждали, что через окно в дом могут проникать только солнечные лучи, защищая дом от всего «чужого». Оберегая дом, на верхней части оконной колоды рисовали мелом или углем кресты, а раму кропили святой водой.

Наличие окон и дверей обозначало дом как жилище человека. Дом без окон и дверей мог находиться только в ином мире – мире нечистой силы, смерти. В сказке про Бабу Ягу войти в дом можно только произнеся формулу заклятья, которая может звучать по-разному, например, так: «По старинному присловью, по мамкину сказанью: избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом: мне не век вековать, а одну ночь ночевать» [6, с. 323].

Окно считалось местом символической связи между живым и мертвым.

В день смерти человека на подоконник ставили чашу с водой, а к косяку рамы прикрепляли полотенце. Крестьяне верили, что на нем в течение 40 дней отдыхает душа умершего перед путешествием в иной мир.

В дни масленицы на слуховое окно клали первый блин: он предназначался комам – душам умерших.

Милостыня, переданная через окно нищему, более угодна Богу, т.к. скорее дойдет до него.

Весть, полученная через окно из иного мира, должна привести к значительным переменам в жизни услышавшего ее человек. Потому, вероятно, существовал запрет вести важные переговоры через окно.

Событие, произошедшее под окном в момент рождения человека, определяет всю его дальнейшую судьбу. Говорили: «Бог знак дает».

Поверье, связанное с подоконником, выполняло запретительную функцию. Крестьяне говорили: «Не сиди девица на подоконнике – замуж не выйдешь»: во-первых – опасно; во-вторых – испокон веков девушка не должна

была выставлять себя напоказ, а работать. Начиная с 7 лет, выполняя посильную женскую работу, в том числе – прядение пряжи для будущего приданого, девушка готовилась к предстоящему замужеству, чтобы в будущем соответствовать наставлениям «Домостроя» о домовитости и трудолюбии благоразумной жены.

Полотенце – традиционный предмет крестьянской бытовой культуры. Полотенце передавали как семейную ценность из поколения в поколение. Концы его украшали вышивкой, тканым цветным узором, лентами, полосками цветного ситца, кружевом, блестками, тесьмой, позументом, бахромой.

Полотенце – часть праздничного убранства избы. Оно никогда не использовалось для вытирания после бани или умывания. Для этого служил кусок ткани – утирка. Полотенце вешивали на стены, им украшали иконы, зеркала, рамки с фотографиями в дни больших праздников или важных событий в семье.

Полотенце участвовало в свадебном обряде как атрибут обряда соединения молодых людей на совместную жизнь. Длинным полотенцем обвивали жениха и невесту, стоящих лицом друг к другу, от шеи до ног, приговаривая: «На годы долгие, на веки вечные, на житье доброе, на детей здоровых».

Перед венчанием связывали руки жениха и невесты, жених и невеста брались за концы и отправлялись под венец;

Полотенце защищало невесту от дурного глаза в самые важные моменты свадебного обряда: закрывало лицо невесты во время голошения на девичнике, во время ритуала похода с девушками в баню, при поездке под венец, во время возвращения после венчания на свадебный пир; на княжьем пиру невеста сидела, закрытая полотенцем, а когда отец жениха открывал лицо новобрачной, вокруг все кричали: «Хороша молодая, красива молодая!».

Полотенца, сотканые самой невестой, необходимы при обмене дарами между родственниками жениха и невесты. По их количеству и качеству можно было узнать способности и характер будущей хозяйки дома. Обряд проходил неоднократно и рассматривался как включение молодой в новый родственный союз

В родильном обряде на полотенце во время родов принимали ребенка от роженицы. Это должно обеспечить любовь родственников и расположение односельчан.

Во время крестильного обеда им закрывали горшок с кашей, приготовленный повитухой, который воспринимался как общая доля-судьба всех собравшихся за столом. Судьбу надо было переделить, т.к. появился новый родственник – младенец. Бабка-повитуха снимала полотенце с горшка, расстилала на столе, затем поднимала горшок 3 раза, произнося благопожелания новорожденному. Потом бросала горшок на стол, а все присутствующие быстро собирали рассыпавшуюся кашу ложками, символически делясь своей судьбой.

Полотенцем одаривали бабку-повитуху за помощь при родах и крестных отца и мать за согласие быть духовными родителями ребенку.

Кашу повитуха варила в печи, где и хлеб пекли, и щи варили, и если размеры ее позволяли, то и парились. Печь-кормилица занимала видное место в избе, и к ней следовало относиться с большим почтением: после того, как все, что надо, сварено, печь следовало покормить: положить полено и поставить горшок с водой. Если хозяйка нарушала заповедь, печка «обижалась»: могла испортить кашу или вообще подпалить дом. С печкой-матушкой шутить не решались.

С огнем также связаны поверья: огонь оберегал от всяких бед, обеспечивал семье мирную, счастливую жизнь, предохранял дом от огня небесного во время грозы. Огонь, полученный с помощью огнива, считался особенно благотворным для человека.

В русской деревне стремились не разгневать огонь: нельзя бросать в огонь мусор, плевать в него, топтать ногами, гасить руками, заливать водой. Огонь должен был умереть сам, а лучину или свечу нужно было задуть. При несоблюдении людьми этих правил обиженный людьми огонь мог спалить деревню или наслать на обидчиков красную сыпь – вогник.

Около печи всегда находились кочерга и метла, которые, кроме основных функций, использовались как магические предметы, с помощью которых человек мог защититься от нечистой силы.

Метла в волшебных сказках и преданиях являлась одним из самых выразительных атрибутов Бабы Яги, ведьмы, колдуньи. Люди верили, что, обернувшись огненной метлой, нечистая сила могла влететь через трубу в дом и причинить много бед. Но метла являлась и оберегом: предохраняла от сглаза, порчи, болезней. Поставленная в угол у входа метла защищала от злых сил.

В сознании русского крестьянина метла, создавая чистоту на улице, создавала чистоту и сакрального мира: изгоняла злые силы, нечисть. Но соприкасаясь с грязью, она превращалась сама в орудие порчи, колдовства.

Домовой. Какой же дом без «хозяина» или «дедушки»? В народе говорили: «Дом домом, а домовый – даром». Живет он, где сам захочет: за печкой или в чулане, или под порогом, в подклете или голбце (пристроен к печке сбоку). Любимый его предмет – веник. Веник должен стоять в углу ручкой вниз: это спасает от беды, призывает Домового защищать дом. В Федорин день Домовой из-под веника не выходит, поэтому хозяйке надо быть осторожной, чтобы с мусором не выкинуть и «дедушку», не то он обидится и пакостить начнет. Домовой считался озорным духом. Его надо задабривать, поставив в день рождения на шесток печи горшок с кашей.

Домовой знал судьбу каждого из членов семьи, предупреждал об опасности, будил спящих людей во время бедствия.

Бесконечно можно рассказывать о том, как в народном сознании преломлялось понимание окружающего мира и находило поэтическое его отражение в народном творчестве. Бабушки и нянюшки, различные сказители, странники, ревнители прекрасной старины продлевали жизнь всему, что помогало и украшало трудную жизнь простого русского человека. Богатство же народной культуры во всех ее проявлениях дает основания считать, что собрание и изучение народного творчества актуально и в наши дни.

Литература:

1. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 4. – М.- Л., 1961, с. 235.
2. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 2. – М.- Л., 1961, с. 83.
3. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 8. – М.- Л., 1961, с. 463-464.
4. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 8. – М.- Л., 1961, с. 400.
5. Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. – М.- Л., 1961, с. 95.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. Собр. соч. в 3 томах. Т. 3. – М.: Худож. лит., с. 323.

УДК 7

ГРНТИ 13, 18, 67.07.29

АРХИТЕКТУРНО-СТИЛЕВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ НИЖЕГОРОДСКИХ УСАДЕБ

Савина Н.В.

ННГАСУ

г. Нижний Новгород

E-mail: rebbik@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны архитектурные стили нижегородских городских усадеб и загородных усадебных комплексов Нижегородской области. Представлены описания таких архитектурных направлений, как классицизм, эклектика, модерн в архитектуре нижегородских усадеб. Приведены примеры основных сохранившихся к настоящему времени нижегородских усадеб для каждого архитектурно-стилевого направления.

Ключевые слова. Усадьба. Нижний Новгород. Архитектура. Стиль в архитектуре. Классицизм. Эклектика. Модерн. Городская усадьба. Загородная усадьба. Архитектурное направление. Архитектурный элемент.

ARCHITECTURAL AND STYLISTIC DIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD ESTATES

N. V. Savina

NNGASU

Nizhniy Novgorod

E-mail: rebbik@yandex.ru

Abstract. The article describes the architectural styles of Nizhny Novgorod city estates and suburban estate complexes of the Nizhny Novgorod region. Descriptions of such architectural trends as classicism, modern, eclecticism in the architecture of Nizhny Novgorod estates are presented. Examples of the main preserved Nizhny Novgorod estates for each architectural and stylistic direction are given.

Keywords. The manor. Nizhniy Novgorod. Architecture. Style in architecture. Classicism. Eclecticism. Modern. City estate. Country estate. Architectural direction. An architectural element.

В разное время в Нижегородской области жили люди разных национальностей (русские, мордва, татары, грузины, немцы, французы) и сословий и профессий. Люди формировали свою собственную среду обитания посредством создания различных типов жилищ. Некоторые из них (люди с достатком) внесли особый вклад в формирование архитектурного облика города и области.

Объектом исследования являются усадьбы Нижнего Новгорода и Нижегородской области (как городские, на примере Городца, так и загородные).

Предмет исследования – архитектурные стили выбранных усадеб.

Границы исследования определены:

- самим понятием усадьбы как частновладельческого комплекса жилых и хозяйственных построек, объединенных общей архитектурной идеей (в состав усадьбы обычно входили главный дом, флигели, службы, ограда и ворота) – самостоятельные особняки и доходные дома в данной статье не рассматривались;

- временными рамками: периодом XVIII – начала XX века в исследовании образцов русских усадеб;

- географическими рамками: в статье рассматриваются усадьбы Нижнего Новгорода и области.

Цель исследования – обзор архитектурно-стилевых направлений в архитектуре нижегородских усадеб.

Основой данного исследования стал анализ литературных источников, указанных в списке литературы, а также визуальный осмотр усадебных памятников нижегородской архитектуры XVIII – начала XX века города и области.

Часть 1. Городские усадьбы

В архитектуре нижегородских усадеб выделяется преимущественно три архитектурно-стилевых направления: **классицизм, эклектика и модерн**, соответствующие временному этапу строительства усадеб.

А. Эпоха классицизма. «В руках архитекторов тех времен были “образцовые”, высочайше утвержденные фасады зданий. Центральная власть стремилась “облагородить” провинцию, придать ей определенную столичность, проецируя на нее архитектурные приемы, уже нашедшие воплощение в Петербурге – городе, представлявшемся «величественно-прекрасным, как некий идеал архитектурного совершенства, как некий идеал архитектурного совершенства, как зримое воплощение сложившихся в эпоху Просвещения представлений о целях и задачах архитектурно-градостроительной деятельности. Одним из главных выражений заботы об “общественном благе” в эту эпоху считалось создание целостной, эстетически организованной городской среды, подчиненной художественно-стилевым закономерностям господствующего тогда стиля – классицизма» [10, с. 7]

Усадьба Голицыных (Рождественская, 47) состоит из главного дома и двух флигелей, соединенных с ним оградой. Здесь во всей своей гармоничной простоте звучит русский классицизм. Пять центральных полукруглых окон на фасаде главного здания. Спокойный ритм. Рустовка нижнего этажа главного

дома и флигелей, замковые камни на окнах первого этажа – собственно, это все, чем богат в декоративном плане усадебный комплекс. Но именно усадьба Голицыных связывает Рождественскую улицу с целым пластом архитектурных традиций и с эпохой так называемой «грибоедовской» Москвы.

Композиция *усадьбы Абалемек-Лазаревых*, построенной на довольно простых сочетаниях объемов, подчеркивается двухцветным оформлением фасада, присущим постройкам позднего классицизма.

Усадьба для управляющего городецкой вотчиной графа В.Н. Панина – один из лучших памятников **Городца**, единственный в своем роде архитектурный комплекс в формах позднего классицизма (ампира) с элементами поволжской глухой резьбы.

Усадьба Рябининой – архитектурный ансамбль, памятник архитектуры федерального значения в историческом центре Нижнего Новгорода, построенный в 1825–1848 годах. Ансамбль включает здания XVIII века и является ярким примером того, как нижегородская архитектура приспособлялась к требованиям времени. Здание представляет поздний русский классицизм и ампир в застройке Нижнего Новгорода.

Б. Эклектика – сложный гибридный стиль. «Эклектика появилась в результате распада предшествовавшего ей стиля классицизма, который в начале XIX века перестал отвечать новым требованиям наступившей эпохи. Он не позволял отразить во внешнем облике оттенки национальных культур или элементы романтизма, которые были отражением изменений в идеологии и социально-политической жизни как европейских государств, так и России того времени в целом» [12, с. 15].

Эклектика черпает архитектурные элементы в разных исторических стилях, базируется на широком выборе и компоновке образцов, комбинации форм и деталей, заимствованных из искусства разных эпох. В центре художественных процессов всегда стоит творческая личность архитектора, мастера, которая создает архитектуру в ту или иную эпоху.

Зодчие эпохи эклектики «прекрасное» ищут во всей истории мировой и отечественной архитектуры, во всем наследии прошлого.

«Зодчие, отказавшиеся от классицизма, стремились использовать в своих произведениях формы известных исторических стилей (античных стилей, готики, романского стиля, а затем ренессанса, барокко, рококо и др.). Смешение элементов, заимствованных из разных стилей, отрицало законы предшествующего классицизма, но не отвергало их полностью. Классицизм также остался одним из источников для копирования отдельных форм и декоративных деталей. От классицизма в зданиях эклектики сохраняется симметрия, фронтальность и сообразительность. Но при этом нарушается иерархия, возникает многоакцентность, равнозначность разных стиливых форм и деталей. Изменяется пропорциональный строй, масштаб застройки. Исчезает нейтральный фон поверхностей фасадов, лишенный декора и держащий паузу в композиции фасадов зданий эпохи классицизма и ампира. Основным носителем и выразителем красоты становятся архитектурные детали» [12, с. 16].

Эклектика в России прошла 3 стадии эволюции.

Ранняя эклектика (1840-1860)

В возведенном главном доме *усадьбы Ермолаевых – П.И. Парфенова* на ул. Ильинской, 96 по проекту архитектора Г.И. Кизеветтера определяющим мотивом являются полуколонны коринфского ордера, расположенные в простенках между окнами, и широкий декоративный фриз, который восходит к русскому ампиру и украшен лепниной в виде завитков растительного орнамента, чередующихся с лирами и ангелочками.

В ряде зданий этого периода также привносится декор русского ампира, который дополняется элементами из местного народного зодчества. Так характерным примером переходного периода от классицизма к эклектизму является доходный дом *усадьбы Добролюбовых* на набережной р. Почайны (ул. Лыкова Дамба, 2). Если жилой флигель усадьбы выполнен Г.И. Кизеветтером в позднем классицизме, то архитектура фасадов главного трехэтажного дома этой усадьбы уже несет в себе черты раннего эклектизма.

Также к усадьбам, выполненным в стиле ранней эклектики, можно отнести главный дом *усадьбы А.И. Костромина – А. Шушляева* на ул. Рождественской, 30, флигель *усадьбы А.В. Мичуриной* и жилой флигель на ул. Рождественской, 14а.

Зрелая эклектика (1870-1890)

Дом-усадьба (дворец) Рукавишниковых на Верхневолжской набережной

Общее архитектурное решение особняка представляет собой прекрасный пример историзма. В соответствии с требованиями этого стиля каждое помещение решалось в особом ключе. В особняке представлены неоренессанс, необарокко, стиль Людовика XVI, Людовика XV (неороккоко), русский стиль. Обращение именно к этим стилистическим направлениям характерно для особняков аристократии и богатого купечества второй половины XIX в. При этом наблюдается определенное смешение элементов, обычное для метода эклектики в период историзма.

Ныне в этом здании относится к Нижегородскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику.

В зрелой эклектике встречаются варианты упрощенного и усложненного декоративного решения. Обрамления декоративных элементов имеют, например, вид картуша с его различными компонентами в виде медальонов, «свитков», завитков на главном доме *усадьбы М.Н. Щелокова* на ул. Студеной, 10б.

Также к данному архитектурному стилю можно отнести *усадьбу В.И. Смирнова* на улице Дальней, 15 (1890-е годы)

Поздняя эклектика (рубеж XIX-XX века)

Главный дом *усадьбы купца Маркова* (ул. Ильинская, 61) построен в начале XX века. Особняку придан облик, напоминающий флорентийские палаццо эпохи Ренессанса. Фасады особняка Маркова выполнены в поздней эклектике с элементами модерна и ретроспективизма, которые проявляются в планировочной структуре дома и оформлении интерьеров. Поздняя эклектика допускает вольности – и вот уже центральные окна второго этажа приобретают стрельчатые обрамления. Уличный девятиосный фасад асимметричен.

Можно сказать, что купеческий Нижний Новгород до самой революции оставался одной из «столиц эклектики» в России, что, несомненно, отражено и в архитектуре нижегородских усадеб.

Несколько усадеб в **Городце** также построены в стиле эклектика.

Усадьба О.К. Сотина – Г.Д. Малышева в г. Городце была очень обширная. Композицию комплекса формируют главный дом, два флигеля по бокам и две каменные ограды с воротами, объединяющие здания вдоль линии застройки улицы. В профессиональной по характеру архитектуре двухэтажного главного дома еще присутствуют черты классицизма и в то же время появляются приметы ранней эклектики. А вот флигели явно строились без участия архитектора, местной артелью каменщиков.

Усадьба К.В. Кузнецова – И.П. Облаева старшего (купца-старообрядца) в Городце представляет архитектурную ценность как образец академической эклектики с элементами ионического ордера и богатым лепным узором.

Усадьба старообрядца **М.Н. Лапина** в Городце. Усадебный комплекс имеет торжественную трехчастную композицию с крупным двухэтажным главным домом по центру и двумя небольшими одноэтажными флигелями на флангах. В решении уличного фронта господствует строгая симметрия, что придает усадьбе особенно цельный, законченный облик. Сдержанные формы декора, характерные для академического направления эклектики, здесь выполнены в лицевой кирпичной кладке.

Усадьба А.Г. Лемехова (старообрядец) – А.Д. Малехонова в Городце – маленький дворец в формах академической эклектики. Богатое декоративное убранство фасадов с лепными деталями и элементами художественного литья.

«Кирпичный стиль» в архитектуре Городца конца XIX – начале XX веков

Яркий образец этого направления эклектики – **усадьба И.Н. Белобородова в Городце.**

Сочетание типичного для Городца скромного варианта эклектики и более декоративной разновидности местного «кирпичного стиля» – **усадьба С.М. Бугрова.** Фасад главного дома и примыкающие к нему ворота усадьбы И.Н. Белобородова в изобилии украшены крупными рельефными деталями из тесаного кирпича – тонкими колонками, поребриком, декоративными нишами-ширинками. Источниками этих мотивов стали деревянная домовая резьба и народные художественные промыслы (вышивка, золотное шитье, кружево). Кроме того, использованы элементы, заимствованные из древнерусского зодчества. Внимание привлекает крыльцо парадного входа с парой массивных приземистых колонн; в Городце такое решение – единственное в своем роде.

В отличие от большинства усадеб Городца, флигель усадьбы С.М. Бугрова выглядит более нарядным, чем главный дом. Его узкий фасад в два окна завершен высоким фигурным аттиком с круглым медальоном, где видны инициалы владельца усадьбы – СМБ.

В. Модерн. Модерн в архитектуре Нижнего Новгорода 1890 – 1910-х годов. Краткая эпоха модерн – эпоха Серебряного века. В Нижнем Новгороде, к счастью, до настоящего времени сохранились отдельные самобытные

сооружения в стиле модерн, которые радуют нас и, надеемся, будут радовать будущие поколения. Архитекторы той поры (Ф.О. Шехтель, Д.А. Вернер, П.А. Домбровский, С.А. Левков, П.П. Малиновский, А.И. Шмаков и др.) мечтали преобразовать окружающий мир по законам красоты. К сожалению, все труднее становится сохранять деревянное зодчество, но даже единичные деревянные здания старого Нижнего Новгорода продолжают радовать глаз.

«В Нижний Новгород модерн пришел на рубеже столетий. В это время налицо был кризис эклектики, все более обнаруживалось ее несоответствие потребностям времени. Модерн декларативно отказывается от элементов, присущих архитектурным стилям прошлого, его мастера ищут новую трактовку архитектурных деталей, опираясь, в частности, на пластические возможности новых строительных материалов. Отвергая историзм, модерн открывает дорогу живописным композициям, представляет широкие возможности индивидуальному творчеству и фантазии. Он первым нарушил статическое впечатление от архитектурной формы, господствующее в эклектике, привнес в архитектуру идею непрерывного движения, пульсирующего ритма, эмоционального начала. Модерн в России критиковали за элитарность, направленность в сторону состоятельных потребителей. В Нижнем Новгороде в модерне стали строить практически все сословия, начиная от дворян и купечества, до мещан и крестьян. В отдельных произведениях модерна, особенно в провинции, безусловно, встречались и безвкусица, и проявление мещанских вкусов» [6, с. 18].

Основополагающие начала модерна – это организация внутреннего пространства, принцип построения формы «изнутри наружу», т.е. то, что характерно и для построения формы в древнерусском зодчестве. Для модерна в России характерным было стремление к самобытности. Одной из его отличительных черт было обращение к национальному наследию.

Ранний модерн

Раннему модерну были свойственны поиски вдохновения в природе.

Усадьба купца Я.Е. Башкирова на ул. Большая Печерская, 20

Флигель на ул. Звездинка, 10б на территории бывшей *усадьбы мещанки М.И. Сизовой* (1907-1908г.г.)

Деревянный модерн – своеобразное явление в архитектурной жизни нестоличного города. Он практически отсутствует в обеих столицах. «Характерными чертами нижегородских деревянных домов того периода служат плавные изогнутые очертания кровли, причудливый рисунок дверей, обрамление окон и выступающих эркеров. Для “деревянного” модерна в Нижнем характерно наличие “головного убора” в виде “всплесков” различного очертания. Венчающие части выступающих башенок, эркеров и ризалитов усиливают живописное впечатление» [6, с. 63].

Жилой дом с флигелем купца Д.В. Сироткина (ул. Ильинская, 46)

Усадьба А.Н. Седова (ул. Студеная, 49б)

Часть 2. Загородные усадебные комплексы

Исследование **загородных усадебных комплексов** было проведено по маршрутам экспедиций, организованных Нижегородским региональным

общественным фондом деятелей культуры «Дать понять» в разные годы. Автор исследования повторил практически все маршруты фонда четырех направлений: южного, северного, западного, восточного. Архитектурно-стилевому анализу подверглись сохранившиеся до наших дней усадебные комплексы Нижегородской области, а также их остатки и фрагменты в виде едва угадывающихся планировочных элементов – парковых аллей, экзотических пород деревьев, оплывших валов и заросших рвов, некогда являвшихся границами усадебных участков.

Концентрация усадебных комплексов наблюдается не только в центральной части Нижегородской области, но и в северных районах области, богатых лесами, а значит – и строительным материалом.

Во многих местах на севере Нижегородской области сохранились деревянные здания, дома, усадебные постройки. По архитектуре сооружений усадьбы села Успенского Воскресенского района (усадьба Беляева), Морозихи Ветлужского района (усадьба Верховских), Галибихи (усадьба Левашовых), можно судить об особом **нижегородском деревянном зодчестве усадебного типа** [14].

На юге области уже не встретишь таких лесов, как в Заволжье. Здесь боры и дремучие дубравы издавна были переведены на поташ. Дерево как строительный материал в этих местах стало дорогим. Деревянных усадебных построек почти не сохранилось. Однако именно на юге области сохранились усадебные комплексы из камня и кирпича. Это целый ансамбль построек, начиная с дворца и кончая подсобными службами, в Ветошкине (усадьба Пашковых); дворец Баташевых в Выксе; большой, ныне реставрируемый, комплекс сооружений, среди которых ограды и малые формы, вызывающие всеобщее восхищение, в Подвьязе (усадьба Приклонских-Рукавишниковых); постройки в Лазареве (усадьба Шереметевых-Рукавишниковых); усадьба Орловых-Давыдовых в селе Симбилей Дальнеконстантиновского района и др. [14].

Дворец Баташевых в Выксе построен во второй половине XVIII века в стиле русского классицизма.

Усадьба Орловых-Давыдовых в селе Симбилей

Главный усадебный дом, построенный в I половине XIX века, не поражает своей величественностью. Его можно назвать более чем аскетичным: прямоугольное **двухэтажное кирпичное здание с минимальным набором декоративных элементов**, к которым можно отнести четыре деревянные колонны парадного крыльца, оформленные оконные проемы, карниз второго этажа и **рустика** по четырем углам. Последний вид кладки даже переводится с латинского как «простой, грубый, деревенский»

Усадебная Спасо-Преображенская церковь была построена в 1850 году. Церковь спроектировал архитектор Павел Гесс. Она поражает огромными арками, коваными решетками на окнах и коваными дверями.

Согласуясь со своим воспитанием и вкусами, граф построил церковь на западный манер. В прекрасно сохранившейся кладке стен, оконных проемах и остатках внутреннего убранства угадывается **романский стиль**. В утраченном

иконостасе присутствовали **элементы готики**. Низ церкви отделан белым камнем, а венчает крепкие стены красного кирпича ажурная кладка. По заказу графа расписывали церковь итальянские мастера, а резной дубовый иконостас был заказан в Лондоне.

Усадьба Приклонских-Рукавишниковых в Подвязье Богородского района Нижегородской области

Величественный ансамбль можно увидеть на берегу Оки. Комплекс насчитывает около двух десятков сооружений, представляющих архитектурное разнообразие. Это, например, **здания в стиле классицизма конца XVIII – начала XIX веков**, возведенные в период владения усадьбой дворянским родом Приклонских. Среди построек: Воскресенская церковь, звонница, главный дом, флигель, корпус служб, хозяйственный корпус. Есть и представители конца XIX века **в неоготическом стиле**, созданные под руководством второго знаменитого владельца усадьбы – нижегородского купца С.М. Рукавишникова. К постройкам этого периода относятся скотный двор, конюшни, оранжереи, кузница, мастерская, водонапорная башня, кирпичные ограды, ворота. Основное здание сочетает в себе элементы замковой архитектуры.

Одно из самых красивых строений в ансамбле – **ротондовая Воскресенская церковь**, спроектированная в 1818 году архитектором Н.А. Львовым. Она имеет необычную эллипсоидную форму. Также до наших дней сохранились речные ворота и **водонапорная башня в неоготическом стиле 80-х годов XIX века**. Дополняет эту красоту приусадебный парк с липовой аллеей и спуском к реке, вымощенным булыжником.

Усадьба Шереметых-Рукавишниковых (Лазарево, Богородский район)

Главное здание построено в конце XVIII века **в стиле классицизма**. Сейчас это обветшалый дом. От былой его красоты остались белокаменные элементы: эркеры в левой части здания и своды оконных проёмов в виде арок.

Среди сохранившихся усадебных построек – **силосная башня и конюшни**, которые в советское время использовались местным совхозом. Сейчас же оба здания год от года всё больше разрушаются.

Усадьба Нейдгартов в поселке Новый мир Вадского района Нижегородской области

По рассказам старожилов, кроме главного дома и флигеля для прислуги в усадебный комплекс входили коровник, скотный двор, сыроварня, прачечная, две конюшни (одна для породистых рысаков, другая для рабочих тяжеловозов), псарня, регулярный парк, пруд, фруктовый сад.

До А.Б. Нейдгарта главным домом усадьбы был одноэтажный дом с мезонином, построенный **в стиле позднего классицизма**. С постройкой Алексеем Борисовичем он стал выполнять функции флигеля для прислуги, а с советских времен в нем поселили местных жителей.

Главный дом усадьбы, П-образное здание, главный фасад которого украшен колоннами на пьедесталах и открытой арочной галереей второго этажа, стоит здесь же. После революции в нём сначала была коммуналка, потом, с 1967 г. – школа, а с 1982 г. и по сей день располагается администрация

СПК «Новый Мир». **Мотивы позднего классицизма нарушены расположенным с восточной стороны пятигранным пристроем, напоминающим алтарь храма. И неспроста: в здании находилась домовая церковь.**

Алексей Борисович Нейдгарт, род которого происходил из Австрии, был глубоко верующим, горячо любящим Россию и этот чудесный уголок Припьянья человеком с удивительной и трагичной судьбой. А.Б. Нейдгарт имел большую библиотеку.

У усадьбы Нейдгартов уже есть всё, чтобы стать объектом культурного туризма: прекрасное природное расположение, видовые панорамы, живописные пойменные склоны, исторические здания, легенды и традиции. Требуется всего ничего – разработать соответствующий экскурсионный маршрут.

Усадьба Пашковых в Ветошкино Гагинского района Нижегородской области.

Пашков строил свой знаменитый дворец почти 40 лет. Его возводили из красного кирпича, который делался здесь же, в имении. Отделывали дом местным борнуковским камнем, который не темнеет от времени.

Замысел удался. Двухэтажное здание со 150 комнатами поражало своим размахом. В нем соединились **два архитектурных стиля – готика и барокко**. Дворец был начинен инженерными новинками. Здесь сделали не виданные по тем временам водопровод и отопление. Воду привозили из родника и заливали в бак, а отапливалось помещение двухметровыми дровами. От единственной печи тепло шло по сложной системе дымоходов внутри стен.

Усадьба Жомини в п. Баронский Гагинского района Нижегородской области

В убранстве усадьбы были объединены традиции России, Швейцарии и Франции. Ее внешнее и внутреннее убранство впитало в себя все лучшие традиции России, Франции и Швейцарии. А вокруг дома был разбит огромный европейский парк площадью 22 гектара и фруктовый сад.

Усадьба А.С. Пушкина в с. Б. Болдино Нижегородской области

Архитектурным центром болдинской усадьбы выступает барский деревянный дом с мезонином, расположенный на территории чудесного усадебного парка площадью 8,5 га.

Усадьба графини Остерман-Толстой в с. Борисово-Покровское Дальнеконстантиновского района Нижегородской области

Когда-то село было в собственности помещика-немца. Об этом говорило народное предание. Затем село было отдано в приданое дочери помещика. А когда у дочери помещика родился сын и назвали его Борис, то и село стали называть Борисово.

По заказу графини М.А. Остерман-Толстой в 1820 году немецкий костел был перестроен в православную церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Она сохранилась до сих пор и является единственной в Нижегородской области двухколоколенной церковью. Это **ротондальный храм стиля ампира** с примыкающей с запада двухколоколенной папертью. Проект по преданию был прислан из Петербурга (но вероятнее всего – из Москвы). Однако сам храм

строили местные мастера, которые упростили многие архитектурные детали. При ближайшем рассмотрении они действительно не отличаются изяществом.

Великолепный колонный портик храма утрачен в 1970-е годы. Тогда же были разрушены и дома причта, находившиеся рядом.

Дача Бугрова в Володарске

Является одним из немногих сохранившихся домов подобной архитектуры в Европейской части России. Уникальный купеческий дом XIX века, высотой в два этажа, был построен **в русском лубочном стиле, сочетающим в себе обильное пышное деревянное узорочье боярских палат и форму крестьянского жилища.**

По одной из версий, Николай Бугров привез эту дачу со знаменитой выставки 1896 года. Сказочный домик стоит на участке мельницы в окружении старых лип и лиственниц.

Усадьба В.И. Гомулина в Павлове и А.Г. Лемехова в Городце

Оба комплекса являются яркими образцами **поздней эклектики**. Усадьбы в равной мере насыщены декоративным убранством, однако демонстрируют обращение к различным историческим аналогам. «В облике **усадьбы А.Г. Лемехова – образце “академической” эклектики** – интерпретируются формы общеевропейских стилей (**ренессанса, барокко, классицизма**)... Все постройки **усадьбы В.И. Гомулина** выполнены из красного кирпича без штукатурки. Система и характер декора – зубчатые пояса, поребрик, прямоугольные и фигурные филенки, рустовка стен нижнего этажа – обусловлены здесь свойствами самого материала. С большим мастерством выполнены разнообразные элементы из лекального кирпича. Образ усадьбы навеян **романтическими представлениями о западноевропейской готической архитектуре**. Неоготика наряду с русским стилем получила широкое распространение в эпоху эклектики, где впервые со времен Ренессанса появился интерес к национальным истокам зодчества разных стран и народов. Присутствующий здесь народный и национальный дух подчеркнут применением лицевого красного кирпича, и это позволяет назвать комплекс образцом художественной разновидности **“кирпичного стиля”**» [13].

Результаты исследования.

1. В архитектуре нижегородских городских усадеб выделено три основных архитектурно-стилевых направления: классицизм, эклектика, модерн. Сохранившиеся усадьбы составляют неотделимую часть архитектурного наследия центрального региона России, которое подлежит дальнейшему изучению и сохранению.

2. Усадьбы Нижегородской области являют собой яркий пример формирования региональных особенностей в архитектуре усадьбы. Стоя на историческом перепутье, Нижний Новгород вобрал и аккумулировал в себе и западные (западноевропейские) и восточные (отечественные, в том числе столичные) художественные традиции. Сравнительный анализ архитектуры нижегородских и московских усадеб – тема отдельного планируемого исследования.

В ходе исторического развития нижегородская усадьба впитывала в себя передовые достижения художественной культуры. Владельцы усадеб собирали библиотеки, коллекции живописи, скульптуры и декоративного искусства. Силами архитекторов и садовников формировались садово-парковые ансамбли, наполненные декоративной пластикой и малыми архитектурными формами. Усадьба была своеобразным отражением передовых, образованных личностей. Дальнейшие исследования архитектурного мира усадеб будем искать в этом направлении. Поскольку усадьба, сложившаяся как художественно-эстетическая ценность, является выражением наиболее общих идеальных представлений человека о гармоничной жизни в социуме и мироустройстве и характеризуется непосредственным взаимодействием искусственной и естественной составляющих среды, в дальнейших наших исследованиях будет проведен анализ взаимосвязей искусственной и естественной усадебной среды Нижегородской области.

Литература:

1. Буклет-путеводитель «Уходящая натура. Усадьбы Нижегородской области» составлен по маршрутам экспедиций, организованных Нижегородским региональным общественным фондом деятелей культуры «Дать понять» с мая по август 2008 года.
 2. Буклет-путеводитель «Места памяти. Неизвестные усадьбы Нижегородской области» составлен по маршрутам экспедиций, организованных Нижегородским региональным общественным фондом деятелей культуры «Дать понять» в 2009-2010годах.
 3. Варэс Л.Н., Кузьмина Т.А. Маркина Т.В. Усадьба Рукавишникова. – Н.Новгород: «Кварц», 2021. – 32 с.: ил.
 4. Лисицына А.В. Городец. Усадьбы и особняки. – Нижний Новгород: Кварц, 2022. – 32 с.: ил.
 5. Наследие Рождественской стороны. – Н.Новгород: изд-во «Технопринт», 2012. – 344 с., ил.
 6. Орельская О.В. Модерн. – Н. Новгород: ООО «Бегемот НН», 2018. – 176 с., ил.
 7. Орельская О.В., Петряев С.В. Набережные Нижнего Новгорода. Правобережье – Н.Новгород: ООО «Бегемот НН», 2021. Изд. 2-е, испр. и доп. – 248 с., ил.
 8. Орельская О.В., Петряев С.В. Улица Ильинская: в русле старого Започаинья. – Н.Новгород: ООО «Бегемот НН», 2018. – 272 с., ил.
 9. Орельская О.В., Петряев С.В. Улица Большая Покровская: прогулки во времени. – Н.Новгород: РИ «Бегемот», 2015. – 248 с., ил.
 10. Пунин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века – Л., 1990.
 11. Усадьбы Нижегородской области, – Н. Новгород: «Кварц», 2022.
Ч.1: Усадьбы Нижегородской области: северный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с.: ил.
Ч.2: Усадьбы Нижегородской области: восточный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с.: ил.
Ч.3: Усадьбы Нижегородской области: восточный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с.: ил.
Ч.4: Усадьбы Нижегородской области: западный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с.: ил.
 12. Худин А.А. Эклектика. – Н. Новгород: ООО «Бегемот НН», 2017. – 256 с., ил.
 13. Лисицына А.В. Сравнительный анализ купеческих усадеб конца XIX века в торгово-промышленных селах Нижегородской губернии (на примере усадеб А.Г. Лемехова в Городце и В.И. Гомулина в Павлове)
- Источник: <https://opentextnn.ru/space/littlesities/gorodetc/lisicyna-a-v-sravnitelnyj-analiz->

kupecheskih-usadeb-konca-xix-veka-v-torgovo-promyshlennyh-selah-nizhegorodskoj-gubernii-na-primere-usadeb-a-g-lemehova-v-gorodce-i-v-i-gomulina-v-pavlove/
14. Рыжова Т.С. Многообразие усадебных комплексов нижегородского края в культурном ландшафте региона. Источник: <https://vk.com/@museumnad-mnogoobrazie-usadebnyh-kompleksov-nizhegorodskogo-kraja-v-ku>

УДК 908+929.7

ГРНТИ 03.81.99.+03.81.37

**УСАДЬБЫ ДЕМИДОВЫХ В ВОРОТЫНСКОМ ОКРУГЕ
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ОЛЬГИ ПЛАТОНОВНЫ
И АЛЕКСАНДРЫ ВАЛЕРЬЕВНЫ ДЕМИДОВЫХ)**

Дюжаков А.М.
официальный представитель
Международного Демидовского Фонда
в Нижегородской области
E-mail: aledyu@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье дается описание усадебных комплексов Демидовых в селах Быковка, Покровский Майдан, хуторах Гремячий и Пиган Васильского уезда Нижегородской губернии с использованием воспоминаний Ольги Платоновны Вейсс и дневниковых записей Александры Валерьевны Ермоловой-Поповой (урожденных Демидовых).

В данных документах содержатся сведения о структуре усадеб: сохранившихся домах, парках, водных объектах, а также о занятиях, быте, художественных предпочтениях сельских помещиков, организации досуга, воспитании и образовании детей.

Ключевые слова. Дворяне, дворянская усадьба, нижегородские Демидовы, Быковка, хутор.

**DEMIDOV ESTATES IN VOROTYNSKY DISTRICT
(ACCORDING TO THE MEMOIRS OF OLGA PLATONOVNA
AND ALEXANDRA VALERYEVNA DEMIDOV)**

A.M. Dyuzhakov
official representative
The International Demidoff Foundation
in the Nizhny Novgorod region
E-mail: aledyu@yandex.ru

Abstract. This article describes the Demidov estate complexes in the villages of Bykovka, Pokrovsky Mайдan, Gremyachy and Pigan farms of the Vasilsky district of Nizhny Novgorod province using the memoirs of Olga Platonovna Weiss and diary entries of Alexandra Valeryevna Ermolova-Popova (nee Demidov).

These documents contain information about the structure of estates: preserved houses, parks, water bodies, as well as about the occupations, lifestyle, artistic preferences of rural landowners, leisure activities, upbringing and education of children.

Keywords. *Nobles, noble estate, Nizhny Novgorod Demidovs, Bykovka, farm.*

Среди источников о русской усадьбе, ее культуре, быте, хозяйственной жизни большое значение имеют мемуары, дневники, письма и художественная литература той эпохи. И хотя сведения, изложенные в них, не всегда достоверны, порой они серьезно деформированы в зависимости от взглядов и предпочтений автора, тем не менее из них можно получить достаточно полную и достоверную картину жизни русской усадьбы.

Сведения об усадьбах нижегородских Демидовых в селах Быковка, Покровский Майдан, хуторах Гремячий, Осёлок и Пиган Васильского уезда имеются в воспоминаниях Ольги Платоновны Вейсс и дневниковых записях Александры Валерьевны Ермоловой-Поповой (урожденных Демидовых).

Коротко об авторах.

Ольга Платоновна Вейсс родилась в семье Платона Александровича и Ольги Владимировны Демидовых в 1865 году. В 1922 году она написала воспоминания, в которых рассказывает о своем детстве и юности, в том числе и о времени, проведенном в 1870-1880-х гг. в родовых усадьбах Демидовых в Васильском уезде.

Александра Валерьевна Ермолова-Попова (1894 – 1971 гг.) родилась в семье Валерия Аркадьевича и Александры Львовны Демидовых. Ее детство и юность прошли в усадьбе в с. Быковка Васильского уезда. Сохранился дневник, который 13-летняя девочка вела в июне-июле 1907 года.

Нижегородских Демидовых следует отнести к разряду помещиков «средней руки»: они могли себе позволить вести строительство больших деревянных или каменных домов, устраивать парки, пруды, однако соразмеряли все это со своими финансовыми возможностями. Ольга Платоновна пишет о своем прадеде: *«Жил Василий Львович в своей Быковке попросту, и несмотря на большие средства, и дорогих барских затей не заводил: не было у него ни домашнего театра, ни оркестра, ни охоты, ни прудов с лебедями»* [1, л. 7].

Большинство усадебных комплексов Демидовых относятся к типу «усадьба – домохозяйство». Так, в 1832 году в Быковке был построен новый дом с двумя флигелями по бокам. За домом во дворе было несколько тенистых лип (две из них сохранились) и розовых кустов. Далее стояли служебные постройки – кухни, погреба, бани, людские. *«Всё это было плотно пригнано, крепко выстроено, обнесено белой каменной оградой, и ... поражало своей теснотой»* [1, л. 7].

Большая семья тихо и мирно жила в этой сжатой со всех сторон усадьбе до конца 1851 г. А затем по решению Василия Львовича сыновья начали строить свои личные усадьбы: Аркадий Васильевич вел строительство в восточной части села, Николай – в соседнем Покровском Майдане, Александр и Павел (умер в 1855 г.) остались в родительском доме.

Для усадеб выбирались места, откуда открывались красивые пейзажи долины рек Урга и Имза. Усадьба Аркадия Васильевича была расположена в восточной, возвышенной части Быковки и *«получила название Горы, а семья в отличии от других, стала называться в уездном обиходе Горными Демидовыми»* [1, л. 8 об].

Об усадьбе на хуторе Гремячий, которая начала развиваться после отмены крепостного права, в воспоминаниях О.П. Вейсс читаем: *«Место для хутора нашлось чудесное ... на склоне поросшей лесом горы, из которой бил известный в округе Гремячий Ключ»* [1, л. 10].

Также на высоком берегу Урги были расположены усадьбы Василия Аркадьевича Демидова на хуторе Осёлок и Николая Васильевича Демидова в с. Покровский Майдан. И лишь хутор Пиган (в некоторых источниках – Пигон), принадлежавший внуку Василия Львовича Демидова Владимиру Павловичу Веселовскому, стоял *«среди плоской луговой равнины»* [1, л. 163].

Говоря о структуре дворянской усадьбы, отметим, что лучше всего она сохранилась в с. Покровский Майдан, где можно видеть основные зоны. В центре стоит двухэтажный господский дом, неподалеку расположены бывшая кухня, под которой находится большой подгреб со сводчатыми потолками, сохранились также манеж, фрагменты каретника и избы для дворовых людей. Скотные дворы и конюшни, грунтовые сараи и оранжереи, пчельники и курятники и другие хозяйственные постройки были размещены подальше от жилой зоны. Огороды высаживали в речной долине, где пойменная земля обеспечивала хороший урожай.

В усадьбе Василия Львовича в Быковке за домом и двором был разбит не сохранившийся плодовый сад с рядами яблонь, кустов малины, смородины и крыжовника, в грунтовых сараях росли вишни и груши. В глубине сада виднелись оранжереи с абрикосами, персиками, сливами и виноградом. В парниках поспевали дыни и арбузы, а на грядках рдели ягоды клубники.

С целью предотвращения пожаров, эпидемий особое внимание уделялось благоустройству и чистоте села. В нескольких местах были устроены удобные, оборудованные перилами съезды. На родниках были устроены два водопоя в три-четыре колоды, а вокруг них была наслана деревянная мостовая.

Сохранившиеся главные усадебные дома не похожи один на другой. В Быковке – это большой, деревянный на высоком полуподвале, развернутый по оси запад-восток дом с полуциркульными слуховыми окнами. В Покровском Майдане в основе архитектуры дома лежит классицистическая симметрия, с ризалитами, которые завершают аттики щипцовой формы с полукруглыми окнами. Дом на хуторе Гремячий строился в духе средневекового готического замка с башнями, открытой верандой.

Архитектурными доминантами сельских усадеб были храмы. В Быковке и Покровском Майдане стоят замечательные творения русских зодчих – храмы в честь Рождества Христова и в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Христорождественский храм, являясь воплощением канонов классицизма в архитектуре, был освящен в 1830 году. Лев Владимирович Даль отмечал строгость выполнения стиля, замечательную точность и прочность постройки.

Покровский храм был возведен в 1864 году в господствующем тогда русско-византийском стиле. Это пятиглавый храм, отдельные архитектурные детали которого относят нас к средневековому русскому зодчеству: арочные проёмы, ступенчатые порталы, обрамление окон килевидными арками.

Для трех сохранившихся усадебных парков в нашем крае (Быковка, Красная Горка, Покров-Майдан) характерна ориентация в сторону речной долины, гармоничное сочетание регулярных и ландшафтных форм, стремление к свободному живописному размещению природных доминант, присутствие водных мотивов – прудов, родников и даже фонтана.

В каждом из них среди насаждений присутствуют липы, сосны, акация, сирень. В двух парках сохранились въездные аллеи (прешпекты).

Сроки строительства усадебных комплексов зависели от достатка и потребностей помещика. Так, в Быковке и Покров-Майдане они были возведены относительно быстро, а вот строительные работы на хуторе Гремячий растянулись на десятилетия и были завершены уже при новых владельцах усадьбы, при князьях Оболенских. «Горная» усадьба Демидовых тоже строилась на протяжении десятилетий. К сожалению, о ней мы можем судить только по фотографиям и отдельным фразам дневника Аси Демидовой.

При строительных работах помещики до 1861 года использовали труд своих крепостных мастеров: плотников и резчиков по дереву, штукатуров и маляров, а после отмены крепостного права нанимали мастеров из числа крестьян соседних с имением сел и деревень или артели крестьян-отходников.

Более подробно расскажем об усадьбе на Александровском Гремячем хуторе, которая была основана Александром Васильевичем Демидовым вскоре после отмены крепостного права. Свое наименование хутор получил от имени хозяина и названия родника, который бил из-под хуторской горы.

Первоначально в лесу расчистили площадь под усадьбу, прорубили просеки и дороги и поставили бревенчатый двухэтажный дом с двухскатной крышей, вышкой и двумя светелками. Вокруг второго этажа бежал балкон, крытый только в средней части, выступавшей над крыльцом. Наверху было восемь комнат для господ, а внизу помещались кухни, людские и кладовые.

Руководил строительством сам Александр Васильевич, в котором *«заговорила жилка техника-строителя, и планы один другого обширнее и заманчивее стали роиться в его голове»* [1, л. 10]. Не обращая особого внимания на благоустройство территории, помещик возводил хозяйственные постройки. Вскоре *«выросли ... огромный каменный скотный двор, великолепные амбары, молотильный сарай, погреба, подвалы; выравнивались и убивались гумна, рылись канавы, прокладывались дороги, наводились мосты через овраги»* [1, л. 10]. Семья росла, летом дом наполнялся шумом и весельем детей и внучат. Александр Васильевич *«предвидел время, когда стены его “избы” окажутся тесными для всего этого молодого народа, и стал готовиться к постройке большого каменного дома»* [1, л. 10].

В 1866 году к Демидовым приехал брат снохи, Лев Владимирович Даль, получивший место архитектора в Нижнем Новгороде. *«На Гремячем Льва приняли, как родного, – пишет его племянница. – Александр Васильевич как-то*

особенно обрадовался гостю и стал советоваться с ним о постройке нового дома.

Лев отнесся к его планам с большим интересом, обещал полное содействие и у них закипела работа. Лев составлял проекты и чертежи и привозил их на рассмотрение. Вся семья участвовала в обсуждении их, и каждый заказывал себе комнату по вкусу» [1, л. 45 об.].

Новый дом был вчерне окончен к весне 1871 года, и началась внутренняя его отделка. «В доме стучали и строгали столяры, прилаживая карнизы, перила лестниц, настилая парке и т.д.» [1, л. 62 об.].

При жизни Александра Васильевича были отделаны, да и то не полностью, кабинет, столовая и комната дочери Евгении. При этом во всем сказывались «вкус и влияние дяди Леля Даля ...: везде сквозило его пристрастие к русскому стилю и резьбе по дереву. Кажется, всю мебель предполагалось сделать по его рисункам руками своих столяров...» [1, л. 79 об.].

Ольга Платоновна пишет: «Меня всегда привлекала голубая столовая с отделкой из светлого дуба. Стена отделявшая ее от буфета напоминала мне четырехъярусный иконостас, в котором места икон занимали дубовые створки шкафов со столовым бельем, серебром, столовой и чайной посудой. Средний из этих шкафов (приблизительно на высоте груди) был фальшивый, т.е. открывался и из столовой, и из буфета, образуя окно, через которое подавались и убирались блюда и посуда. К верхним ярусам шкафов в случае надобности приставлялась лестница» [1, л. 79 об.].

Семья постепенно обживала дом, по вечерам все собирались в так называемом зеленом кабинете: хозяин, будучи председателем Земской управы Васильского уезда, работал за письменным столом, женщины занимались рукоделием, дети играли, читали.

22 июля 1872 Александр Васильевич Демидов скончался, не завершив свои планы по отделке большого дома: «комнаты так и остались с временными полами и дверями, а заготовленные штучные паркетные и резные двери так и продолжали лежать на чердаке» [1, л. 79 об.].

Анастасия Николаевна, а после ее смерти 12 ноября 1876 года Платон Александрович больше занимались хозяйственной деятельностью, «все декоративные работы по усадьбе были отложены в долгий ящик...» [1, л. 123 об.].

В воспоминаниях Ольги Платоновны дается очень подробное описание двухэтажного дома и убранства его помещений от верхней башни до подвалов.

В башне была просторная, но никогда не занимавшаяся светелка. Огромная крытая терраса была пристроена с южного фасада. С нее открывался замечательный вид на луга с прихотливо извивающимися Имзой и Ургой, необозримые поля с синеющими кое-где рощами.

На верхнем этаже по начальному замыслу должны были размещаться кабинет и пять спален, а на первом – столовая, зал, две приемные комнаты и комнаты для прислуги. По мнению племянницы, Лев Владимирович Даль «задался мыслью создать современную обстановку, воспользовавшись для нее

линиями, мотивами и даже материалом искусства русского стиля» [1, л. 124-124 об.].

В доме расположился рояль фирмы «Я.Беккеръ», бильярд и кабинетная мебель из московского дома Далей.

В подвальном этаже помещалась кухня и множество чуланов, где хранились *«запасы железа, брусьев, листов, меди, каких-то колес и решеток, краски, масла, всевозможных станков и инструментов, труб, бутылей, бочонков, ящичков. Всё это было заготовлено дедушкой для отделки дома и всё лежало без употребления, – писала Ольга Платоновна. – Я и тогда думала, да и теперь уверена, что отец никогда не добрался до дна этих залежей»* [1, л. 125].

Как уже отмечалось, особое место отводилось усадебному хозяйственному сектору. Кроме скотного двора, где содержался крупный и мелкий рогатый скот, лошади, рядом с домом расположились амбары, каретный сарай, сеновал, весы.

Под горой у ключа была выстроена молочная, где для охлаждения молока, сливок, масла использовали проточную ключевую воду. Готовую продукцию закупала московская торговая фирма Бландовых.

Там же, на берегу Имзы были разбиты огород и ягодный сад, главной продукцией которых были овощи и клубника. Платон Александрович развел два яблоневых сада, однако особой гордостью и любимым детищем хозяина была пасека. Вся гора близ хутора поросла липовым лесом, пойменные цветущие луга и посевы гречихи и клевера, специальные грядки в лесу с мелиссой и другими душистыми травами обеспечивали пчел *«работой»*. Сохранилась фотография, на которой запечатлен Платон Александрович рядом с ульями, сделанными в виде домиков, храма.

При въезде в усадьбу стоял двухэтажный деревянный дом, обнесенный частоколом. Это был птичник, где обитали куры, утки, гуси, индюки. Двор как таковой отсутствовал, не было изгородей и ворот. Не было ни парка, ни цветника, поскольку хутор находился в лесу. Бывшие просеки становились дорогами. Главную красу леса составляла сосновая роща.

И только при Оболенских около дома появился регулярный парк с посадками лип, голубых елей, дубов, а также с фонтаном. А все хозяйственные постройки были снесены и убраны подальше от дома.

Младший брат Платона Александровича, Николай мечтал построить вблизи от Гремячего хутора свою усадьбу. Даже была расчищена одна из лесных полян, куда была проложена прямая, как стрела, просека. Николай Александрович назвал ее *«Алеей братской любви»*, и она служила местом семейных прогулок.

Наверное, надо несколько слов сказать о гостеприимстве как типичной черте русской усадьбы. Ольга Платоновна пишет, что летом семья увеличивалась до 20-25 человек. На хутор приезжали погостить близкие и дальние родственники, друзья семьи, сослуживцы. Хозяин был до крайности радушен, приветлив и участлив, *«никто не умел так обласкать и принять человека, как он...»* [1, л. 128]. Приезжали и жили по неделям. А хозяйка

«всегда была готова принять не только пару, но и десяток неожиданных гостей, и я не помню, – пишет Ольга Платоновна, – чтобы она хоть раз бровью повела из-за такого сюрприза» [1, л. 128 об].

С осени 1879 года дом Платона Александровича и Ольги Владимировны стал *pied-a-terre* (фр. «временное жилище») для барона Николая Генриховича Жомини, избранного предводителем уездного дворянства. Между прочим, барон был любителем охоты с борзыми, тем более что места вокруг хутора *«как нельзя более подходили для этой потехи, и вот осенью, по снятии хлебов, барон по желанию папы приехал со всей своей охотой. Помещения на Хуторе было не занимать, и устроили всех, и людей и собак»* [1, л. 131 об.]. На какое-то время охота вошла в разряд забав Демидовых, но не стала страстью, на которую тратились деньги, силы и время.

Обитатели Гремячего Александровского хутора устраивали праздники, семейные концерты, играли свадьбы, летом купались на Имзе в специально оборудованной купальне, по воскресеньям ездили в быковскую церковь, выезжали на пикники, посещали родственников. В частности, заходили в гости к Александру Александровичу, который жил в Быковке в одном из флигелей, т.к. дом Василия Львовича был сдан в аренду под уездную земскую управу.

В доме Александра Александровича *«стоял хороший рояль, была изрядная нотная библиотека, и в те годы он довольно много играл. Любил он также комнатные растения, интересовался садом»* [1, л. 89 об.].

В воспоминаниях Ольга Платоновна рассказывает еще об одном хуторе, который располагался в трех-четыре верстах от Гремячего. Это было имение Владимира Павловича Веселовского, двоюродного брата Платона Александровича.

С точки зрения Ольги Платоновны, усадьба была построена на самом безотрадном и неинтересном месте: *«версты на три кругом не виднелось ни леска, ни пригорка, ни реки, ни дороги, и расстилалось одно гладкое поле»* [1, л. 163].

Выбирал и планировал участок владелец: он *«отыскал родники, выкопал прудок, насадил будущую рощу из молоденьких березок, разбил незатейливый сад и на двух сторонах необъятного поросшего зеленой травой двора поставил друг против друга два одноэтажных дома: один побольше для себя с женой и дочкой, другой поменьше для старушки матери; а затем год от года стали вырастать службы, погреба, амбары, сараи, молотилки...»* [1, л. 163].

Владимир Павлович не устраивал балконов, затемняющих окна дома. Для супруги, которая, напротив, любила прохладу, рядом с домом было выстроено отдельное здание, с одной стороны которого шла крытая галерея с удобной мебелью, а с другой было расположено несколько кладовых.

Сегодня от усадебного комплекса хутора Пиган не осталось и следа, для краеведов Спасского округа сведения о его существовании стали «открытием».

В дневнике Аси Демидовой в 1907 году упоминается еще один хутор – Осёлок: *«Вчера ездили к обеду на Оселок»* [2, л. 4 об.]. *«В субботу я рада к тете Кате ехать, но если там будут с Оселка, то для меня все будет отравлено. Главное, если дядя Вася»* [2, л. 12]. Это название присутствует и в

документах начала XX века. Однако жители близлежащих сел не смогли вспомнить, где он стоял. И только при соотнесении текста документа, карт и архивных документов о земельных владениях Демидовых, было установлено, что Осёлком назывался хутор, принадлежавший Василию Аркадьевичу Демидову, а находился он между Быковкой и Покров-Майданом. Имение было разграблено и сожжено в 1918 году.

Сама Ася, Александра Валерьевна Демидова жила в большой и дружной семье. На территории «горной» усадьбы стояли три дома, принадлежавших братьям Валерию Аркадьевичу, Павлу Аркадьевичу и их матери Елизавете Федоровне. Все жилые дома и хозяйственные постройки были снесены в конце 1920-х годов, от них остались лишь ямы фундаментов. Информация, полученная из дневника А.В. Демидовой, невелика, но даже по этим «клиповым» зарисовкам мы можем судить о традициях усадьбы: принимали гостей, устраивали чаепития, прогулки по округе, посещали сельский храм и соседний Маровский Крестовоздвиженский монастырь, варили варенье, праздновали дни рождения и именины, играли в крокет и бочче, по вечерам устраивали концерты и любительские спектакли, слушали граммофон, читали, занимались рукоделием...

Сегодня некоторые из русских сельских дворянских усадеб сохранили свою архитектурно-парковую целостность, от других остались лишь отдельные элементы, третьи исчезли, сохранившись лишь в виде топонимов, а иногда не оставили никаких следов. По сути, мы утратили особый культурный пласт, в котором отражались все значительные внутрисполитические события эпохи, социально-экономические и духовные явления в жизни России. Каждая из усадеб имела свою неповторимую историю, свою жизнь, присущие только ей особенности развития и существования.

Литература:

1. ОР РНБ. Ф. 473 (Даль). Оп. 2. Д. 15. Демидова (в перв. браке Вейсс) Ольга Платоновна, внучка В.И. Даля. Воспоминания. 1922. Машинопись. Лл. 1 – 168.
2. Демидова А.В. Дневник: 13 июня – 1 августа 1907 г. // Быковский краеведческий музей – филиал МБУК «Воротынский районный краеведческий музей.

УДК 929+908

ГРНТИ 03.23.31

МУЗЫКА В УСАДЬБАХ НИЖЕГОРОДСКИХ ДЕМИДОВЫХ

Пакшина Н.А.

АПИ (филиал) НГТУ им. Р.Е. Алексеева,

г. Арзамас

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

Аннотация. На примере трех поколений представителей нижегородских Демидовых рассмотрен вопрос о роли музыки в повседневной жизни

обитателей дворянских загородных усадеб. В исследовании использованы разные источники, как архивные, так и опубликованные, но значительная часть процитированных фрагментов основана на воспоминаниях О.П. Вейсс (урожд. Демидовой). Кроме того, в статье рассказывается о тесных личных контактах семьи Демидовых с известными российскими композиторами того времени.

Ключевые слова. *Домашнее музицирование, усадебный досуг, музыкальные инструменты, Демидовы, традиции в дворянских семьях, Васильсурский уезд, XIX век.*

MUSIC IN THE ESTATES OF THE NIZHNY NOVGOROD DEMIDOV'S

N.A. Pakshina

Arzamas Polytechnic Institute of R.E. Alekseev

Nizhny Novgorod State Technical University

E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

Abstract. *On the example of three generations of representatives of the Nizhny Novgorod Demidovs, the issue of the role of music in the daily life of the inhabitants of noble country estates is considered. The study used various sources, both archival and published, but a significant part of the quoted fragments is based on the memoirs of O.P. Weiss (nee Demidova). In addition, the article tells about the close personal contacts of the Demidov family with famous Russian composers of that time.*

Keywords. *Home music-making, manor leisure, musical instruments, Demidovs, traditions of the Russian nobility, Vasilsursky district, 19th century.*

«Звенела музыка в саду...»

Анна Ахматова

Музыка во все времена была важным элементом усадебной жизни, а про XIX век вслед за А.Н. Гречем хочется сказать, что она «*процветала в русской усадьбе*» [1]. И нижегородские усадьбы Демидовых не являлись исключением, образ жизни дворян на хуторах Васильсурского уезда являлся в значительной мере иллюстрацией к этому утверждению.

По дошедшим до нас сведениям увлечение музыкальной культурой, игрой на различных инструментах достаточно ярко проявилось, начиная с 30-х годов XIX столетия, среди детей Василия Львовича Демидова – основоположника этой ветви рода.

Его старший сын Александр Васильевич до 1838 года жил в Санкт-Петербурге, где поступил в Корпус инженеров путей сообщения (ИКИПС), выучился и служил преподавателем несколько лет после выпуска. Он не только сам играл на фортепиано, но даже умел настраивать этот инструмент. Об этом стало известно из его переписки с сестрой Марией. Она в 1834 просила его посодействовать в покупке рояля, а позже в 1836 году писала: «*Не заметно, чтобы рояль мой переменялся...также хорош и аккуратно настраивается чрез*

два месяца тем же настройщиком, которому ты показывал, как его настраивать...» [6, л. 165 об.; 11, с. 40].

В молодости Александр Васильевич играл не только на фортепиано, но и на виолончели, а его будущая жена Анастасия Николаевна пела. Спустя много лет, уже после их смерти, внуки нашли в залежах на Хуторе Гремячем «несколько пожелтевших от времени романсов для голоса и виолончели... Романс “Дайте мне крылья” Ромберга. Этот романс Анастасия Николаевна особенно часто пела до помолвки во время своей вынужденной разлуки с Александром Васильевичам» [2, л. 9 об.]. Полное название этого романса «Дайте крылья мне перелетные», Евдокия Ростопчина написала стихи в 1831 году, а Цыприано Ромберг положил на музыку в 1837 г. Позже к этим стихам обращались очень многие композиторы.

Сама виолончель позже хранилась в кабинете Александра Васильевича, стены которого «были выкрашены масляной краской цвета зеленого бархата», на втором этаже вновь возведенного каменного дома на хуторе Гремячий.

Что касается следующего поколения, то любовь к музыке унаследовал, прежде всего, средний сын супругов А.В. и А.Н. Демидовых Александр Александрович. Надо сказать, что практически все исследователи отмечали, что Александр Александрович достаточно серьезно занимался музыкой, состоял в переписке с М.П. Мусоргским, был в дружеских отношениях с М.А. Балакиревым, бывавшим в Быковке [5]. Подробнее об этом удалось узнать из его писем за 1860, 1861 годы, адресованных композитору М.А. Балакиреву [7]. Они хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде М.А. Балакирева. Всего писем сохранилось девять. В одном из них он писал Балакиреву, жившему в то время в Малом Сущове: «Когда Папа услышал, что Вы хотите играть на 2 роялях, то так обрадовался, что... приказал завтра же о перенесении Коха в дом, чтобы не было задержки» [7, л. 23]. Кох – немецкий рояль фирмы «Hermann Koch Co», который тогда приобрели Демидовы. И, конечно, он был хорошо знаком с С.М. Ляпуновым, женатым на его племяннице Евгении Платоновне Демидовой.

Увлечение музыкой для Александра Демидова в юности было всепоглощающим и в определенной мере повлияло на то, как сложилась дальнейшая судьба. После второй неудачной попытки сдать экзамены в университет Александр Александрович покинул Москву и вернулся в родные края [8, с. 165]. Музыкой заниматься Александр Александрович не перестал и здесь. Как писала по этому поводу в своих воспоминаниях его племянница Ольга Платоновна Вейсс: «У него стоял хороший рояль, была изрядная нотная библиотека, и в те годы он довольно много играл» [2, л. 11, 89 об.]. Со временем он своих дочерей также учил игре на фортепиано, но не сам, а отдал к одному из лучших музыкальных педагогов Нижнего Новгорода В.Ю. Виллану.

Не остался в стороне от музыки и младший брат Николай Александрович Демидов. Его племянница О.П. Вейсс упоминала, что «дядя Коля, почти не зная нот, играл что угодно на гитаре, и у нас составлялся целый хор. Пели мы что попало: русские песни, немного цыганщины и кое-что из репертуара Славянского, которым бредил дядя Коля. Под гитару пели на воздухе, а дома

под аккомпанемент рояля...» [2, л. 162 об., 162 об.]. Д.А. Славянский (настоящая фамилия Агренов) – очень популярный в то время дирижер, певец и организатор хора «Славянская капелла», который за 40 лет существования дал около 10 тысяч концертов в разных странах.

Пока мы говорили о членах семьи Демидовых, проживавших в самой Быковке и на Хуторе Гремячем. А в двух-трех верстах от Гремячего, вблизи Ивановского находился еще один хутор, где жил двоюродный брат Демидовых Владимир Павлович Веселовский. Так он тоже не был далек от музыки, более того, в молодости очень серьезно увлекался игрой на виолончели. Тарас Шевченко в период пребывания в Нижнем Новгороде познакомился с ним на одном из музыкальных вечеров. *«Вечер провел у милейшего юноши виртуоза-виолончелиста Весловского...»*, – записал он в Дневнике 13 января 1858 года (V, 187). В написании фамилии допущена ошибка («Весловский») [14, с. 238].

На хуторе Веселовских было принято в праздники веселиться вместе с крестьянами. Одна из родственниц жены В.П. Веселовского, мемуаристка Е.А. Шан-Гирей вспоминала: *«В праздничные дни на большом дворе, покрытом травой, парни и девушки устраивали хоровод, танцевали, пели и Катя тоже»* [3]. Катя – дочь хозяев усадьбы, т.е. правнучка Василия Львовича Демидова.

Другая его правнучка Ольга Платоновна Вейсс, воспоминания которой мы уже не раз цитировали в данной статье, была на редкость музыкальной. Начальную подготовку она получила от матери Ольги Владимировны. Позже училась музыке не только в гимназии С.Н. Фишер, но и на курсах при Императорском русском музыкальном обществе. О.П. Вейсс была одаренной пианисткой, обладала абсолютным слухом, прекрасным меццо-сопрано, Антон Рубинштейн не раз уговаривал ее посвятить себя пению. Кроме того, по словам ее праправнучки Анастасии Александровны Журавской, Ольга Платоновна была хорошо знакома со многими музыкантами и композиторами: с Ц.Кюи, Н.А. Римским-Корсаковым и М.А. Балакиревым [10, с. 52]. А еще у Ольги Платоновны были пересечения с тогда еще молодым и только начинающим композитором, Александром Александровичем Касьяновым, который о ней весьма лестно отзывался: *«Чрезвычайно вообще талантливая, одаренная женщина, она делала, например, стихотворные переводы к романсам... И вот она попросила Милия Алексеевича сыграть экспромт его, который ей посвящен. Он моментально исполнил ее просьбу...»* [4, с. 150].

Будучи в летнее время на хуторе, она не только фиксировала все, что там происходило, но и сама принимала самое активное участие. Например, писала: *«Пели дуэты, трио и даже хоры из опер, как, например, «Девушки красавицы» из Евгения Онегина. Этим делом заведовала я и нисколько не смущалась тем, что половина девиц у меня была с бородами. Ведь не на сцене поем, а нам и так нравится»* [2, л. 162 об.]. И вообще, в свои 16 лет она заявляла: *«Я мечтаю только об одном – петь, петь и петь без конца»* [2, л., 157 об.].

До сих пор мы рассматривали представителей семьи Демидовых и их ближайших родственников, которые занимались музыкой преимущественно для души в свободное каникулярное время. Но был среди завсегдатаев Хутора

Гремячего человек, для которого музыкальные занятия стали делом жизни, – это Анастасия Николаевна Каргер. Василию Львовичу она доводилась правнучкой.

А.Н. Каргер получила музыкальное образование и являлась талантливой ученицей основоположника профессионального музыкального образования в Нижнем Новгороде – Василия Юльевича Виллуана. Поначалу она обучалась игре на рояле в классах Нижегородского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО), а потом еще брала у него частные уроки.

В 1889 году Анастасия Николаевна поступила преподавателем музыки в Мариинский институт благородных девиц. А.Н. Каргер работала в институте немало лет и имела Мариинский знак отличия беспорочной службы за 15 лет. Эта награда жаловалась лицам женского пола за долговременную усердную службу в учреждениях Императрицы Марии. За свою жизнь она пересекалась с очень многими известными музыкантами. У Анастасии Николаевны хранилась необычная реликвия: веер, на котором стоят подписи П.И. Чайковского и А.Г. Рубинштейна [9, с. 123, 126, 127].

В памяти родственников она осталась *«музыкантишей...за умение играть на гармонике. Гармоника у нее была чудесная, необъятной величины, со всеми возможными и невозможными клапанами и регистрами. Гудела она как целый оркестр, и миниатюрная Настя сотрясалась от усилий, играя на ней...Если приходила фантазия потанцевать на воздухе, то являлась на смену Настина гармоника, на которой она прекрасно играла танцы»* [2, л. 162, 162 об.].

Помимо этого, иногда по возможности приглашали или звали спеть кого-то стороны. Например, дочь Василия Львовича – Прасковья писала о том, что стараясь развлечь детей, *«...в воскресенье от нечего делать для вариации... пригласили цыганок петь и плясать – дети были в восторге»* [12, с. 199; 13, л. 1 об.].

Итак, на примере большой семьи Демидовых мы убедились, что и в праздники, и в будни вечерами в усадьбах можно было слышать музыку. В имениях звучали как классические произведения, так и народные. В XIX столетии практически во всех дворянских домах имелись хорошие музыкальные инструменты и ноты. Музыка являлась неотъемлемой частью повседневной жизни дворянской семьи в дореволюционной России.

Литература:

1. Греч А.Н. Музыка в русской усадьбе // Русская усадьба. 1998. Вып. 4. М.: Изд-во «Рыбинское подворье».
2. Демидова (в первом браке Вейс) О.П. Воспоминания [Рукопись]: главы I-VIII, X-XV – [Б. м.], 1922. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010824236?page=96&rotate=0&theme=white> (дата обращения 02.07.2023).
3. Домиани М.Ф. Мемуары Евгении Акимовны Шан-Гирей. Из фондов. Гос. музея-заповедника М.Ю. Лермонтова. Архив С.И. Недумова. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/vospominaniya/damianidi-memuary-shan-girej.htm> (дата обращения 02.07.2023).
4. Колесников В.С., Бердникова Н.П., Фролов Е.А. «Над моим роялем висят портреты композиторов...» // Записки краеведов / Сост. Л.И. Шиян. Горький, 1988. С. 148-160.

5. Кострова В. Праздник в старой усадьбе. Возвращение доброго имени старинного рода – дело чести учителя истории // Среда обитания. 2013. № 23.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 451. Оп. 1. Д. 1318.
7. ОР РНБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 945.
8. Пакшина Н.А. «Милейший Милий Алексеевич». Письма М.А. Балакиреву // Исследовательская работа – 2023: сб. статей Международного научно-исследовательского конкурса (13 марта 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 157-167.
9. Пакшина Н.А. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в лицах: монография. Новосибирск, 2022. 416 с.
10. Пакшина Н.А. Ольга Платоновна Вейсс – потомок Демидовых и Далей // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. ЛП междунар. науч.-практ. конф. № 8(48). Новосибирск, 2015. С. 49-59.
11. Пирогова Е.П. Повседневная жизнь провинциального дворянства первой половины XIX в. в семейной переписке Демидовых // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 34-44.
12. Пирогова Е.П. Практики провинциального дворянства в воспитании детей раннего возраста (из семейной переписки 1830-1840-х гг.) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: Материалы междунар. научной конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 года / Отв. редактор В.А. Веремченко. Том 2. Санкт-Петербург, 2023. С. 195-201.
13. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2191. Оп. 1. Д. 260.
14. Шевченко Т.Г. Дневник / пред. Л. Старчакова, редакция, вступ. статья и прим. С. П. Шестерикова. Москва-Ленинград, 1931. 442 с.

УДК 908+82-1
ГРНТИ 03.81.99.

ПОЭМА В.П. ВЕСЕЛОВСКОГО «ДЕДУШКА» КАК «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» ЖИЗНИ СЕЛА БЫКОВКА В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Дюжаков А.М.
официальный представитель
Международного Демидовского Фонда
в Нижегородской области
E-mail: aledyu@yandex.ru

***Аннотация.** В настоящей статье проводится историко-краеведческий анализ поэмы В.П. Веселовского «Дедушка», которая и является объектом исследования. Произведение посвящено деду автора по материнской линии Василию Львовичу Демидову. Сюжет поэмы связан с являющимся родовым гнездом нижегородской ветви дворян Демидовых и расположенным ныне в городском округе Воротынский Нижегородской области селом Быковка. Цель исследования – показать элементы быта, традиции русской деревни, повседневную жизнь провинциального русского дворянства в середине XIX века. В ходе анализа заявленной темы автор статьи опирается на следующие методы исследования: культурно-исторический, сопоставительный.*

В результате автор настоящего исследования устанавливает, что В.П. Веселовский, используя форму поэтического произведения в художественно-публицистическом жанре, дает картину повседневной жизни как крестьян, так и дворян в середине XIX века.

Ключевые слова. Дворяне, нижегородские Демидовы, Веселовский, усадьба, Быковка, русская деревня, патриархальный быт и традиции.

V.P. VESELOVSKY'S POEM "GRANDFATHER" AS AN "ENCYCLOPEDIA" OF THE LIFE OF THE VILLAGE OF BYKOVKA IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

A.M. Dyuzhakov
official representative
The International Demidoff Foundation
in the Nizhny Novgorod region
E-mail: aledyu@yandex.ru

Abstract. This article provides a historical and local history analysis of V.P. Veselovsky's poem "Grandfather", which is the object of research. The work is dedicated to the author's maternal grandfather Vasily Lvovich Demidov. The plot of the poem is connected with the village of Bykovka, which is now located in the Vorotynsky urban district of the Nizhny Novgorod region and is the ancestral nest of the Nizhny Novgorod branch of the Demidov nobles.

The purpose of the study is to show the elements of everyday life, traditions of the Russian village, the daily life of the provincial Russian nobility in the middle of the XIX century. During the analysis of the stated topic, the author of the article relies on the following research methods: cultural-historical, comparative.

As a result, the author of this study establishes that V.P. Veselovsky, using the form of a poetic work in the artistic and journalistic genre, gives a picture of the everyday life of both peasants and nobles in the middle of the XIX century.

Keywords. Nobles, Nizhny Novgorod Demidovs, Veselovsky, manor, Bykovka, Russian village, patriarchal life and traditions.

В 1901 году в нижегородской типографии И.П. Коньшева была опубликована поэма Владимира Павловича Веселовского «Дедушка», имеющая подзаголовок: «Очерк из очень недавнего прошлого. В стихах». В конце текста указаны место и дата ее написания: «1883 год. Хутор Пиган» [1, с. 84].

Хутор Пиган находился на территории современного Спасского округа Нижегородской области. Одна из улиц д. Кириловка называется Веселовка, что указывает на фамилию владельцев этих земель в начале XX века – Веселовские.

Ольга Платоновна Демидова (в замужестве Вейсс), часто бывавшая на этом хуторе в начале 1880-х годов, была знакома с поэмой и много позже она написала в своих воспоминаниях: «Один из внуков Василия Львовича [Демидова] по женской линии, Владимир Павлович Веселовский, написал в годы моей ранней молодости поэму под заглавием «Дедушка», где выводил в лице

Василия Львовича идеального помещика. Поэма была корявая, и я слушала ее одним ухом. Теперь я жалею об этом, потому что вероятно много почерпнула бы из нее о жизни дедушки» [2, л. 7 об.].

Судя по этим воспоминаниям, можно было предположить, что поэма не сохранилась. Однако единичные экземпляры были обнаружены в Национальной Российской библиотеке и в Нижегородской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина.

Литературные достоинства и недостатки произведения требуют специального исследования. Обращает на себя внимание подзаголовок: автор как бы говорит, что его произведение следует отнести к публицистическому жанру и он не претендует на высокохудожественные достоинства.

Об авторе. Владимир Павлович был младшим сыном в дворянской семье Веселовских Павла Васильевича и Екатерины Васильевны, урожденной Демидовой. Дом Веселовских в Нижнем Новгороде, построенный по проекту Георга Ивановича Кизеветтера, сохранился. Его современный адрес: ул. Большая Печерская, д. 2.

Племянница в своих мемуарах называет Владимира Павловича самым большим оригиналом, какого она знала, считает его человеком большого ума и дарований и в то же время неудачником. *«Даровитый и неотразимый»*, любимец и баловень матери, подавал большие надежды, однако *«запнулся»*, не получил университетского образования [2, л.163 об.]. Какое-то время служил в Нижегородском совестном суде и Нижегородском Дворянском депутатском собрании [3, л. 1 об. – 3], много читал, был близок к литературно-музыкальным кругам (писателю Мельникову-Печерскому, историку музыки Улыбышеву и др.). О нем сохранились воспоминания у Т.Г. Шевченко, который 13 января 1858 года записал в Дневнике: *«Вечер провел у милейшего юноши виртуоза-виолончелиста Вес[е]ловского...»* [4, с. 245].

Осознав свою заурядность, Владимир Павлович сделал удивительный поворот в жизни: поселился в деревне и с головой ушел в сельское хозяйство. Это увлечение, судя по всему, было родовой чертой Демидовых: и Прокофия Акинфиевича, и Льва Прокофьевича, и Василия Львовича, и ряда их потомков.

Владимир Павлович Веселовский неоднократно избирался гласным Земского собрания Васильсурского уезда.

Перу В.П. Веселовского принадлежат также поэма *«Спрут»*, опубликованная под псевдонимом *«лорд Ловелей из Эдинбурга»* и сборник стихов *«От лиры до балалайки. Стихотворения Хуторянина»*.

Веселовский вел отшельнический образ жизни, с соседями общался мало, окопал свои владения канавами, чтобы к нему никто не ездил. Жил он на хуторе в окружении трех Екатерин: жены Екатерины Павловны, дочери Екатерины Владимировны и матери Екатерины Васильевны. Кстати его жена, урожденная Шан-Гирей, приходилась троюродной сестрой М.Ю. Лермонтову. Всю молодость она провела при императорском дворе. Веселовский познакомился с ней, когда она гостила у брата, Николая Павловича Шан-Гирея, чье имение находилось поблизости. Владимир Павлович, несмотря на большую разницу в возрасте (он был младше жены на 11 лет), совершенно потерял голову от

черноокой красавицы, да и она, судя по всему, искренне увлеклась им и в начале 1860 годов променяла императорский дворец на захолустный хутор.

В 1902 году Екатерина Павловна Веселовская скончалась и была похоронена на фамильном кладбище Демидовых в Быковке. Семидесятилетний Владимир Павлович тяжело пережил кончину жены и начал продавать свои земельные владения. В июне 1907 года он посещал Быковку, о чем сообщает в своем дневнике Александра Валерьевна Демидова. Судя по архивным документам, к 1909 году он продал и хутор Пиган. Через два года Владимира Павловича не стало. К сожалению, сведения о месте его захоронения на сегодня не обнаружены.

Перейдем к анализу поэмы «Дедушка», которую небезосновательно можно отнести к разряду источников сведений о жизни русской деревни и сельской дворянской усадьбы середины XIX века, а автора – к забытым ныне бытописателям эпохи.

В данной статье сознательно уходим от литературоведческого анализа, сосредоточив внимание на историко-краеведческой составляющей произведения, которое посвящено деду автора по материнской линии Василию Львовичу Демидову.

Поэма начинается с пролога-посвящения, в котором предстает величественный образ мудрого, волевого, трудолюбивого, строгого, хотевшего добра, искавшего «правды идеал» старца-дворянина. Кстати, нигде автор не называет его по имени и отчеству, употребляя слова «дедушка», «дед», «барин», «помещик», «хозяин», обращаясь к нему на «ты».

В первой главе говорится об истории Быковки, о местном народе, который *«красив, хранит уменье пахать, рыбачить, торговать, ... не забыл судостроенья, не прочь бы и поворовать...»* [1, с. 1]. Намекает автор и на легенду о предках жителей Быковки, будто бы пришедших сюда из новгородских краев:

*«Новгородцев поселенья
Узнать нетрудно с первой встречи:
Постройка изб, повадка речи,
Торговый смысл, могучи плечи,
Раскола дух – земли протест –
Таков крестьянин здешних мест»* [1, с. 1].

Автор дает описание крестьянского двора: двужилая (на две семьи) изба, крытая драиной, ее чело украшено резьбой, по фасаду – красное окно в середине и два маленьких, волоковых, затянутых бычьим пузырьём. Вход во двор вел через дубовые ворота. Далее – поветь, амшанник, другие хозяйственные постройки. Для предотвращения пожаров по приказу барина во двор можно было входить не с открытым огнем, а только с застекленным фонарем. Если стекло разбилось, то по субботам село обходил барский садовник и заменял его.

Крестьяне у Демидова жили зажиточно: по 2-3 коровы и лошади на тягло, табунок овец. А вот свиней барин не позволял держать, т.к. *«знал, что портят луг»* [1, с. 3]. Хозяйство в достатке обеспечено кормами, дровами.

Когда Василий Львович прибыл в село, крестьяне жили бедно, процветало воровство, поля зарастали кустарником – тальником, лошадей было всего 17 голов, а *«народ-от убегал на Волгу»*. Рядом жестких мер со стороны помещика село преобразилось: был наведен порядок, обеспечен достаток, отстроены новые дома и хозяйственные службы: *«Гляди строенье-то, строенье! Село – хоть царь сейчас смотри!..»* [1, с. 4].

Во второй главе поэмы автор живописует животноводство. Первоначально описываются породы коней, их масти, особенности использования в хозяйстве. Называются *«обвинки конек мышиный»*, *«Башкирши холодной горбатый, рыжий конь сухой»*, *«киргизский злобный мерин»*, *«местная порода кобыл крестьянских, меринов»* [1, с. 5-7].

Особо отмечена страстная любовь крестьянина к коню, который сопровождает его с самого детства, трудится на пашне или на перевозке грузов по зимним снегам, по пескам и липкой глине, по размытым гатям и разбитым дорогам.

Далее идет неспешный рассказ о коровах, которые *«толпой нестройной лежат или стоят покойно»* в тени ветел у водопоя на роднике *«Сытный ключ»*. Ярко описывается укус строкой телки, которая *«задравши хвост кольцом, летит сквозь стадо удалцом, прыжками, ... вперед уставивши рога»*. И резюме: *«Строка страшнее для телиц, чем сабля с шпорой – для девиц!»* [1, с. 9-10].

Чернопегий с курчавым лбом бык в стаде – полукровок, выделенный помещиком для улучшения породы крестьянского скота.

В третьей главе автор утверждает, что рука хозяина видна в селе повсеместно и восклицает: *«Какой во всем порядок истый!»* [1, с. 10]. Водопой на роднике обложен камнем, над родником – часовня. В селе и около него приведены в порядок дороги и мосты, в оврагах устроены прочные дамбы [1, с. 12].

*Куда ни обернешься тут,
В селе во всем систему видно,
Увидишь здравый смысл и труд:
Постройка всякая солидна,
Неряшества – ни в чем, нигде!»* [1, с. 11].

Пожарная безопасность обеспечивалась повсеместными посадками куртин или аллей из деревьев и кустарников, плодовых садов: между изб в селе, по задам улиц, в переулках, по буграм и неудобиям. Огнеопасные овины и гумна расположены на значительном отдалении от села [1, с. 11].

Известный по многим публикациям *«хлебный магазин»* Демидова обеспечивал пополнение мирского, крестьянского капитала, который в 1863 году помог быковским крестьянам достаточно быстро и безболезненно совершить выкупную сделку и обрести статус крестьян-собственников.

Четвертая глава посвящена быту сельского помещика, который любил комфорт, но соизмеряя его *«с кошелем народа»*, не допуская разорения семьи.

Вкусы Василия Львовича были скромны, он никогда не изменял своим привычкам и распорядку дня. Вот, к примеру, его отношение к Рождественскому празднику:

*«- Зачем той «елки» ликованье
В ночи священной Рождества?..
Неужто немцам в подражанье?!
Не фейерверком баловства
Должна встречаться ночь святая,
Игрушки взяткой для детей...
К значенью дня их приучая
Путем подарков и сладостей!..
Есть Праздник Светлый Православья
Без древ заморских и конфет...
Сынам страны Самодержавья
Он главный – то отцов завет!
- Но, Папенька, ведь все уж ныне...
- Я, милушка, не запретил,
Устрой... по важной той причине,
Что все... Я только пояснил...» [1, с. 17].*

Выросший в Москве, он не стал столичным франтом, «напротив, простоты педантом». Для лета домашний портной кроил и шил на протяжении десятилетий «сюртук из нанки, панталоны, китайки палевой жилет». Летний наряд дополняли шляпа на китовом усе, зимой Василий Львович носил «шубейку» из белой мерлушки, крытую «сатентюрком» [1, с. 18].

Заведенный раз и навсегда порядок в костюме был нарушен лишь один раз, когда на свадьбу одной из внучек он «свой морской мундир надел, воздел кортик и – помолодел!» [1, с. 18].

Отдельную главу автор посвящает своим детским воспоминаниям, когда «при свете сальных свеч домашних» он и другие домочадцы слушали рассказы деда о том, что прежде здешние края были глухой, но изобильной страной. Плодородная земля без удобрения давала хороший урожай. Река была полна рыбы, что было серьезной добавкой к барскому и крестьянскому столу. Леса, поля, болота обеспечивали жителей дичью: утками, гусями, лебедями, на которых осенними ночами охотились без ружей, а только с сетями. Водились в лесах даже олени [1, с. 24-25]!

Приводится и этнографическая зарисовка. В селе существовал, по мнению деда, странный и дикий обычай: в Светлое Воскресенье гурьба парней шла в лес, подрубала и валила огромный дуб. Помещик запретил это действие, увидев в нем, судя по всему, языческие корни [1, с. 25-26].

В седьмой главе идет рассказ о борьбе помещика с преступностью: искоренением в округе «лихих людей». Правой рукой в этом был бурмистр – сельский староста.

Теме пищи посвящена восьмая глава. Дедушка говорил, что раньше все было просто «и в одежде, и в пище». Он, к примеру, любил «яство юных лет» –

«матросскую кашу» из воды, крупы и лука [1, с. 32]. Это вовсе не означало, что другой пищи в доме Демидовых не было! Автор перечисляет старинные яства, «что выходили из приспешной и из поварни». Назовем и мы их вслед за автором: рубец, каша из зайчатины со сливками, студень с хреном, сальник, треска, лапшевник с маслом, пшенник, драчена, крупеник со сливками, жареная или отварная баранина, пареный горох, курник. На Масленицу на стол подавали блины и пряженцы, кокурки и сочни [1, с. 33-34]. Великий пост в семье соблюдали, однако и тут царило разнообразие: грибной суп с рисом или смоленскими крупами, пряженцы с луком, кислая капуста, тюря с редькой, пирог с тертым горохом [1, с. 34-35].

В четверг на Страстной неделе забивали специально откормленных быков для раздачи мяса народу.

*«Обычай был у Деда строг,
Чтоб раб и нищий и убогий
Имел на Праздник щей горшок,
А в нем говядины кусок»* [1, с. 35].

Автор приводит рассказ, что во время своей поездки в Казань император Павел остановился на соседней с Быковкой почтовой станции в Чугунах. Василий Львович, узнав об этом, послал к Высочайшему столу провизию, в том числе и солонину из холмогорского вола.

*«И губернатор говорил,
Что Царь то мясо похвалил!»* [1, с. 36].

Груши «Бон-Кретъен» и «Суассон» из своих грунтовых сараев Василий Львович отправлял в Нижний Новгород в бытность там императора Николая Павловича. Причем фрукты и ягоды из помещичьего сада не только поставлялись на господский стол, но и раздавались крестьянам [1, с. 36-37].

Василий Львович особо почитал праздник Пасхи Христовой. Очень подробно описывается его центральное событие – ночное Пасхальное богослужение. В храме все соответствовало величию дня. Василий Львович в неизменной «шубейке», покрытой темно-лиловым атласом, стоял впереди. Рядом дворовые и крестьяне в чистых, праздничных нарядах [1, с. 41]. А в пасхальное утро дети затевали дома или на лугу, в зависимости от погоды, любимую игру: катали яйца с лубка или бились ими – носок об носок.

Представляя одежду, в девятой главе автор говорит, что главное в костюме, и дворянском, и крестьянском – удобство. Фрак, например, мог служить дворянину со дня свадьбы. Василий Львович рассказывал, что у его матери было всего три платья, причем одного покроя: два праздничных и одно будничное. Домашняя швея могла скроить из платья жены теплый на вате архалук, сшить бешмет. Причем ткань покупали у разносчика.

Народный наряд, как пишет автор, сохранил «дух раскольников свободный». Женщины носили косые сарафаны, пояса, коты с обшивкой из красного сафьяна. Мужчины одевались в подбитые желтой китайкой чапаны из домашнего сукна, рукава которых для прочности были обшиты кожей. Летом на голову надевали поярковую шляпу, а зимой – шапку из мерлушки. Обувь – лыковые лапти с онучами, сапоги [1, с. 46].

Интересные картины бытописания содержит десятая глава. Автор вспоминает, как в жаркий летний день, когда жизнь замирала, а все живое стремилось уйти в тень, они со старой няней Анной шли гулять по селу. Эта простая крестьянка, вырастившая три поколения Демидовых, по словам автора, была из тех чудесных русских женщин, которые обладали высокой культурой, были готовы жизнь отдать за своего воспитанника, но никогда не смогли бы надеть платья модного фасона или снять с головы повойник и надеть чепец. Няня не пила ни кофе, ни чай с сахаром, считая это грехом, да и мясо ела изредка [1, с. 49-50].

Гуляя по почти безлюдным улицам, ребенок наблюдал, как трудится, подобно простому крестьянину, сельский священник: он возит в поле навоз. А тем временем у колодца две крестьянки сошлись и обсуждают сельские новости, семейные проблемы, виды на урожай, обмены [1, с. 54].

Няня иногда заходила в избу к своей старинной подруге *«испить, иль просто повидаться»*. А пока старухи обсуждают *«мор и трус и трубный звук и Пруга птицу, геенны огненной темницу»*, для мальчика открывается новый мир: здесь можно поиграть с кошкой, поцеловать в морду теленка, *«что тут привязан у лохани»*, побороться с крестьянским мальчиком. А потом сесть за стол и съесть кусок ситного ржаного хлеба, макая его в ароматный сотовый мед [1, с. 54-55].

Прогулка внука с няней продолжалась по гумнам, откуда они выходили к трем прудам-сажалкам. Они были квадратной формы с проточной, зеркально-чистой водой и предназначались для разведения рыбы ценных пород. Автор описывает процесс рыбной ловли, которым руководил лично Дедушка. Дворовые крестьяне без пререканий, гвалта, криков, толкотни и ругани, медленно и спокойно тянули невод, выполняя указания бурмистра, который плыл рядом на ботнике с ботом. И вот уже улов на берегу. Довольны все – и барин, который дает указания по поводу распределения рыбы: какую отправить к столу, какую обратно пустить в воду, какую раздать крестьянам [1, с. 56- 57].

Одиннадцатая глава посвящена поездке на престольный праздник 23 июня, на Владимирскую (6 июля по н. ст.). Правда, автор не называет населенный пункт. Можно лишь предположить, что ездили в соседний Покровский Майдан, где придел храма был освящен в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Кроме воспоминаний о соборных молитвах, о водосвятье и крестном ходе, автор пишет о народном гулянье с песнями, плясками, потешной борьбой, о сельской ярмарке, где можно было отведать простеньких и дешевых угощений, сластей. Поездка ранним летним утром по речной долине пленяла душу ребенка красотой окружающей природы. Ласковый ветерок перебирал волосы, а шестерик орловских рысаков быстро мчал старинную английскую линейку.

Упомянув орловских, автор вспоминает и коней арабской породы, а также и управление упряжками из нескольких лошадей [1, с. 61-63]. Он воздает хвалу верным слугам: кучерам, дворовым, ключникам, ключницам, экономкам, поварам и лакеям, которых отличала *«любовь, привязанность и гордость за*

барский род и дом его». Особую благодарность выражает автор верным дядькам – воспитателям барских сыновей, которые заменяли им родителей во время службы [1, с. 64-66].

Автор предстает убежденным монархистом, принципиальным сторонником традиционных консервативных ценностей. Значительную часть поэмы, главы 5 и 12, он отводит прославлению эпохи Екатерины Великой, трудам императора Николая Павловича, обоснованию идеологии «официальной народности», критике и даже осуждению ненужных на его взгляд либеральных реформ, разрушающих патриархально-консервативные устои общества. Веселовский сожалеет о разрушенном мире дворянских усадеб, пишет об их бывших владельцах, которые не смогли выжить в новых условиях нарождающегося буржуазного мира [1, с. 19-22].

Владимир Павлович не является сторонником земских учреждений, критикует их деятельность, считает ненужным и даже вредным создание земских школ, больниц. Он осуждает порожденный земствами лексикон, который порой был абсолютно непонятен гласным от крестьян, чуждыми считает слова «вентиляция», «дезинфекция», «ассенизация», «балансы», «канализация», «авансы», «амбулаторья», «дифтерит», «alpari», «дебет» и «кредит», «инициатива» и «стипендия». Веселовский открыто выступает против «добровольных подписок», т.е. сбора денег на помощь пострадавшим от наводнений, землетрясения, пожаров в различных концах света. Он считает за благо отсутствие земств в землях Войска Донского [1, с. 70-77].

Автор вновь и вновь возвращается от политических размышлений общероссийского характера к воспоминаниям «о прошлом недалеко». Дед не позволял себе и домочадцам почивать до полудня. После утреннего кофе или чая начинался трудовой день, «спешили все к своим делам». У каждого домочадца были свои обязанности на конюшне, скотном дворе, на строительстве и ремонте усадебных построек, на полях и лугах.

В обед вместе с Дедом обсуждали ход работ, принимали управленческие решения. Сам он с утра верхом на одной, а после обеда на другой лошади объезжал «все углы обширной дачи», вникал во все вопросы земледелия и повседневного быта усадьбы [1, с. 78-79].

Внук описывает последние минуты жизни Василия Львовича. Он лежал в окружении домочадцев в залитом через открытые окна солнцем кабинете. И вдруг стоявшие в кабинете часы «Нортон» заиграли «менуэт, что Дед невал». Он пробудился и спросил:

- А что, крестьянских озимей
Хорош ли всход? – Ну, слава Богу!..
Ответ услышав от детей,
Сказал и... в дальний путь-дорогу
Душа дозревшая взлетела
Из отработавшего тела» [1, с. 80].

Подводя итоги своим размышлениям, автор говорит о значении Деда для родных и друзей, о его вкладе в сохранение семейных уз. Всегда спокойный и приветливый старик вершил домашние дела и управление вотчиной,

поддерживал «патриархальной власти бремя» и наставлял «всходившее «прогресса» семя». Автор надеется, что следующие поколения Демидовых сохранят дедушкины «...дух правдивый, страх Божий, речи склад нельстивый, презренье к блескам суеты, любовь к труду, к порядку строю». А пример жизни Василия Львовича будет их вдохновлять на завещанные им новые добрые дела и поступки [1, с. 84].

В завершение заметим, что как из отдельных кусочков смальты возникает мозаичное полотно, так и из разнохарактерных воспоминаний, изложенных в поэме Владимира Павловича Веселовского, формируется целостное представление о быте и традициях русской деревни, о повседневной жизни крестьян и провинциального русского дворянства в середине XIX века.

Вместе с тем современному читателю сложно воспринимать это поэтическое произведение, написанное в художественно-публицистическом жанре, без понимания взглядов консервативно ориентированных кругов российского общества XIX века, без специального справочного аппарата, поясняющего большое количество вышедших из активного употребления слов.

Литература:

1. Веселовский В.П. Дедушка: Очерк из очень недавнего прошлого: В стихах. – Н.-Новгород, 1901. 86 с.
2. ОР РНБ. Ф. 473 (Даль). Оп. 2. Д. 15. Демидова (в перв. браке Вейс) Ольга Платоновна, внучка В.И. Даля. Воспоминания. 1922. Машинопись. Лл. 1 – 168.
3. ЦАНО, ф. 639, оп. 126 а, д. 308 б, л. 1 об. – 3.
4. Шевченко Т. Г. Дневник. – М.: Художественная литература, 1939. – 360 с.

УДК 353.2

ГРНТИ 71.37.75

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАПИТАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УСАДЕБ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Крузе Ю.Л.
ННГАСУ,
г. Нижний Новгород
E-mail: Julia.kruze@tm-service.ooo

Аннотация. В статье рассматриваются функциональные возможности и критерии инвестиционной привлекательности усадеб, комплексные меры поддержки и стимулирования инвестиций в объекты культурного наследия в региональных нормативно-правовых актах Нижегородской области. В рамках кластерного подхода предлагается внедрение локальных программ развития усадебного туризма и их объединение в «усадебные субкластеры» через межмуниципальные маршруты и туристические тропы, вовлечение в туристическую инфраструктуру в форматах общественно-муниципального

сотрудничества локальных сообществ и представителей креативных индустрий на местах.

Ключевые слова. Усадебный туризм, усадебный комплекс, креативные индустрии, региональные меры поддержки, привлечение инвесторов, экономика наследия.

CURRENT PROJECTS FOR CAPITALIZATION OF THE MATERIAL AND INTANGIBLE HERITAGE OF ESTATES IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION

Yu.L. Kruse
NNGASU,
Nizhny Novgorod
E-mail: Julia.kruze@tm-service.ooo

Abstract. *The article discusses the functionality and criteria for the investment attractiveness of estates, comprehensive measures to support and stimulate investment in cultural heritage sites in regional regulations of the Nizhny Novgorod region. Within the framework of the cluster approach, it is proposed to introduce local programs for the development of estate tourism and their integration into «estate subclusters» through intermunicipal routes and tourist trails, involving local communities and representatives of creative industries in the tourism infrastructure in the formats of public-municipal cooperation.*

Keywords. *Estate tourism, estate complex, creative industries, regional support measures, attracting investors, heritage economy.*

Высокая актуальность проблем сохранения, восстановления и использования усадебных комплексов как объектов исторического и культурного наследия частично основана на совершенствовании нормативно-правовой базы РФ и связана с Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р, которым утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», далее по тексту – «Концепция». Целью Концепции является развитие национальной креативной экономики, основанной на человеческом капитале и историко-культурном наследии народов РФ, в частности, формирование устойчивой экономики наследия [5].

Проблема сохранения усадеб тесно связана с их использованием. С распадом СССР советские формы использования усадеб более не находят продолжения в рыночной системе хозяйства. Поэтому сегодня начали активно рассматривать усадьбы в контексте туристического объекта, появились термины «усадебный кластер», «усадебный туризм».

Русская усадьба многопрофильна и может выступать социально-культурным, хозяйственно-экономическим, архитектурно-парковым и культурным ресурсом. Усадебные ансамбли имеют высокий исторический и

художественный потенциал, а территории русских усадеб являются излюбленным местом культурного отдыха для огромного числа людей. Как показывает складывающийся опыт, «точкой притяжения» может стать не только всемирно известный объект или «новодел», но и руинированная или восстанавливаемая усадьба [1, с. 14].

Таким образом, кроме материального наследия в усадьбах заложен символический капитал, который тоже может служить основой для проектирования бизнес-цепочек, основанных на локальной идентичности и включающих усадьбы в экономику наследия.

Вдохновляющей информацией для настоящей публикации послужили серия брошюр-путеводителей об усадьбах Нижегородской области с маршрутами по четырем направлениям – северному, южному, восточному и западному [12].

В брошюрах кратко описываются туристические маршруты, состояние усадеб – сохраненные, восстановленные, руинированные, возможные варианты мероприятий в них. Всего в брошюрах 44 усадьбы, из них большинство находится в сохраненном или восстановленном состоянии благодаря статусу объектов культурного наследия (далее – ОКН) и нахождению в них краеведческих музеев в муниципальной собственности. Несколько усадеб восстановлены или находятся в стадии восстановления в частной собственности и используются как частные владения. Оставшиеся усадьбы лежат в руинах.

Обозначим функциональные возможности (с достаточной степенью условности), выделив современные функции (направления) использования усадеб по аналогии с проведенным год назад исследованием в Рязанской области:

1. Музейно-рекреационная функция (литературный музей-усадьба, музей-мемориал и т.д.) – ориентация на «гения места», его жизнь, творчество, парковую составляющую.

2. Социально-хозяйственная функция: на территории усадьбы находятся какие-либо учреждения – профильные санатории, дома отдыха, больницы, лечебницы, тогда это будут закрытые для туристов территории. На территории могут располагаться образовательные, культурные учреждения – школа искусств, конезавод.

3. Религиозная функция – располагаются монастырские подворья, обычно тоже закрытая территория [1, с. 9].

Воспользуемся проведенным в 2022 г. анализом на основании собранной открытой базы данных о 775 дворянских загородных усадьбах Европейской части России [7, с. 362]. «Немного более 50 процентов до сих пор существующих усадебных комплексов в России заброшены, что указывает на риск двухкратного уменьшения количества существующих усадеб в ближайшие несколько десятков лет. 122 усадьбы (16%) на данный момент являются музеями. Это наиболее популярный способ использования усадеб в современной России в силу того, что более частые способы использования: санатории, школы, сельхозорганизации были в массе своей уничтожены в конце

20-го и начале 21-го века. Кроме того, выявлено 57 санаториев и домов отдыха, 47 институтов и школ, 31 усадьба принадлежит церкви (обычно главные дома усадеб утеряны, а хозяйственные постройки используются, в качестве пристроек к церкви. Лишь 25 усадеб используются под жилье, в 12 находятся государственные учреждения, 22 усадьбы остаются больницами и лечебницами, 8 – преобразованы в гостиницы, еще 8 – во владении сельскохозяйственных организаций. В целом ситуация неутешительная, так как использование усадеб как хозяйственных объектов в деградирующей сельской местности нерационально (требуются большие расходы на поддержание памятника, которых обычно нет ни у местных бюджетов, ни у организации)» [7, с. 363].

Для принятия решения об эффективном использовании усадьбы в современной экономической деятельности инвестору рекомендуется провести диагностику по шести достаточно простым критериям, что позволяет определить потенциал и «готовность» усадьбы выступить объектом туристического показа:

1. Подъездные пути и прилегающая к усадьбе территория.
2. Инфраструктура самой усадьбы.
3. Информационная доступность и продвижение усадебного продукта (продуктов).
4. Усадебный продукт в комплексе (включает сервисы, товары и услуги).
5. Степень сохранности (высокая, средняя, низкая).
6. Наличие и узнаваемость символических ресурсов – легенд, «гениев места», других устойчивых образов, связанных с усадьбой, их капиталоемкость.

Таким образом, каждая усадьба может получить общую оценку, которая наглядно показывает состояние и приспособленность к туристической деятельности, возможности включения в туристические маршруты и тропы.

К сожалению, в глазах местных жителей ценность усадебных комплексов в целом невелика, и ресурсов на их поддержание на уровне местного самоуправления категорически не хватает. Выходом из положения может стать формирование так называемого «усадебного субкластера» как коллективного субъекта развития – сетевого проекта или организации, занимающейся кооперированием усадеб, привлекающей средства на инфраструктуру формированием мастер-планов территорий и общей стратегии развития и включения этого субкластера в туристические комплексы и маршруты региона.

Под креативным кластером в настоящей публикации понимаем определение, которое закреплено в «Концепции», – взаимосвязанных организаций и предприятий, размещенных на территории компактно расположенных объектов недвижимости. «Креативные кластеры развиваются управляющей компанией под единым брендом и объединяют резидентов (арендаторов) из секторов творческих (креативных) индустрий, субъектов творческого (креативного) предпринимательства в целом, имеют необходимую инфраструктуру для творческой и (или) предпринимательской деятельности, являются центром для создателей и потребителей творческого продукта и позитивно воздействуют на территорию своего присутствия» [5].

Сегодня в основе креативных кластеров лежат различные концепции, уникальные элементы наследия каждой территории [6, с. 156].

Исходя из данной логики, все усадьбы в регионе можно разделить на три группы:

1. Усадьбы-лидеры, которые привлекают туристический поток уже на момент зарождения кластера. В них располагаются значимые музейные комплексы, центры культуры и науки. Они могут быть организованы как музеи-заповедники, частные или государственные музеи. Их суть в том, чтобы сделать усадебный кластер узнаваемым и привлекательным, стать основой развития окружающей территории.

2. Усадьбы-помощники, обладающие некоторым потенциалом в сфере культурно-познавательного туризма, которые на данный момент заброшены или используются нерационально. В усадебном кластере они ориентированы на перехват и обслуживание туристического потока, создаваемого усадьбами-лидерами. К ним относятся усадьбы-рестораны, исторические гостиницы, интерактивные музеи, где туристы, приехавшие в усадьбу-лидер, могут отдохнуть и глубже вжиться в обстановку не через экскурсию, а через интеракцию, где можно не только видеть, но и чувствовать, представлять. Все они должны находиться в частных руках. Государство в лице агентств развития и управляющей компании может обеспечить бизнесменам поддержку, информационное обеспечение и координацию усилий в регионе.

3. Усадьбы локального значения, утратившие свой потенциал или не имевшие его. Они становятся точками притяжения на уровне своих населенных пунктов: усадьбы-парки, усадьбы – музеефицированные руины и так далее. Подобные усадьбы могут находиться в муниципальной или частной собственности, они служат развитию самих сельских населенных пунктов и удовлетворяют потребности местного населения в благоустроенных общественных пространствах без большого турпотока [7, с. 364].

В Нижегородской области в результате системной совместной деятельности автономной некоммерческой организации «Агентство по сохранению и развитию исторической среды Нижегородской области» (далее по тексту – АНО АСИРИС), предпринимательских и других локальных сообществ, экспертных организаций и проектов формируется запрос на реорганизацию усадеб и придание им новых функций [13]. Несмотря на то, что в открытых источниках рост доходов населения не демонстрирует изменений, можно говорить о появлении у населения новых потребностей, которые могли бы удовлетворяться при помощи усадеб. Как ответ на эти запросы в правовом поле в последние годы прослеживается динамика развития комплексных мер и опыта сохранения, популяризации и рационального использования исторической недвижимости и объектов культурного наследия, включая разработку региональной нормативно-правовой базы по поддержке бизнеса, работающего с объектами культурного наследия, организацию общественно-государственного партнерства как управляющей компании в этом процессе и специального образовательного интенсива – сетевого проекта «Лидеры наследия» для масштабирования и передачи успешного опыта по развитию

пилотного проекта – исторического квартала вокруг Церкви «Трех Святителей» Нижнего Новгорода в муниципальном округе Нижегородской области, начиная с 2018 года по настоящее время.

Высокая актуальность проблем сохранения, восстановления и использования исторической застройки и усадебных комплексов как объектов исторического и культурного наследия требовала совершенствования региональной нормативно-правовой базы, для чего были разработаны и приняты следующие нормативно-правовые акты:

1. Внесено дополнение в Закон Нижегородской области от 27.11.2003 г. № 109-З «О налоге на имущество организаций», п. 8 в ст. 2, согласно которому происходит освобождение от налога на имущество организаций по объектам культурного наследия регионального и местного значения, расположенных на территории Нижегородской области; [3].

2. Постановлением Правительства Нижегородской области от 13.06.2019 г. № 358 происходит предоставление ОКН в аренду на аукционе с начальным размером арендной платы в сумме 1 рубль в год за один объект; [9].

3. Постановлением Правительства Нижегородской области от 04.05.2016 г. № 247 установлен льготный размер арендной платы за земельный участок под ОКН в размере 1 рубль за земельный участок в год; [10].

4. В закон Нижегородской области № 192-З от 13.2.2005 г. «О регулировании земельных отношений в Нижегородской области» законом № 14-З от 03.03.2020 г. внесен подпункт 9 в пункт 4 статьи 8-1 о предоставлении «компенсационных» земельных участков без торгов взамен обязательств инвестора по сохранению ОКН и реконструкции исторических ценных градоформирующих объектов на территории Нижегородской области [4].

5. Постановлением Правительства Нижегородской области от 09.06.2022 № 434 собственникам ОКН возмещаются затраты по сохранению ОКН в размере до 70 %. Субсидия направляется на возмещение фактически произведенных и документально подтвержденных затрат на: работы в отношении кровли, фасадов, наружных инженерных сетей, несущих и ограждающих конструкций; получение и выполнение технических условий, проектно-изыскательских работ; экспертизу проектной документации и (или) результатов инженерных изысканий, технический надзор и научное руководство в рамках ремонта и реставрации ОКН. Субсидировать в регионе теперь будут до 70% от произведенных затрат для собственников ОКН, а также до 50% от произведенных затрат для владельцев выявленных объектов. С этой инициативой выступил уполномоченный по защите прав предпринимателей Нижегородской области после обсуждения с экспертами и предпринимателями – владельцами исторической недвижимости в регионе [8].

6. Закон Нижегородской области «Об особенностях развития экологического туризма и туризма в сельской местности в Нижегородской области» 209–З от 15 декабря 2022 г. [2].

В дни проведения Всероссийской научно-практической конференции «Усадебные комплексы России как центры культуры и хранители материальной и нематериальной культуры» в Нижнем Новгороде прошло первое заседание

клуба владельцев исторической недвижимости. Организация была создана для объединения усилий предпринимателей, занимающихся восстановлением объектов культурного наследия (ОКН), законодателей и институтов поддержки, так как разработанные меры пока массово не привлекают предпринимателей инвестировать в усадебный туризм, а известные инвестиции, например, в усадьбу Рукавишниковых-Приклонских были сделаны до принятия всех этих мер нормативно-правовых актов.

Основная проблема — это крайняя «зарегулированность» сферы сохранения и развития ОКН. Клуб владельцев исторической недвижимости намерен тиражировать успешные кейсы ревитализации ОКН и помогать бизнесменам преодолевать бюрократические процедуры – согласование предмета охраны, состава работ по реставрации и т.д. Всего в Нижегородской области насчитывается 3627 объектов культурного наследия. Большая часть из них находится в муниципальной собственности. У районов нет финансовых ресурсов, чтобы эти объекты содержать, поэтому без помощи бизнеса привести их в порядок невозможно. Для каждого из этих объектов предстоит найти новую функцию: гостевой дом, офисный объект, ресторан и пр. Предприниматели должны осознавать ответственность за те объекты, которые планируют купить и восстановить, а также понимать, какие этапы они должны пройти, на что они могут рассчитывать. Важно, чтобы нижегородские бизнесмены не боялись, а, наоборот, были заинтересованы вкладывать свои сбережения и средства в ОКН. Очевидно, что в данном вопросе не обойтись без поддержки публичных органов власти, консолидированных действий в триаде «Бизнес» – «Власть» – «Общество», и вопрос стоит несколько шире. Устойчивое вовлечения усадеб в современный экономический оборот требует совместной разработки нового типа программ, связанных с усадебным туризмом, которые опирались бы и на интересы коммерческих туристских фирм, и владельцев ОКН – инвесторов в туристическую инфраструктуру, и локальных сообществ, и через формирование вышеуказанных субкластеров способствовали бы повышению качества жизни на местах.

Специализированные туристские программы могут сделать наше культурное наследие более известным и доступным, а также могут способствовать привлечению внимания к проблеме использования и сохранения наших усадебных комплексов. Включение усадеб в туристский оборот несет в себе культурно-познавательное, воспитательное, развлекательное значение, а для территорий это становится одной из реальных возможностей улучшения социально-экономического положения его жителей [11, с.470].

Таким образом, развитие усадебного туризма является актуальной задачей как для локальных сообществ, представителей туристического бизнеса, инвесторов в ОКН, так и для государства, поскольку современному туристу важны ощущения и впечатления, которые он получит от посещения туристского объекта. Усадебный туризм может иметь разные акценты и направленности, в зависимости от особенностей территории (места). Усадебный туризм в широком смысле можно определить как вид туризма, предусматривающий посещение места, как правило, в сельской территории, в познавательных и

иных целях, который может включать в себя проведение событийных мероприятий, экскурсионную деятельность и т.д. Усадебный туризм, сохранение усадебного наследия, его ревитализация – одно из перспективных направлений развития Нижегородской области.

«Усадебный кластер» может быть использован для интенсификации использования сельского культурного наследия за счет активизации кооперации локальных творческих сообществ в контексте креативных индустрий, привлеченных инвесторов, мотивирующих мер поддержки и повышения человеческого и социального капиталов местных жителей, просветительских программ и грантового финансирования, закреплена в муниципальных долгосрочных локальных актах, например в мастер-плане территории и далее включена в межмуниципальные маршруты и программы реализации стратегии развития Нижегородской области.

Пример европейских стран показывает, что использование общего бренда в сфере сельского туризма, защита общих интересов владельцев исторической недвижимости и связанного с этим бизнеса – уже устоявшаяся практика [11, с. 473]. В России подобная практика усадебного туризма в сельской местности еще не стала общепринятой. Отрадно видеть, как процессы, происходящие сегодня в Нижегородской области, формируют такую практику для всей страны.

Литература:

1. Анисина Е.А. УСАДЕБНЫЙ ТУРИЗМ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЯЗАНСКОГО РЕГИОНА) стр. 8-15. XII Рязанские социологические чтения: ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: материалы Национальной научно-практической конференции; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, г. Рязань, 20-21 октября 2022 года / Отв. ред.: Р. Евг. Маркин. – М.: Издательство Ипполитова, 2022. – 498 с.: ил.
2. Закон Нижегородской области «Об особенностях развития экологического туризма и туризма в сельской местности в Нижегородской области» 209 –З от 15 декабря 2022 г.
3. Закон Нижегородской области от 27.11.2003 г. № 109-З «О налоге на имущество организаций».
4. Закон Нижегородской области № 192-З от 13.2.2005 г. «О регулировании земельных отношений в Нижегородской области» в редакции закона № 14-З от 03.03.2020 г.
5. Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р.
6. Крузе Ю.Л. КОЛЛЕКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ РАЗВИТИЯ В КРЕАТИВНЫХ КЛАСТЕРАХ: ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ . XII Рязанские социологические чтения: ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: материалы Национальной научно-практической конференции; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, г. Рязань, 20-21 октября 2022 года / Отв. ред.: Р. Евг. Маркин. – М.: Издательство Ипполитова, 2022. – с.156-166.
7. Крутов О.Д. 356-365 ПОДХОДЫ К СОХРАНЕНИЮ СЕЛЬСКИХ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД XII Рязанские социологические чтения: ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ: материалы Национальной научно-практической конференции; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, г. Рязань, 20-21 октября 2022 года / Отв. ред.: Р. Евг. Маркин. – М.: Издательство Ипполитова, 2022. – с. 356-365.
8. Постановление Правительства Нижегородской области от 09.06.2022 № 434.
9. Постановление Правительства Нижегородской области от 13.06.2019 г. № 358.

10. Постановление Правительства Нижегородской области от 04.05.2016 г. № 247.
11. Смирнова О.О., Маркова Д.А. Институциональные основы формирования культурного ландшафта сельской местности на примере стран ЕС // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5. С. 470–477.
12. Филимонова Г.В., Морохин Н.В., Кострова А.А. Ч.1: Усадьбы Нижегородской области: северный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с. Ч.2: Усадьбы Нижегородской области: южный маршрут – Н.Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с. Ч.3: Усадьбы Нижегородской области: восточный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с. Ч.4: Усадьбы Нижегородской области: западный маршрут – Н. Новгород: «Кварц», 2022. – 32 с.
13. <https://anoasiris.ru/>.

УДК 908(470.341)
ГРНТИ 03.81.99

ПРОЕКТ ВОССОЗДАНИЯ ФРАГМЕНТОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЫ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА БОЛЬШОЕ КОЗИНО НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ладыкова О.В.
библиотекарь МБУК «ЦБС г.Балахна» ф.24
Нижегородская обл.
E-mail: olgaladikova@mail.ru
Садовская М.В.
Клуб «День краеведа»
Нижегородская обл. пос.Большое Козино
E-mail: m_sadovskaya@mail.ru

Аннотация. В статье представлено описание основных направлений трудовой занятости населения поселка Большое Козино, это крестьянский труд и различные ремёсла, мелкая торговля, бурлачество, а также наемный труд на заводах и в портовых городах. Работа, связанная с ремонтом и строительством судов, давала возможность увидеть крупные города, познакомиться с культурой быта различных мест, что существенно влияло на формирование вкусов и предпочтений в создании бытовой культуры жителей волостного села Большое Козино. Сохранившиеся фотографии, вещи, инструменты жителей, собранные, в основном, участниками клуба «День краеведа», созданного в поселке около 10 лет назад, стали основой для создаваемой при библиотеке музейной экспозиции, включающей фрагменты усадьбы жителя села рубежа XIX-XX веков. Также рассматривается вопрос создания виртуальной части экспозиции, включающей сканированные изображения и фотографии документов и предметов, хранящихся в семьях большекозинцев, в частности корзин и других изделий, сплетенных из лозы.

Ключевые слова. Большое Козино, клуб «День краеведа», музейная экспозиция, виртуальная экспозиция, волостное село, Сормовский завод, крестьянская усадьба, крестьянское хозяйство, плетение из лозы, корзины.

THE PROJECT OF RECONSTRUCTING FRAGMENTS OF THE PEASANT MANOR HOUSE AT THE TURN OF THE 19th-20th CENTURIES OF THE INHABITANTS OF THE VILLAGE BOLSHOYE KOZINO, NIZHNY NOVGOROD REGION

O.V.Ladikova,

“Librarian of the Balakhna Central Library, Branch No. 24,

Nizhny Novgorod Region

E-mail: olgaladikova@mail.ru

M.V.Sadovskaya,

“Local Historian Day” Club, Bolshoe Kozino,

Nizhny Novgorod Region

E-mail: m_sadovskaya@mail.ru

Abstract. *The paper presents a description of the main directions of labor employment of the population of the settlement of Bolshoye Kozino, these are peasant labor and various crafts, small trade, burlach, as well as hired labor in factories and port cities. Work related to ship repair and construction gave an opportunity to see large cities, to get acquainted with the culture of everyday life of different places, which significantly influenced the formation of tastes and preferences in the creation of everyday culture of the inhabitants of the volost village of Bolshoye Kozino. The preserved photos, things, tools of the inhabitants, collected mainly by the participants of the “Local Historian Day” Club, created in the village about 10 years ago, became the basis for the museum exposition being created at the library, which includes fragments of the manor house of the villagers of the turn of the 19th - 20th centuries. Also under consideration is the creation of a virtual part of the exposition, including scanned images and photographs of documents and items kept in the families of Bolshoye Kozino residents, in particular, baskets and other items woven from vines.*

Keywords. *Bolshoye Kozino, “Local Historian Day” Club, museum exposition, virtual exposition, volost village, Sormovsky Zavod, peasant farmstead, peasant household, vine weaving, baskets.*

Поселок Большое Козино расположен на границе Нижнего Новгорода и Балахнинского района. В поселке живет около семи тысяч жителей и еще примерно три тысячи домовладельцев, живущих в основном в поселке, но прописанных в Нижнем Новгороде и других населенных пунктах.

До строительства в 1849 г. Сормовского завода многие жители занимались плотницким ремеслом и, в том числе, строили расшивы, которые в весеннее половодье отгонялись на Волгу. Это способствовало также развитию кузнечного дела, поскольку для строительства судов требовались гвозди. В Большом Козине до сих пор две улицы носят название Кузнечных: Большая Кузнечная и Малая Кузнечная.

Почти сто лет назад через поселок прошла железная дорога из Нижнего Новгорода в Балахну.

До этого дорога из Балахны в Нижний, проходившая через волостное село Большое Козино, была частью Костромского тракта, что давало возможность заработать определенной части жителей села. Сегодняшний Дом культуры «Возрождение» расположен в бывшем кабаке, который был построен около ста семидесяти лет назад в непосредственной близости от тракта, приблизительно двести метров отделяет его от горевшего не единожды и несколько перестроенного двухэтажного здания трактира. Далее по дороге располагались несколько лавок, колодцев – все это давало возможность заработка жителям поселка.

Именно на землях Козинской волости в деревне Соромово в 1849 году был построен завод, который стал местом работы для большинства мужчин, живущих в соседних деревнях и селах, в том числе жителей нашего поселка. Возможно, поэтому в середине девятнадцатого века в поселке появилась школа, в первые годы двадцатого было построено двухэтажное деревянное здание школы по проекту Павла Петровича Малиновского. Козинцы отличались не только трудолюбием, аккуратностью, мастерством, но и грамотностью, поэтому привлекались не только к различной работе на заводе, но и для ремонта и строительства судов, мостов и т.д. и в других городах России. Молодые мужчины, уроженцы поселка, для того, чтобы быстрее заработать «на женитьбу» или на строительство дома нередко, несколько сезонов «ходили бурлаками». Хорошие заработки давали возможность строить добротные деревянные дома. Во второй половине девятнадцатого века в деревне Костенево Козинской волости появились «кирпичные сараи» – небольшой завод по изготовлению красного кирпича, который зажиточные хозяева стали использовать для строительства домов в Козино, Ляхове, Костенево, Копосове, Соромове и т. д.

По воспоминаниям старожилов, до 1930-х гг. многие козинцы, в том числе и рабочие Сормовского завода, были судовладельцами – их баржи перевозили различные грузы по Волге.

Большекозинцев всегда отличало трудолюбие; несмотря на огромную загруженность, совместными усилиями они поддерживали в хорошем состоянии очень большой пруд, дорогу из Костенева в Козино, посадили парк и т.д.

Сегодня в поселке сохранилось несколько домов, которым сто и более лет. В этих домах жило по несколько семей близких родственников, чаще всего семья родителей и дети со своими семьями.

Сохранить историю поселка и его культурное наследие, предметы быта наших земляков стало основной задачей музейной экспозиции истории поселка, созданной несколько лет назад при поселковой библиотеке. История поселка насчитывает почти пять столетий. В этом поселке (до 1932 г. – село) родились, выросли и окончили школу немало замечательных людей. Среди них те, кого мы знаем, и те, кто родился в конце девятнадцатого века, на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Это Рязанов Василий Георгиевич, Скосырев Александр Матвеевич, Грачев Степан Семенович, Мысов Александр Иванович, Рязанов Николай Михайлович, Баранов Константин Яковлевич и другие.

Мы считаем, что часть существующей музейной экспозиции должна «работать» на создание представления о том, в каких условиях выросли и жили эти люди, какие вещи их окружали, каким образом, какими предметами украшались дома и дворы.

Как нам кажется, в создании домашнего уюта в козинских домах есть некоторое своеобразие. Комната, в которой семья собиралась по праздникам, где принимали гостей, называлась в Козине «передняя». Название для такой комнаты «зал» появилось в шестидесятые годы двадцатого века, в то время, когда Большое Козино активно заселялось новыми жителями, приехавшими из деревень и устроившимися работать на заводы г. Горького. В передних уже в самом начале двадцатого века у многих были красивые шкафы, комоды, зеркала, круглые раздвижные столы, венские стулья. В шкафах стояла привезенная из Москвы или Петербурга посуда, в том числе кузнецовский фарфор, на стене висели часы. Хорошие заработки квалифицированных рабочих, работавших без устали и на заводах, и дома, и в огородах, и в полях, позволяли иметь такую «роскошь». Каждая семья вела крестьянское хозяйство. Это включало содержание скотины, сенокосы, наделы земли с овощами для себя и скотины, заготовку леса для отопления зимой и многое другое. Семьи трудились много, вещи берегли, но, по воспоминаниям старожилов, «щегольнуть» любили.

В музейную экспозицию мы собираем подлинные вещи из козинских семей, от многих узнаем, чьи это вещи, чем занимались их хозяева, какова их судьба.

Кроме того, в семьях большекозинцев сохранилось немало фотографий, сделанных в конце девятнадцатого, начале двадцатого веков, некоторые были переданы нам, т.к. те, у кого они сейчас оказались, не знают ничего о людях, запечатленных на фото.

Кроме тех предметов быта и убранства крестьянской усадьбы, которые удалось получить для музейной экспозиции, существуют предметы, которые по-прежнему хранятся в домах и семьях. Их владельцы готовы показать их, иногда могут что-то о них рассказать, но не собираются с ними расставаться, а бережно передают из поколения в поколение. Иногда есть только фотографии дома, домашней обстановки. Поэтому встал вопрос о создании виртуальной части экспозиции, где будут представлены фотографии и сканированные изображения.

Среди этих виртуальных экспонатов, например, сканированные документы из семейного архива одной из жительниц нашего поселка, которая попросила не называть ее имени. Здесь мы можем увидеть книжку кредитного общества, листовку со схемой и расписанием движения пароходов в Нижнем Новгороде, письма, записную книжку, выкройки, квитанцию из магазина на улице Рождественской, в которой заказчицу называют «госпожа Грачева», хотя, как мы знаем, практически все жители села Большое Козино по происхождению были крестьяне.

Также к виртуальным экспонатам можно отнести сохранившиеся фотографии домов, домашней обстановки, а также современные фотографии предметов быта, которые стали семейными реликвиями.

Как уже было сказано, жители нашего поселка были великими тружениками. Именно своим трудом они создавали свое благосостояние, признаками которого можно считать перечисленные выше предметы «роскоши». Но наряду с ними есть в музее и утварь, и инструменты, необходимые для ведения хозяйства. Среди виртуальных экспонатов также есть фотографии утвари, использовавшейся в крестьянском хозяйстве веками, вплоть до наших дней. Безусловно, важным и нужным предметом домашнего хозяйства были плетеные корзины. Вряд ли какая-то крестьянская усадьба обходилась без них. Хотя предметы, представленные на фотографиях, сделаны позже, чем в заявленный нами период, технология их изготовления и сфера применения мало изменились.

Плетение корзин в нашем поселке, как мы выяснили, было и самостоятельным ремеслом, и вспомогательным занятием для рабочих Сормовского завода. Самостоятельным ремеслом оно было, в основном, для жителей, переселившихся к нам с другого берега Волги. Связь нашего поселка с лесным Заволжьем очень крепкая, немало жителей с левого берега перебрались к нам на правый, принеся с собой знания и умения. Многие ремесла и промыслы были общими на том и на другом берегу Волги, в том числе – плетение из лозы.

В процессе исследования мы пообщались с детьми и внуками мастеров, изготавливавших корзины, санки и другие изделия, а также с самими мастерами, занимавшимися и занимающимися этим ремеслом. О.Ю. Пономарева рассказала о своей бабушке А.П. Рыбаковой, Е.Н. Новикова – о дедушке В.И. Слепышеве, А.Ю. Хвостов – о дедушке Л.Г. Баранове, В.Ю. Кармазинская об отце Ю.А. Кармазинском и дяде В.И. Баландине, С.Ю. Садовский сам до недавнего времени занимался плетением из лозы, а А.Н. Сатиков продолжает этим заниматься и по сей день.

Плетение из лозы – процесс трудоемкий, длительный, требующий определенных навыков и оборудования. Этот процесс включает заготовку лозы ивняка (у нас сырье называют «дубцы», «тал», «тальник»), ее подготовку (которая может включать ошкуривание, запаривание, замачивание), собственно плетение. Осенью мужчины выезжали на Волгу и на лодке добирались до Золотой косы, где заготавливали тал, очищали его от листьев и связывали в тяжёлые пучки. Затем на лодке же перевозили пучки на наш берег. Для получения белого прута его сразу очищали от коры, но основную массу прута запаривали кипятком и только после этого очищали от коры. В результате получали бежево-коричневый оттенок. Очищенный прут сушили и переносили в сухое место на хранение.

Кроме того, заросли ивняка по берегу Волги были условно разделены на участки между плетельщиками, и «хозяева» этих участков

осенью вырубали и зачищали участки, чтобы на следующий год там вырастали ровные прутья ивняка пригодные для плетения. Заготовленную лозу, как правило, связанную в пучки, нужно было доставить до дома. Сырая лоза довольно тяжелая, и для транспортировки заготовленных пучков использовали велосипеды, а позже – мотоблоки. Лозу для плетения вымачивали, проверяли на излом. Для вымачивания использовались большие чугуны, позднее – металлические бачки большого объема. Эти работы проводились, как правило, в бане. Для плетения у каждого плетельщика были специальные «станки» – небольшие столики с отверстиями, в которые вставлялись прутья основы. Таких станков у мастера могло быть несколько для изделий разных размеров и формы. Плетение из лозы требует достаточно большой физической силы рук для того, чтобы загнуть прут и плотно укладывать его ряд за рядом. От такой работы кожа на руках грубеет, покрывается мозолями и окрашивается в темный цвет.

Готовые корзины использовались в собственном хозяйстве и шли на продажу. Применялись для сбора и транспортировки урожая овощей, фруктов, ягод, грибов. В корзинах большого размера носили сено с сеницы или из стога, стоящего рядом с домом, в хлев корове, листья из леса на подстилку животным, и в этом случае две таких корзины несли на коромысле. В корзинах, как правило, из белого прута, носили полоскать на речку выстиранное белье. Кроме корзин, плели санки и другие изделия. Напротив нашего поселка на другом берегу Волги находится деревня Подолец, где в колхозе была артель, занимавшаяся плетением, и выходцы из этой деревни, переехавшие в наш поселок, умели плести мебель, например, кресла, а также другие предметы, необходимые в колхозном и домашнем хозяйстве. Со временем в ассортимент товаров добавились и новые формы корзин, в том числе декоративные, а также новые изделия, например, лежанки для кошек. Известно также, что козинские мастера В.И. Слепышев и Л.Г. Баранов выполнили из лозы защитные стенки противопожарных водоемов.

Мы надеемся, что коллекция фотографий мастеров и изделий лозоплетения в нашей музейной экспозиции будет пополняться. Изделия из лозы были неотъемлемым атрибутом крестьянской усадьбы в нашем селе как на рубеже XIX-XX вв., так и в более позднее время, вплоть до настоящего, а лозоплетение – ремеслом, дающим основной или дополнительный доход многим жителям. Это еще раз говорит об их трудолюбии, высокой социальной ответственности.

Создание фрагмента крестьянской усадьбы, включающего виртуальную составляющую, позволит юным жителям поселка увидеть предметы быта (размер, форму, объем, вес), представить, как жили люди раньше, какими предметами, инструментами, вещами пользовались их прабабушки и прадедушки, понять какой была ежедневная жизнь человека. А это позволит лучше понимать и литературные произведения, и произведения искусства, и исторические события.

ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТЫХ КУПЦОВ: ОЗНАКОМЛЕНИЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СО СТАРИННЫМИ ДОМАМИ-УСАДЬБАМИ В РОДНОМ ГОРОДЕ

Ломтева Е.А.
Муниципальное бюджетное дошкольное
образовательное учреждение
«Детский сад №23»
г. Заволжье Нижегородской области
E-mail: elenaalekseevna23@yandex.ru

Аннотация. В статье рассказывается о формировании отношения к стране и государству. Одна из главных задач дошкольных образовательных учреждений – патриотическое воспитание. Краеведение лучше других отраслей знания способствует воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания. Что же это такое? Это – совокупность знаний об истории, экономике, культуре родного края.

Ключевые слова. Сохранение культурного наследия, детский сад, ДОУ, старинные дома, усадьбы, родной край, традиционные ценности, культурное наследие.

THE HISTORY OF FAMOUS MERCHANTS: FAMILIARIZATION OF OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH OLD MANOR HOUSES IN THEIR HOMETOWN

E.A. Lomteva
Head of MBDOU "Kindergarten No. 23",
the Trans-Volga Region of the Nizhny Novgorod Region
E-mail: elenaalekseevna23@yandex.ru

Abstract. The formation of an attitude towards the country and the state begins from childhood. Therefore, one of the main tasks of preschool educational institutions is patriotic education. Local history is better than other branches of knowledge contributes to the education of patriotism, love for the native land, the formation of public consciousness. What is it? Local history is a set of knowledge about the history, economy, nature, everyday life, culture of a particular region.

Keywords. Preservation of cultural heritage. Kindergarten. DOW. Old houses. Estates. Native land. Traditional values. Cultural heritage.

Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» направлен на укрепление воспитательной составляющей системы образования, будет способствовать всестороннему духовному, нравственному и интеллектуальному развитию

детей. Одной из целей нацпроекта «Образование» является «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций». Формирование отношения к стране и государству начинается с детства. Поэтому одной из главных задач дошкольных образовательных учреждений является патриотическое воспитание. Краеведение лучше других отраслей знания способствует воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания. Что же это такое? Краеведение – это совокупность знаний об истории, экономике, природе, быту, культуре того или иного края. Это – наследство, оставленное нам предками. Это – живая легенда и бабушкины рассказы, обычаи родного края и богатства недр, полей, лесов, трудовые достижения и ратные свершения отцов и дедов. Это – то самое наследство, которое мы должны не только использовать по его назначению в жизни, но и беречь, развивая и распространяя среди потомков.

В своей педагогической деятельности, работая 15 лет по духовно-нравственному направлению, мы видим смысл воспитания в том, чтобы дети сумели установить собственные отношения с людьми, историей, культурой, а повзрослев, смогли принять на себя ответственность за свои поступки, то есть могли действовать согласно своей совести и внести свою лепту в пополнение нашего наследия.

Начиная работу по краеведению, мы поставили первостепенными следующие задачи: формирование представления о Родине как месте, где человек родился и где он живет; воспитание чувства привязанности к своей малой родине, воспитание потребности узнавать о культурных ценностях родного края, беречь и охранять их; воспитание уважения к людям труда, знаменитым землякам. Однако стало очевидным, что система работы в этом направлении развития детей требует организации особых условий, создания обстановки, которая средствами образности и наглядности обеспечивала бы детям особые ощущения. Поэтому пришли к выводу о разработке цикла мероприятий по ознакомлению с двумя старинными домами-усадьбами, которые есть у нас в городе. Эти два каменных двухэтажных дома купцов Лапшиных, чудом сохранившихся на улице Рылеева, могут свидетельствовать о богатстве деревни, в которой они построены. В своей работе мы разработали цикл занятий по ознакомлению с домами-усадьбами. Первой была Встреча-сказка – это собственно проведение виртуальной экскурсии по ознакомлению со старинными домами. Дети познакомились с их внешним видом: основательные и богатые строения, у одного низ – каменный, верх – деревянный, другой – полностью каменный. Задача педагога – помочь детям справиться со своими ролями, «дирижирование» экскурсией. Ход экскурсии направляется слайдами презентации и отражает результат того, как происходил процесс познания. Например, «мы увидели...», «мы узнали...». Таким образом, постепенно создается целостное представление о ранее разрозненных объектах изучения (например, это были встречи-экскурсии «Близкие улицы»). На следующем этапе – это, собственно, сама экскурсия к знаменитым домам. Это очень интересно. Те дома, которые сохранились до сегодняшнего дня, построены в 18-19 веках.

Много знаний, впечатлений и эмоций дети получили от встречи с потомком старинных купцов Лапшиных из этих старинных домов. Это была Ольга Всеволодовна, урожденная Лапшина (в замужестве Новожилова). На встрече с потомком известных купцов «Путешествие в прошлое» дети познакомились с Ольгой Всеволодовной. Вначале дети прочли стихотворение «Я живу на Волге-реке», исполнили песню-инсценировку «Рыбка-окунечек», что создало соответствующую атмосферу. Встреча происходила в окружении старинных вещей того времени – самовар, керосиновая лампа, глиняная и деревянная посуда, домотканые скатерти и салфетки, рушники, скамьи и дощатый стол, старинные книги. Дети узнали ответы на вопросы, которые подготовили заранее: почему семья Лапшиных поселилась на правом берегу реки; какие памятные вещи остались в Вашей семье; сколько детей было у Лапшиных; как воспитывали детей купцы; где учились дети; сколько домов было в Пестове у Лапшиных; почему осталось только два дома; какие блюда были любимыми в семье; какие сласти, игрушки были в семье; как поживает дом Ваших предков сейчас; Вы хотели бы в нем жить? Дети узнали, что эти дома принадлежали купцам Лапшиным. Такие же дома иногда строили просто богатые горожане или ремесленники. Всегда жилые помещения для хозяйской семьи располагались на верхнем деревянном этаже. Снизу в каменных стенах у купцов были лавки и склады, у ремесленников – производственные помещения, а у обычных горожан жила прислуга, располагались кладовые, кухня, а также гостевые комнаты. Купечество – одно из сословий Российского государства. Случайный человек не мог стать представителем определенного сословия. У купцов были свои правила, а также обязанности, особенности и права. Очень любили купцы со своей семьей пить чай около огромного медного начищенного самовара. Отличительной чертой купечества была набожность. Церковь была обязательной для посещения. Бережливость в быту – одна из отличительных черт в жизни купцов. Было вполне нормальным, когда младшие члены семьи донашивали одежду за старшими. Такая бережливость была во всем – и в содержании дома, и в скромности стола. На стенах парадных комнат висели портреты хозяев и их предков, а в нарядных горках глаз радовала красивая посуда. Узнали дошкольники и о том, что близ деревни Пестово, расположившейся недалеко от берегов Волги, местность была всегда богата густыми лесами, нескончаемым зеленым травянистым ковром, покрывающим опушки и поляны, и разнообразием животного мира. И еще – главным достоянием Волги была рыба! Волга была настолько богата ею, что сама российская Императрица, путешествуя по реке в 1767 году, была восхищена богатством Поволжья. И еще: река – это суда, которые по ней ходят, и их строительство оказалось нужным, полезным и доходным делом. Вот так трудолюбие, настойчивость, упорство и честность помогли простым людям стать купцами, открыть нужное и доходное дело. Конечно же, деревни на берегу Волги были просто на вес золота. Даже не имеющий работы бедняк мог прокормиться на берегах Волги. Может, оттого и зовут ее – матушкой...

Теперь мы точно знаем, что эти «деревушки» древнему Городцу ни в чём не уступали. Более того, эти деревушки, расположенные у реки, были буквально

на вес золота. Вот так и возникло начало нашего города. Давно, еще в 17 веке. Закончилась встреча с Ольгой Всеволодовной старинным чаепитием с баранками, плюшками и пирогами. Незабываемым стало впечатление от этого путешествия в прошлое. Завершение встречи-экскурсии со знаменитыми домами – это получение детьми внешней оценки, проведенной и обеспечивающей усиление эмоционального отклика. Внешней стала оценка детей другой группы, взрослых, работающих в детском саду, родителей воспитанников. Структура наших встреч включает в себя этап закрепления пройденного материала – это основная форма совместной деятельности воспитателя и детей, предоставляющая детям возможность увидеть объекты культурного наследия нашего города, узнать о них, проникнуться отношением к ним и выразить его в творческой деятельности — рисовании, речевом творчестве и др. Только, конечно, очень жаль, что эти два старинных дома скоро уйдут в прошлое, т.к. сейчас они находятся в частной собственности людей, далеких от купечества и того времени, которым дома дышат. У домов появилось современное использование, которое влечет за собой изменение фасада, внутренней обстановки, внешнего вида. Хотя и сейчас дома не теряют былого величия.

Свою работу мы считаем очень важной: это приобщение ребенка к культурным и духовным ценностям, краеведческое образование, воспитание у ребенка любви к своему городу; развитие нравственных качеств личности. Таким образом, использование культурно-нравственных традиций в дошкольном учреждении позволяет воспитывать у детей дошкольного возраста любовь к родному городу, Родине, дети учатся познавать культурное наследие.

Литература:

1. Бабаева Т.И., Киреева О.В. Исследовательская активность дошкольника в образовательном пространстве дошкольного образовательного учреждения М., 2018. 368 с.
2. Белая К.Ю. Методическая работа в дошкольном учреждении. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М., 1990.
3. Борчанинова К.В. Педагогические основы развития у старших дошкольников интереса к архитектуре родного города. М. 2009. С. 245.
4. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. Проектная деятельность дошкольников. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. М. 2016, 247 с.
5. Вербенец А.М. Маршрутные листы и детские путеводители как средство развития интереса к посещению музея у старших дошкольников. М., 1994, С.56.
6. Ильина Л.Ю. Окружающий мир и формирование целостного представления о мире у дошкольников. М. 2003. С.42.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	
Андреева Инна Георгиевна	заведующая Музеем-квартирой А.Н. Толстого Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва)
Багровников Николай Адрианович	д.филос.н., доцент кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации НГЛУ имени Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Брагова Арина Михайловна	к.и.н., доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Гвоздева Инна Андреевна	к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Горева Валентина Васильевна	заведующая отделом Государственного литературно-мемориального Музея Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Грачева Мария Петровна	ученый секретарь ГБУК НО НГИАМЗ (Н.Новгород)
Григорьева Светлана Валерьевна	к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Н.Новгород)
Гусева Анастасия Сергеевна	студент 4 курса ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Н.Новгород)
Дмитриевская Галина Алексеевна	заместитель директора Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Дьяконов Алексей Владимирович	к.богословия, проректор по учебной работе Нижегородской духовной семинарии (Н. Новгород)
Дюжаков Александр Михайлович	официальный представитель Международного Демидовского фонда в Нижегородской области, краевед, заслуженный учитель РФ (Нижегородская обл., Воротынец)
Квач Наталья Викторовна	к.п.н., член СХ РФ, искусствовед, художник (Н. Новгород)
Конотоп Андрей Борисович	к.и.н., независимый исследователь (Москва)
Крузе Юлия Львовна	к.ю.н., доцент кафедры культурологии ННГАСУ (Н.Новгород)
Кузнецова Светлана Вячеславовна	учитель русского языка и литературы,

	руководитель филиала музея имени Юрия Адрианова МБОУ «Лицей №8 имени академика Е.К. Федорова» (Н.Новгород)
Ладыкова Ольга Вениаминовна	к.психол.н., доцент; библиотекарь МБУК «ЦБС» Балахнинского МО, ф.24 Большекозинская библиотека (Нижегородская область)
Ломтева Елена Алексеевна	заведующий МБДОУ «Детский сад №23» (Нижегородская обл., г. Заволжье)
Лысенко Юлия Васильевна	заведующий сектором истории края ГБУК НО НГИАМЗ (Н.Новгород)
Мазикова Наталья Юрьевна	к.ф.н., ст. преподаватель кафедры рекламы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Малышев Алексей Владимирович	независимый исследователь (Нижегородская область, г.о.г. Кулебаки)
Мельник Ирина Викторовна	старший научный сотрудник отдела истории ГБУК НО НГИАМЗ (Н.Новгород)
Момзина Екатерина Александровна	студент НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Н.Новгород)
Морозова Софья Сергеевна	к.иск., доцент кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства РГГУ (Москва)
Моторная Лариса Ивановна	с.н.с. Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова (Н.Новгород)
Никишин Владимир Олегович	к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Нифагина Наталья Николаевна	к.ф.н., специалист по связям с общественностью Брянского государственного инженерно-технического университета (Брянск)
Ночвина Белла Анатольевна	к.и.н., доцент кафедры истории и мировой политики НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Н.Новгород)
Пакшина Наталья Алексеевна	к.т.н., доцент каф. ПМ АПИ (филиала) НГТУ им. Р.Е. Алексеева (Арзамас)
Полетаева Наталья Сергеевна	магистрант ННГУ (Н. Новгород)
Починяева Ольга Анатольевна	к.ф.н., доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара)
Рыжова Татьяна Сергеевна	к.филос.н., профессор кафедры ЮНЕСКО ННГАСУ (Н. Новгород)

Рязанова Светлана Валерьевна	преподаватель Нижегородского художественного училища (колледжа), член СХ РФ (Н. Новгород)
Савина Наталья Валерьевна	преподаватель ННГАСУ (Н. Новгород)
Садовская Маргарита Вениаминовна	переводчик, член клуба «День краеведа», пос. Большое Козино (Нижегородская область)
Сенюткина Ольга Николаевна	д.и.н., профессор кафедры философии, истории и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Сивкина Наталья Юрьевна	д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник НОЦ «Славяно-греко-латинский кабинет» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Скиба Юлия Александровна	аспирант ЛГУ имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург)
Татарина Татьяна Леонидовна	к.иск., профессор Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки (Н. Новгород)
Трофимова Мария Викторовна	студент Литературного института им. А.М. Горького (Москва)
Унжаков Александр Васильевич	к.и.н., доцент кафедры английской филологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Цой Анастасия Сергеевна	магистрант ННГАСУ (Н. Новгород)
Цыганова Наталья Михайловна	Директор Государственного литературно-мемориального Музея Н.А. Добролюбова (Н. Новгород)
Чугунов Николай Владимирович	историк, независимый исследователь (Н. Новгород)

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ XLVIII ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ И НАСЛЕДИЕ ДОБРОЛЮБОВА И ЕГО ОКРУЖЕНИЯ В РЕЦЕПЦИИ ЕГО СОВРЕМЕННОК И ПОТОМКОВ

<i>Дмитриевская Г.А.</i> Проект «Уроки нравственности, уроки патриотизма: Николай Добролюбов – наставник и педагог»	4
<i>Конотоп А.Б.</i> К вопросу о «космополитичном» патриотизме Н.А. Добролюбова.....	8
<i>Моторная Л.И.</i> Сочинения Добролюбова в переводах на иностранные языки.....	18
<i>Дмитриевская Г.А.</i> Николай Добролюбов – лидер и наставник.....	22
<i>Трофимова М.В.</i> «Мы не знаем лично...»: стилевые особенности пародий Н.А. Добролюбова.....	31
<i>Мазикова Н.Ю.</i> Вера, надежда и любовь: христианская мораль в романе И.А. Гончарова «Обрыв».....	37
<i>Скиба Ю.А.</i> Природа и религия в воспитательном воздействии на героя автобиографической прозы С.Т. Аксакова.	42
<i>Татаринова Т.Л.</i> Записи народных песен из неизданной тетради А.А. Нестерова.....	50

А.С. ПУШКИН И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ДЕЙТЕЛЬНОСТИ

<i>Горева В.В., Дмитриевская Г.А., Цыганова Н.М.</i> Музей Добролюбова – Пушкину: приношение на десятилетия.....	58
<i>Сенюткина О.Н.</i> Александр Сергеевич Пушкин и духовно-нравственные основы российской поликонфессиональной культуры.....	62
<i>Андреева И.Г.</i> «Странные сближения». А.С. Пушкин и А.Н. Толстой. (Биографические, поведенческие и творческие параллели).....	66
<i>Квач Н.В.</i> Содержательно-смысловые ключи в иллюстрациях к сказкам А.С. Пушкина.....	78
<i>Малышев А.В.</i> А.С. Пушкин в фольклоре российских цыган: к истории одной цыганской легенды.....	88
<i>Кузнецова С.В.</i> «Пушкинская болезнь» нижегородского поэта Юрия Андреевича Адрианова.....	90
<i>Ломтева Е.А.</i> Ознакомление с творчеством А.С. Пушкина как основа духовно-нравственного воспитания детей дошкольного возраста.....	95

Починяева О.А. Сравнительно-сопоставительный анализ употребления конструкций с разделительными союзами в поэзии и прозе Пушкина....100

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ И ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСКУССТВОВЕДЕНИИ

Морозова С.С. Скульптурный цикл русского классицизма. Контрапункт греческой и римской античной традиций.....108

Чугунов Н.В. «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь...». Пушкинские образы в произведениях художника-костореза Парфёна Черниковича.....114

Рязанова С.В. Роль светозвукового контрапункта в темпо-ритмической организации художественного произведения.....122

Грачева М.П. Коллекция глиняной посуды мастеров деревни Смиркино XIX-XX вв.: история формирования и культурное значение.....127

ОСОБЕННОСТИ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рыжова Т.С., Цой А.С. Формирование системы достопримечательных мест, связанных с именем А.С. Пушкина, в Большеболдинском районе Нижегородской области.....137

Крузе Ю.Л. Нижегородский вклад в «Металлический пояс России».....141

Пакшина Н.А. Неожиданные находки.....149

Григорьева С.В. Мемуары А.Я. Левина как исторический источник по истории Горьковского (Нижегородского) государственного университета имени Н.И. Лобачевского.....153

Лысенко Ю.В. Новые источники в исследовании генеалогического древа нижегородского купеческого рода Рукавишниковых.....161

Мельник И.В. Дорогами памяти: обзор документов и предметов из коллекции НГИАМЗ к 80-летию полного освобождения Ленинграда от блокады.....169

Ладыкова О.В. Организованные групповые прогулки как возможность изучения истории поселка.....176

Садовская М.В. Литературное краеведение как одно из направлений деятельности клуба «День краеведа».....180

ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Брагова А.М. Цицерон о красоте (на примере понятия *venustas*).....191

Гвоздева И.А., Никишин В.О. Танец Саломеи: к вопросу о семейных отношениях в древней Иудее.....198

Сивкина Н.Ю., Гусева А.С. Правление Селевка I: становление исторического мифа.....207

Унжаков А.В. Дивинация в Древней Греции.....212

Ночвина Б.А., Момзина Е.А. Механизм реализации современной публичной дипломатии на примере КНР.....217

Багровников Н.А. Завтрак у императора, или как это все было на самом деле. Опыт исторической реконструкции.....222

**МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«УСАДЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ
И ХРАНИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»**

<i>Дьяконов А.В.</i> Крестьяне-одиндворцы как особый тип русской крестьянской усадебной культуры. На примере хутора Кутепова Тульской губернии.....	227
<i>Нифагина Н.Н.</i> Малая родина великих людей (усадьба К.Г. Разумовского, 1765-1780 гг.; г. Почеп, Брянская обл.).....	234
<i>Рязанова С.В.</i> Значение усадьбы Абрамцево в творчестве М.А. Врубеля....	239
<i>Рыжова Т.С., Цой А.С.</i> Роль письменных источников при воссоздании образа утраченных усадебных комплексов пушкинской поры.....	244
<i>Татаринова Т.Л.</i> Народные песни в развитии музыки русских усадеб.....	248
<i>Моторная Л.И.</i> «Фактическая занимательность огромная...». Мир народной культуры русской усадьбы и русского дома.....	256
<i>Савина Н.В.</i> Архитектурно-стилевое разнообразие нижегородских усадеб.....	262
<i>Дюжаков А.М.</i> Усадьбы Демидовых в Воротынском округе (по воспоминаниям Ольги Платоновны и Александры Валерьевны Демидовых).....	273
<i>Пакшина Н.А.</i> Музыка в усадьбах нижегородских Демидовых.....	280
<i>Дюжаков А.М.</i> Поэма В.П. Веселовского «Дедушка» как «энциклопедия» жизни села Быковка в середине XIX века.....	285
<i>Крузе Ю.Л.</i> Актуальные проекты капитализации материального и нематериального наследия усадеб в Нижегородской области.....	294
<i>Ладыкова О.В., Садовская М.В.</i> Проект воссоздания фрагментов крестьянской усадьбы жителей поселка Большое Козино Нижегородской области рубежа XIX-XX веков.....	302
<i>Ломтева Е.А.</i> История знаменитых купцов: ознакомление детей старшего дошкольного возраста со старинными домами-усадьбами в родном городе Заволжье.....	308
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ.....	312

Научное издание

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ЛИРОЙ ПРОБУЖДАЛ...

*Сборник докладов
Международных научных конференций*

**«УСАДЕБНЫЕ КОМПЛЕКСЫ РОССИИ
КАК ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРЫ
И ХРАНИТЕЛИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»**

и

«XLVIII ДОБРОЛЮБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Подписано в печать 03.06.24. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 18,48. Тираж 200 экз. Заказ № 1475.

Издание и печать «Издательский салон» ИП Гладкова О.В.
603022, Нижний Новгород, Окский съезд, 2, оф. 39
тел./факс: (831) 439-45-11; тел.+7 915-945-45-11